

АНАТОМИЯ АРМИИ

СЕРГЕЙ
ВОЙТИКОВ

СЕРГЕЙ
ВОЙТИКОВ

ВЫСШИЕ
КАДРЫ
КРАСНОЙ
АРМИИ

ВЫСШИЕ
КАДРЫ
КРАСНОЙ
АРМИИ

1917-1921 гг.

АНАТОМИЯ

АРМИИ

a

**СЕРГЕЙ
Войтиков**

**ВЫСШИЕ
КАДРЫ
КРАСНОЙ
АРМИИ**

1917–1921 гг.

**ЭКСМО
алгоритм
МОСКВА
2010**

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
В 61

Оформление *Б. Протопопова*

Войтиков С. С.

В 61 Высшие кадры Красной Армии. 1917–1921 гг. / Сергей Войтиков. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2010. — 480 с. — (Анатомия армии).

ISBN 978-5-699-45444-0

Что собой представлял «триумвират наркомов», якобы выбранных II Всероссийским съездом Советов? Как велась тайная война с Германией после подписания Брестского мира? Действительно ли левые эсеры были полусумасшедшими «революционными романтиками», стоявшими на позициях «священной войны» без регулярной армии? Как Красная Армия стала мощнейшим политическим институтом? Каков коллективный портрет «кадров Троцкого»? Как военная контрразведка стояла на страже Красной Армии? Что представляла собой обратная сторона советского военного строительства?.. На эти и многие другие острые вопросы отвечает в своей книге историк Сергей Войтиков. Автор анализирует тот период Гражданской войны, когда управление Красной Армией проходило путь становления — от создания Комитета по делам военным и морским до масштабной реорганизации центрального аппарата управления РККА, начавшейся в феврале 1921 года.

Основана книга на многих неизвестных документах, в большинстве ранее не привлекавшихся к исследованию, впервые выявленных более чем в 40 фондах четырех архивов: трех федеральных и одного регионального.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)**

© Войтиков С. С., 2010
© ООО «Алгоритм-Издат», 2010
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-45444-0

ВВЕДЕНИЕ

Всем известна фраза «кадры решают все». Приход ее автора к власти представляется многим историей гениального бюрократа, который победил в 1923—1926 годах своих оппонентов, опираясь на расстановленные им партийные кадры. Учитель Иосифа Сталина — основатель и признанный лидер большевистской партии Владимир Ленин — в своем политическом завещании пророчил: «Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Однако мало кто обращает внимание на то, что в «чрезмерном увлечении чисто административной стороной дела» Ленин обвинял совсем другого лидера партии — Льва Троцкого¹. И это не случайно: его военно-организационная деятельность до сих пор изучена крайне недостаточно.

Сам Троцкий со свойственным ему отсутствием скромности писал впоследствии в своих воспоминаниях, что в годы Гражданской войны в его руках сосредоточилась практически «беспредельная» власть. Насколько объективно было такое заявление? На этот вопрос можно ответить, лишь исследовав вопрос о высшем руководстве Красной Армии в 1917—1921 годах.

Литература по теме исследования условно делится на четыре группы трудов: о Льве Троцком как главе военного ведомства; о высших военных коллегиях Советской России; о военных специалистах на службе революции; об аппарате управления РККА в годы Гражданской войны.

¹ Ленин В.И. Избр. произв. в 4 т. Т. 4. 2-е изд. М., 1988. С. 440.

Оличности Троцкого писали Д.А. Волкогонов, В.Г. Краснов и В.О. Дайнес, Ю.Я. Киршин. Д.А. Волкогонов в книге «Троцкий: Политический портрет»¹, на основе опубликованных и архивных материалов, выявленных по его заданию в Центральном государственном архиве Советской Армии и затем незаконно увезенных в США, выстраивает образ Троцкого-политика. Вся деятельность председателя Реввоенсовета Республики (РВСР) трактуется с позиций политической истории. Военно-организационному аспекту уделяется недостаточное внимание.

В.Г. Краснов и В.О. Дайнес в книге «Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления»² рассматривают военную и частично политическую деятельность Л.Л. Троцкого, сразу делая оговорку: «военная деятельность Троцкого охватывает широкий спектр проблем, касающийся различных сторон строительства Красной Армии и Флота и руководства вооруженной борьбой». В книге «предпринята попытка на основе как ранее опубликованной литературы, так и архивных материалов, малоизвестных и не вводившихся до этого в научный оборот, показать военную деятельность Троцкого в годы Гражданской войны и в мирное время». Хронологические рамки книги — март 1918 — январь 1925 года. В этот период Троцкий возглавлял РВСР (с 1923 г. — РВС СССР) и Наркомвоенмор. Для более полного освещения личности Троцкого в поле зрения авторов попадают жизнь и деятельность предреввоенсовета на данном посту и — в основном — после его оставления. Особое внимание авторы уделяют событиям, в которых Троцкий принимал непосредственное участие. В.Г. Краснов и В.О. Дайнес привлекли действительно огромное количество документов и литературы. Но, к сожалению, в книге полностью отсутствуют ссылки на издания. Документальную базу, безусловно, составляли фонды Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного военного архива (РГВА) и Российского государственного архива соци-

¹ Волкогонов Д.А. Троцкий: Политический портрет: в 2-х кн. М., 1997.

² Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. М., 2000.

ально-политической истории (РГАСПИ), исследователи ссылаются на сборник «Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1: 1918—1919 гг.». Также регулярно исследователи делают *литерические отступления* о литературе¹. Об использованных в работе книгах почти ничего не сказано². Книга представляет собой фактически аннотированную публикацию документов. Форма изложения в комментариях суха и лаконична, но произведение, что свойственно научно-популярной литературе, грешит существенным пафосом в выводах и изначальной заданностью в трактовке исторического деятеля³.

Определенным ответом на книгу Д.А. Волкогонова стала монография Ю.Я. Киршина о теоретических представлениях Льва Троцкого. Исследователь, признавая заслуги Д.А. Волкогонова в освещении личности Троцкого, обвиняет его в том, что «в двух книгах Волкогонова нет ни одной строки о Троцком как о военном теоретике»⁴. Целью работы, соответственно, становится исправление допущенной несправедливости. Однако, «восстанавливая справедливость», Ю.Я. Киршин, на наш взгляд, в свою очередь недостаточное внимание уделяет вопросам соотношения теоретических и практических аспектов деятельности Троцкого. Теоретические воззрения Троцкого рассмотрены К.Я. Киршиным максимально полно, однако в рамках основных аспектов деятельности Троцкого поданный исследователем материал выстроен не по хронологии.

Иными словами, в исследовании недостаточное внимание уделяется *эволюции* взглядов Троцкого. К тому же постоянные повторы о политическом значении военного ведомства не помешали Ю.Я. Киршину упустить из виду тот факт,

¹ Там же. С. 5, 6, 422, 433, 457 и др.

² В частности, повествуя о направлениях деятельности РВСР, исследователи не дают ссылку ни на предисловие к сборнику протоколов Реввоенсовета, ни на последнюю монографию М.А. Молодцыгина, хотя активно используют и то и другое (см.: там же. С. 78 и др.).

³ Уже на обложку книги вынесен следующий ее фрагмент: «Троцкого можно сравнить с неким пришельцем с планеты «Мировая советская федерация». И если допустимо такое сравнение, он, как варяг на Древней Руси, был призван на военный трон, чтобы обеспечить победу над внутренними и внешними врагами».

⁴ Киршин Ю.Я. Лев Троцкий — военный теоретик. М., 2003. С. 11.

что теоретические построения большевиков, как и их лозунги, были направлены на завоевание социальной опоры, а потому шли врознь с реальными действиями и были крайне противоречивы. Политикам вообще и Троцкому в частности свойствен макиавеллизм в политике, и потому исследователю, на наш взгляд, не везде удалось отличить реальные теоретические построения Троцкого от его политической демагогии. Очевидно, Ю.Я. Киршин пал жертвой предмета своего исследования и выбранной в соответствие с ним источниковой базы. В подавляющем большинстве источниками исследования было творческое наследие самого Льва Троцкого (хотя привлекались отдельные документы из фондов РГАСПИ, РГВА и ГАРФа).

Поскольку деятельность Троцкого на посту председателя РВСР не является предметом исследования Ю.Я. Киршина, она лишь частично анализируется в главах «Троцкий — идеолог и создатель Красной Армии» и «Троцкий и Гражданская война». К тому же в монографии Ю.Я. Киршина четко прослеживаются два изначально заданных момента. Исследователь стремится, во-первых, доказать подготовленность Троцкого к военной работе (несмотря на признание самого Троцкого в обратном); во-вторых, умалить организационный и стратегический талант Сталина, основываясь на крайне субъективном мнении Троцкого¹. Причем, желая доказать в первой главе своего исследования подготовленность Троцкого к военной работе, Ю.Я. Киршин обвиняет Троцкого... в избытке скромности, которым председатель РВСР никогда не страдал. Впрочем, Ю.Я. Киршин убедительно доказывает наличие существенных теоретических познаний в военной области на момент назначения наркомвоеном и председателем Высшего военного совета.

О высших военных коллегиях Советской России писали М.М. Славин, Г.И. Герасимов, Н.В. Романова. М.М. Славин, исследовал «правовую природу» РВС (РВС Республики, РВС фронтов и армий): их компетенцию, функции, роль

¹ Киршин Ю.Я. Лев Троцкий — военный теоретик. М., 2003. С. 238 и др.

в строительстве местного военного аппарата и становлении советской военной юстиции, а также отчасти их структуру. Диссертация охватывает 1918—1919 годы. Так как особо важными в эти годы были Восточный и Южный фронты, за основу М.М. Славин взял РВС именно этих фронтов, а также их армий. В исследовании предпринималась попытка определить место РВС фронтов и армий, а также РВСР в системе органов государственной власти; осветить вопросы деятельности РВС по организации советской власти в прифронтовых районах и на освобожденной от врага территории, по руководству ревкомрами, по организации советской военной юстиции и руководству ею и т.д. Следует заметить, что М.М. Славин проанализировал РВС как юрист, а не как историк — его вклад, по сути, ограничен анализом организационной (но не кадровой) преемственности между РВС Восточного фронта и РВС Республики¹.

Г.И. Герасимов просчитал с помощью специальной компьютерной программы протоколы и приказы высших военных коллегий (РВСР — РВС СССР, Военного совета при наркомате обороны и Главного военного совета Красной Армии) за 1921—1941 годы и установил: количество вопросов материально-технического обеспечения армии, рассмотренных указанными органами; количество соответствующих докладов, сделанных членами этих коллегий, а также число принявших участие в прениях по докладам. Г.И. Герасимов также подсчитал общее количество присутствовавших на заседаниях высших военных коллегиальных органов, решавших вопросы материально-технического обеспечения РККА, с решающим голосом².

¹ *Славин М.М.* Революционные военные советы в годы Гражданской войны. М., 1972; Он же. Реввоенсоветы в 1918—1919 гг. М., 1974; Он же. Реввоенсоветы в годы Гражданской войны // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 71—74; Он же. Создание Реввоенсоветов в годы Гражданской войны // Проблемы государства и права на современном этапе. Вып. 1. М., 1970. С. 215—232.

² *Герасимов Г.И.* Высшие военные коллегиальные органы и создание технической базы Красной Армии (1921—1941) // Клио. 1999. № 1 (3). С. 213—223.

Н.В. Романова осветила отдельные направления практической деятельности РВС Республики в 1918—1923 годах, но сделала это в настолько широком контексте создания Красной Армии и ее демобилизации, что невольно возникает вопрос о степени научной новизны большей части ее кандидатской диссертации. Выводы соответствуют задачам: 1) *«РКП(б)... ставила перед собой задачу создания боеспособной классовой армии, при этом РВСР (СССР), образованный по ходу Гражданской войны как орган высшего военного управления, в первую очередь был призван неукоснительно проводить в жизнь политику правящей партии в области военного строительства»*. И это при том, что РВСР был создан вопреки воле основателя и лидера ВКП(б)! 2) *«Концептуальные решения органов высшего партийного и военного управления в сфере военного строительства в конце 1918-го — 1923 году... выдерживались в жесткой системе координат классового подхода к оценке событий и явлений, а общечеловеческие ценности девальвировались»*¹. Не вполне понятно, где в прагматичных постановлениях РВСР исследователь обнаружила «классовый подход» и какой вообще учет «общечеловеческих ценностей» она искала в условиях Гражданской войны. Тем более — как их можно было найти в документах высшей военной коллегии?

¹ Один фрагмент автореферата достоин полноценного цитирования: «Обобщенный в диссертации исторический опыт по проблеме деятельности РВСР (СССР) по организационному укреплению РККА в 1918—1923 гг. позволяет извлечь ряд уроков: *Первый урок*. Организационное укрепление Вооруженных сил должно стать одной из главных задач государства, поскольку именно армия является залогом существования государства, особенно в условиях ведения военных действий и смены цивилизационных ориентиров, что отражено в Военной доктрине РФ. *Второй урок*. Решение всего комплекса проблем, связанных с Вооруженными силами, не может происходить вне рамок общечеловеческих ценностей, проявляющихся на практике в тесном диалектическом единстве с общенациональными интересами, ядром которых является безопасность Отечества. Применительно к сегодняшнему дню это подразумевает наличие четкой научно обоснованной военной доктрины, которой неукоснительно должно руководствоваться государство при проведении как внешней, так и внутренней политики» (Романова Н.В. Деятельность Реввоенсовета Республики (СССР) по организационному укреплению Красной Армии в 1918 — 1923 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007). Конечно, стоило писать диссертацию для того, чтобы извлечь столь ценные «уроки»!

Как видим, РВСР рассмотрен преимущественно с точки зрения практической деятельности этого органа, а потому его история раскрыта односторонне. Создается и такое впечатление, будто исследователи забыли, что «История — это наука о людях во времени»: ни в одной из этих работ не видно ни членов РВСР, ни политической интриги, связанной с историей учреждения и эволюции этой высшей военно-политической коллегии.

Об общем привлечении военных спецов на службу в РККА писали С.А. Федюкин, А.Г. Кавтарадзе, С.В. Волков, Я.Ю. Тинченко. С.А. Федюкин на волне хрущевской «оттепели» поставил вопрос об использовании военных специалистов в Красной Армии¹. А.Г. Кавтарадзе выпустил монографию о привлечении бывших офицеров на службу в РККА². К сожалению, цензура не позволила опубликовать труд А.Г. Кавтарадзе в полном объеме: в процессе «редактирования» текст был резко урезан и искажен. Так, лишь в поздних статьях А.Г. Кавтарадзе ввел незначительную часть специально выявленного им материала о выпускниках ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии³. С.В. Волков в своей крайне информативной монографии привел ряд статистических данных об офицерах в годы Гражданской войны — в частности, служивших в Красной Армии⁴. Я.Ю. Тинченко, в рамках исследования чекистского дела «Весна» 1929—1931 годов, взглянул на «Гражданскую войну глазами военспецов». Впервые, на основании уникального комплекса документов, отложившихся в Государственном архиве Службы безопасности Украины, он воссоздал атмосферу службы бывших офицеров в Красной Армии⁵. Все работы этой группы не ставили сво-

¹ Федюкин С.А. Об использовании военных специалистов в Красной Армии // Военно-исторический журнал (ВИЖ). 1962. № 6.

² Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. М., 1988.

³ Он же. «Советское рабоче-крестьянское правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения» // ВИЖ. 2002. № 10. С. 32—40; Он же. Николаевская военная академия при Временном правительстве // ВИЖ. 2002. № 9. С. 40—43.

⁴ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999.

⁵ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР, 1930—1931 годы. М., 2000.

ей целью специальное рассмотрение специфики подбора и расстановки кадров в верхушке ведомства Троцкого, воссоздание коллективного портрета служащих центрального аппарата управления РККА.

Об *аппарате управления РККА* писали прежде всего С.М. Кляцкин, Я.Г. Зимин, М.А. Молодцыгин и А.В. Крушельницкий.

В монографии С.М. Кляцкина кратко рассмотрены история создания и деятельности высшего военного коллегиального органа — Высшего военного совета; основные направления военного строительства в годы Гражданской войны, дана краткая информация о РВСР и системе подчиненных ему центральных органов военного руководства. При этом предметом исследования С.М. Кляцкина стало военное строительство вообще, информация о центральном военном аппарате для С.М. Кляцкина — средство, а не цель. Исследователь не ставил своей задачей анализ организации и деятельности центрального и местного военного аппарата¹.

Я.Г. Зимин стал автором первого исследования по истории строительства высших и центральных органов советского военного руководства. К сожалению, идеологические установки не позволили Зимину осветить целый ряд сюжетов, связанных с конфликтами в руководстве Наркомвоена, роли левых эсеров в советском военном строительстве, созданием РВСР и др.² Однако Я.Г. Зимин заложил прочный фундамент для последующих исследований. В статье «120 дней Наркомвоена» М.А. Молодцыгин впервые проанализировал организацию руководства военным ведомством в период с 3 марта (времени создания Высшего военного совета) по июль 1918 года (V Всероссийский съезд Советов) и смену руководства военного ведомства в марте 1918 года; основные составляющие «нового курса» и первые шаги по его претворению в жизнь. В 1997 году вышла фундаментальная моно-

¹ Кляцкин С.М. На защите Октября. М., 1965.

² Зимин Я.Г. Создание и развитие органов военного руководства Советского государства в годы гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук. (1917—1920 гг.). М., 1970. С. 17.

графия М.А. Молодцыгина, по сути подведшая итог плодотворнейшей работы исследователя. Исследователь проанализировал первые шаги Наркомвоена по формированию РККА; курс на воссоздание боеспособной армии; вопросы формирования руководящей коллегии военного ведомства; впервые четко определил функции и место Высшего военного совета и РВС Республики¹. Однако, к сожалению, как исследователь М.А. Молодцыгин основное внимание уделял проблемам взаимоотношений рабочих и крестьян в годы Гражданской войны: именно над этим вопросом он работал в совете академика И.И. Минца².

В кандидатской диссертации А.В. Крушельницкого рассмотрен процесс создания и начальный этап становления советского центрального военного аппарата (октябрь 1917—март 1918 г.). А.В. Крушельницкий впервые исследовал процесс овладения большевиками центральными органами Военного министерства в октябре-ноябре 1917 года; уточнил первоначальный состав коллегии Наркомвоен; рассмотрел конкретные основные направления сворачивания структур старого Военного министерства и начальный этап становления новых — «советских». В статьях А.В. Крушельницкого проанализирован персональный состав коллегии Наркомвоена; уточнены представления о ликвидации контрреволюционного саботажа в Военном министерстве, имевшего место после Октябрьской революции. В соавторстве с М.А. Молодцыгиным по протоколам заседания коллегии проанализированы первые шаги советских военных руководителей по реоргани-

¹ *Молодцыгин М.А.* 120 дней Наркомвоена // ВИЖ. 1989. № 8. С. 47—62; № 10. С. 36—55; Он же. В.И. Ленин и строительство военного аппарата в первый год Советской власти // ВИЖ. 1978. № 4. С. 80—84; Он же. Из истории слова старых органов местного военного управления // Революционное движение в русской армии в 1917 г.: Сб. ст. М., 1981. С. 257—266; Он же. Из истории создания декрета СНК об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии // Исторический опыт Великого Октября. М., 1986. С. 349—357. М., 1997.

² См.: Он же. Рабоче-крестьянский союз. М., 1989.

зации доставшегося им центрального военного аппарата¹. Исследование не лишено отдельных недостатков, бывших следствием идеологических установок в 1980-х годах. Так, например, в его работе было выделено то, что объединяло членов первоначальной коллегии Наркомвоена, но умалчивалось о том, что их разделяло. Предпринятые после выхода монографии М.А. Молодцыгина, после достаточно длительного перерыва в начале 2000-х годов, единичные обращения к истории советского военного строительства в годы Гражданской войны невозможно расценивать иначе как неудачные. Авторы демонстрировали не только пренебрежение к трудам предшественников, но даже непонимание различий между органами высшего военного руководства и центральными органами военного управления. При всем этом отмечались крайне произвольное манипулирование опубликованными и архивными материалами, узость источниковой базы. Без преувеличения можно констатировать, что эти работы лишь дискредитируют отечественную историографическую традицию, не внося ничего положительного нового в воссоздание исследований истории советского военного строительства².

¹ *Крушельницкий А.В.* Народный комиссариат по военным делам в первые месяцы диктатуры пролетариата (конец октября 1917 г. — март 1918 г.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; *Крушельницкий А.В., Молодцыгин М.А.* Наркомвоен в первые месяцы Советской власти: По протоколам заседания коллегии // Советские архивы. 1985. № 6. С. 34—38; *Крушельницкий А.В.* Ликвидация контрреволюционного саботажа в Военном министерстве в первые месяцы Советской власти // Исторический опыт Великого Октября. М., 1986. С. 162—171.

² *Стрекалов И.И.* Строительство Красной Армии в войсках Завесы (Март—октябрь 1918 года): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 237 с.; *Фоменко М.В.* Центральные органы управления Вооруженными Силами Советского государства в октябре 1917 — августе 1923 гг.: Дис. канд. ист. наук. М., 2008. При этом диссертация И.И. Стрекалова почти дословно повторяет работу Н.Д. Егорова (Егоров Н.Д. Создание и деятельность войск Завесы обороны в 1918 г.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.); в диссертации М.В. Фоменко безосновательно проигнорирована историография вопроса (диссертационные исследования Я.Г. Зимина и А.В. Крушельницкого) и заужена до недовольного минимума архивная группа источников. Ряд статей выпустил и известный специалист по истории Оренбургского казачества А.В. Ганин, механически надергав цитат из документов, а также позаимствовав факты из других работ — А.А. Здановича, В.Г. Кикнадзе, С.С. Войтикова, в отдельных

В данной книге раскрываются следующие сюжеты: что из себя представлял «триумвират наркомов», якобы выбранных II Всероссийским съездом Советов; как велась тайная война с Германией после подписания Брестского мира; действительно ли левые эсеры были полусумасшедшими «революционными романтиками», стоявшими на позициях «священной войны» без регулярной армии; как Красная Армия стала мощнейшим политическим институтом; каков коллективный портрет «кадров Троцкого»; как военная контрразведка стояла на страже Красной Армии; что представляла собой оборотная сторона советского военного строительства.

Хронологические рамки книги определяются периодом от создания Комитета по делам военным и морским и до масштабной реорганизации центрального аппарата управления РККА, начавшейся в феврале 1921 года

Основу источниковой базы данной книги составили неопубликованные документы, в большинстве ранее не привлекавшиеся к исследованию, впервые выявленные более чем в 40 фондах четырех архивов: трех федеральных и одного регионального. Кроме того, привлечен существующий корпус опубликованных источников. В целом источники по теме исследования зримо разделяются на три группы.

Первую группу из них составляют источники, традиционно используемые при исследовании начального периода истории советского государственного и, в частности, военного строительства. Это, прежде всего:

1) законодательные акты первых лет Советской власти — законодательные¹, а также и ведомственные нормативные акты советского военного ведомства²;

случаях их искажив, незаслуженно раскритиковав, а в ряде случаев и попросту их проигнорировав. (Подр. творения А.В. Ганина с их «критическим анализом» источников проанализированы в работе: *Войтиков С.С.* Дело Г.И. Теодори в историографии // Военно-исторический архив (ВИА). 2010, № 12).

¹ Декреты Советской власти. Т. 1—3; СУ РСФСР. 1917—1918. М., 1919.

² РГВА. Сборник приказов Наркомвоена за 1918 г.; Там же. Сборники приказов РВСР за 1918—1921 гг.

2) документальные публикации 1960 — 1980-е гг.¹;

3) документы большевистских руководителей советского государства — В.И. Ленина², Я.М. Свердлова³, Л.Д. Троцкого⁴, Г.Е. Зиновьева⁵, а также несправедливо забытое издание «Биографической хроники» Ленина, вышедшее на излете Советской власти и практически не введенное в научный оборот;

4) материалы ведомственных печатных органов Наркомвоена и Московского окружного военкомата, центральных печатных изданий⁶. Материалы левозэсеровской газеты «Знамя труда» впервые привлечена для анализа вклада в советское военного строительство левых эсеров;

5) воспоминания руководителей Наркомвоена и его структурных подразделений — В.А. Антонова-Овсеенко, С.И. Аралова, М.Д. Бонч-Бруевича, И.И. Вацетиса, С.И. Гусева, К.Х. Данишевского, К.С. Еремеева, М.П. Ефремова, А.Ф. Ильина-Женевского, Л.М. Кагановича, М.С. Кедрова, Н.В. Крыленко, К.А. Мехоношина, Н.И. Подвойского, Н.М. Потапова и др.⁷

¹ Пятый созыв ВЦИК Советов Р., К., К. и К. депутатов. М., 1919; Организация Красной Армии. 1917-1918 гг.: Сб. документов и материалов. — М., 1943; Директивы Главного командования Красной Армии: 1917—1920 / отв. сост.: Т.Ф. Каряева. М., 1969; Директивы командования фронтов Красной армии. / отв. сост.: Т.Ф. Каряева. В 4-х т. М., 1971—1978; Октябрьская революция и армия. 25 октября — март 1918 г.: Сб. документов. М., 1973; Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики И.И. Вацетис (Вацетис): Сб. документов. Рига, 1978; В.И. Ленин и ВЧК: Сб. док. (1917-1922 гг.). М., 1987; Красная книга ВЧК. Т. 1—2. М., 1989; На службе в Красной Армии: Документы и материалы о деятельности П.П. Лебедева / сост.: В.И. Авдеев и др. Чебоксары, 1991.

² Ленин В.И. Пол. собр. соч.

³ Свердлов Я.М. Избр. произведения. В 3 т. М., 1959.

⁴ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. Т. 1. М., 1923.

⁵ Об итогах VIII съезда РКП(б): Стенографическая запись доклада Г.Е. Зиновьева // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 185—198.

⁶ Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот; с 1 апреля 1918 г. — Известия Народного комиссариата по военным делам; Известия Московского окружного комиссариата по военным делам; Известия ЦИК Советов и Московского совета; Правда.

⁷ Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т. 1—4. М.; Л., 1924—1933; Он же. Строительство Красной Армии в революции. М., 1923; Аралов С.И. Ленин вел нас к победе. 2-е изд. М., 1962; Бонч-Бруевич М.Д. Знакомство с Лениным // Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 3. М., 1969. С. 186-191;

Вплоть до совсем недавнего времени сказывалось в полной мере констатированное еще в 1970 году Я.Г. Зиминным «отсутствие документальных публикаций и неразработанность архивных фондов» как «объективная причина, сдерживавшая (с 1950-х гг.!) изучение истории строительства верховного командования в Гражданской войне»¹. Ситуация, как известно, начала меняться только в 1990-х годах с рассекречиванием нового массива документов в постсоветских условиях.

Вторую группу источников составили фундаментальные документальные публикации середины 1990—2000-х годов, принципиально расширившие и обновившие источниковую

Он же. *Вся власть Советам*. М., 1964; *Брусилов А.А. Мои воспоминания*. М., 1983; *Вацетис И.И. Моя жизнь и мои воспоминания*. Даугава, 1979; *Геруа А.В. Стихия Гражданской войны // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции*. М., 1999; *Гусев С.И. Гражданская война и Красная армия*. М.; Л., 1925; *Данишевский К.Х., Каменев С.С. Воспоминания о Ленине: Ленин и Гражданская война*. Сб. 1. М., 1934; *Еремеев К.С. Встречи с Лениным // Об Ильиче: Воспоминания питерцев*. Л., С. 86—87; *Ефремов М.П. Памятные встречи с В.И. Лениным // Воспоминания о В.И. Ленине*. Т. 3. М., 1969. С. 36-39; *Ильин-Женевский А.Ф. Большевики у власти: (1918 г.)*. Л., 1928; Он же. *Брестский мир и партия // Красная летопись*. 1928. № 1/25; Он же. *Июль 1917 года*. Л., 1927; *Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного партийного и советского государственного работника*. М., 1997; *Каменев С.С. Записки о Гражданской войне и военном строительстве: Избр. ст. М., 1963; Кедров М.С. Из красной тетради об Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине*. М., 1956. Т. 1. С. 475—485; Т. 2. С. 94-110; *Крыленко Н.В. Смерть старой армии / публ. В.Д. Поликарпова // История и историки: Историограф. ежегодник*. 1978. М., 1981. С. 280—317; *Мехоношин К.А. От захвата власти к овладению аппаратом: Воспоминания о первом периоде Наркомвоена // Война и революция*. 1928. № 2. С. 32—36; *Наш товарищ Андрей: Воспоминания уральцев о Я.М. Свердловце / сост.: В.В. Баженов. Свердловск, 1985; Подвойский Н.И. В Октябрьские дни // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине*. М., 1956. Т. 1. С. 636—638; Он же. *В.И. Ленин и организация Красной Армии // Военная мысль*. 1957. № 9. С. 3—10; Он же. *Строительство Красной Армии // ВИЖ*. 1968. № 12. С. 68—85; *Потапов Н.М. Начало // Воспоминания о В.И. Ленине*. Т. 3. М., 1969. С. 41—41; *Тер-Атутянц М.К. В.И. Ленин — военный руководитель в период становления Советской власти // Воспоминания о В.И. Ленине*. Т. 3. М., 1969. С. 26—35; *Троцкий Л.Д. Моя жизнь / вступ. ст. И. Розенталя*. М.: Вагриус, 2001; *Этапы большого пути / ред.-сост. В.Д. Поликарпов*. М., 1963.

¹ *Зимин Я.Г. Создание и развитие органов военного руководства Советского государства в годы Гражданской войны*. М., 1970. С. 16.

базу исследований начального периода истории советского государственного и военного строительства¹. В них, в частности, впервые раскрыты те аспекты взаимо- и противодействий большевиков — руководителей советского военного ведомства, Совнаркома и ВЦИК, которые насущно необходимы для выработки достоверных представлений о высших кадрах Красной Армии, процессах становления и организационной трансформации аппарата военного управления РСФСР. Наиболее значимы с этой точки зрения протоколы заседаний СНК первых месяцев Советской власти и сборник документов РВСР в 1918—1919 годах.

Эти документы, фактически впервые ставшие доступными для исследования, серьезнейшим образом корректируют известную картину строительства механизма советского военного руководства, основывавшуюся ранее практически исключительно на официальных директивных документах и отчасти на весьма несовершенных воспоминаниях отдельных участников, в том числе — предельно политизированных и изощренно тенденциозных «воспоминаниях» Троцкого. Сборник документов РВС Республики позволяет изучить вклад конкретных высших военных руководителей в принятие важнейших решений по военному ведомству, основные направления деятельности РВСР.

Третью группу источников, ставшую и по своему объему, и во многом по своей информативности, основной для данного исследования, составил комплекс документов, выявленных в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Государственном архиве Рос-

¹ Большеви́стское руководство. Переписка. 1912—1927. М., 1996; Левые эсеры и ВЧК: Сб. док. Казань, 1996; Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. 1918-1919. М., 1997; Т. 2. М., 2000; Меньшевики в большевистской России, 1918-1924. Т. 1. Меньшевики в 1918 г. / отв. ред. З. Галили, А.П. Ненароков. М., 1999; Партия левых социалистов-революционеров: Сб. документов / авт.-сост. Я.В. Леонтьев. Т. 1. М., 2000 (далее — Сб. ПЛСР); Союз эсеров-максималистов: Документальная публицистика, 1906-1924 гг. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2002; Военная промышленность в России в начале XX в. (1900—1917): Сб. документов. Т. 1. М., 2004; Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ: 1917 — 1926. Документы. М., 2007; Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Т. 2. М., 2007.

сийской Федерации (ГА РФ), Российском государственном военном архиве (РГВА), Центральном архиве общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ). Подавляющее большинство архивных документов вводится в научный оборот впервые.

В РГАСПИ изучены документы следующих фондов: личный фонд В.И. Ленина (Ф. 2); секретариат В.И. Ленина (Ф. 5); Центральный комитет РКП(б) (Ф. 17); Совет народных комиссаров и Совет труда и обороны (Ф. 19. Оп. 1 и 3); коллекция документов об оппозиции в ВКП(б) (Ф. 71); личный фонд Ф.Э. Дзержинского (Ф. 76); личный фонд Я.М. Свердлова (Ф. 86); Всесоюзное общество старых большевиков (Ф. 124); личный фонд К.С. Еремеева (Ф. 131); личный фонд Н.И. Подвойского (Ф. 146); личный фонд Л.Б. Каменева (Ф. 323); личный фонд Л.Д. Троцкого (Ф. 325); Центральный комитет Партии левых социалистов-революционеров (Ф. 564); личный фонд А.И. Рыкова (Ф. 669).

В ГА РФ — Совет народных комиссаров (Ф. 130); ВЦИК Советов (Ф. 1235).

В РГВА — Управление делами Народного комиссариата по военным делам (Ф. 1); Высший военный совет (Ф. 3); Управление делами при Наркоме обороны СССР (быв. Управление делами РВСР, Наркомата по военным и морским делам и РВС СССР) (Ф. 4); секретариат Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики (Ф. 5); Полевой штаб РВСР (Ф. 6); Штаб РККА (Ф. 7); Всероссийское бюро военных комиссаров (Ф. 8); Высшая военная инспекция (Ф. 10); Всероссийский главный штаб (Ф. 11); Главное артиллерийское управление (Ф. 20); Центральное военно-техническое управление (Ф. 22); Всероссийский совет воздушного флота (Ф. 28); Главное управление военно-воздушного флота (Ф. 29); Управление военных сообщений РВСР (Ф. 30); Управление военных сообщений Штаба РККА (бывш. Центральное управление военных сообщений) (Ф. 33); Главное военно-ветеринарное управление (Ф. 37); Военно-законодательный совет (Ф. 44); Центральное управление по снабжению армии (Ф. 46); Главное военно-хозяйственное управление (Ф. 47); Центральная комиссия

по продовольственному снабжению (Ф. 50); Главный комиссариат военно-учебных заведений (Ф. 62); Демобилизационный комиссариат (Ф. 79); Главное военно-квартирное управление (Ф. 152); Редакция сборника «Красная Армия и Флот» (Ф. 612); Московский военный округ (Ф. 25883); Ленинградский военный округ (Ф. 25888); личный фонд Н.И. Подвойского (Ф. 33221); секретариат председателя РВСР — РВС СССР (Ф. 33987); секретариат первого заместителя председателя РВСР — РВС СССР (Ф. 33988); личный фонд К.А. Мехоношина (Ф. 37618); личный фонд И.И. Вацетиса (Ф. 39348); Научный военно-исторический отдел Генерального штаба РККА (Ф. 39352); коллекция послужных списков и личных дел на командный, начальствующий и политический состав РККА (Ф. 37976).

В ЦАОПИМ — Московский комитет РКП(б) (Ф. 3).

Отдельные положения книги публиковались на страницах журналов и сборников статей: «С чего началась история Красной Армии» (Отечественная история, 2006. № 6. С. 126—133); «Развитие взглядов высшего руководства Советской России на военное строительство в ноябре 1917 — марте 1918 г.» (Вопросы истории, 2007. № 10. С. 3—12); «Высшее военное руководство Советской России на пути к созданию Реввоенсовета Республики» (Военно-исторический журнал, 2008. № 9); «Становление центрального аппарата советского военного ведомства (март-август 1918 г.)» (Новый исторический вестник, 2007. № 2. С. 192—199); «Во главе советского военного ведомства» (Военно-исторический архив, 2008. № 11. С. 32—44; № 12. С. 156—168); «Всероссийская коллегия по организации и формированию РККА (1917—1918 гг.)» (Государственные учреждения России XX—XXI вв. М., 2008. С. 153—157); «Документы Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко о несогласии с военной политикой В.И. Ленина» (Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания. Ч. 1. М., 2008. С. 235—238); «Троцкий и его кадры, или «коней на переправе не меняют»?» (Гражданская война и военная интервенция в России 1917—1922 гг.: Взгляд сквозь десятилетия. Самара, 2009. С. 318—335); «Коррупция в «военной контрразведке», или «центр тяжести работы перенести в

экономическую область»» (Вопросы истории, 2010. № 8, в соавторстве с П.В. Батулиным).

Автор выражает благодарность за помощь в работе над книгой руководству и сотрудникам ГА РФ, Главархива Москвы, ГПИБ, РГАСПИ, РГБ, РГВА и ЦАОПИМ, и лично — доктору исторических наук Н.С. Тарховой, доктору исторических наук А.С. Сенину, доктору исторических наук В.А. Невежину, Н.А. Тесемниковой, кандидату исторических наук В.А. Арцыбашеву, А.В. Карандееву, кандидату исторических наук М.Ю. Морукову, Л.С. Наумовой, М.В. Страхову, И.Н. Селезневой.

Автор благодарит за помощь в подготовке издания доктора исторических наук Т.Г. Архипову и кандидата исторических наук А.В. Крушельницкого.

Пролог

**«БЕЗУСЫЙ ЮНОША
С ГОРЯЩИМИ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ОГНЕМ
И ВДОХНОВЕНИЕМ ГЛАЗАМИ»**

Первые шаги второго вождя революции

Лев Давидович Бронштейн (настоящая фамилия Троцкого) родился в 1879 году в еврейской крестьянской семье. В революционном движении с момента окончания реального училища в Николаеве в 1896 году. В это время Троцкий идейно примыкал к народолюбцам, позднее встал на марксистские позиции. Фактически единственным источником о жизни Троцкого в это время остается книга его воспоминаний 1929 года, представляющая собой, по сути, не биографию, а политический труд.

В «Моей жизни» Лев Троцкий назвал 1896 год переломным: он поставил «вопрос о... месте в человеческом обществе». В это время Лейба Бронштейн учился в 7-м классе и жил в семье, где были взрослые дети. Всегда склонный к заносчивости, он, по собственному признанию, на словах первоначально давал отпор «социалистическим утопиям», причем «тоном иронического превосходства». Однако через несколько месяцев наступил перелом, у Бронштейна появилась нелегальная литература, он завел знакомства в среде революционеров и стал свидетелем споров пока еще малочисленных марксистов с народниками. С помощью этнического чеха садовника Швиговского Троцкий добыл новые книги и начал «нервное чтение»: молодой «революционер» боялся, что жизни не хватит, чтобы все прочесть. Не дочитав «Логикку» Дж. Стюарта Милля до середины, он переключился на «Первобытную культуру» Липперта; затем также — на «Историю французской революции» Минье. Чтение велось бессистем-

но. Рассорившись с семьей, Троцкий вместе со Швиговским организовали «коммуну» из 6 человек. Первая статья Бронштейна, написанная для народнического издания в Одессе, не была напечатана. По поздней оценке автора, «никто от этого не потерял, меньше всего я сам». Первый политический успех (организация на общем собрании членов общественной библиотеки протеста против повышения абонементной платы и переизбрания правления) сблизил Троцкого со старшим из братьев Соколовских — Григорием. Несмотря на провал идеи об организации университета «на началах взаимобучения», вина за который лежала, прежде всего, на Соколовском, они с Троцким временно вышли из коммуны и стали писать драму, проникнутую «общественными тенденциями на фоне борьбы поколений». Фабула была не без романтического элемента: «разбитый жизнью революционер старшего поколения влюбляется в марксистку, но она отчитывает его немилосердной речью о крушении народничества». Рукопись впоследствии была утрачена, Троцкий, по его заявлению в 1929 году, мирился с этим тем легче, что впоследствии у него пропадали «рукописи несравненно большего значения»¹.

В феврале 1897 года сожгла себя в Петропавловкой крепости курсистка Ветрова. Это событие вызвало мощный резонанс в революционной и студенческой среде. В Николаеве насчитывалось около 8 тыс. заводских и 2 тыс. ремесленных рабочих, причем в подавляющем большинстве своем грамотных. Соколовский познакомил Троцкого с «сектантом» (по специальности — пиротехником) Иваном Андреевичем Мухиным, вскоре ставшим «главной фигурой организации». Знакомясь с Мухиным и его друзьями, Бронштейн назвал себя Львовым. Эта первая конспиративная ложь вроде бы далась «нелегко»². По воспоминаниям Троцкого, «рабочие шли к нам самотеком, точно на заводах нас давно ждали. Каждый приводил приятеля, некоторые приходили с женами, несколько пожилых рабочих вошли в кружки с сыновьями. Не мы иска-

¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 107—112.

² Там же. С. 114—116.

ли рабочих, а они нас. Молодые и неопытные руководители, мы скоро стали захлебываться в вызванном нами движении. Каждое слово встречало отклик. На подпольные чтения и беседы, по квартирам, в лесу, на реке собиралось 20—25 человек и более. Преобладали рабочие высокой квалификации, недурно зарабатывавшие. На николаевском судостроительном заводе уже тогда существовал 8-часовой рабочий день. Стачками эти рабочие не интересовались, они искали правды социальных отношений. Некоторые из них называли себя баптистами, штудистами, евангельскими христианами. Но это не было догматическое сектантство. Рабочие просто отходили от православия, баптизм становился для них коротким этапом на революционном пути. Впервые недели наших бесед некоторые из них еще употребляли сектантские обороты и прибегали к сравнениям с эпохой первых христиан. Но почти все скоро освободились от этой фразеологии, над которой бесцеремонно потешались более молодые рабочие»¹.

Как писал Макс Истман по воспоминаниям Троцкого, «Организация состояла из “кружков”, которые делились и размножались таким же образом, каким размножаются клетки, составляющие ткани человеческой жизни. Ядром, или (как говорил устав) «организатором» первого кружка был Троцкий и Александра Львовна (Соколовская. — С.В.). И быстрота роста этого первого кружка была почти невероятна. Достигнув назначенного уставом предела в 25 человек, он разделился на 2 кружка; ядром одного остался Троцкий, а другого — Александра Львовна. Во вновь образовавшихся кружках каждый из них должен был привлечь к себе новое лицо, способное стать руководителем, так чтобы при новом разделении было бы готовое ядро для каждого из новых кружков. Таким путем в продолжение весны и лета было организовано 8 или 10 кружков в городе, насчитывающем около 10 000 рабочих; более 200 состояло действительными членами из организации, а остальные знали о ней, и большая часть читала их прокламации с сочувствием или возбужденным протестом. Эти

¹ Троцкий Л.Д. *Моя жизнь*. М., 2001. С. 116.

прокламации были чрезвычайно убедительны и чрезвычайно просты... Было еще достаточно детского в Троцком, чтобы наивно обнаружить чувства, которые привели его к этой жизни, полной опасности и жертв»¹.

Для сравнения: Марк Истман так описывает возвращение Троцкого — «Это был долгий год — все заметили перемену, происшедшую в Троцком. Когда он вернулся в Одессу, чтобы согласовать работу в обоих городах, его одесские друзья не могли больше сомневаться в устойчивости его энтузиазма. Если раньше было немного петушиного задора в его радикализме, теперь он исчез... Он всегда был немного отчаянным, всегда несколько похожим на вулкан — т.е. он может быть улыбающимся, дисциплинированным, весьма рассудительным и покладистым, но если что-нибудь вызовет его негодование и он начнет плевать огнем, будет швырять огненные плевки без всякой скромности, не принимая во внимание размер ландшафта. Чувство правильности и неправомерности у Троцкого так же нетерпимо, как у Христа, и оно не смягчается сильной любовью к врагам. Но для тех, с кем он работает и живет и для рабочих масс всего мира — он воля, хотя столь небрежная в своей силе, будет всегда дающей, а не захватывающей». Да здравствует вождь мировой революции товарищ Троцкий! В публикуемом документе, тем не менее, он предстает совсем иным человеком.

Одной из наиболее ярких фигур Лев Троцкий в своих мемуарах назвал 40-летнего «сектанта» Андрея Степановича Бабенко. Двадцатисемилетний Мухин сразу же после знакомства свел Троцкого «со своим приятелем, тоже из сектантов, Бабенко, у которого был свой небольшой домик и свои яблони на дворе. Бабенко был хром, медлителен, всегда трезв и научил меня пить чай с яблоками, вместо лимона. Вместе с другими Бабенко был арестован, изрядно посидел, потом опять вернулся в Николаев. Судьба нас развела со всем. Случайно прочитал я в какой-то газете в 1925 году, что

¹ Истман М. Юношеский портрет. Цит. по: РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 15. Л. 27.

на Кубани проживает бывший член Южнорусского рабочего союза Бабенко. К этому времени у него отнялись ноги. Мне удалось добиться — в 1925 году это было уже нелегко — перевода старика в Ессентуки для лечения. Ноги опять стали ходить. Я посетил Бабенко в его санатории. Он не знал, что Троцкий и Львов — одно и то же лицо. Мы опять с ним пили чай с яблоками и вспоминали прошлое. То-то, должно быть, он удивился, что Троцкий — контрреволюционер!» Здесь, вероятно, ошибка памяти: о судьбе А.С. Бабенко Троцкий не вычитал в газете, о положении «сподвижника» ему доложил коммунист М. Донецкий 18 апреля 1924 года. Не исключен и другой вариант: Троцкий сознательно перенес время получения известий о судьбе А.С. Бабенко и оказания ему помощи на год, подчеркнув тем самым свою готовность отстаивать своих людей даже в те моменты, когда самому приходилось туго...

О начале пути Демона революции:

Письмо

заместителя редактора ежедневной газеты «Красное знамя» — органа Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б) и Кубано-Черноморского губернского исполкома — М. Донецкого председателю Революционного военного совета СССР Л.Д. Троцкому

Краснодар, Куб[ано]-Черн[оморская] обл.
18 апреля 1924 г.

Дорогой товарищ *Троцкий!*

Вчера случайно я узнал, что в Краснодаре живет один из ветеранов рабочего движения — Ваш сподвижник по «Южнорусскому рабочему союзу» — тов. *Бабенко*.

Командированный мною к нему сотрудник редакции передает свою беседу с тов. Бабенко (подчеркнуто Л.Д. Троцким) так:

Андрей Степанович Бабенко, ныне 68-летний старик, ютится в маленькой клетушке с семьей в 6 человек.

Меня встретила радушно и приветливо старушка — жена Бабенко.

— А где ваш старик?

Старуха показала на кровать, где лежал ее больной муж. Видимо, А.С. Бабенко очень болен: лицо исхудалое, голос слабый, глаза апатичные, усталые.

Но он как-то сразу весь ожил, заискрился каким-то светлым, молодым чувством, когда я объяснил ему цель посещения — поговорить с ним о его революционной работе и, главное — о тов. ЛьВОВЕ, с которым он вместе сидел в тюрьме в г. Николаеве.

— У меня на квартире, — начал А.С. Бабенко, — работал нелегальный кружок, входящий в «Южнорусский рабочий союз». В кружке участвовало нас, рабочих, до 30 человек.

Мы все, нутром, чувствовали гнет капиталистического строя и видели несправедливости и обиды, причиняемые нам капиталистами, но совершенно не знали, где выход.

Тут на помощь явились молодые, образованные, знающие революционеры, как тов. Львов, Соколовский и др.

Представьте себе, я совершенно не знал, до самого последнего времени, что тот самый молодой, безусый юноша, с горящим революционным огнем и вдохновением глазами, который всегда так просто и задушевно говорил с нами и которого мы знали под именем *Львова* — это Вождь нашей Красной Армии тов. Троцкий...

Только недавно я случайно узнал об этом из письма моего сына, работающего на одном из заводов в Одессе. Сын также случайно узнал об этом из статьи, посвященной умершему в Николаеве старому члену нашего союза И.А. Мухину, что Львов и Троцкий — одно и то же лицо («Изв[естия] Одесского губисполкома» от 19 февр[аля] [19]24 г. № 1263).

Да, хорошее то время было! В нашем кружке, собиравшемся на моей квартире большей частью по ночам, подобрались все серьезные, хорошие ребята из передовых рабочих, которые стремились все [о]сознать, до всего дойти своим умом, чтобы потом начать борьбу за торжество рабочего дела.

Было у нас 2 руководителя: один по экономическим вопросам, которого мы знали под именем ГИРА, а другой по общественно-политическим — тов. Львов. Последнего мы как-то сразу горячо полюбили...

— Удивительный человек был этот Львов, — говорит старик Бабенко. — Совсем юноша, без усов, ну совсем еще молодой, а обо всем уже понимал, во все вникал, прекрасно знал нашу жизнь, наш рабочий язык, на все давал ясные, толковые ответы.

Поражал нас своим образованием: мог разъяснить все по-научному, а не так чтобы зря болтать. Мы считали его за студента.

Держался тов. Львов очень просто, так что мы, рабочие, в то время очень темные и дичившиеся образованных людей, его как-то сразу перестали стесняться.

Бывало, обступим мы его кружком и про нашу жизнь все равно как на духу рассказываем. И когда заговорит, бывало, тов. Львов, как-то особенно верилось, что наше рабочее дело не погибнет, что наша рабочая правда победит. Как-то особенно радостно бывало...

Тов. Львов приходил к нам большей частью ночью и занимался по несколько часов. Наш кружок, как и остальные два, работал благополучно около года.

21 января 1898 года в 2 часа ночи я был арестован и препровожден в Николаевскую тюрьму¹. Я сидел с И.А. Мухиным, а напротив, в камере № 1 — тов. Львов вместе с Гиром².

¹ Массовые аресты произвели 28 января 1898 г., всего захватили свыше 200 чел.; «пошла расправа. Один из арестованных, солдат Соколов, был доведен запугиваниями до того, что бросился из тюремного коридора второго этажа вниз, но отделался тяжелыми ушибами. Другого из заключенных, Левандовского, жандармы довели до психического расстройства. Были и еще жертвы. Среди арестованных было много случайного народу... Николаевская организация получила жестокий удар, но не смертельный. Нас скоро заменили другие. И революционеры, и жандармы становились опытнее» (Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 121—122).

² По воспоминаниям Л.Д. Троцкого, в январе 1898 г. его арестовали «не в Николаеве, а в имении крупного помещика Соковника, куда Швиговский перешел на службу садовником... Старая николаевская тюрьма совсем не

В тюрьме мы узнали, что были выданы провокатором Ананием Нестеренко¹.

Обращались с нами тюремщики очень грубо, и у многих из нас упало настроение. Но в это время мы сумели войти в связь с тов. Львовым посредством ручной азбуки, показываемой в волчок. Тов. Львов ободрил нас, призывая стойко держаться и верить в торжество рабочего дела.

Такие беседы, урывками, показали нам, что тов. Львов и в тюрьме больше помнит и заботится о нас, чем о себе, а само он, как я уже сказал, был совсем молодым человеком, которому, казалось бы, жить, да жить беззаботно...

На прогулке с ним нам не удавалось встречаться: за ним всегда зорко следили. Только несколько раз видел в волчек, как проводили Львова мимо нас... Как сейчас помню я картину: молодой, стройный, бледный юноша, с гордо поднятой головой, с сурово сжатыми губами, шагающий так свободно

была приспособлена для политических, да еще в таком числе. Я попал в одну камеру с молодым переплетчиком Явичем. Камера была очень велика, человек на 30, без всякой мебели и еле отапливалась. В двери был большой квадратный вырез в коридор, открытый прямо на двор. Стояли январские морозы. На ночь нам клали на пол соломенный, а в 6 утра выносили его. Подниматься и одеваться было мукой. В пальто, в шапках и калошах мы сидели с Явичем плечо к плечу на пол и, упершись спинами в чуть теплую печь, грезили и дремали час-два. Это было, пожалуй, самое счастливое время дня. На допрос нас не звали. Мы бегали из угла в угол, чтоб согреться, предавались воспоминаниям, догадкам и надеждам. Я стал заниматься с Явичем науками. Так прошло недели три». Потом Л.Д. Троцкого перевели в херсонскую тюрьму (Там же. С. 123).

¹ По воспоминаниям Л.Д. Троцкого, когда слезка за членами «Южно-русского рабочего союза» стала слишком явной, его организаторы решили на несколько недель разъехаться, чтобы «оборвать полицейскую нить». Перед отъездом Троцкого Нестеренко «потребовал, чтобы я ему непосредственно передал пачку прокламаций. Он назначил встречу за кладбищем поздно вечером... Ночь была лунная. За кладбищем открывалось совершенно пустынное пространство. Нестеренко я нашел в условленном месте». Но в момент передачи пакета с прокламациями «от кладбищенской стены отделилась фигура и прошла близко возле нас, задев Нестеренко локтем. «Кто это?» — спросил я с удивлением. «Не знаю» — ответил Нестеренко, глядя уходящему вслед. Он уже был тогда в связи с полицией. Но мне и в голову не пришло заподозрить его» (там же, с. 121).

и смело... Точно и там, в царском застенке, он знал, что будущее принадлежит рабочему классу и что он сам будет стоять во главе его Красной Армии — на одном из самых ответственных постов в Рабоче-крестьянской Республике...

— Ну, простите, товарищ, устал я — больше не могу... — Старик устало поник на постели.

Оглядываюсь кругом: убогая, бедная обстановка: не комната, а какая-то клетушка — и в ней б душ.

— А кто вас кормит?

— Да когда старику немного лучше бывает, чинит он часы, замки и исполняет мелкие слесарные работы... Зарабатывает гроши, потому что работу дают соседи — все беднота больше. А еще дочь бубликами торгует — вот и все заработки. Живем впроголодь, — ответила старуха, нахмурившись. И отвернулась.

«С тяжелым чувством ушел я из этой маленькой комнатки, где на постели, покрытой какими-то грязными лохмотьями, лежал старик Бабенко — один из ветеранов русского рабочего движения» — так закончил наш сотрудник тов. Крапивин свое описание посещения тов. Бабенко.

Пишу Вам, тов. Троцкий, полагая, что Вам не безынтересно знать кое-что о судьбе одного из Ваших сподвижников.

А судьба А.С. Бабенко — далеко не завидная! Сегодня тов. Бабенко навещат, очевидно, предисполкома тов. Толмачев, секретарь обкома тов. Аболин и редактор «Красного знамени» тов. Письменный. Несомненно, вопрос о поддержке тов. Бабенко будет разрешен сегодня же.

Прилагая фотографию А.С. Бабенко, тюремную и единственную у него, которую он очень охотно отдал для отсылки «тов. ЛЬВОВУ», т.е. Вам.

С коммунистическим приветом, *М. Донецкий*

Редакция «Красного знамени».

P.S. Сегодня был у тов. Бабкова (так в постскриптуме именуется А.С. Бабенко) вместе с зав. Истпартом¹. Редакци-

¹ *Истпарт* — Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), занималась собиранием, научной обработкой и изданием материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции.

ей, впредь до назначения пенсии, оказана тов. Бабкову матер[иальная] поддержка.

Фотография, о которой я говорю в конце письма, взята в Истпарт для переснятия, после чего, во исполнение желания старика, я пришлю ее Вам вместе с другой — в теперешней обстановке т. Бабкова.

М. Донецкий

РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 19. Л. 16—17.

Подлинник — машинописный текст с автографом.

Раздел I

БЕССЛАВНЫЙ «ТРИУМВИРАТ» НАРКОМОВ

Глава 1

«Долой не понимающую дела коллегия военных комиссаров»: конфликты в руководстве Наркомата по военным делам РСФСР в первые месяцы «диктатуры пролетариата»

Захватившие власть большевики сразу попытались представить переворот как нечто законное. 1 ноября 1917 года Ленин прямо заявил на заседании ЦК РСДРП(б): «переговоры должны были быть, как дипломатическое прикрытие военных действий. Единственное решение, которое правильно — это было бы уничтожить колебание колеблющихся и стать самыми решительными»¹. Формально власть передал большевикам нелегитимный по своей сути II Всероссийский съезд Советов. Народные комиссары (ужасно пахнущие революцией, перефразируя товарища Ленина, революционные министры) формально не были назначены председателем Совнаркома — их избрал съезд, и по логике именно съезд Советов мог их этой власти лишить. Когда создатель советского правительства начал кадровые перестановки, это обусловило появление ряда проблем. Не будет преувеличением заявление, что наиболее острый конфликт произошел на этой почве у Владимира Ильича с руководством военного ведомства.

С 1920-х годов партия талдычила о «ленинской когорте» революционеров, спаянной и единой. Причем даже большевики-эмигранты и невозвращенцы не имели обыкновения

¹ РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 14. Л. 6.

оспаривать этот тезис. Сам Лев Троцкий 8 октября 1923 года заявил: «Совершенно очевидно, что кадры старых, подпольных большевиков представляют собою революционную закваску партии и ее организационный хребет»¹. В действительности все с точностью до наоборот: совсем не когорта, не всегда большевиков, лишь иногда ленинцев. И никак не спаянная. Если театр определяют как «террариум единомышленников», но у руководства военным ведомством оказался просто *terrarium*, с одобрения съезда Совета ошибочно прозванный триумвиратом.

Декретом II Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 года управление делами «военными и морскими» поручалось возглавить Комитету в составе трех наркомов: Владимира Александровича Антонова-Овсеенко, Павла Ефимовича Дыбенко и Николая Васильевича Крыленко. В чем-то формирование первого состава Совнаркома носило случайный характер: профессиональных управленцев в рядах РСДРП(б) было мало и, по словам левого эсера Б.Д. Камкова, захватившие власть большевики «в панике искали людей», создавая свой Совнарком и назначая «комиссаров почти безграмотных (не имеющих организационного опыта. — С.В.), в частности, так стал наркомом П.Е. Дыбенко, назначенный «не только потому, что он матрос, но [т.к.] действительно никого [больше] не было»². Постепенно Комитет трансформировался в коллегию Наркомвоена (в том числе, к концу 1917 года ушли 2 наркома — 10 ноября Дыбенко, 5 декабря Антонов-Овсеенко, а Крыленко 20 ноября фактически передал всю полноту прав наркома своему заместителю Николаю Ильичу Подвойскому). В итоге к марту 1918 года Наркомвоен возглавляла коллегия в следующем составе: Верховный главнокомандующий и формальный нарком Н.В. Крыленко; фактический нарком Н.И. Подвойский; члены коллегии Борис Васильевич Легран, Игнатий Людвигович Дзевялтовский, Константин Степанович Еремеев, Михаил Сергеевич Кедров, Павел Евгеньевич Лазимир (от партии левых социалистов-революционеров — ПЛСР), Константин Алексан-

¹ РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 89. Л. 26.

² Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 452.

дрович Мехоношин, Эфраим Маркович Склянский, Валентин Андреевич Трифонов и Илья Ильич Юренев (партийный псевдоним Константина Константиновича Кротовского); Владимир Николаевич Васильевский и Александр Федорович Ильин-Жевневский (секретари коллегии)¹.

Так как все члены коллегии были большевиками, реальное место каждого (кроме Лазимира, олицетворявшего собой союз большевиков с ПЛСР) определялось, прежде всего, положением в партии. «Старыми» большевиками фактически можно считать Н.И. Подвойского и К.С. Еремеева; остальные в РСДРП(б) вступили позднее, причем один из лидеров так называемой «межрайонки» И.И. Юренев и видный меньшевик-интернационалист В.А. Антонов-Овсеенко стали «большевиками» только летом 1917 г.² Поскольку создателем Советского государства стал Владимир Ленин, лично подобравший «наркомов» в высший исполнительный орган Республики Российской — Совет народных комиссаров (СНК, Совнарком)³, попытаемся проследить, как складывались отношения членов коллегии Наркомвоена с В.И. Лениным в дореволюционный период.

Наиболее напряженными были отношения Ленина с *В.А. Антоновым-Овсеенко*. Будущий нарком был достаточно крупной фигурой в революционном движении — состоял в нем с 1901 года, он во время первой революции был одним из организаторов восстания в Польше и Севастополе; в

¹ *Крушельницкий А.В.* Народный комиссариат по военным делам в первые месяцы диктатуры пролетариата: дис ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 23, 38—39; Он же. Состав коллегии Народного комиссариата по военным делам... // Государственные учреждения и общественные организации СССР. М., 1985. С. 42.

² *Ложкин В.* Антонов-Овсеенко // Политические деятели России. 1917. М., 1993. С. 44—45; *Юренев К.К.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1989. С. 780. См. подр.: *Крушельницкий А.В.* Указ. дис. С. 203—206.

³ *Ирошников М.П.* Председатель Совнаркома и Совета Обороны Н. Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в июле 1918 — марте 1920 г. Л.: Наука, 1980; Он же. Создание советского центрального государственного аппарата: Совет народных комиссаров и народные комиссариаты: октябрь 1917 г. — январь 1918 г. М.; Л., 1966.

эмиграции (с 1910 г.) будущий нарком примыкал к меньшевикам-партийцам и вступил в партию большевиков лишь в мае 1917 г.¹ В «Биохронике» Ленина В.А. Антонов до его назначения в Комитет по делам военным и морским упомянут дважды, причем первое упоминание относится к 1905, а второе — уже к 1917 году².

Подвойский и Кедров были старыми большевиками-ленинцами и убежденными марксистами, революционная деятельность обоих началась еще до создания большевистской партии; оба принимали участие в организации боевых дружин еще во время первой русской революции³.

Совместная работа *Н.И. Подвойского* с Лениным началась не позднее, чем в мае 1913 года: в это время он поддерживал отношения Ленина с фракцией большевиков IV Думы (т.е. был «связистом» легальной фракции в России с большевистской эмиграцией)⁴. Впрочем, ими велась и совместная издательской работа⁵.

М.С. Кедров начал свою революционную карьеру в 1899 году, состоял членом Северного рабочего союза, затем РСДРП — РСДРП(б). В 1900 году участвовал в первом социал-демократическом кружке в Ярославле, в 1901-м состоял в Нижегородском комитете, в 1902-м в Симферополе принимал участие в работе местной социал-демократической организации (в этой организации тогда состояли будущие видные дея-

¹ *Заботин В.Н.* Антонов-Овсеенко // Политические деятели России. 1917. М., 1993. С. 22.

² 10 декабря 1905 г. Ленин участвовал в совещании членов ЦК РСДРП, деятелей Боевой и объединенной военной организаций на квартире у Л.Б. Красина. Обсуждался вопрос о мероприятиях по поддержке Московского вооруженного восстания. На заседании был Антонов. Антонов, по заданию Ленина, 16 октября 1917 г. участвовал как уполномоченный ЦК РСДРП(б) в работе Чрезвычайной конференции социал-демократии Латвии в Валке, сообщил решение ЦК о вооруженном восстании (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. М., 1973. С. 390).

³ *Заботин В.Н.* Подвойский // Политические деятели России. 1917. М., 1993. С. 255; Кедров // Великий Октябрь. М., 1987. С. 256.

⁴ Владимир Ильич Ленин.. Т. 3. М., 1972. С. 106–107, 119, 227.

⁵ Там же. С. 227, 229. В мае 1914 г. Ленин, по просьбе Подвойского, направил ему свои пожелания и предложения по статистической работе.

тели советского государства — М. Лурье (Ю. Ларин) и др.). Неоднократно арестовывался и подвергался высылке, в 1903-м вместе с О.А. Варенцовой, Н.П. Брюхановым. В 1905 году авантюрист Кедров по заданию большевистского ЦК пытался организовать подкоп под Таганскую тюрьму для освобождения ряда членов Центрального комитета¹. Небезынтересно, что солировал в этом мероприятии, скорее всего, известный инженер Лев Красин². В 1906-м Кедров организовывал в Твери концерты для сбора денег в парткассе: он был (так, по крайней мере, считали большевики) виртуозным пианистом; осенью открыл издательство «Зерно», предназначенное для печатания нелегальной литературы. Ближайшими соратниками Кедрова были в это время видные партийцы Ангарский, Подвойский, Степан Данилов, Морозов. Кедров как руководитель издательства «Зерно» с 1907 года издавал произведения Ленина в России, за что и отсидел 3 года в одиночной камере³. В 1912 году Кедров эмигрировал в Швейцарию, где в следующем году познакомился с Лениным⁴. В марте 1916 года Ильич выяснял через Г.Е. Зиновьева дату выезда Кедрова в Россию из Швейцарии — вероятно, последний отправился на Родину по личному заданию вождя большевиков⁵. Относительно взаимоотношений Кедрова с Лениным в этот период, пожалуй, стоит процитировать запись из биохроники последнего: «Чиновник для особых поручений в донесении из Парижа в Департамент полиции сообщает об отъезде из Лондона в

¹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 852 (Личное дело М.С. Кедрова во Всесоюзном обществе старых большевиков — ВОСП). Л. 3—3 об.

² Там же. Л. 3 об.

³ Там же. Л. 4; *Кедров М.С.* Из красной тетради об Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1956. С. 477—478; Владимир Ильич Ленин.. Т. 2. М., 1971. С. 365. В июне—июле 1913 г. Ленин неоднократно посещал квартиру М.С. Кедрова. Ленин интересовался издательством и сотрудниками (Владимир Ильич Ленин.. Т. 3. С. 117).

⁴ По воспоминаниям Кедрова, Ленин «пришел на концерт, устроенный кассой взаимопомощи русского студенчества» — в Берне (*Кедров М.С.* Из красной тетради об Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1956. С. 479).

⁵ Владимир Ильич Ленин.. Т. 3. С. 478; *Ленин В.И.* Пол. собр. соч. Т. 49. С. 211—212.

Петроград или Москву проживавшего в Лозанне М.С. Кедрова, видного социал-демократа и личного друга Ленина. В донесении указывается на возможность получения Кедровым специальных партийных поручений от Ленина»¹. В 1916 году вернувшийся на Родину Кедров был направлен врачом на персидский фронт, где после Февральской революции создал первый в Закавказье большевистский Совет рабочих и солдатских депутатов (в Шерифханском районе) и стал его председателем. Октябрьская революция застала Кедрова в Омске, где он добился своего избрания председателем местного совета рабочих и солдатских депутатов².

Несмотря на весьма небогатый военный опыт, Подвойский и Кедров — активные члены «Военки» — подчеркнуто позиционировали себя как профессиональные военные. Оба они также страшно гордились (в отношении Кедрова правильнее будет сказать кичились) своим дореволюционным прошлым. В июне 1917 года явившийся к Ленину с Персидского фронта Кедров так описывал свою внешность: «офицерские погоны и солдатская гимнастерка, на которую были навешаны ученые знаки различия, а на груди еще красовалась довольно обширная полоса, на которой черным по красному было напечатано: «Председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Шерифханского района»». Сам Кедров с юмором вспоминал позднее, что Н.К. Крупская была изумлена явлением такого редкостного попугая³. Что же касается Н.И. Подвойского, никогда ни в какой армии не служившего, то он на всех фотографиях изображен в полувоенном френче. К этому стоит добавить, что В.А. Антонов-Овсеенко в 1901 году был исключен из Николаевского военно-инженерного училища за отказ от присяги «на верность царю и отечеству», мотивированный «органическим отношением к военщине»⁴.

¹ Владимир Ильич Ленин.. Т. 3. С. 510.

² РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 852. Л. 4—4 об.

³ Кедров М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 484. М.С. Кедров ошибочно датирует событие июлем 1917 г. встреча Кедрова и Ленина состоялась 6 июня 1917 г. (См.: Владимир Ильич Ленин.. Т. 5. М., 1974. С. 221).

⁴ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 665 (Личное дело В.А. Антонова-Овсеенко в ВОСБ). Л. 4.

Н.В. Крыленко начал свою революционную деятельность позднее, чем Подвойский и Кедров. Первый советский Главоверх родился в семье чиновника акцизного ведомства. В 1903 году поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, там входил в студенческие организации и участвовал в проведении забастовок. Крыленко изначально — с 1904 года — был членом РСДРП(б), выступал на собраниях против либералов от имени большевистской организации, состоял в группе содействия при большевистском ЦК в качестве агитатора-пропагандиста, участвовал в газете «Вперед». К октябрю 1905 года Крыленко проводил партработу в Петербурге, на заводах Выборгской стороны и за Невской заставой, где как оратор пользовался широкой популярностью под псевдонимом «Абрам», руководил забастовочным движением. Весной 1906 года Крыленко участвовал в проведении бойкота выборов в I Государственную Думу. От окружного района был проведен в члены Петербургского комитета РСДРП(б); работал в Военной организации при ПК. Затем Крыленко переехал в Москву и стал агитатором МК, работая под фамилией Войченко. В июне 1906 года Николай Васильевич в первый раз оказался в эмиграции — в Бельгии и во Франции (опять-таки не под своей фамилией: вначале он носит фамилию Рено, затем — Гурняк). На этот раз Крыленко пробудет за границей менее полугода: уже в ноябре он вернется в Россию и продолжит работу в Петербурге — примет участие в предвыборной кампании во II Государственную Думу и в подготовке V съезда РСДРП(б). Весной 1907 года Крыленко «впал в ересь»: увлекся синдикализмом, за что был даже раскритикован в печати Лениным. Летом 1907 года скрывавшийся под фамилией Постников, Крыленко был арестован и после установления личности предан военно-окружному суду, но в сентябре 1907 года по суду оправдан и уехал в Финляндию, где через 11 месяцев снова оказался под арестом. По освобождении Крыленко выехал в Люблин, а осенью 1908 года вернулся в Петербург. В 1911 году Крыленко выходит из партии анархо-синдикалистов и возвращается в лоно большевистской социал-демократии. Выполнив эту работу,

Крыленко, по предложению Старика, уехал в Петербург в качестве агитатора по подготовке выборов в IV Госдуму. Осенью 1912 года Крыленко поступил вольноопределяющимся на военную службу — поступок, вообще-то не характерный для правоверного «ленинца» — и одновременно продолжил свое обучение на юридическом факультете Петербургского университета. По окончании «военной службы» Крыленко работал в «Правде» и во фракции большевиков IV Государственной Думы. С декабря 1913 по март 1904 года Крыленко находится в тюрьме, затем высылается в Харьков, где работает в партийной организации и завершает свое обучение. В июле 1914 года Крыленко отправляется в эмиграцию, где за год успеет пожить в Галиции, Австрии, Швейцарии и принять участие в Бернской конференции (март 1915 г.). В июне 1915-го Крыленко вернулся в Россию и уже в ноябре арестован в Москве, где скрывался под фамилией Сидоров. Отсидев 3 месяца в тюрьме, Крыленко направлен в Харьков, где вновь посажен в тюрьму до апреля 1916 года — на этот раз за уклонение от военной службы (шла Первая мировая война, и прапорщик должен был находиться на фронте). На Юго-Западном фронте будущий Главковерх состоял под надзором. После Февральской революции (в марте 1917 г.) Крыленко переведен в тыл, стал последовательно председателем полкового, дивизионного и армейского комитетов 2-й армии. В мае 1917 года Крыленко на съезде фронтовых организаций в Петрограде, делегат ЦК РСДРП(б) на общefронтовом съезде в Кременце и I Всероссийского съезда Советов, сотрудник «Солдатской правды». С июля по сентябрь сидел на «губе» за участие в июльской попытке военного переворота¹. На определенном этапе (скорее всего, в 1911—1915 гг.) Крыленко был своеобразным «легатом» Ленина в подполье и человеком, которого «Старик»² явно ценил³. Кроме того, Крыленко,

¹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 997 (Личное дело Н.В. Крыленко в ВОСБ). Л. 3—4. Биография.

² Подпольная кличка В.И. Ленина.

³ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 997 Л. 3—4. Владимир Ильич Ленин.. Т. 3. С. 17—18. Московской организации РСДРП.

как и В.А. Антонов, пробовал свои силы в качестве партийного теоретика¹.

Все четверо (Антонов, Крыленко, Подвойский, Кедров), судя по воспоминаниям Кедрова, в июле 1917года² были горячими сторонниками вооруженного восстания.

Несколько особняком стоит самый старый член коллегии — К.С. Еремеев. Он занялся революционной (как организаторской, так и публицистической) деятельностью уже с 1894—1895 годов, вступил в РСДРП — РСДРП(б) во время создания партии и ее фракции. С Лениным Константин Степанович познакомился в 1903году, в Женеве, куда бежал из ссылки³. В марте-июле 1917года Еремеев работал в «Правде» под непосредственным руководством Ленина, получал от него указания по печатанию материалов⁴. Если верить воспоминаниям Еремеева, он с первой встречи подпал под харизму Ленина⁵.

Б.В. Легран в «Биохронике» Ленина впервые упомянут в качестве товарища наркома по военным делам по общему управлению Военным министерством⁶; к тому же его воспоминания в многочисленных сборниках отсутствуют. По всей видимости, установлением реального места этого члена коллегии Наркомвоена в большевистской партии предстоит заняться исследователям.

Два секретаря коллегии (В.Н. Васильевский и А.Ф. Ильин-Женевский) появились в военном ведомстве, очевидно, по рекомендации Подвойского и Еремеева.

¹ 22 июня (5 июля) 1915 г. Ленин редактировал и писал, по просьбе Н.И. Бухарина, замечания на предназначавшуюся для журнала «Коммунист» статью Н.В. Крыленко «Кому выгодно?». Владимир Ильич Ленин.. Т. 3. С. 346; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 541. Л. 1.

² Кедров М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 485. На то, что так полагали все четверо, указывает определение: «горячие головы военки».

³ Еремеев К.С. Встречи с Ильичом // Об Ильиче. Л., 1970. С. 86. Иногда в литературе встреча Еремеева с Лениным датируется 1904 годом (См. напр.: Еремеев // Великий Октябрь. М., 1987. С. 251).

⁴ Владимир Ильич Ленин.. Т. 4. С. 65, 207.

⁵ Еремеев К.С. Встречи с Ильичом. С. 86.

⁶ Владимир Ильич Ленин.. Т. 5. С. 78.

Мать секретаря коллегии *В.Н. Васильевского* вступила в партию большевиков в 1906 году, отец еще в 1894 году организовывал рабочие кружки, поэтому Владимир Николаевич с детства «вращался в среде работников партии». В 1907—1911 годах он учился в гимназии в Баку, где в это время «перебывало много старых ответственных работников партии», партийные собрания и встречи которых нередко происходили на квартире родителей Васильевского. Особенно на Владимира в этот период повлияли М.С. Ольминский, читавший на квартире у Васильевских рукопись своей книги о бюрократии, и старый соратник отца — А.М. Стопани. И в гимназии, и в Московском университете (вместе с В.М. Молотовым — тогда Скрябиным, А.Я. Аросевым, Н.В. Мальцевым и В. Тихомировым) Васильевский был членом ученических организации — вплоть до ареста и высылки из Москвы в 1912 году. Примечательно, что в делах Московского охранного отделения указано, что Васильевский «в 1909 году, будучи гимназистом, проходил по наблюдению за партией социалистов-революционеров», а не большевиков¹. В 1912 году Васильевский перебрался в Финляндию, затем в Петербург. В это время имел связи с партией через Н.И. Подвойского, которого знал еще по Баку (Подвойский также, в определенной степени, считал себя учеником А.М. Стопани²). В это время работал с перебравшимся в Петербург В.М. Молотовым (до его ссылки) и К.С. Еремеевым; принимал участие в работе большевистской фракции политехникума (где пересекался с будущим троцкистом и членом РВСР И.Н. Смирновым) — в ней состоял его брат Всеволод. В 1913 году Еремеев и Малышев привлекли Васильевского к работе в аппарате редакции «Правды» (в 1914 году Васильевский заменил Малышева на посту секретаря редакции). Тогда в Петербурге он имел дело со многими большевиками, известными Васильевскому еще в Баку, в том числе с А.С. Енукидзе, М.С. Ольминским, И.И. Вардиным. В июле 1914 года при раз-

¹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 322 (Личное дело В.Н. Васильевского в ВОСБ). Л. 25. Справка Архива революции и внешней политики на В.Н. Васильевского, сделанная по запросу ВОСБ от 3 июля 1930 г.

² Степанов Н.И. Подвойский. М., 1989. С. 50.

грома «Правды» Васильевского арестовали — до конца года он просидел в «предварилке», был выслан, но уехал в Москву, где находился на нелегальной работе вплоть до Февральской революции. В Москве в это время собралась «вся старая группа»: Молотов, Аросев, Мальцев (Васильевский и Аросев занимался печатанием и распространением нелегальной литературы). В это время Васильевский получал руководящие указания от В.И. Ленина — в основном через сестру последнего М.И. Ульянову¹. В конце 1915 года Васильевского снова арестовали и на этот раз направили (в 1916 году после краткосрочных военных курсов) на военную службу в 194-й пехотный полк «под особое наблюдение». В полку Васильевский сразу занялся революционной агитацией и созданием военной организации — в феврале 1917 года он вывел свою роту «на улицу». С первых дней Февральской революции участвовал в создании «военного бюро» при МК РСДРП(б), где работал со свояченицей Подвойского О.А. Варенцовой, А.Я. Аросевым, М.Ф. Шкирятовым и др.; участвовал во Всероссийской конференции военных организаций. При Керенском «политически неблагонадежных», как написал Васильевский в автобиографии, произвели в прапорщики; Владимир Николаевич стал членом фракции Совета солдатских депутатов, но «в самый разгар работы» был отправлен на фронт. В полку Васильевский быстро составил с помощью оказавшейся там массы питерских рабочих большевистское ядро, провел корпусной съезд, направивший делегацию в ЦИК под председательством самого Васильевского. В Петрограде сразу был вовлечен в работу Военно-революционного комитета (комиссаром огнескладов)².

А.Ф. Ильин-Женевский, сын протоиерея, журналист, с 1910 года участвовал в нелегальных ученических организациях, состоял членом в редакции ученического журнала «Недотыкомка». На Ильина во многом повлиял его старший (правда, всего на 3 года) брат Федор Федорович Раскольников (Ильин) — будущий член Реввоенсовета Республики. По-

¹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 322 (Личное дело В.И. Васильевского в ВОСБ). Л. 5, 7—9 (Автобиография).

² РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 322. Л. 8—9.

следний уже в 1905 году, будучи учеником 7-го класса реального училища, был одним из организаторов ученической забастовки, за которую едва не поплатился отчислением. Сам Александр Федорович уже в 1909 году (14 лет отроду) прочитал «Анти-Дюринга» Фридриха Энгельса, годом позже — «Капитал» Карла Маркса, произведения Фердинанда Лассаля и др. Особенное влияние на Ильина, по его воспоминаниям, оказал Карл Каутский, который «легче всего поддавался... усвоению и определил мое мировоззрение, поставив его на определенные рельсы ортодоксального марксизма». Уже с 1910 года Ильин принимал активное участие во многих нелегальных ученических организациях и кружках¹. В 1911 году Ильин представлял Введенскую гимназию в объединенном межученическом комитете (другое название — Петербургская межученическая организация средней школы)² — «своего рода нелегальном профессиональном союзе учащихся в средней школе»³. Комитет ставил своей задачей объединение учеников «на почве культурно-просветительной, профессиональной и революционной работы» (А.Ф. Ильин)⁴. В 1912 году он вступил в РСДРП(б) и организовал в межученическом комитете Витмеровской гимназии большевистскую фракцию; познакомился с большевиками К.С. Еремеевым, С.С. Даниловым, В.М. Молотовым. А 9 декабря Ильина арестовали в числе 34 учеников вследствие провала межученического комитета — из гимназии молодого революционера, естественно, исключили⁵. Только кампания в печати, указавшая на «недопустимость репрессий по отношению к малолетним участникам», избавила Ильина сотоварищи от тюрьмы и ссылки⁶.

Образование Ильин все же получил: при поддержке мецената Шахова он оказался в Женеве, где успешно сдал эк-

¹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 768 (Личное дело А.Ф. Ильина-Женевского в ВОСБ). Л. 4.

² Там же. Л. 12.

³ *Ильин-Женевский А.Ф.* Один день с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1956. С. 528.

⁴ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 768. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 4 и сл.

⁶ Там же. Л. 5.

замен и поступил на Естественный факультет. В Женеве он примыкал к ленинской группе, во главе которой тогда стоял В.А. Карпинский, именно он и представил в 1914 году Ильина В.И. Ленину¹. По утверждению Ильина, Ленин «потом в письме к Карпинскому звал меня гостить к нему под Краков, где он тогда жил»². Сам Ильина-Женевский вспоминал, что одностороннее «знакомство» с Лениным возобновилось лишь в 1917 году в Петрограде, «вскоре после приезда Ленина из-за границы»³, однако в «Биохронике» Ленина высказано предположение, что в мае 1914 года через Ильина-Женевского были переданы в Россию инструкции Ленина⁴.

В июне 1914 года Ильин-Женевский вернулся в Петербург, работал на легальном книжном складе «Правды», заведовал по приглашению К.А. Комаровского (Данского) — будущего помощника Подвойского по Высшей военной инспекции — конторой большевистского журнала «Вопросы страхования»⁵. В феврале 1915 года А.Ф. Ильин попал под мобилизацию, оказался в школе прапорщиков и в мае отправился на фронт. «В 20-х числа я был уже на фронте, а 30 мая мне пришлось отбивать яростные атаки немцев на Варшаву и я, наконец, свалился, отравленный удушливыми немецкими газами, бывшими еще тогда новинкой, — вспоминал в 1932 году А.Ф. Ильин-Женевский. — Однако лечился я недолго и приблизительно через 2 недели» был переброшен на Южный фронт в 3-ю армию, выбитую с Карпат и «в ужасном состоянии» отступавшую по Галиции; «я нашел эту армию уже на нашей территории и вместе с ней сделал тяжелый путь по Люблинской и Холмской губерниям. Наконец 9 июля у местечка Пяски, во время нашей контратаки, я был контужен в голову, спину и ноги. Я был вынесен с поля сражения, эва-

¹ Владимир Ильич Ленин.. Т. 3. Там же. С. 526. О беседе известно только то, что речь шла, в том числе о работе петербургской межученической организации средней школы в 1911–1912 годах (Владимир Ильич Ленин.. Т. 3. С. 121).

² РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 768. Л. 5.

³ Владимир Ильич Ленин.. Т. 3. С. 530.

⁴ Там же. С. 231.

⁵ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 768. Л. 5, 12.

куирован в тыл и в полубессознательном состоянии доставлен в Петроград»¹. Большевик около года провел в лазарете, по итогам был признан годным исключительно к занятию нестроевых должностей в мирное время. В начале 1917 года Ильин был назначен в запасной огнеметно-химический батальон в Петрограде; вел полемику с оборонцами и занимался организационной партийной работой. После Февральской революции вступил в «Военку». В марте 1917-го отправлен с группой солдат в Гельсингфорс для партийной работы в Балтийском флоте. Редактировал «Солдатскую правду» — вместе с будущими членами Революционного военного совета Республики Подвойским и Владимиром Ивановичем Невским, «Волны», «Голос правды». Во время 3-июльской попытки военного переворота выступал на собраниях комитета запасного огнеметно-химического батальона, доставал оружие для большевистских частей. Вместе с Еремеевым Ильина делегировали для переговоров с Главнокомандующим войсками Петроградского ВО генерал-майором П.А. Половцовым. Ильин принял от Н.И. Подвойского командование Петропавловской крепостью, где были сгруппированы преданные большевикам части — в основном, кронштадтские матросы и пулеметчики 1-го пулеметного полка. После небольшой осады крепости войсками округа большевики сдались по решению ЦК, переданному, между прочим, специально делегированным для этого И.В. Сталиным². Именно Подвойский и пригласил впоследствии Ильина в Наркомвоен, как пригласил впоследствии в Высшую военную инспекцию — в декабре 1918 года (председателем инспекционной комиссии) и в Главное управление всеобщего военного обучения — в конце 1919 года (во время наступления Деникина Ильин принял предложение С.И. Гусева стать комиссаром штаба Московского оборонительного сектора)³. В 1932 году Подвойский будет в числе тех, кто даст Ильину рекомендацию в Общество старых большевиков. В рекомендации Подвойский называет А.Ф. Ильина одним из организаторов Наркомвоена, шта-

¹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 768. Л. 5—6.

² Там же. Л. 7, 12, 13.

³ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 768. Л. 9, 13.

ба Петроградского ВО и политработы в гарнизоне округа и отметит, что во всех работах Ильин «четко, твердо, решительно проводил линию партии»¹. Подвойский в рекомендации Ильину указал также, что Еремеев, старший брат Александра Федоровича Федор Раскольников (Ильин)² и сам Ильин-Жевневский в 1917 году были руководителями поезда помощи Октябрьскому вооруженному восстанию в Москве и поезда против южной контрреволюции³.

Проблема состояла в том, что, придя к власти, как «ленинцы», так и вступившие в партию их бывшие оппоненты перенесли в государственный аппарат принципы, на которых выстраивались их взаимоотношения в дореволюционный период. Сами они вспоминали о редких случаях, когда В.И. Ленин просто срывался. По воспоминаниям, в подобных случаях он говорил «придушенным голосом, с той хрипотой, которая означала у него высшее волнение»⁴. Один такой случай упомянул в своем письме В.А. Антонов-Овсеенко: в конце 1918 года Ленин назвал его «саботажником, которого надлежит арестовать»⁵. А преданный, но недалекий Подвойский вспоминал, как почти сразу после захвата власти большевиками Ленин сорвался (лживый в фактах, но правдивый по сути фрагмент): «Я несколько раз в течение 3—5 часов «сцеплялся» с товарищем Лениным, протестуя против такого рода работы, который казался мне неправильным. Протесты мои как бы принимались, но через несколько минут забывались и игнорировались. В сущности, создалось 2 штаба: в кабинете Ленина и в моем. В кабинете Ленина как бы походный, так как товарищ Ленин имел стол в моем кабинете. Но чем чаще товарищ Ленин посещал свой кабинет, куда непрерывно вызывались по его приказу всевозможные работники, тем более его распоряжения превращались в непрерывную цепь. Правда, эти распоряжения не касались ни операций, ни войсковых час-

¹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 768. Л. 20 об.

² Там же. Л. 22. Старший вступил в партию в 1910 г., младший — в 1912 г. (Рекомендация Ф.Ф. Раскольникова в ВОСБ).

³ См.: Там же.

⁴ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М., 2001. С. 455.

⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 76 и сл.

тей, а только мобилизации «всех и вся» для обороны. Но этот параллелизм работы страшно нервировал меня. Наконец, я резко и совершенно несправедливо потребовал, чтобы товарищ Ленин освободил меня от работы по командованию. «Товарищ Ленин вскипел, как никогда: «Я вас предаю партийному суду, мы вас расстреляем!»¹. Также партийные традиции перенес в руководство государством и М.С. Кедров. Ленин перестал спускать ему вольности, когда Михаил Сергеевич самовольно вернулся (фактически — дезертировал) с разгрузки Архангельского порта — якобы для организации снабжения Северного фронта. Привыкший к довольно мягкой партийной дисциплине дореволюционных лет, Кедров распоясался настолько, что Ленин даже поручил Э.М. Склянскому 8 августа 1918 г. взять с него на заседании Высшего военного совета расписку в том, что последний больше не приедет «в Москву без его (Ленина. — С.В.) разрешения»².

К.А. Мехоношин впервые увидел Ленина 13 апреля 1917 года на собрании членов Военной организации при ПК РСДРП(б)³. В.А. Трифонов, судя по «Биохронике» Ленина, до своего назначения членом Главного штаба Красной гвардии внимания Совнаркома не удостоивался⁴.

Об остальных членах коллегии Наркомвоена — Э.М. Склянском, П.Е. Лазимире, И.И. Юрeneuve — следует говорить особо, так как первый только начинал свою деятельность в комитетах при Временном правительстве, второй состоял в ПЛСР, а третий, как и В.А. Антонов, был «межрайонцем» до 1917 года и с В.И. Лениным не пересекался.

Вернемся к февральской коллегии. Вопрос о разделении обязанностей в коллегии к февралю 1918 года не был до конца урегулирован. Подвойский с Крыленко не могли до конца поделить обязанности наркома. Несмотря на то, что Подвойский с 21 ноября 1917 года представлял Наркомвоен в

¹ Подвойский Н.И. В Октябрьские дни // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1956. С.638.

² Кедров М.С. Указ. соч. Т. 2. С. 101.

³ Владимир Ильич Ленин... Т. 4. С. 81-82.

⁴ Там же. Т. 5. С. 227.

Совнаркоме¹, а в 20-х числах января 1918 года, как установил А.В. Крушельницкий, это положение было оформлено², Крыленко продолжал считать себя легитимным главой военного ведомства и, по крайней мере, 4 раза (трижды в январе и один раз в марте 1918 г.) в этом качестве апеллировал к Совнаркому³. В конце января 1918 года выяснилось, что наркомом продолжает себя считать и В.А. Антонов, отправивший экстренную телеграмму Ленину (и в копии Подвойскому) с призывом «убрать долой не понимающую дело» коллегия Наркомвоена⁴. Таким образом, налицо 2 формальных наркома (Крыленко и Антонов), свысока смотревших на членов коллегии Наркомвоена и выяснявших отношения с фактическим наркомом (Подвойским) апелляциями к В.И. Ленину.

В советской историографии считалось естественным подчеркивать единственное объединявшее членов коллегии Наркомвоена обстоятельство: все были большевиками, кроме левого эсера П.Е. Лазимира. Но при этом во всей коллегии Наркомвоена не было ни одного человека с должной подготовкой, т.е. с высшим военным образованием, что не могло не отразиться на эффективности военного управления. Впрочем, Н.В. Крыленко, например, с апреля 1916 г. воевал в чине прапорщика на Юго-Западном фронте, с марта 1917 г. председательствовал в полковом комитете. Для сравнения: А.Ф. Керенский, занимавший во Временном правительстве пост военного министра, не служил в армии ни единого дня.

Из 12 человек только двое (Н.В. Крыленко и Н.И. Подвойский) являлись фактическими руководителями военного ведомства. У обоих был солидный партийный вес (у Крыленко — с 1904; у Подвойского и вовсе — с 1901 года). Опыт военного руководства у них был минимальным: *Подвойский* был

¹ См.: Сб. протоколов СНК. С. 41 и след.

² Крушельницкий А.В. Указ. дис. С. 41—42.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 9 об и сл.; Оп. 4. Д. 6. Л. 91—92. Один раз «задолго до немецкого наступления и даже до разрыва мирных переговоров первой мирной делегации», Крыленко, по его свидетельству, лично вручил такую записку Ленину (Там же. Оп. 1. Д. 466. Л. 9 об.).

⁴ В.А. Антонова возмутил отданный Н.В. Крыленко 29 января 1918 г. приказ «об общей демобилизации армии на всех фронтах» (Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927. М., 1996. С. 35—36).

председателем бюро Военной организации при ЦК РСДРП(б)¹ и штаба Петроградского военно-революционного комиссариата (ПВРК); Крыленко — членом тех же организаций². Однако у остальных партийных организаторов (как в военном ведомстве, так и за его пределами) опыта военного руководства было еще меньше. Таким образом, судьба Красной Армии находилась в руках не военных специалистов, а партийных функционеров. По свидетельству Крыленко, коллегия Наркомвоена представляла собой «коллегию товарищей, до известной степени случайно призванных к этой (военно-организационной. — С.В.) работе»: «всероссийское бюро военной большевистской организации»³.

Основным источником информации о взаимоотношениях членов коллегии Наркомвоена остаются документы Главковерха Н.В. Крыленко. К марту 1918 года, по свидетельству Крыленко, руководство Наркомвоена было представлено тремя большевиками: самим Главковерхом Н.В. Крыленко, К.А. Мехоношиным и Н.И. Подвойским. Остальные члены коллегии Наркомвоена, — докладывал Крыленко Совнаркому, — «либо отстранились от этой работы, либо ушли, либо с самого начала не приняли активного участия».

Фактически отошли от дел в коллегии наркомата В.А. Антонов-Овсеенко, переключившийся на борьбу с контрреволюцией, и П.Е. Дыбенко, занимавшийся вопросами флота. Самому Н.В. Крыленко, по его признанию, «со времени назначения в Ставку удавалось принимать участие в делах Комиссариата далеко не в полной мере». Таким образом, официально признанное, утвержденное съездом и ВЦИК руководство Наркомвоена, (само) устранилось и на деле руководящую роль в коллегии Наркомвоена заняла «нелегитимная... группа четырех товарищей» в лице Н.И. Подвойского, К.А. Мехоношина, Б.В. Лигана и Э.М. Скланского: остальные [были] либо заняты (как Лазимир продовольствием, [а]

¹ Военная организация при ЦК РСДРП(б) была создана в мае 1917 г. на базе Военной организации при Петербургском комитете РСДРП.

² Крушельницкий А.В. Состав коллегии Народного комиссариата по военным делам... С. 42 и др.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 77.

Кедров — демобилизацией), либо не могли принимать постоянного участия, либо (как Еремеев, Василевский, Дзевялтовский) приглашались лишь эпизодически, а на последнем заседании были исключены и юридически из состава Комиссариата»¹. Члены коллегии Наркомвоена курировали определенные участки работы центрального военного аппарата и руководящие решения, по сути, не принимали². Н.И. Подвойский, К.А. Мехоношин, Б.В. Легран и Э.М. Склянский даже попыталась оформить «свой приоритет, включив в неписанную конституцию Комиссариата пункт об обязательной подписи приказов по военному ведомству одним из указанных четырех лиц», а также поставить под свой контроль В.А. Антонова-Овсеенко (что им не удалось, но создало в коллегии «невыносимую атмосферу вечно напряженных отношений», препятствующую нормальной работе)³. Когда Э.М. Склянский общался на этот предмет по прямому проводу с находившимся в Ставке Крыленко, он пытался убедить Главковерха: коллегия «довольно долго» обсуждала вопрос о распределении обязанностей и «решила его в определенной форме все не из желания предоставить себе особые прерогативы, и, если теоретически все товарищи (члены коллегии Наркомвоена. — С.В.) ведут работу по управлению, то практически только четверка занимается общим управлением, в то время как остальные работают в определенных областях. Антонов — комиссар обороны, но в министерстве не делает ничего; Лазимир занят снабжением, а Кедров — демобилизацией, и сомнительно, чтобы эти последние протестовали против пункта о подписях»⁴. Более того, даже излишне склонный к самостоятельности Кедров, по заявлению Склянского, не провел ни одного приказа без того, чтобы не обратиться к товарищам, ведающим общим управлением»⁵. Склянский в заключение разговора спросил, удовлетворит ли Крыленко, если решения коллегии будут скреплены подписями не толь-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 68.

² Крушельницкий А.В. Указ. дис. С. 44 и след.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 78.

⁴ Там же. Д. 70. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 14—15.

ко 4 ее членов, но и остальных? Крыленко ответил, что ему это безразлично; уверял Склянского, что ему «и так слишком тяжело нести свои обязанности» и он не будет «мешат[ь] коллегии осуществлять свое общее руководство»¹. Из разговора следует, что Крыленко продолжал считать себя наркомвоенном и был против существования, как он позднее выразиться, «незаконной четверки». Вскоре после вытеснения Антонова разошелся «на личной почве» с Н.И. Подвойским и был принужден покинуть коллегия Б.В. Легран². Произошло это не позднее 31 декабря 1917 года³.

К группировке Подвойского примыкал (несмотря на отсутствие реального участия в собраниях коллегии) и верный последователь наркома — И.Л. Дзевялтовский. В марте 1917 года он явился в штаб «Военки» и через 2 недели штабс-капитану дали важное поручение: вести большевистскую агитацию в гвардии, несмотря на то, что Дзевялтовский еще не был членом РСДРП(б). Ответственное партийное задание было выполнено за 2 месяца: «Гвардия — самое надежное ядро царской армии — была завоевана для нашей партии тов. Дзевялтовским» (Н.И. Подвойский)⁴. Итогом деятельности штабс-капитана стал отказ гвардейцев от наступления, арест самого Дзевялтовского и 75 «зачинщиков»⁵. По окончании суда Дзевялтовский был вызван Военной организацией при ПК РСДРП(б) для организации Октябрьского переворота и стал комиссаром «Военки». Для удержания в руках большевиков подступов к Петрограду Дзевялтовского командировали «для создания военных организаций во всех гарнизонах,

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 17.

² Там же. Л. 78.

³ Там же. Д. 70. Л. 53. Следует из переговоров по прямому проводу Э.М. Склянского и Н.В. Крыленко. По прямому проводу Склянский не захотел обсуждать с Главковерхом причины ухода Леграна из коллегии. Работой Леграна занялся Склянский.

⁴ РГАСПИ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 180. Л. 3. Характеристика И.Л. Дзевялтовского с пометами Н.И. Подвойского (1922 г.).

⁵ Там же. Л. 4. За время нахождения под арестом Дзевялтовский успел создать газету «Гренадерская правда». Через месяц после ареста Дзевялтовский и остальные арестованные гвардейцы были оправданы.

защищающих Петроград со стороны Северного фронта»¹. Во время Октябрьского восстания Дзевялтовский был «начальником штаба главнейшего сектора действующих против Зимнего дворца войск» и одновременно руководил «революционным полевым следствием над захваченными во время восстания генералами, буржуазными тузами и прочие». После переворота ПВРК назначил Дзевялтовского комендантом и комиссаром царского дворца. На военной работе в завоевавшей власть партии Дзевялтовский с 27 октября 1917 года: Комитет по делам военным и морским приказал ему организовать на Пулковских высотах полевой штаб обороны против Краснова². До Октябрьского переворота И.Л. Дзевялтовский привлекался к агитационной работе (в гвардии, затем на Юго-Западном фронте), непосредственно после — занимался подбором инструкторов для Советских вооруженных сил³. Подвойский относился к Дзевялтовскому исключительно: об этом свидетельствует письмо последнего с просьбой «дать ему рекомендацию» для ЦКК. Дзевялтовский назвал в письме Подвойского своим «духовным отцом»⁴. Главный комиссар военно-учебных заведений Дзевялтовский оказался самым последовательным сторонником демобилизации в коллегии Наркомвоена — в начале марта 1918 года Дзевялтовский отдал распоряжение о реорганизации всех военных академий (в том числе и бывшей Николаевской академии Генштаба) «в гражданские учебные заведения, лишь с некоторым оттенком военного преподавания»⁵. Результат — ликвидация ряда военно-учебных заведений, увольнение преподавателей, лишение продпайка и, как следствие, переход в лагерь контр-

¹ Там же.

² Там же. Л. 5.

³ РГАСПИ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 180. Л. 4, 6.

⁴ Там же. Л. 2. Письмо датировано 16 февраля 1922 г. Точный фрагмент письма: «Вам, как своему духовному отцу, доверяю и дальнейшую мою участь. Из прилагаемого при сем жизнеописания Вы узнаете, в чем дело». И.Л. Дзевялтовский просил Н.И. Подвойского дать ему рекомендацию и подписать ее у «кого-либо еще»: К.А. Мехоношина, В.И. Невского, Н.В. Крыленко, Н.И. Муралова. Подвойский рекомендацию дал, но подписывать у других не стал.

⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 182.

революции за гроши, выдаваемые соответствующими антисоветскими организациями.

Занятый демобилизацией (по свидетельству Крыленко) свояк Подвойского М.С. Кедров также фактически входил в группировку Наркомвоена. Кедров и Подвойский нередко работали в тандеме и помимо Наркомвоена¹. Именно комиссар по демобилизации (эту должность официально занимал Кедров) так сильно укреплял «военный престол» Подвойского, что в феврале 1918 года недовольный политикой Наркомвоена Ленин, по его воспоминаниям, почти насильно² отправил Кедрова на разгрузку Архангельского порта. Самое удивительное, что фраера, как это обычно и бывает, сгубила жадность. Польстившись на многомиллиардное имущество, Кедров составил докладную записку в коллегию Наркомвоена, в которой просил об издании приказа с возложением всей задачи по разгрузке Архангельского порта на возглавляемый им Комиссариат по демобилизации, «имеющий в своем составе орган, вполне способный справиться с этим делом» — Центральное техническое управление. Подвойский наложил на записку резолюцию: «Возложить на ЦТУ Комисс[ариата] по демоб[илизации] вывоз из Арх[ангельского] порта грузов в[оенного] вед[омства]»³. На решающем судьбу Кедрова заседании Совнаркома от военного ведомства присутствовали Подвойский, Мехоношин и Крыленко; небезынтересен факт присутствия Л.Д. Троцкого⁴, следившего за происходящим в Наркомвоене⁵ примерно столь же пристально, сколь и Надежда Ивановна Галкина за семейством Головлевых в романе Салтыкова-Щедрина...

В.А. Трифонов, кооптированный в коллегию как руководитель Всероссийской коллегии по организации и формиро-

¹ Так, например, 20 апреля 1918 г. на заседании СНК М.С. Кедров выступал с докладом «О разгрузке Архангельского порта», Н.И. Подвойский «О развитии Мурманского края» (РГАСПИ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 169. Л. 47—47 об. Повестка заседания СНК на 20 апреля 1918 г.).

² Кедров М.С. Анкета // От февраля к Октябрю. М., 1967. С. 170—175.

³ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 56. Л. 69.

⁴ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 гг. М., 2006 (далее — Сб. протоколов СНК). С. 363.

⁵ Там же. С. 41—43 и след.

ванию Красной Армии, также разделял взгляды группировки Подвойского¹. При этом у Трифонова, по воспоминаниям брата (Е.А. Трифонова), не сложились отношения с В.А. Антоновым-Овсеенко и И.И. Юрневым — «межрайонцами». Сын Трифонова вспоминал, что характер у В.А. Трифонова «был не из легких. Он был слишком независим, обо всем составлял собственное мнение и отстаивал его с большим упорством»².

Несмотря на то, что Склянский и Мехоношин позиционировались Крыленко членами группировки Подвойского, они в действительности держались несколько обособленно. Склянский, кстати, был, наверное, единственным членом коллегии, к которому метивший в Наполеоны Главковерх всегда относился с большим уважением³. Мехоношин, куратор самого запутанного участка военминовской работы — Главного артиллерийского управления⁴, был просто вынужден работать с Подвойским.

Э.М. Склянский, сразу занявшийся финансовыми вопросами⁵, был крупнейшим организатором в коллегии. Будучи прагматиком, Склянский мыслил не в русле партийной идеологии («Эфраим был хитрый мужик», — говаривал исследователь М.А. Молодцыгин). Склянский считал, что армию нужно строить «на принципе принудительности», состав ее «будет не чисто пролетарский, а смешанный»⁶.

Константин Александрович Мехоношин в целом разделял взгляды Э.М. Склянского⁷. Э.М. Склянский и К.А. Мехоношин и позднее не отрицали, что высшие военные органы

¹ Показателен следующий факт: по воспоминаниям протеже Подвойского — Л.М. Кагановича, В.А. Трифонов недолюбливал Л.Д. Троцкого (*Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного партийного и советского государственного работника. М., 1997. С. 215*).

² *Трифонов Ю.В. Отблеск костра: Документальная повесть // www.e—lib.info/book.php?id = 11210 20138@p.*

³ Именно Крыленко добился в ноябре 1918 г. назначения Эфраима Склянского верховным комиссаром при Штабе Верховного главнокомандующего в Могилеве (Сб. протоколов СНК. С. 62, 448—449).

⁴ *Крушельницкий А.В. Указ. дис. С. 64.*

⁵ Там же.

⁶ *Зимин Я.Г. Э.М. Склянский. Реввоенсовет Республики. М., 1991. С. 60—61.*

⁷ РГАСПИ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 15. Л. 1 об.

должны были составляться исключительно из революционеров, но признавали необходимым привлечение военных специалистов в оперативных отделах как органах непосредственного управления войсками. К.А. Мехоношин был убежден, что военспецов надо использовать «возможно, шире», правда, под бдительным большевистским контролем¹.

Психологический портрет Склянского нарисовал Кедров: на лице Эфраима Марковича «играла свойственная ему усмешечка»²...

К.С. Еремеев был примечательной личностью. Член большевистской партии до создания большевистской партии, «старейший правдист» Еремеев имел явные тенденции к гегемонии. Об этом есть более позднее свидетельство. Сохраняя свой статус члена коллегии Наркомвоена, Еремеев стал командующим войсками Петроградского военного округа (ПВО). Особый интерес представляет протокол заседания Комитета штаба ПВО от 18 (5) марта 1918 года. На заседании рассматривался один-единственный вопрос «О действиях и распоряжениях бывшего Главнокомандующего округом тов. Еремеева и коллегии при Главнокомандующем». Комитет штаба округа обвинял Еремеева в «крайне возмутительном» произволе. Еремеев и учреждения при нем, — свидетельствовали члены Комитета штаба округа, — «совершенно» игнорировали выборный комитет, несмотря на то, что последний с 26 октября 1917 года был «главным разрешителем всех хозяйственных вопросов, а также и всего внутреннего распорядка в штабе, был ответственным органом за всю деятельность и направление работ в штабе, контролируя все действия начальников отделений». Более того, Еремеев срочным распоряжением предписал Комитету штаба округа и всем отделениям его «очистить занимаемые помещения»; сделать это предписывалось «без ведома и присутствия» комитета; как итог, отделения перебрасывались с места на место, что дезорганизовало работу всего штаба. В предъявленном К.С. Еремееву обвинении подчеркивалось, что действия бывшего Главко-

¹ РГАСПИ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

² Кедров М.С. Указ. соч. Т. 2. С. 101.

ма Петроградским ВО роняли авторитет *революционных выборных учреждений*¹. Здесь четко прослеживаются как подтверждение правоты Н.В. Крыленко, обвинявшего коллегию Наркомвоена (ряд ее членов) в отрыве от выборных организаций, так и стремление Еремеева к гегемонии. Вопреки логике, отношения К.С. Еремеева с Н.И. Подвойским не носили, по всей видимости, негативного характера. Косвенное свидетельство об этом дает более позднее письмо К.С. Еремееву секретаря Н.И. Подвойского С.А. Баландина. Баландин назвал К.С. Еремеева его партийным псевдонимом и напомнил, как в 1926 году Баландин был обвинен и Еремеев написал о нем письмо в ЦКК².

Отношения бывших «межрайонцев» и особенно левого эсера Лазимира с другими членами коллегии Наркомвоена складывались не лучшим образом.

И.И. Юренев посещал собрания двинской социал-демократической организации с 1904 года, а с 1905-го активно участвовал в революционном движении, в том числе — в военно-революционной организации при Двинском комитете РСДРП. Осенью 1913 года он стал одним из организаторов Петербургской междурайонной комиссии, переименованной позже в Петербургский междурайонный комитет («межрайонка»). Не следует забывать, что (в отличие от Л.Д. Троцкого) Юренев был подлинным лидером «межрайонки», что не могло не отражаться на его положении в коллегии Наркомвоена. К тому же, судя по пометам на письмах к своим коллегам, И.И. Юреневу явно не нравились бонапартистские тенденции Подвойского³. А вот к К.С. Еремееву Юренев относился с большим уважением: именно через «дядю Костю» (партийный псевдоним Еремеева), отбывший ссылку в Пинежском уезде,

¹ РГАСПИ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 18. Л. 1—1 об.

² Там же. Л. 18. Письмо С.А. Баландина К.С. Еремееву от 5 мая 1927 г. (первая строка — «Дорогой дядя Костя!»).

³ Там же. Ф. 146. Оп. 1. Д. 169. Л. 51. В записке Н.И. Подвойскому И.И. Юренев «очень» просил своего коллегу «вопрос о финансовом отчете оставить открытым впредь до собрания комиссариата. В противном случае, — писал Юренев, — в нашу работу будет внесен хаос». Несмотря на обращение «Уважаемый Николай Ильич!» и подпись «С тов[арищеским] приветом И. Юренев», об отношениях свидетельствует самый тон записки.

Юренин в 1911 году был связан с газетой «Правда». Юренин не забыл о поддержке Еремеева¹.

В Петрограде за плечами Юренина имелись и определенные военизированные формирования: с сентября 1917 года он работал над организацией красногвардейских отрядов, был председателем Главного штаба Красной гвардии². Именно поэтому Юренина включили в январе 1918 года во Всероссийскую коллегию по организации и формированию Красной Армии, а затем кооптировали в коллегию Наркомвоена.

При распределении обязанностей членов коллегии Наркомвоена П.Е. Лазимиру поручили самый «гиблый» участок работы — его поставили курировать аппарат снабжения армии, не предоставив ему необходимых полномочий. А в июле 1918 года у Павла Евгеньевича вообще устроили обыск по подозрению в причастности к восстанию левых эсеров.

В.А. Антонов-Овсеенко (в составе финляндской группы большевиков — вместе с И.Т. Смильгой) в мае-октябре 1917 года блокировался с ядром будущей Партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР), сидел под арестом вместе с будущими левыми эсерами Прошьяном и Устиновым³. Формальный нарком В.А. Антонов-Овсеенко был не доволен деятельностью коллегии Наркомвоена и, особенно, ее фактического руководства⁴. А между Н.В. Крыленко и Н.И. Подвойским в январе 1918 года развернулась настоящая борьба за гегемонию в коллегии Наркомвоена: 25 января Главковерх

¹ Об этом свидетельствует помета И.И. Юренина на письме К.С. Еремееву члена Редакционной комиссии еженедельного журнала «Бюллетень Всебюрвоенкома» Ф.К. Арнольдова. РГАСПИ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 88. Л. 122. 12 сентября 1918 г. К.С. Еремеев стал членом Редакционной комиссии еженедельного журнала «Бюллетень Всебюрвоенкома». На письме Ф.К. Арнольдова с напоминанием о приказе Всебюрвоенкома — помета И.И. Юренина (автограф): «Константин Степанович! Надеюсь, что не забудете нас. 25/IX. Ваш И. Юренин».

² Юренин К.К. Автобиография. С. 780—781.

³ Показания бывшего командира отряда ВЧК анархиста Д.И. Попова о своей роли в левоэсеровском мятеже в Москве в 1918 г. и в махновском движении // Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине (1918—1921): Документы и материалы. М., 2006. С. 587.

⁴ См.: Большевицкое руководство. Переписка. 1912—1927. М., 1996. С. 35—36.

заявил по прямому проводу секретарю Подвойского С.А. Баландину: «Я признаю право что-либо от меня требовать только от Комиссариата в целом, а не отчасти». Речь шла о повышении окладов солдатам регулярной армии до 50 рублей в месяц. За повышение (так сообщил С.А. Баландин) были Подвойский, Мехоношин, Кедров, Муралов и Всероссийская коллегия по формированию Красной Армии. Крыленко негодовал: «Прежде всего, почему ни один из указанных товарищей не соблаговолил дать себе труд подойти к аппарату; во-вторых, потрудитесь передать им, что я не желаю играть в прятки и прошу Мехоношина и Подвойского не фигурировать два раза в одном заявлении — то под видом Военного комиссариата, то под видом Всероссийской коллегии». Из переговоров следовало, что, с одной стороны, Н.В. Крыленко был буквально уверен в своей незаменимости (раз решился на угрозу самоустранения от работы коллегии), а с другой, что в январе 1918 года Подвойский стал фактически единственным лидером военного ведомства¹.

Коренным недостатком работы фактического руководства Наркомвоена (т.е. работы Н.И. Подвойского, К.А. Мехоношина и Э.М. Склянского) Н.В. Крыленко считал бюрократизацию коллегии Наркомвоена, ее отрыв от выборных демократических организаций². Главковерх свидетельствовал, что коллегия Наркомвоена посредством двух своих членов (первоначально В.А. Антонова-Овсеенко, затем — И.Л. Дзевялтовского) опиралась в своей деятельности на «демократическую коллегия гарнизонного собрания» Петрограда; посредством командующего Петроградским ВО и члена коллегии Нар-

¹ Точный фрагмент текста: «Все материалы имеются в дубликатах в Питере и, если комиссариат берет на себя смелость решить самостоятельно вопрос о 50 рубл[ях], ему ничто не мешает взять на себя ответственность и за остальные продукты своего творчества».

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 78 и след. Наркомвоен, — докладывал Н.В. Крыленко, — «совершенно оторвался от жизни и солдатской массы и в настоящее время представляет из себя замкнутую группу лиц, ведущих большую бумажную работу канцелярского делопроизводства, атакуемую, поэтому со всех сторон бесчисленными делегациями, из которых каждая идет туда своими часто мелкими претензиями и требованиями».

комвоена К.С. Еремеева — на контрольную комиссию¹; через П.Е. Дыбенко — на Законодательный морской совет. При Ставке Верховного главнокомандующего и на фронтах «ни один принципиальный приказ не проходит в жизнь без одобрения Цекодарфа» (Центрального комитета действующей армии и флота), заявил Н.В. Крыленко, а Наркомвоен «не опирается ни на что»: съезды и совещания по продовольствию и демобилизации, «если они [и] не носили исключительно декретивного характера», то работали все же «вне общего русла работ» военного ведомства; распределение обязанностей в коллегии Наркомвоена было произведено Н.И. Подвойским «далеко не последовательно» и ограничивалось совещаниями с генштабистами (к которым сам Крыленко относился, кстати сказать, с нескрываемым презрением); коллегия Наркомвоена работала в полном отрыве от Петросовета и военной секции ВЦИК. «Результаты, — сетовал Крыленко, — получились самые плачевные. Комиссариатом за все время не проведено ни одной крупной положительной реформы».

Таким образом, лидирующая роль в коллегии фактически принадлежала Н.И. Подвойскому, поставившему Наркомвоен на путь бюрократизации. Системообразующими можно считать 3 фактора. Во-первых, неподготовленность большинства членов коллегии Наркомвоена к военно-организационной работе. Во-вторых, взаимную нелюбовь друг к другу двух формальных (Антонова и Крыленко) и одного фактического (Подвойского) наркомвоенов и постоянные апелляции к третьей силе — В.И. Ленину. В-третьих, замкнутость Наркомвоена на самом себе. «Блестящие результаты», достигнутые к весне 1918 года, были налицо: аппарата нет, сколько-нибудь реальной вооруженной силы, а равно и реальных проектов ее строительства — тоже нет.

Таким образом, в коллегии Наркомвоена были люди, менявшие до революции свой окрас: Крыленко с весны 1907 г. увлекался синдикализмом, за что даже подпал под критику В.И. Ленина, а в 1909 — 1911 годах и вовсе состоял членом

¹ О том, на что «опирался» К.С. Еремеев в действительности, см. ранее.

партии анархистов-синдикалистов¹; В.Н. Васильевский в документах Департамента полиции за 1909 год значился эсером (а департамент был учреждением весьма осведомленным)². Коллегия Наркомвоена никогда не была сообществом единомышленников, в ней изначально сложилось несколько группировок, фактическим лидером стал Н.И. Подвойский. А в светлой голове «дважды замечательного человека» Николая Подвойского (ему посвящены две книги из серии «ЖЗЛ») родился план «коренной реорганизации» бывшего военного министерства.

Глава 2

Революционеры строят «армию»: Всероссийская коллегия по организации и формированию РККА

Решение о создании Всероссийской коллегии по организации и формированию Красной Армии (Всеросколлегия) приняли 19 декабря 1917 года³. 2 января 1918 года Общеармейский съезд по демобилизации армии заслушал проект декрета Совнаркома (СНК) о создании «Всероссийской коллегии по организации Рабоче-крестьянской армии Российской Республики» и избрал бюро из 5 человек для выработки, совместно с представителями военного ведомства, положения об управлении армией. 9 января состоялось первое заседание Бюро по организации РККА, на котором был избран «президиум» бюро. В него вошли: Григорьев (председатель), Андреев (тов. председателя), Литке (секретарь) и Микошо (казначей). Бюро было объявлено временным отделом Главной Всероссийской коллегии. Бюро постановило немедленно начать работы по организации отделов коллегии⁴.

¹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 997. Л. 3.

² Там же. Д. 322. Л. 25.

³ Волков И.М. Деятельность Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии: дис. ... канд. ист. наук. М., 1951. С. 6.

⁴ Молодцыгин М.А. Красная Армия. М., 1997. С. 73—74.

10 января 1918 года Бюро по организации РККА заслушало доклад Л.М. Кагановича «Об организации агитационно-организационного отдела по созданию Рабоче-крестьянской Красной Армии», одобрило его положения и приняло резолюцию, согласно которой отдел разбивался на два подотдела: организационный и агитационный. Организационный подотдел включал представителей Петросовета, Главного штаба Красной гвардии, Иногороднего отдела ЦИК и Агитаторской коллегии, выделенной Демобилизационным съездом. Подотделу предстояло связаться со всеми советами, штабами Красной гвардии, комитетами войсковых частей, а главное — разослать повсюду организаторов-агитаторов. Агитационный подотдел составлялся из представителей агитколлегий ВЦИК, Петросовета, Петербургских комитетов РСДРП(б) и ПЛСР. В обязанности этого подотдела входило направление и регулирование деятельности всех агитколлегий, представленных в нем, «а также иногородних путем посылки инструкций; организация кратких курсов агитаторов и распределение их по местам; устройство лекций и докладов, написание статей об организации Красной армии и т.д. 13 января 3-е заседание Бюро по организации РККА приняло решение об учреждении «Всероссийской коллегии по созданию РККА». Н.И. Подвойскому предложили «назначить определенных лиц для организации каждого отдела из состава Бюро или по усмотрению» коллегии Наркомвоена¹.

Декретом СНК от 15 января 1918 года Всероссийская коллегия учреждалась при Наркомвоене в составе двух представителей от Наркомвоена и двух — от Главного штаба Красной гвардии. На коллегию возлагались: координация деятельности местных военных органов; учет «вновь формируемых боевых единиц»; руководство формированием и обучением; обеспечение новой армии вооружением и снабжением; финансовые, санитарные и др. вопросы (разработка новых уставов, инструкций и т.д.). В декрете указывалось, что должны быть «немедленно» сформированы отделы: организационно-агитационный, формирования и обучения, мобилизационный,

¹ Молодцыгин М.А. Красная Армия. М., 1997. С. 75.

вооружения, снабжения, транспортный, санитарный, финансовый¹.

По мнению исследователя Всеросколлегии И.М. Волкова, аппарат Всеросколлегии был «в основном» сформирован к концу января². Протоколы общих собраний сотрудников Всеросколлегии и докладная записка в Наркомвоен начальника Службы связи коллегии П.П. Орловского показывают сформированный «в основном» к концу января 1918 года аппарат, что называется, «во всей красе».

По свидетельству Орловского, когда «числа около 18-го» января 1918 года и.д. наркома по военным делам Подвойский и Малиновский пригласили его на работу в Наркомвоен для составления инструкции по организации Всероссийской коллегии, в коллегии работало кроме самих Подвойского и Малиновского еще 6 человек (фактический глава Всеросколлегии — член коллегии Наркомвоена большевик В.А. Трифонов, Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко, зав. агитационно-организационного отдела Всеросколлегии Л.М. Каганович и др.)³. Коллегия должна была уже в ходе собственного формирования отправлять отряды на фронт («Работы горы, работников нет»). Организовывать коллегию стали не по принципу *качественно*, а *быстро*. Самому Орловскому Трифонов приказал организовать еще не существующий в природе отдел службы связи⁴.

По словам П.П. Орловского, заведующие отделами были кооптированы или просто наняты (!) Всероссийской коллегией; «почти все вопросы» практической деятельности Всеросколлегии решал ее руководитель — Трифонов⁵. А Трифонов, по его собственному признанию, до апреля 1918 года искренне верил в необходимость строить армию только из революционеров — по самобытным методам и способам строительства⁶. Естественно, абсолютное большинство работников ап-

¹ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 357-358.

² Волков И.М. Указ. соч. С. 6.

³ П.П. Орловский приступил к работе в 20-х числах января 1918 г.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 367. Л. 32 с об.

⁵ Там же. Л. 34.

⁶ Трифонов В.А. Фронт и тыл // Правда. 1919. 8 июня.

парата коллегии были членами РСДРП(б), направленными Военной организацией при ПК РСДРП(б), районными комитетами партии большевиков Петрограда и Главным штабом Красной гвардии. Как справедливо заметил И.М. Волков, «Всероссийская коллегия была новым центральным органом военного управления, отражавшим своим составом, своей структурой особенности государства, которое ее создало, характер армии, созданием которой она была призвана руководить», т.е. армии, построенной на принципах добровольчества¹.

Отсутствие профессионалов стало самой серьезной проблемой Всеросколлегии. По свидетельству Орловского, он, набирая своих служащих «почти с улицы», «лихорадочно» заполнял отдел работниками, начинал с ними делать «черную предварительную работу». Еще через некоторое время Орловский «поставил телефоны и выклянчил хламиду автомобилей»².

При этом у В.А. Трифонова был своеобразный «рабочий график»: он уезжал из Всеросколлегии в 10 утра, а приезжал обратно к часу ночи»³. Это не могло не сказываться на работе коллегии.

Только 21 января декретом СНК были формально назначены члены Всеросколлегии. Ими стали 5 членов коллегии Наркомвоена — Н.В. Крыленко, К.А. Мехоношин, Н.И. Подвойский, В.А. Трифонов и И.И. Юренев⁴.

Эвакуация Наркомвоена в Москву, начавшаяся в марте 1918 года, обнажила полное отсутствие какой-либо организации Всеросколлегии. Вероятно, имеет смысл процитировать фрагмент речи Орловского по этому поводу: «Начали договариваться о возможности эвакуации коллегии из Петрограда. — Я сейчас же сделал запрос тов. Трифонову, но ответа никакого. За пару часов я узнал, что у меня весь отдел жил по частным квартирам — пришлось не готовиться к отъезду, а к розыску служащих [...] Кое-как собрав часть, я начал

¹ Волков И.М. Указ. соч. С. 6—7.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 367. Л. 32—33.

³ Там же. Л. 35.

⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983.

перетаскивать коллегия на погрузку. Должен отметить, что, как всегда бывает, люди теряют голову»¹. А Л.М. Каганович, по едкому замечанию Орловского, почувствовав себя «премьером-эксраспорядителем» и без конца отвлекал его телефонными звонками. После переезда в Москву «началась обычная голомотня, суетня, болтовня [...] квартир не было, автомобили на улице не лежали и провалились еще на 8 суток»².

Как только служба связи начала обживать на новом месте, Орловский попытался принимать служащих «на совесть», но в Москве он никого не знал, а потому никакого результата такой «подбор кадров» не дал. В результате начальник отдела решил принимать на службу на основании 2-дневного испытательного срока (определенный положительный эффект от этого был — «многим пришлось отказаться от мест»)³.

П.П. Орловский сожалел о необходимости вследствие *отсутствия нормального руководства* единолично решать многие вопросы, выходящие за пределы его компетенции. 27 марта 1918 года, кое-как организовав службу связи, Орловский устроил общее собрание всех своих служащих для переложения части своих обязанностей на выборную организацию отдела (организация была названа инициатором «Коллективом служащих отдела службы связи»). «Коллектив» должен был состоять из 7 человек (по одному делегату от шоферов, телефонистов, канцелярии, самокатчиков, мотоциклистов; кроме того, одного делегата должно было выбрать общее собрание служащих). В ходе предшествующей работы Орловский имел «массу неприятностей», защищая своих работников — на проектируемый орган он хотел переложить хотя бы эту свою функцию, а потому главной задачей нового органа становилась «защита интересов всех служащих и каждого в отдельности»⁴. Предложение Орловского было принято.

Протокол собрания интересен тем, что вскрывает основные материальные проблемы, связанные с организацией аппарата Всероссийской коллегии. Фактически их можно

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 367. Л. 32 об.

² Там же. Л. 32 об.

³ Там же. Л. 33.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 367. Л. 33—33 об.

свести к дезорганизованному финансированию (выдачи жалования и подъемных), халатному отношению хозяйственной части к обеспечению сотрудников питанием и жильем в Москве, отсутствию в гостинице «Альпийская роза», где размещалась коллегия, нормального караула («часовые сидят только до 2 часов ночи»), при том что хозяин гостиницы «был подвергнут Красной гвардией аресту за субсидирование отдельных лиц Белой гвардии»¹.

Интересно заявление сотрудника отдела службы связи Чаплинского: он, выполнив приказание Орловского за два дня нанять рабочих и поставить электричество и телефоны в 125 комнатах, столкнулся с невозможностью уплатить новым сотрудникам и подрядчикам за работу. Трифонов, в ответ на обращение Орловского, сослался на экспертизу, которая состоялась, по-видимому, в последних числах марта 1918 года. Сотрудник отдела Зайцев доложил также, что вследствие «бумажной волокиты» отдел до сих пор не получил вывезенные из Петергофа мотоциклы².

2 апреля на общем собрании служащих Всероссийской коллегии произошел крайне неприятный инцидент: фракция большевиков-коммунистов демонстративно покинула общее собрание служащих при штабе Всероссийской коллегии, заявив, что может остаться, только если их предложение определить права и обязанности будет рассмотрено первым. Выступивший от лица фракции начальника учетного отдела Всероссийской коллегии А.И. Пундани обвинил собрание в нежелании работать 24 часа, считая, что сотрудники Всероссийской коллегии как красноармейцы «должны работать весь день и исполнять обязанности беспрекословно», а не ставить в условиях революции вопроса о 8-часовом рабочем дне»; заявил рядовым служащим коллегии о своем непризнании «ваших собраний и коллектива», на которых «вы должны делать то, что вам говорят избранные коллегии»; и, в заключение, призвал коммунистов идти на общее собрание коммунистов. Сразу на

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 367. Л. 36 с об, 37.

² Там же. Л. 39.

«предложение» А.И. Пундани приняли 7—8 человек, позже к ним присоединились еще 15—20¹.

На том же собрании была принята «Конструкция Центрального коллектива служащих при Всероссийской коллегии». Последний состоял из Президиума (председатель, секретарь и 2 их товарища) и 7 секций (хозяйственной, квартирной, партийной, финансовой, законодательной, контрольной, санитарной); высшим органом служащих признавалось Общее собрание служащих². Центральный коллектив служащих, по свидетельству Орловского, стал «высшей организацией по защите интересов служащих» при Всероссийской коллегии, руководивший низшими коллективами в отделах коллегии; без санкции Центрального коллектива даже руководящие сотрудники коллегии не могли и не имели «права рассчитать того или другого работника, будь даже последний и преступник»³ — вот до чего дошел принцип назначения на должности исключительно своих, пролетарских, кадров.

Выводы исследования И.М. Волкова о деятельности Всеросколлегии также нуждаются в определенном уточнении. Исследователь выделяет в деятельности Всеросколлегии несколько направлений. Во-первых, отправка агитаторов и организаторов для помощи в создании новых местных военных органов, провозглашенных декретом о создании Красной Армии — военных отделов местных совдепов. Правда, заявление И.М. Волкова о том, что при поддержке Всероссийской коллегии такие отделы в феврале-марте 1918 года были созданы «почти повсеместно»⁴ не выдерживает никакой критики. Даже в марте 1919 года были серьезные проблемы с местными органами военного управления⁵. Во-вторых, организационно-агитационный отдел Всеросколлегии направил к началу апреля 1918 года 440 организаторов и агитаторов на места для создания Красной Армии⁶. Пожалуй, это был весь-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 367. Л. 49.

² Там же. Л. 53 с об.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 367. Л. 33 об.

⁴ Волков И.М. Указ. соч. С. 7.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 790. Л. 621—624 об.

⁶ Волков И.М. Указ. соч. С. 10.

ма скромный успех, принимая во внимание «новый курс» руководства РСФСР на создание массовой регулярной Красной Армии, принятый в марте. Деятельность отдела формирования и обучения Всеросколлегии, по сути, сводилась к издательской: отдел обеспечивал армию пособиями по военному делу. Единственную пользу приносили, по всей видимости, отправленные на места работники коллегии, помогавшие через военные отделы и военные комиссариаты организовывать военное обучение, осуществляя контроль над ходом военных занятий»¹.

После ликвидации Всероссийского бюро военных организаций организационно-агитационный отдел Всеросколлегии «стал фактически военным отделом ЦК РСДРП(б)» (И.М. Волков)²; еще в феврале 1918 года коллегия организовала запись военных специалистов для службы в Красной Армии по рекомендации общественных организаций³.

В конце апреля 1918 года организационно-агитационный отдел Всероссийской коллегии был соединен с Всероссийским бюро военных комиссаров⁴. К маю скромные успехи Всеросколлегии стали нетерпимы, что и привело к ее объединению с рядом других органов центрального военного аппарата во Всероссийский главный штаб (Всероглавштаб, ВГШ). Причины изложены в работах И.М. Волкова: весь аппарат Всеросколлегии «был приспособлен, прежде всего, к агитации за создание Красной Армии и вербовке добровольцев»; весной 1918 года «центр тяжести в строительстве Вооруженных сил перемещался в область учета военнообязанных, мобилизации трудящихся в ряды Красной Армии, организации обучения красноармейцев»⁵. Однако исследователь не учитывает, что приказ Наркомвоена о включении Всеросколлегии в состав Всероглавштаба был выполнен своеобразно. Вопрос о «слиянии Всероссийской коллегии с Главным управлением Генерального штаба (ГУГШ)» затронули в майских

¹ Волков И.М. Указ. соч. С. 17.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 18.

разговорах по прямому проводу большевик Варягин и один из членов коллегии Наркомвоена: штаты утверждены, фактическое слияние зависит от окончательного выяснения персонального вхождения от коллегии в ГУГШ, которое в свою очередь задерживается тем, что, с одной стороны, активные работники уклоняются (например, Каганович, Пундани, уезжает тов. Трифонов), с другой – трудно назначить на ответственные места — знакомых с технической постановкой. Из числа оставшихся работников предполагается, что слияние дня через два будет фактом свершившимся»¹. Таким образом, создание Всероглавштаба не вызвало энтузиазма ни у военных специалистов, ни у партийных работников.

По сути, Всеросколлегия работала автономно от руководства ВГШ, активно вмешиваясь в августе 1918 года в деятельность центральных военных органов², и прекратила свое существование только в октябре 1918 года. Правда, уже к июню 1918 года сменилось почти все ее руководство³.

Весьма показательна ошибка памяти генерала Ф.П. Никонина. В его статье «Главнейшие моменты организации Красной Армии» помещены подробные структурные схемы центрального и местного аппарата военного управления Советской республики. В схеме «Военные ведомства в 1918 году» Всероссийская коллегия по организации и управлению Красной Армии помещена наряду с Всероссийским главным штабом. Несомненно, это не простая описка: фактическая независимость Всеросколлегии подтверждается заявлением тогдашнего консультанта Оперативного отдела Наркомвоена Генштаба штабс-капитана Г.И. Теодори: только 16 июня состоялось заседание под председательством Л.Д. Троцкого, «положившее конец Всероссийской коллегии по вооружению Красной Армии и начало правильной организации снабжения и его производства. С этого момента, — заявил Теодо-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 144. Л. 48.

² Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

³ *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного партийного и советского государственного работника. М., 1997. С. 215.

ри, — мы вступили на нормальный путь снабжения Красной Армии и учета этого снабжения и запасов»¹.

И в составе Всероглавштаба Всеросколлегия продолжала развивать бурную деятельность. Что не удивительно. Главное управление Генштаба, которое наряду с Главным штабом составило основу Всероссийского главного штаба, по позднему (1931 г.) свидетельству тогдашнего начальника штаба Петроградского ВО Филиппа Балабина, уже к началу 1918 года «никакой серьезной работы не вело. Все сводилось, насколько мне известно, к выдаче продуктов, жалования и массовому увольнению офицеров «по болезни» в отставку. Я лично, состоя в резерве, никаких обязанностей не нес и изредка заходил на службу, чтобы узнать новости и получить продукты. Так продолжалось до 25 февраля, когда последовал декрет об увольнении всех офицеров в отставку. Еще в течение 2—3 дней мы приходили, чтобы получить свидетельство об отставке, паспорта и остатки жалованья, после чего я с Главным управлением Генштаба потерял всякую связь. Знаю, что вскоре после этого [начальник ГУГШ генерал В.В.] Марушевский уехал в Финляндию»².

Как написал позднее в кратком очерке истории РККА первый советский Главком Иоаким Вацетис, Всеросколлегия «не могла с надлежащей гордостью держать в своих руках дело управления, так как отдельные боевые единицы Красной Армии, формируясь как партизанские отряды, действовали также партизански. Самая организация центрального управления по необходимости была налажена слабо, ибо еще не вполне определялись ее задачи и размеры ее будущей деятельности. Пока центральное управление ограничивалось общими директивами, предоставляя широкую инициативу отдельным отрядам, действовавшим в разных отраслях Советской республики, частенько на расстоянии несколько сот верст друг от друга и совершенно не имевшей в общей операционной связи. Задачи, стоявшие перед Красной Армией в рассматриваемый период ее развития, а также харак-

¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 218.

² Цит. по: Тинченко Я.Ю. Указ. соч. С. 327.

тер ее организации в это время не выдвигали также и вопросов контроля из центра. Отдельные части Красной Армии в большинстве случаев формировались на местах в меру потребности того или иного округа (округа появились 8 апреля 1918 г. — С.В.) средствами местных же органов Советской власти. Поэтому контроль центра, необходимый при всякой централизованной армии, в первый период не имел централизованного¹ характера².

Глава 3

«Самая коренная реорганизация»: развитие взглядов высшего руководства Советской России на военное строительство в ноябре 1917 — феврале 1918 года

У руководителей Наркомвоена вплоть до марта 1918 года отсутствовали даже единство взглядов и понимание способов организации аппарата военного управления. Достаточно отчетливо это проявилось в «саморазоблачительном», по сути, послании одного из членов коллегии Наркомвоена В.И. Ленину (документ датирован 1 апреля 1918 года, копия направлялась Я.М. Свердлову). Посвященный критике решения Совнаркому отстранить прежних лидеров коллегии Наркомвоена и поставить во главе военного ведомства Л.Д. Троцкого, этот документ излагал совершенно фантастическую «программу» реорганизации центрального военного аппарата в... некое подобие Высшего совета народного хозяйства.

В 1997 году М.А. Молодцыгин кратко охарактеризовал этот документ по фрагменту его неподписанной машинописной копии. М.А. Молодцыгин атрибутировал этот документ как куратора центрального аппарата снабжения — члена коллегии Наркомвоена П.Е. Лазимира³. Нами найден автограф — отпечаток в полевом блокноте и.д. наркома Н.И. Подвойского.

¹ В последующем варианте — «общегосударственного» (Там же. Л. 22).

² РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 93. Л. 8—8 об.

³ Молодцыгин М.А. Красная Армия. С. 93.

Оказывается, сократить численность служащих аппарата военного управления и слить аппарат с ведомством ВСНХ планировал лидер коллегии Наркомвоена!

Проанализируем этот важнейший документ. Н.И. Подвойский докладывал, что в октябре 1917 — марте 1918 года коллегия Наркомвоена стремилась организовать вооруженные силы, готовые осознанно защищать рабоче-крестьянскую диктатуру. Для этого предполагалось реорганизовать аппарат управления и боевого снабжения армии: сделать военный аппарат из «пережитка на народно-хозяйственном организме» некими «служебными частями специального назначения» этого «организма». Для осуществления поставленных перед военным ведомством задач коллегия Наркомвоена, по свидетельству Н.И. Подвойского, решила так использовать «всех» специалистов бывшего Военного министерства, «чтобы весь военный аппарат всецело находился в рядах Советской власти и исключительно и безраздельно ею управлялся». Но как этого было можно практически добиться? Коллегия Наркомвоена решила начать работу в военном ведомстве с изучения «фундамента и механизма» аппарата военного управления, планируя впоследствии заменить «фундамент» аппарата, сохранив при этом «части механизма»¹.

Служащие Военного министерства, по свидетельству Н.И. Подвойского, поначалу попытались оградить себя «от духа режима (от «политики») [и] устроить государство в государстве». Коллегия Наркомвоена, осознавая значение огромного аппарата военного управления, обслуживающего вооруженные силы и затрагивающего «все стороны народной жизни и хозяйства», выработала совместно с представителями главных управлений бывшего Военного министерства компромиссное решение: все служащие центрального военного аппарата остаются на работе при условии фактического управления назначенным коллегией Наркомвоена военным руководителем, «аккредитованным» самими служащими². В данном случае, Н.И. Подвойский имел в виду начальника

¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 28. Из россыпи.

² Там же.

Главного управления Генерального штаба генерал-майора Н.М. Потапова¹. Будучи генерал-квартирмейстером Генштаба и отвечая по должности за военную контрразведку, Потапов еще в июле 1917 года через М.С. Кедрова и Н.И. Подвойского вошел в контакт с большевиками² (по свидетельству Кедрова, «сам предложил свои услуги»³).

Подвойский был прав: коллегия Наркомвоена оказалась прозорливее Совнаркома. 19 ноября 1917 года, заслушав доклад Л.Д. Троцкого, Совнарком постановил немедленно начать «самую энергичную чистку» Военного министерства и «произвести удаление ненадежных элементов высшего командного состава» (прежде всего — генерала от артиллерии А.А. Маниковского и генерал-майора В.В. Марушевского, не признавших власть военных комиссаров); докладывать Совнаркому о выполнении постановления предписывалось ежедневно⁴. В принципе, большевиков можно понять: еще не была завершена ликвидация контрреволюционного саботажа в Военном министерстве⁵. Но нет сомнений и в том, что именно Н.И. Подвойский не позволил произвести «самую энергичную чистку» Военного министерства. 21 ноября 1917 года он при поддержке двух других членов СНК (А. Г. Шляпникова и А.М. Коллонтай) ходатайствовал об освобождении А.А. Маниковского и, более того — назначении его на «ответственный пост». Совнарком высказался против и, приняв предложение Троцкого о неосвобождении Маниковского

¹ *Городецкий Е.Н.* О записках Н.М. Потапова // *Воен.-ист. журнал.* 1968. № 1. С. 59—60. Член коллегии Наркомвоена К.А. Мехоношин впоследствии вспоминал: «Н.М. Потапов — один из крупнейших специалистов старой армии — пользовался среди лучшей части ее специалистов большим авторитетом, и поэтому прямой переход его на сторону рабочего класса в первые же дни после захвата власти... облегчил использование старых кадров... в строительстве Красной Армии» (Цит. по: Там же. С. 60).

² Там же. С. 58—59.

³ От Февраля к Октябрю. М., 1957. С. 174.

⁴ Сб. протоколов СНК. С. 31—32.

⁵ Только 21 ноября 1921 завершилась ликвидация контрреволюционного саботажа в Военмине и перешла в руки Советской власти Ставка главнокомандующего (См.: *Крушельницкий А.В.* Ликвидация контрреволюционного саботажа... С. 169; *Поликарпов В.Д.* Пролог Гражданской войны в России: Октябрь 1917 — февраль 1918. М., 1976. С. 266).

го, даже предложил «отдельным своим членам» (естественно, Подвойский попал в эту категорию) усилить чистку «контрреволюционных гнезд» и не возбуждать снова и снова вопроса о смягчении рабоче-крестьянской диктатуры, направленной против «контрреволюционных верхов»¹. Согласно проекту резолюции первоначально предполагалось объявить выговор членам коллегии по управлению Военным министерством В.А. Антонову-Овсеенко, Н.В. Крыленко и Н.И. Подвойскому «за недостаточный контроль над военным ведомством»² и даже (выясняется теперь из опубликованного протокола СНК) предложить членам коллегии подать в отставку, а новое руководство Наркомвоена сформировать в лице М.Т. Елизарова, В.Р. Менжинского и Л.Д. Троцкого³.

Попытаемся проникнуть за завесу скупой протокольной записи. На заседании присутствовало 15 человек: наркомы и члены коллегий наркоматов. Среди последних — П.А. Красиков и М.Ю. Козловский (их заявление «о деле генералов Маниковского и Марушевского» обсуждал СНК), в 1917 году оба — члены Исполкома Петросовета. Вряд ли исполняющие обязанности членов коллегии Наркомюста были инициаторами предложения о смене военного руководства. Логично предположить, что инициатором был автор и принятой в итоге обсуждения резолюции — бывший председатель Петросовета Троцкий. Скорее всего, это была его попытка сместить Народный комиссариат по иностранным делам (НКВД)

¹ Сб. протоколов СНК. С. 41—42.

² *Молодцыгин М.А.* Становление центральных органов управления... С. 10.

³ Сб. протоколов СНК. С. 42. Уже 25 ноября служащие центрального военного аппарата воспользовались неким смягчением режима: собралось совещание выборных представителей всех главных управлений Военного министерства, которое ходатайствовало перед СНК об освобождении Маниковского из-под ареста, гарантируя его явку «на суд по первому требованию» (Там же. С. 64). 30 ноября на заседании СНК (Подвойский присутствовал) было принято решение освободить генералов Маниковского и Марушевского на поруки. Если В.В. Марушевский изменил впоследствии Советской власти, то опыт А.А. Маниковского активно использовался в течение всей Гражданской войны, причем не только в рамках центрального военного аппарата (см. например: Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. М., 1997. С. 491, примечание 3), хотя это и не спасло его от гибели «при крушении поезда» в январе 1920 г. (Сб. ВПК—2. С. 713).

на военное ведомство. Отношения Троцкого и Менжинского были нормальными¹; к тому же, позднее Троцкий описал Менжинского как «неосуществившуюся» тень другого человека, «способного политически существовать только милостью аппарата»² — такой соратник вполне мог его устроить. Фамилии Менжинского и Троцкого были из проекта вычеркнуты — скорее всего, уже во время обсуждения Совнаркомом. Источников нет, но можно предположить, что на заседании Ленин помешал Троцкому взять в руки ключ к власти (он прекрасно знал, что результатом Великой Французской революции стала военная диктатура).

Как бы там ни было, на заседании 21 ноября курс Подвойского на постепенное «овладение» аппаратом Военного министерства явно потерпел поражение. Это объясняет поздний выход «охранной грамоты» служащим центрального военного аппарата: только 22 ноября 1917 года. Подвойский заверил служащих военного ведомства, что они будут увольняться и арестовываться только за неподчинение Советской власти, а также в случаях «сокращения штатов и неспособности тех или других лиц»³.

В письме В.И. Ленину 1 апреля 1918 года бывший и.д. Наркомвоена упомянул о дискуссии не только в коллегии Наркомвоена, но и в Совнаркоме (!) по вопросу о целесообразности сохранения бывшего Военного министерства⁴. Примечательно, что вопрос о реорганизации Военного министерства был вписан в повестку заседания Совнаркома от 30 ноября 1917 года от руки Лениным и четырежды подчеркнут⁵, что свидетельствует о повышенном интересе председателя Совнаркома к этому вопросу или об особой остроте его обсуждения членами Совнаркома.

¹ На это указывает тот факт, что позднее В.Р. Менжинский предупредил Л.Д. Троцкого об очередной интриге против него И.В. Сталина (см. подр.: *Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. М., 2006. С. 428*).

² *Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 437.*

³ Цит. по: *Крушельницкий А.В. Ликвидация контрреволюционного саботажа... С. 170.*

⁴ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 28. Из россыпи.

⁵ Сб. протоколов СНК. С. 65.

Сам Подвойский, по его словам, в этот период отстаивал необходимость «возможно более целостного сохранения аппарата военного ведомства и его лучших работников», считая более целесообразным «произвести самую коренную реорганизацию» аппарата, чем свернуть его вовсе. На первый взгляд, все абсолютно логично, только вот отправной точкой «самой коренной реорганизации» военведа, оказывается, было следующее положение: организации по обслуживанию вооруженных сил будут частью единого хозяйственного аппарата страны. Какая цель, таков и метод: в основу реорганизации главных управлений Военного министерства легли два положения. Первое — устранение «ведомственной оторванности» от остального хозяйственного аппарата (главные довольствующие управления должны были стать ячейками этого аппарата, обслуживающими «ту или другую сторону военных сил»). Второе — унификация получившихся из главных довольствующих управлений «ячеек» хозяйственного аппарата: «в сущности всякая обслуживающая ячейка слага[ется] из 4-х частей — прием заказов, пр[оверка] выполнения, само выполнение и сдача заказа с тем, чтобы их в любую минуту можно было соединить с другими ячейками».

Телеграмму подытоживает весьма показательный пассаж. По словам Подвойского, коллегия Наркомвоена смогла привести «к однообразному построению» все главные управления Военного министерства. А это дало возможность, с одной стороны, очистить от «лишних частей» каждое управление, «стремившееся обособиться в своей хозяйственной деятельности от других управлений», с другой — «свести, в сущности, все управления — интендантское, авиационное, автомобильное и санитарное — в один регулирующий обслуживание армии аппарат — Военно-хозяйственный совет¹, построенный

¹ Название дано Подвойским не случайно: Военно-хозяйственный совет (ВХС) был создан 20 марта 1918 г. в аппарате Наркомвоена для координации работы главных довольствующих управлений. Во главе ВХС стояла широкая коллегия из представителей всех центральных и главных «довольствующих» управлений (начальников и заведующих отделами этих управлений), а также специалистов по различным отраслям военного дела и «лиц по особому приглашению» (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 72 с об—73).

таким образом, что он целиком и каждая секция его в любой момент могут стать частью [ил]и частями Высшего совета народного хозяйства (курсив мой. — С.В.)»¹.

Действительно, в ноябре 1917 — апреле 1918 года аппарат военного управления подвергся серьезной реорганизации: часть центральных учреждений Военного министерства была упразднена, ряд других структурных подразделений передан в другие ведомства и учреждения РСФСР, при этом общая численность служащих центрального военного аппарата сокращена в 4 раза: от почти 8 000 на момент прихода большевиков к власти осталось только 2 тысячи². Для сравнения: 1 апреля 1914 года — до начала Первой мировой войны в центральном военном аппарате (Военном министерстве) служило — без учета двух его подразделений — 2748 человек, из них 681 офицеров и военных чиновников и 1073 солдат³.

Что определило столь своеобразную «программу» военного «строительства»? Ответ парадоксален — программные установки руководства государства и партии большевиков. Вспомним утверждение Н.И. Подвойского об упорной и длительной борьбе в Совнаркоме за максимальное сохранение «аппарата военного ведомства и его лучших работников». Весной — осенью 1917 года представления большинства членов РСДРП(б) находились в русле учения К. Маркса: в будущем государстве на смену постоянной армии должно было прийти всеобщее вооружение народа; предполагалось почти полное уничтожение чиновничества (в том числе, военного)⁴. После прихода к власти перед большевиками встала двуединая задача — строительство нового госаппарата и подчинение старого с последующей его ликвидацией⁵.

¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 28. Из россыпи.

² Крушельницкий А.В. Об интерпретации одного факта... С. 89; Сенин А.С. О ликвидации центральных органов управления русской армии // ВИЖ. 1987. № 11. С. 26—27. Подр. о сворачивании центральных органов военного управления см: Крушельницкий А.В. Указ. дис. С. 149—170.

³ Сенин А.С. Военное министерство Временного правительства. С. 87.

⁴ Леонов С.В. Рождение Советской империи: Государство и идеология. М., 1997. С. 77.

⁵ Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. М., 1987. С. 89, 90.

В воспоминаниях о первых шагах коллегии Наркомвоена К.А. Мехоношина есть четкое признание в первоначальных предчувствиях невозможности переделать аппарат Военного министерства: «не мы его, а он нас переделает»¹. Предчувствия не обманули Мехоношина! — Большевики «с головой» ушли в текущую работу Наркомвоена и его структур. Мехоношин сразу понял: уничтожить центральный военный аппарат *в принципе* невозможно. Даже задавшись такой целью, большевики в этот период просто не нашли бы сил на развал громадной махины из нескольких тысяч служащих.

Из телеграммы В.И. Ленину следует, что Н.И. Подвойский, как и К.А. Мехоношин, осознал невозможность «слома» Военного министерства. Да и решение и.д. наркома о необходимости сокращения числа служащих военного аппарата и передачи «реорганизованного» таким образом аппарата в ВСНХ появилось не на пустом месте. ВСНХ воспринял аппараты упраздненных еще 15 ноября особых совещаний и по топливу, и по обороне — последнее к весне 1918 года занималось переводом заводов на производство мирного времени. В январе 1918 года в ВСНХ включили на правах комиссий Военно-промышленные комитеты (ВПК)².

Рассмотрим отдельные факты из деятельности Совнаркома и его председателя. 29 ноября 1917 года В.И. Ленин подписал постановление СНК о переводе военных заказов на хозяйственно-полезные работы. Члену коллегии Наркомата по морским делам (Наркоммора) Ф.Ф. Раскольникову поручалось экстренно отправиться в наркоматы торговли, промышленности и продовольствия «для немедленной организации заказов, которые могли бы быть переданы заводам, занятым военно-морскими сооружениями и ремонтными работами». В постановлении было указано, что «особенно спешным является производство сельскохозяйственных орудий, машин, производство и ремонт паровозов»³.

25 ноября 1917 года СНК, заслушав доклад А.Г. Шляпникова о проекте декрета о передаче Особого совещания по

¹ Цит. по: *Леонов С.В. Указ. соч. С. 142—143.*

² *Леонов С.В. Указ. соч. С. 123—124.*

³ *Ленин В.И. Пол. собр. соч. Т. 35. М., 1969. С. 130.*

обороне государства в ведение Наркомата торговли и промышленности, утвердил проект¹. Через 2 дня СНК обсудил предложение В.И. Ленина об организации особой комиссии для проведения в жизнь социалистической политики в области финансовой и экономической. По итогам был принят ленинский же проект постановления о поручении зампреду Особого совещания по обороне большевику П.А. Козьмину, сформировать комиссию из 2—3 инженеров и направить ее в Особое совещание для контроля и составления общего плана демобилизации промышленности»².

Не случайно, что на всех указанных заседаниях СНК не было ни одного представителя военного ведомства — вопросы демобилизации промышленности в воюющей стране мыслились как чисто экономические: все вопросы, признанные СНК военными, рассматривались только на заседаниях, на которых присутствовали представители военного ведомства³. Подвойский в данной ситуации проявил прозорливость, настояв 30 ноября на временном (до образования Главного экономического совета) оставлении Особого совещания по обороне в ведении Военного министерства⁴.

20 декабря СНК обсуждал доклад Н.И. Подвойского (!) и П.А. Козьмина об аннулировании договоров и контрактов, заключенных Военным и Морским ведомствами, без уплаты неустоек. Именно на обсуждение этого пункта пригласили помощника комиссара Госбанка Н.П. Авилова (*Глебова*) (с.-д. интернационалиста), а также левых эсеров В.А. Алгасова (фактически член коллегии НКВД) и А.Л. Колегаева (нарком земледелия). По итогам с редакционными изменениями был принят как декрет проект, предложенный Козьминым⁵: договоры были аннулированы.

К зиме 1917/18 года к разработке вопросов демобилизации промышленности привлекли главные управления Нар-

¹ См.: Сб. протоколов СНК. С. 52.

² Там же. С. 60; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 464.

³ Сравните: Сб. протоколов СНК. С. 63. Протокол от 29 ноября 1917 г., пункт 7.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ Сб. протоколов СНК. С. 140.

комвоена: 7 декабря 1917 года Н.М. Потапов поручил инспектору военному инженеру Н.Г. Мальчиковскому организовать выработку главными довольствующими управлениями Военного и Морского ведомств единого для всех ведомств положения о демобилизации военной промышленности «для облегчения рабочего и промышленного кризисов»¹. В первый выработанный проект декрета «о демобилизации военной промышленности, работающей на армию», внес правку лично генерал А.А. Маниковский. Проектом намечалась реорганизация Особого совещания по обороне в Особое совещание по восстановлению промышленности. Из правки Маниковского видно, что генералу явно импонировала идея «взятия государством, а не отдельными предпр[иятия]ми в свои руки всей руководящей работы по восстановлению отечественной промышленности»²: на поставках в дореволюционный период, при пособничестве крупных военных чиновников, нажились многие нечистые на руку дельцы³.

Основная мысль проекта о демобилизации промышленности: «немедленно приступить к нормальной деятельности тыла, и прежде всего, к переводу на мирное положение... промышленности, пока почти полностью работающей на оборону»⁴.

К 13 декабря Мальчиковский представил новый проект — с учетом предложений Главного артиллерийского управления, Главного инженерного управления и Управления военно-воздушного флота. 23 декабря на заседании Особого совещания по обороне велось оживленное обсуждение проекта с правкой А.А. Маниковского. По итогам одобрили в

¹ Сб. ВПК—1. С. 812.

² Сб. ВПК—1. С. 689.

³ По свидетельству более поздних источников, особенно «нагрел руки» Союз заводчиков и фабрикантов, из которого после революции не эмигрировал только видный чиновник ГАУ С.Н. Ванков, обвиненный в ноябре 1918 г. в коррупции за «совмещение» должности уполномоченного ГАУ с получением денег по ликвидации снарядов от Управления на основании выданной подрядчиком Б.Н. Второвым доверенности (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 154. Л. 343, 354.

⁴ Сб. ВПК—1. С. 688.

редакции Особого совещания по обороне проект правил о демобилизации военной промышленности¹.

23 января 1918 года СНК заслушал доклад А.Г. Шляпникова «О демобилизации промышленности». Первый пункт постановления по докладу представляет собой отредактированный В.И. Лениным проект². Ключевая фраза: «Военные заказы все прекратить»!³

В первой декаде января 1918 года В.И. Ленин, заявив, что «за несколько недель разрушены почти до основания недемократические учреждения в армии, в деревне, на фабрике», уточнил: «иного пути к социализму...нет и быть не может»⁴.

Для реабилитации Подвойского необходимо было заметить, что конверсию госаппарата также первоначально планировали осуществить: нарком по иностранным делам Л.Д. Троцкий (опубликовать тайные договоры царского правительства и затем закрыть НКВД), руководство НКВД (не использовать старый аппарат МВД, а создать принципиально новый); нарком финансов Н.Н. Крестинский (подготовить Наркомфин к ликвидации). Предположение С.В. Леонова — «подобные настроения проявились при создании ВСНХ и Наркомвоена»⁵ — в отношении последнего, как видим, оказалось верным.

В заключение о главной загадке «первоапрельского» послания Подвойского Ленину: почему бывший и.д. Наркомвоена хотел слить центральный военный аппарат именно с ВСНХ? Проведение взятого большевиками курса на демобилизацию промышленности было затруднено отсутствием соответствующего аппарата управления⁶.

После заключения Брестского мира началось целенаправленное строительство новой армии, но при этом про-

¹ Там же. С. 812. См. также: Жук А.В. Указ. соч. С. 347.

² Сравните: Сб. ВПК—1. С. 328; Сб. протоколов СНК. С. 258.

³ Ленин В.И. Пол. собр. соч. С. 328.

⁴ Там же. С. 191.

⁵ Леонов С.В. Указ. соч. С. 134.

⁶ Аппарат органов, осуществлявших в России регулирование в интересах войны, был деморализован антивоенными заявлениями советского правительства (Филоненко А.Л. Указ. соч. С. 6).

цесс демобилизации промышленности стал протекать наиболее интенсивно (это было предусмотрено рядом статей мирного договора). Весной 1918 года Советское правительство планировало оставить военные заводы, существование которых не будет служить препятствием для выполнения общих хозяйственных задач; управлять этими заводами предполагалось из «главного экономического штаба» РСФСР — ВСНХ¹. На практике созданию единой системы производства вооружений препятствовали многовластие и ведомственность: так, часть оборонных предприятий подчинялась Наркомвоену². В данном контексте заявленное в телеграмме Подвойского стремление коллегии Наркомвоена реорганизовать управление и снабжение армии «на таких началах, чтобы военный аппарат не явился пережитком на народно-хозяйственном организме, но входил бы [в него] как служебные части специального назначения»³ — было абсолютно не в русле военной политики, но позволяло решать важные для Советской России экономические вопросы. Основной заслугой коллегии Наркомвоена, согласно посланию Подвойского, было сохранение «лучшего [хозяйственного] аппарата страны», благодаря которому «в значительной мере» удалось удержать страну от «хозяйственного краха».⁴

К тому же все в русле марксизма: экономика — это военный базис и власть. Военное ведомство обладало многомиллиардными запасами имущества. Основная идея Подвойского: сконцентрировать в едином ведомстве все рычаги управления производством (бывшему и.д. Наркомвоена просто не удалось грамотно сформулировать свою идею по причине отсутствия управленческого опыта). Подвойский планировал для построения социализма в России создать из аппарата военного снабжения аппарат гражданского управления, образовать некую военно-промышленную комиссию при Совнарком. Удивительно, но Подвойский со своим «прожектом» фактически предвосхитил идею Совета Труда и Оборона...

¹ Соколов А.К. Историческое предисловие // Сб. ВПК—2. С. 8.

² См.: Там же. С. 9.

³ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 28. Из россыпи.

⁴ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 28.

Занимаясь политическими спорами относительно строительства новой армии, коллегия Наркомвоена оказалась в ситуации политической изоляции¹. Результаты, достигнутые партийными работниками к концу февраля — началу марта 1918 года, были налицо: аппарата нет, реальных проектов строительства реальной армии нет, сколько-нибудь реальной вооруженной силы — тоже нет. Есть лишь разноречивые проекты и мнения: не комиссариат, а дискуссионный клуб, обстановку которого наглядно иллюстрирует одна из докладных записок Главковерха в Совнарком².

Позднее, в 1919 году, один из членов коллегии Наркомвоена — В.А. Трифонов — проанализировал первый опыт практической деятельности коллегии Наркомвоена. В.А. Трифонов констатировал, что предпринятые в начале революции попытки создать армию усилиями только большевиков по самобытным методам и способам строительства провалились: вместо армии получилась «вольница... совершенно не дисциплинированная и неспособная к сколь-нибудь регулярным действиям», что показали первые столкновения с регулярными германскими войсками во время наступления последних на Петроград. Эти события февраля 1918 года Трифонов назвал «днями отрезвления» партийных работников, отказавшихся от своих персональных представлений и признавших «старые, испытанные, рутинные» способы военного строительства. Коммунисты-революционеры, по воспоминаниям Трифонова убедились, что «армию можно заставить преследовать коммунистические цели, но нельзя ее строить по-особенному, по-коммунистически»³.

Пожалуй, единственным противником демобилизации в коллегии Наркомвоена был В.А. Антонов-Овсеенко⁴

Невероятно, но конверсия аппарата военного управления не означала отказ от строительства Красной Армии: 15 января 1918 года (почти сразу после принятия известного декрета, положившего формальное начало Красной Ар-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 67 и сл.

² Там же. Л. 65—69 об.

³ Трифонов В.А. Фронт и тыл // Правда. 1919. 8 июня.

⁴ Большевицкое руководство. Переписка. С. 35—36.

мии) СНК заслушал заявление Подвойского, в котором содержалось требование денег на уже начатое «в самом широком масштабе» формирование социалистической армии. Наркомвоену было постановлено перечислить 20 млн. из сумм и ассигновок военного фонда¹. Таким образом, январем 1918 года можно датировать окончательный переход к курсу на военное строительство.

Так или иначе, в феврале 1918 года прозревшие Ленин и сотоварищи окончательно поняли, что мириться с коллегией «пролетарских наркомов» более нельзя.

Глава 4

«Все военные учреждения... находятся в полном подчинении Комитету революционной обороны страны»: кому доверить Красную Армию

Захват Нарвы и угроза Петрограду в феврале 1918 года окончательно убедили большевистское руководство, что на развал германской армии и мировую революцию всерьез рассчитывать не следует. Точно датировать начало прозрения председателя Совнаркома В.И. Ленина практически невозможно. Документы позволяют предположить, что взгляды СНК в целом и его председателя в частности начали меняться во второй декаде декабря 1917 года.

В фонде Управления делами Наркомвоенна (РГВА) нами обнаружен машинописный отпуск отношения Наркоммору с разъяснением плана СНК по демобилизации промышленности. Документ датирован 11 декабря 1917 года и подписан: «Народный комиссар». В принципе, автором отношения мог быть любой член коллегии Наркомвоенна². Предположительно, автором был действительно нарком — только не наркомвоен, а комиссар по демобилизации — М.С. Кедров, чьи материалы отложились в деле. В отношении подвергну-

¹ Сб. протоколов СНК. С. 211, 218.

² В подлиннике автор документа мог исправить: «За народного комиссара».

то критике официальное объявление Морского Генерального штаба (Генмора) — «Рабочие, демобилизуйте промышленность», подписанное комиссаром Генмора Ф.Ф. Раскольниковым¹. Автор документа пояснил: «В настоящее время в военном ведомстве разрабатывается проект секретного декрета о демобилизации промышленности, впредь до подписания которого сообщение в печати каких бы то ни было сведений об этом представляется крайне нежелательным», а потому обращение Ф.Ф. Раскольникова открывает секретные сведения о военных приготовлениях. Самое главное — автор указал, что это объявление, совершенно отвергает необходимость всяких работ по обороне, *«коренным образом» расходится с намерениями Совнаркома*². Из документа следует, что демобилизация промышленности не означала в действительности отказ от военного строительства³. Естественно, и в конверсии аппарата военного управления не было никакой надобности. А 16 декабря СНК заслушал доклад Н.В. Крыленко «О переходных формах устройства армии в период демобилизации» — почти уникальный случай: в части постановлений зафиксирован обмен мнений. Вопреки сложившейся практике и принципам работы В.И. Ленина⁴, никакого решения принято не было⁵. Краткость протокольных записей не позволяет «услышать» обсуждение доклада Главковерха, но,

¹ Объявление было помещено в № 16 газеты «Армия и флот Рабочей и Крестьянской России» от 9 декабря 1917 г.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 312—312 об.

³ Что удивительно, так это постановление СНК от 23 января 1918 г. по докладу А.Г. Шляпникова «О демобилизации промышленности», в котором было выражено «крайнее сожаление, что соответствующие комиссариаты крайне замедлили практический приступ к переводу металлических заводов на полезные работы». СНК отдал распоряжение наркому труда образовать комиссию в составе Наркомвоена, Наркоммора, Наркомтруда, Наркомата торговли и промышленности и ВСНХ; комиссия обязывалась в недельный срок представить в СНК проект постановления о том, какие предметы военного снаряжения должны быть вырабатываемы и в каких процентах по отношению к производству военного времени и какие предметы военного снаряжения более не должны вырабатываться» (Сб. протоколов СНК. С. 258—259). Распоряжение Совнаркома было выполнено (См.: Там же. С. 285—288).

⁴ См.: Сб. протоколов СНК. С. 14. Предисловие.

⁵ Там же. С. 118.

скорее всего, или члены Совнаркома просто не пришли к общему знаменателю, или Крыленко удалось ненадолго прервать в «дискуссионный клуб» и Совнарком.

Об изменении взглядов В.И. Ленина косвенно свидетельствует его решение отложить пункт повестки заседания Совнаркома 13 декабря 1917 года о создании демобилизационного центра¹. 18 декабря 1917 года СНК принял ленинский проект резолюции, которая, в том числе, предусматривала «усиленные меры по реорганизации армии при сокращении ее состава и усилении обороноспособности»².

Окончательный отход от концепции демобилизации промышленности составители сборника «Военная промышленность в России в начале XX в.» датируют 21 февраля 1918 годом — принятие декрета «Социалистическое отечество в опасности» зафиксировало изменения военно-политической обстановки, перед организациями военной промышленности встали новые задачи³.

В феврале 1918 года изменился и фундамент военной политики В.И. Ленина: председатель СНК призвал «готовить революционную армию не фразами и возгласами..., а *организационной* работой, делом, созданием серьезной, всенародной, могучей армии»⁴ — переходить ко «всеобщему вооружению народа» Ленин не собирался: по миновании угрозы захвата Петрограда и потери власти председатель СНК предполагал постепенно возрождать вооруженные силы.

2 апреля (на следующий день после телеграммы Подвойского) вышло предписание совещательного органа при Наркомвоене — Военно-хозяйственного совета — об общем и планомерном сокращении работ на оборону, в котором встречаются следующие выражения: прекратить инженерно-строительные работы на оборону «кроме работ на современные нужды Красной Армии»; приостановить «производство для военного ведомства... впредь до выяснения потреб-

¹ Там же. С. 105.

² Ленин В.И. Пол. собр. соч. Т. 35. С. 181.

³ ВПК. Т. 2. С. 813 (примечание).

⁴ Мир или война (напечатано 23 февраля 1918 г.) // Ленин В.И. Пол. собр. соч. Т. 35. С. 368.

ностей Красной Армии в этих предметах снабжения»; заводы, которые при необходимости не могут быть быстро восстановлены, «подлежат сохранению»¹. На наш взгляд, ключевое слово в этом документе — кроме.

Январь-февраль 1918 года был ознаменован дискуссией (как в среде высшего партийно-государственного руководства, так и на уровне руководства военного ведомства) по вопросу: можно ли противопоставить имеющуюся у республики вооруженную силу наступлению германской армии?

Еще 6 января 1918 года в Петрограде состоялось совещание представителей Народного комиссариата по военным делам (далее — Наркомвоен) с представителями фронтов по двум жизненно важным для Советской Республики вопросам: *первый* — о положении армии; *второй* — о необходимости заключения мира с германцами на продиктованных последними условиях (исходя из обороноспособности вооруженных сил).

Вопрос о мире был настолько сложным, что мнения собравшихся разделились: 8 человек (шесть из них представители фронта) высказались за подписание мира на германских условиях², 7 — против (пятеро — представители тыла). Верховный главнокомандующий прапорщик Н.В. Крыленко отметил, что накануне Брестского мира «такое же неопределенное голосование» состоялось и в центральных комитетах обеих руководящих политических партий (большевиков и левых эсеров), на котором блок левых эсеров и левых коммунистов в конечном итоге предоставил «карт-бланш» советской мирной делегации.

Но интересно другое: если вопрос о мире с германцами расколол ряды революционеров и практиков, то вопрос о судьбе армии был однозначно решен членами центральных комитетов РСДРП(б) и ПЛСР. Участники указанных совещаний, по свидетельству Н.В. Крыленко, ввиду «категорической невозможности бороться против стихийного потока демобилизации» приняли «категорическое решение демобили-

¹ Сб. ВПК—2. С. 43—44.

² Уже 5 (18) января 1918 г. германская делегация в Брест-Литовске потребовала отторжения от России территории свыше 150 тыс. км².

зовать армию целиком»¹. Интересны не только констатация факта единодушия в этом вопросе, но и понимание участниками совещаний возможности осуществления полной демобилизации армии.

На заседании СНК 6 января присутствовали: от Наркомвоена — Крыленко, Легран, Подвойский; от Наркоммора — Раскольников, Дыбенко; приглашенные Главком Западного фронта А.Ф. Мясников, председатель Центрального комитета депутатов армии и флота Нежинский и начальник военного, политического и гражданского управления при Главнокомандующем Западного фронта И.А. Апетер². Несмотря на то, что соответствующего пункта в протоколе не зафиксировано, можно предположить, что решение совещания по демобилизации сразу сообщили Совнаркому, заседавшему в вечерние часы.

При переходе к созидательной работе после «овладения аппаратом» (термин В.И. Ленина) большевики использовали идеи, высказываемые до октября 1917 года реакционерами. Они быстро учились у тех чиновников, которых стали контролировать. Принятие большевиками — руководством военного ведомства — необходимости строительства новой армии не означало признания общепризнанных принципов формирования армии (призыв, регулярность, постановка на ответственные посты военных специалистов) большинством членов коллегии Наркомвоена, полагавшим, что новая армия должна быть исключительно классовой («пролетарской») и исключительно же добровольческой, причем с «новым типом боевой единицы» — неким «отрядом», включающим все рода войск и непременно «достаточно стойким, чтоб[ы] в соединении с двумя такими же единицами» суметь противостоять регулярным армиям «капиталистических хищников»³. А в деле созда-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 67 об. Черновик докладной записки Н.В. Крыленко в СНК. Дата заседания уточнена по: Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 180. О стихийной демобилизации армии в этот период написано немало работ. См. прежде всего: *Фрайман А.Л.* Революционная защита Петрограда в феврале—марте 1918 г. М., 1964.

² Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. С. 189—190.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 4. Цитируется черновик заявления членов коллегии Наркомвоена, Всеросколлегии, руководства МВО, отдельных командующих фронтов «о способах создания новой армии в связи с потреб-

ния *такой* армии, полагали руководители Наркомвоена, военспецы оказались «излишними», уже хотя бы потому, что в условиях обязательной выборности добровольцами — «пролетариями» своего командного состава офицеры не уживутся с «полновластными солдатскими комитетами»¹. Между тем, как доказали безуспешные попытки строительства Красной Армии в январе-феврале 1918 года, обойтись в этом крайне необходимом Советской власти деле без массового привлечения военных специалистов оказалось невозможным².

Руководство военного ведомства упорно не желало осознать тот факт, что любые средства хороши для срочной организации вооруженной защиты Советской власти, хотя В.И. Ленин еще в январе 1918 года, в связи с «*великой задачей создания социалистической армии*», совершенно недвусмысленно подчеркивал, что: «Советской власти грозит и внешний враг..., и враг внутренний — контрреволюция...»³.

Высшее большевистское руководство (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Я.М. Свердлов) не было согласно с взглядами военного руководства на будущее армии⁴. В феврале 1918 года возникла ситуация, когда руководство военного ведомства стало проводить политику, идущую вразрез с планами большевистского руководства. Поэтому Ленин и его «соратники» должны были направить военное строительство в русло первоочередных государственных задач — они понимали, что без сильной армии невозможна сильная власть.

Первоочередными задачами Советской власти были: «организация обороны Советской Республики» (*первая*) и сроч-

ностями переживаемого момента», составленный Н.В. Крыленко для В.И. Ленина. См. также «Заявление Н.И. Подвойского» о необходимости проведения ассигнований на социалистические отряды // Сб. протоколов СНК. С. 218.

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 4 об.

² Подр. об этом см.: *Кораблев Ю.И.* В.И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября...

³ *Ленин В.И.* Письмо общеармейскому съезду по демобилизации армии от 3 (16) января 1918 г. // Ленин В.И. Пол. собр. соч. Т. 35. С. 224.

⁴ См. подр.: *Молодцыгин М.А.* Красная армия: Рождение и становление. М., 1997. С. 70 и др.; указ. соч. *Кораблева Ю.И.; Городецкий Е.Н., Шарапов Ю.Я.* Яков Михайлович Свердлов. Свердловск, 1981. С. 170; *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. М., 1988. С. 74, 77 и др.

ное «создание органов военно-политического и оперативно-стратегического руководства вооруженной борьбой как в масштабе страны, так и на главных стратегических направлениях...» (вторая).¹ И эти органы были созданы в течение двух дней: Временный исполнительный комитет (для реализации первой задачи), Комитет революционной обороны Петрограда (для реализации второй).

Временный исполнительный комитет СНК (далее — Временный ИК СНК) был выделен из СНК на заседании 20 февраля для обеспечения «непрерывности работ» в составе пяти наркомов. Из этих пяти: по два наркома от РСДРП(б) и Партии левых эсеров (далее — ПЛСР), во главе — председатель СНК В.И. Ленин. Во Временный ИК СНК вошли: один из лидеров большевиков нарком по иностранным делам Л.Д. Троцкий; один из крупнейших партийных организаторов нарком по делам национальностей И.В. Сталин, В.И. Ленин (*большевики*), член ЦК ПЛСР нарком почт и телеграфов П.П. Прошьян и один из основателей ПСР, товарищ председателя президиума ЦК ПЛСР и член бюро левоэсеровской фракции во ВЦИК нарком госимущества В.А. Карелин. Неформальное название этого органа — «Совет пяти народных комиссаров»². Казалось бы, создание Временного ИК СНК позволяло В.И. Ленину обеспечить оперативное принятие решений в чрезвычайных условиях германской угрозы и максимальную централизацию управления в воюющей стране. Троцкий вошел во Временный ИК СНК как лицо, ответственное за внешнюю политику государства. Сталин в этот период «лабирировал между позициями Ленина и Троцкого»³. Через Прошьяна и Карелина Ленин мог рассчитывать на поддержку левых эсеров в проведении принятых оперативных решений. В действительности временный орган СНК состоял из двух людей — Ленина и Карелина (все остальные на заседаниях почти не появлялись).

¹ Кавтарадзе А.Г. Указ. соч. С. 68.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 75; В.И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти. Л., 1970. С. 206; Молодцыгин М.А. Красная армия. С. 79.

³ О И.В. Сталине: Политические партии России: Энциклопедия. М., 1996. С. 587.

Это предположение подтверждается произошедшим на следующий день важнейшим событием: 21 февраля 1918 года состоялось заседание ЦК ПЛСР, на котором (как сообщила «Правда» на следующий день) «был принят целый ряд решений, касающихся дела организации революционной обороны», среди которых выделялось постановление левозеровского ЦК «приступить к созданию и вооружению боевых организаций партии левых с.-р.»¹. Это означало, что 21 февраля ПЛСР официально приступила к созданию собственной — параллельной Красной Армии — вооруженной силы. В отличие от руководства большевиков, левые эсеры ориентировались исключительно на «революционную самодеятельность масс», предполагая, как и первоначальное руководство Наркомвоенна, ограничиться «повстанческими» (т.е. партизанскими) формированиями². Вряд ли такое решение было принято спонтанно — большевистское руководство (Ленин в частности) не могло с ним не считаться. Противостоять созданию левозеровских вооруженных формирований в условиях продолжавшейся Первой мировой войны было не реально³ — большевикам пришлось идти на компромисс со своими «попутчиками» во власти.

Скорее всего, как ответный шаг большевиков можно расценивать выделение 21 февраля 1918 года из состава Петросовета Комитета революционной обороны Петрограда⁴.

¹ Правда. 1918. 22 (9) февраля. № 33. 1 марта 1918 г. ЦК ПЛСР в своем обращении заявил, что, вне зависимости от подписания мирных условий, борьба с германским империализмом неизбежна, и отдал партийным организациям распоряжение призвать «к борьбе всех рабочих и крестьян»; организовывать дружины; устанавливать связь с Повстанческим комитетом ЦК ПЛСР (Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 180).

² См.: Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 179, 180. 15 марта было опубликовано «воззвание к крестьянам» лидера ПЛСР М.А. Спиридоновой. Спиридонова призвала организовывать дружины и отряды и заявлять о них в «Крестьянский ИК» (т.е. в крестьянский отдел ВЦИК, который левые эсеры, даже выйдя из СНК, сохранили за собой) (Там же. С. 180—181).

³ Пойти на конфликт с единственным союзником, имеющим огромное влияние в крестьянской стране, было бы слишком рискованным шагом.

⁴ Известия ЦИК Советов. 1918. 22 (9) февраля 1918. № 31.

Первоначальный замысел комитета принадлежит Я.М. Свердлову. Свердлов отводил комитету роль высшей военной коллегии. Председатель ВЦИК не позднее 21 февраля наметил в разработанном им проекте компетенцию будущего органа: «руководство всеми военными операциями, формированием и обучением новых отрядов революционных армий, снабжением и снаряжением их и т.д. Все военные учреждения (Военное министерство, штабы и пр.), — писал Я.М. Свердлов, — находятся в полном подчинении Комитету революционной обороны *страны* (курсив мой. — С.В.), который должен координировать их деятельность, и создаваемых в областях областных комитетов революционной обороны»¹. По замыслу Свердлова, комитет должны были составить пять человек — при этом один будет выполнять «обязанности Главковерха», двое будут «представлять контрольную комиссию над оперативными действиями», двое — контролировать и регулировать «всю практическую работу по обороне». Свердлов особо оговорил, что «член комитета, выполняющий обязанности Главковерха, целиком самостоятелен во всех военных операциях и военных распоряжениях и его приказания подлежат безусловному исполнению»². В создании Комитета революционной обороны Я.М. Свердлов должен был использовать свой опыт партийного организатора. Свердлов пошел по традиционному для большевиков пути создания руководящих *партийных* органов: большевики только что сделали революцию и едва успели закончить так называемое «овладение старым аппаратом управления».

Однако решение ЦК ПЛСР внесло свои коррективы в замыслы Я.М. Свердлова. Теперь к делу обороны было необходимо привлечь левых эсеров — вместо планируемых пяти человек в состав комитета вошло 15 (дать эсерам равное с большевиками представительство в комитете было невыгодно последним). Очевидно, определенную роль в этом сыграла позиция председателя Петросовета Г.Е. Зиновьева, с кото-

¹ *Свердлов Я.М.* Избр. произведения. Т. 2. М., 1959. С. 129. Проект создания Комитета революционной обороны страны (автограф, датированный составителями сборника «не позднее 21 февраля 1918 года»).

² Там же.

рым Я.М. Свердлов вступил в соглашение¹. Первоначальный состав комитета свидетельствует о желании привлечь все общественные силы для противостояния надвигающейся оккупации и возможной потере власти².

Итак, в комитет, созданный в итоге не при ВЦИКе, а при Петросовете, вошли — 10 большевиков (председатель Петросовета Г.Е. Зиновьев, член Президиума Петросовета и ВЦИК М.М. Лашевич, М.П. Ефремов, С.А. Митрофанов, Н.П. Комаров (Ф. Собинов), председатель ВЦИК Я.М. Свердлов, левый коммунист М.М. Володарский, один из первых большевиков Петросовета П.А. Залуцкий, Трубачев³, А.Г. Васильев) и 5 левых эсеров (Я.М. Фишман, М.А. Левин и др.)⁴. Как видим, в первоначальном составе Комитета революционной обороны нет руководителей военного ведомства. Почему? — ответ на этот вопрос можно найти в действиях Наркомвоена.

В тот же день (21 февраля 1918 г.) члены коллегии Наркомвоена Н.В. Крыленко, Н.И. Подвойский, Э.М. Склянский подписали приказ наркомата о создании специального органа для перевода г. Петрограда на осадное положение — Чрез-

¹ О договоре свидетельствуют два факта: компетенцию будущего Комитета революционной обороны наметил Я.М. Свердлов, а непосредственное решение о создании этого органа было принято на заседании Петросовета по итогам речи Г.Е. Зиновьева (Известия ЦИК Советов, 1918. 22 (9) февраля 1918. № 31).

² Декларировалось, что Комитет создается для приведения в жизнь призыва СНК к «мобилизации всех сил крестьянской и рабочей революции на защиту ее завоеваний» (Известия ЦИК Советов, 1918. 22 (9) февраля 1918. № 31). 21 февраля 1918 г. стало, пожалуй, самым милитаристским днем Советской России: в этот день СНК, объявив о готовности подписать мир, сразу же призвал «все местные советы и армейские организации приложить все силы к воссозданию армии. Все развращенные элементы, хулиганы, мародеры, трусы, — *декларировал СНК*, — должны быть беспощадно изгнаны из рядов армии, а при попытках сопротивления должны быть стерты с лица земли[...]Нужно установить в рядах армии и во всей стране строжайшую революционную дисциплину. В Петрограде, как и во всех других центрах революции, необходимо железной рукой поддерживать порядок[...]Пусть знают наши враги — *извне и изнутри* (курсив мой. — С.В.), что завоевания революции мы готовы отстаивать до последней капли крови» (*Правда*. 1918. 22 (9) февраля. № 33).

³ Инициалы не установлены.

⁴ Правда. 1918. 23 (10) февраля. № 23 (254).

вычайного штаба Петроградского ВО (далее — ЧШ ПгВО), в составе большевиков В.Д. Бонч-Бруевича, В.Н. Васильевского, К.С. Еремеева, М.М. Лашевича, И.И. Юренева и представителя Наркомвоен в Чрезвычайном штабе К.А. Мехоношина. Чрезвычайный штаб должен был «решительно прекратить все выступления преступности»; «беспощадно подавлять малейшие выступления контрреволюционных сил»; «отдавать все распоряжения по учету и распределению продовольствия»; мобилизовать для защиты все трудовое население и необходимое для защиты «движимое или недвижимое имущество». Таким образом, в задачи ЧШ ПгВО входила борьба не только с внешним, но и с внутренним врагом. Причем второе направление было приоритетным, доказательством чему служит приказ ЧШ ПгВО № 1 от 22 февраля, которым Петроградский ВО переводился на осадное положение, а главное — вводился расстрел за уголовные преступления, контрреволюционную агитацию и шпионаж¹.

Из этого следует, что созданный ЧШ ПгВО по ряду выполняемых задач был параллельным Комитету революционной обороны органом. С учетом этого Комитет революционной обороны принимает 22 февраля решение — ввести в состав комитета всех членов Чрезвычайного штаба (и К.А. Мехоношин)², а кроме них — 5 представителей ВЦИК и по 2 представителя от Петроградских комитетов РСДРП(б) и ПЛСР³.

¹ Известия ЦИК Советов. 1918. 22 (9) февраля. № 31.

² В постановлении о расширении состава Комитета оговаривалось, что приказ ЧШ ПгВО «оставлен в силе» (Правда. 1918. 23 (10) февраля. № 23 (254)).

³ Там же. В Комитет оказались также привлечены: С.И. Гусев, позднее анархист-синдикалист В.С. Шатов (секретари); члены коллегии Наркомвоенна И.И. Подвойский, комендант Петропавловской крепости Г.И. Благоданов и др. (Ист. архив. 1960. № 6. С. 59, 66; Правда. 1918. 2 марта (17 февраля). № 39). 25 февраля 1918 г. в состав Комитета был кооптирован К.Б. Радек (Правда. 1918. 23 (10) февраля. № 23 (254)). Итого, Комитет насчитывал 30 членов. Очевидно, такое расширение состава не было инициативой Я.М. Свердлова: это косвенно подтверждается тем, что постановление Комитета о расширении числа своих членов подписано: «Председатель Петросовета Г. Зиновьев». Не исключено, что именно Зиновьев помешал своими действиями реализации плана Свердлова.

Очевидно, что в таком составе комитет не мог обеспечить оперативное решение стоявших перед ним задач. Поэтому 25 февраля из состава комитета было выделено бюро. В бюро вошли: председатель ВЦИК Я.М. Свердлов (который и будет председательствовать на заседаниях комитета), председатель Петросовета Г.Е. Зиновьев, 3 члена коллегии Наркомвоена (Н.В. Крыленко, К.А. Мехоношин, Н.И. Подвойский) и командующий Петроградским ВО (К.С. Еремеев)¹, 3 «левых коммуниста» (М.С. Урицкий, С.В. Косиор, В.М. Смирнов), 2 лидера и один видный деятель ПЛСР (М.А. Спиридонова, Я.М. Фишман, М.А. Левин), а также один военный специалист (начальник штаба Верховного главнокомандующего Генштаба генерал-лейтенант М.Д. Бонч-Бруевич)². Итого, в бюро комитета вошли, помимо одного военного специалиста, представители трех партийных группировок — двух большевистских фракций («левых коммунистов» и условно «большевиков-ленинцев») и одной левозсеровской. С одной стороны, комитет отвечал требованиям коллегиальности и межпартийности, с другой — оба фактора означали постоянную угрозу раскола в бюро комитета, способную уничтожить этот орган.

В.И. Ленин, будучи прагматиком, по всей видимости, изначально не поверил в возможности Комитета революционной обороны Петрограда как органа, составленного из 14 (затем — 29) политических деятелей-непрофессионалов³, и

¹ С Н.И. Подвойским Я.М. Свердлов был знаком еще до первой русской революции — 21 марта 1905 г. они, а также жена Подвойского А.А. Дидрихиль возглавили открытую политическую демонстрацию по поводу самоубийства «преследуемого» властью гимназиста. К.С. Еремеева Свердлов должен был хорошо узнать в 1912 г. — последний в это время был руководителем газеты «Правда». (*Городецкий Е.Н., Шаранов Ю.Я.* Указ. соч. С. 16—17, 62). К.А. Мехоношин был, очевидно, привлечен в Комитет революционной обороны как близкий Н.И. Подвойскому организатор в коллегии Наркомвоен.

² Правда. 1918. 26 (13) февраля. № 35. Декларировалось, что бюро «действует именем Комитета революционной обороны Петрограда». Бюро предписывала «всем местам и лицам исполнять лишь те предписания, на которых имеются подписи одного из членов Бюро и секретаря С.И. Гусева». Стало быть, именно эти нормативные документы следует считать постановлениями Комитета.

³ Кроме того, создание Комитета революционной обороны отнюдь не означало ликвидации коллегии Наркомвоена. Более того, фактическое руко-

подготовил свой вариант руководящего строительством армии органа. На следующий же день после создания комитета председатель СНК экстренно вызвал из Могилева 12 бывших генералов и офицеров Ставки во главе с М.Д. Бонч-Бруевичем и поручил прибывшим военным специалистам спешно выработать план обороны Петрограда и заняться формированием отрядов для посылки на фронт¹. Этот шаг означал недоверие В.И. Ленина к комитету. Дальнейшие действия председателя СНК были направлены на создание нового военного центра.

Были ли сомнения Ленина в «дееспособности» Комитета революционной обороны Петрограда оправданы? Позднее, характеризуя деятельность комитета, М.Д. Бонч-Бруевич в своих мемуарах приписал комитету склонность к «говорильне» и игнорирование первостепенных вопросов военного строительства.² Исследователь А.Л. Фрайман в 1964 году счел выдвинутый генералом тезис ошибочным и обстоятельно показал в своей монографии вклад комитета в организацию вооруженного отпора германской армии³. Член бюро комитета Н.В. Крыленко дал 4 марта 1918 года оперативную (а потому представляющую особую ценность) оценку Комитета революционной обороны Петрограда, совпадающую в

водство коллегии было включено в состав комитета. Таким образом, смены военного руководства не произошло, более того — в комитет должен был быть привнесен опыт коллегии Наркомвоена. Это также не могло не вызвать скептического отношения со стороны В.И. Ленина.

¹ *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 68. 22 февраля 1918 г. в статье «В Ставке» газеты «Правда» было опубликованное полученное по телеграфу объявление Центрального комитета действующих армии и флота: 20 февраля 1918 г. «в Могилеве образован Верховный военный совет в составе 15 товарищей, которому передается вся полнота власти по ведению партизанской гражданской войны против контрреволюционных, немецких войск и своей буржуазии (Правда. 1918. 22 (9) февраля. № 33).

² *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам! М., 1958. С. 253—254.

³ Исследователь показал, что в компетенцию комитета входили: формирование отрядов; социальное страхование красноармейцев; налаживание военной промышленности; руководство боевыми операциями. Вместе с тем анализ приведенных А.Л. Фрайманом сведений позволяет сделать вывод о том, что весь масштаб работы комитета был продиктован чрезвычайным положением (См.: *Фрайман А.Л.* Указ. соч. С. 121, 150, 170, 211, 224 и др.).

целом с поздней оценкой, данной комитету М.Д. Бонч-Бруевичем. Приведем ее полностью: «На собрании представителей районных штабов признана ненужность чрезвычайного штаба в той форме, в какой он существует сейчас, когда одному человеку (Лашевичу) поручено все дело формирования всех видов оружия и [тем самым] была сбита и спутана работа уже поставленных организаций. То же самое было признано, а это еще знаменательней — самим комитетом обороны, познавшем на опыте бестолковость учреждения, где работают пять-шесть человек, толкутся сотни и дежурным членам бюро приходится заниматься всем, вплоть до подписывания ордеров на выдачу продовольствия для служащих Смольного, кроме того дела, которое им поручено. Отдел формирования в комнате № 85 уже упразднен комитетом... заседания бюро сводятся в общей части к очередному оперативному докладу Бонча (генерал-майора старой армии М.Д. Бонч-Бруевича. — С.В.), причем не в местном, а во Всероссийском масштабе при прогрессивно убывающей посещаемости заседаний даже членами бюро, а не только комитета»¹. Постановка Михаила Лашевича во главе вооружения армии (фактически в параллель существовавшей в то время Всероссийской коллегии по организации и формированию РККА) объясняется тем, что близостью Лашевича к Григорию Зиновьеву: в июле 1926 года Лев Каменев в заметках о «деле Лашевича» заявит — «Вопрос о так называемом «деле» т. Лашевича, поставленный, согласно решения Политбюро... в порядок дня нынешнего Пленума [ЦК] неожиданно, в самый последний момент, постановлением Президиума ЦКК от 20 июля, превращен в «дело» т. Зиновьева. Мы считаем необходимым, прежде всего, констатировать, что в проекте резолюции Президиума ЦКК нет ни одного факта, ни одного сообщения, ни одного подозрения, которые не были бы известны..., когда ЦКК вынесла постановление по «делу» т. Лашевича и др. Между тем, в последнем проекте резолюции уже заявляется со всей категоричностью, что «все нити» ведут к т. Зиновьеву, как к председателю Коминтерна, который будто бы исполь-

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2424. Л. 24.

зовал во фракционных целях аппарат Коминтерна. Не какие-либо новые фактические обстоятельства побудили ЦКК произвести полный переворот в первоначальной постановке этого дела, а соображения политического характера. Вопрос этот, как совершенно ясно для всех, решался не в Президиуме ЦКК, а в той фракционной группе, руководителем которой является т. Сталин»¹. По сути, политическая баталия Сталина с Зиновьевым начнется с подкопа под Лашевича (а также Бельского и других петроцекистов 1918 года²) — по образному выражению Каменева, ««дело» Лашевича было превращено в «дело Зиновьева»»³. В 1918 году, проведя кандидатуру Лашевича в бюро КРОПг, Зиновьев делал серьезный задел в руководстве военного ведомства.

2 марта для координации деятельности высших военных органов на всех фронтах Ставка Верховного главнокомандующего фактически прекратила свою деятельность и высшим органом командования, по инициативе В.И. Ленина, был объявлен Комитет революционной обороны Петрограда.⁴ Таким образом, комитет формально перестал быть военно-политическим центром, его роль была сведена к оперативно-стратегическому руководству⁵.

Крайне важные для нас последующие события 2—4 марта освещаются наиболее полно в черновиках докладных записок Главковерха Н.В. Крыленко Совнаркому, отложившихся в фонде Управления делами Наркомвоена (РГВА), а также в докладной записке от 4 марта 1918 года, отложившейся в фонде секретариата В.И. Ленина (РГАСПИ). Источниками информации для Крыленко были: *первый* — телефонный разговор с Лениным в ночь со 2 на 3 марта, *второй* — сведения, полученные членами коллегии Наркомвоена 3 марта (очевид-

¹ РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 74. Л. 34.

² Там же. Л. 36.

³ Там же. Л. 37.

⁴ *Фрайман А.Л.* Указ. соч. С. 202.

⁵ Это положение требует терминологического пояснения. Под военно-политическим понимается орган, мобилизующий общественные силы для ведения войны; оперативно-стратегическим — орган, осуществляющий непосредственно планирование операций и руководство войсками.

но, утром или днем) и *третий* — сведения, полученные теми же лицами на заседании бюро Комитета революционной обороны 3 марта вечером.

Из разговора Н.В. Крыленко с В.И. Лениным следовало, что Ленин намечал создание двух высших военных коллегиальных органов. Над коллегией Наркомвоена председатель СНК планировал поставить два совета: *первый* — совет из пяти лиц, который предполагалось выделить «из состава Чрезвычайного штаба при Петроградском совете»; *второй* — Высший военный совет. Обоим органам В.И. Ленин хотел придать статус чрезвычайных, что в условиях революции давало им большие полномочия. «Указанные два учреждения, по выражению тов. Ленина, должны приказывать, все же остальные учреждения и работники военного ведомства исполнять» (докладывал Н.В. Крыленко Совнаркому)¹.

Напомним, что ЧШ ПгВО 22 февраля стал составной частью Комитета революционной обороны. Формулировка Крыленко (или Ленина?) «из состава Чрезвычайного штаба при Петроградском совете» крайне неопределенна. Мы склонны считать, что В.И. Ленин планировал выделить ЧШ ПгВО из Комитета революционной обороны. Последнее подтверждается более точными сведениями о «совете пяти», полученными членами коллегии Наркомвоена 3 марта (об этом сообщил все тот же Крыленко)².

В этом случае, казалось бы, «совет пяти» должен был стать наиболее преданным Ленину контрольным органом: все его члены были большевиками, и притом (в большинстве своем) большевиками-«ленинцами»³. Ленин взял на вооруже-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 75.

² Дополнительные сведения о планируемом органе — «совете пяти» — присутствуют также в документах Н.В. Крыленко. В черновике докладной записки в СНК Н.В. Крыленко уточнил, что в планы Ленина входило создание еще одного контролирующего Наркомвоен органа — особого бюро в составе М.М. Лашевича, К.С. Еремеева и еще троих членов Комитета революционной обороны Петрограда (Там же. Л. 77). Можно предположить, что этими тремя должны были стать члены ЧШ ПгВО (см. с. настоящей статьи).

³ И.И. Юренев до вступления в РСДРП(б) был межрайоном — он был в числе организаторов петербургской межрайонной комиссии, переименованной затем в Петербургский межрайонный комитет.

ние идею Свердлова о коллегиальном контролирующем органе, но хотел придать ей несколько иное содержание, включив в «совет» таких проверенных большевиков, как М. Лашевич, К. Еремеев, В. Бонч-Бруевич.

О втором органе — Высшем военном совете — у нас больше информации, так как он, в отличие от первого органа, был создан 3 марта и его деятельность изучалась исследователями. Высший военный совет был авторитетным с точки зрения военного опыта и знаний органом. Основу его составили офицеры Ставки Верховного главнокомандующего, прибывшие, как известно, из Могилева и работавшие еще с 23 февраля под «неослабным» контролем В.И. Ленина¹. Для создания полноценного контрольного центра недоставало одного: включить в состав Высшего военного совета партийных работников — военных комиссаров, которые могли бы контролировать военных специалистов.

Первоначально В.И. Ленин в качестве таковых работников предполагал поставить левого эсера П.П. Прошьяна и «левого коммуниста» М.С. Урицкого². Тем самым, Ленин планировал привлечь к делу обороны страны силы двух политических группировок (ПЛСР и «левых коммунистов»), выступавших против подписания мира с Германией.³ Однако 3 марта был подписан мирный договор с Германией и вторым комиссаром Высшего военного совета стал большевик К.И. Шутко⁴.

¹ *Кораблев Ю.И.* В.И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. С. 217—218.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 77. Это информация, полученная коллегией Наркомвоена утром или днем 3 марта.

³ Исследователь А. Рабинович выяснил, что Урицкий и Прошьян проводили весной 1918 г. сходную политику (См.: *Рабинович А.* Указ. соч. С. 7—8). Автор статьи приходит к выводам, что линию Урицкого как председателя Петроградского ЧК весной—летом 1918 г. поддерживали Крестинский, Прошьян, в отдельных случаях Зиновьев. Однако не исключено, что тандем Прошьяна и Урицкого сложился раньше. Урицкому и Прошьяну довелось работать вместе еще на 2-м съезде Советов — над организацией Национального отдела ВЦИК (Сб. ПЛСР. С. 728).

⁴ Можно предположить, что подписание мирного договора с Германией 3 марта в 5 часов советской делегацией сделало бессмысленным вхождение «левого коммуниста» и противника позорного мира М.С. Урицкого в Высший

Из передаваемых Н.В. Крыленко в черновиках докладной записки замыслов В.И. Ленина можно выдвинуть предположение, что председатель СНК предполагал «распределить» контроль над военными специалистами (именно профессионалам В.И. Ленин желает поручить отныне дело воссоздания вооруженных сил) между комиссарами двух правящих партий, с одной стороны, и компактным (всего из пяти членов) партийным органом из преданных людей — с другой.

Интересный нюанс находим в итоговом варианте докладной записки — «по плану» Временного ИК СНК — уточнил Н.В. Крыленко, — проектировалось создание «пятерки из членов Чрезвычайного штаба, в лице Еремеева, Лашевича и других» «при Верховной тройке» (т.е. при Высшем военном совете)¹. Таким образом, выходит, что В.И. Ленин планировал создание следующей системы высших органов военного руководства: Высший военный совет — состоящий при нем большевистский контрольный орган — коллегия Наркомвоенна как непосредственный орган руководства наркоматом.

В планах В.И. Ленина, как видим, не было отведено достойного места коллегии Наркомвоенна — последней была отведена почетная третья ступень в иерархии органов высшего военного руководства.

Н.В. Крыленко принял разговор с В.И. Лениным к сведению и буквально на следующий день (3 марта) поднял на заседании комитета «вопрос о реформе [комитета] и выделении из себя (т.е. из комитета. — С.В.) оперативной части во всероссийском масштабе с отделением от себя всех остальных функций». Собравшиеся разделили мнение Главковерха и поручили Крыленко поднять этот вопрос в СНК. Крыленко, выполнив поручение комитета, узнал в СНК, что Временный ИК Совнаркома создал новый высший военный коллегиальный орган — с реформой комитета Главковерх опоздал².

военный совет. Видимо, планы В.И. Ленина основывались не только на позиции двух правящих партий, но и на удельном весе самих кандидатов.

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2424. Л. 25. Н.В. Крыленко уточнил, что «пятерка», по выражению В.И. Ленина, должна была «подстегивать» комиссариат.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2424. Л. 24.

К тому же 3 марта был подписан мир с Германией, уничтоживший «чрезвычайную» основу Комитета революционной обороны. С заключением Брестского мира и переездом СНК, а следом и госаппарата в Москву деятельность комитета потеряла свою актуальность и 12 марта датируется последнее его постановление¹.

Ленинский план организации обороны начал претворяться в жизнь немедленно: 3 марта для организации обороны государства и руководства созданием постоянной армии постановлением Временного ИК СНК был образован *Высший военный совет*. Постановление было оглашено в этот же день на вечернем очередном заседании бюро Комитета революционной обороны Петрограда². Первоначально в состав Высшего военного совета вошли: военный руководитель М.Д. Бонч-Бруевич, политические комиссары П.П. Прошьян (левый эсер) и К.И. Шутко (большевик).

Совнарком указал Высшему военному совету на «необходимость формирования новой армии на началах такой технической подготовки, которая соответствовала бы технической подготовке армий наших вероятных противников»³.

Какова же была реакция Главковерха на создание Высшего военного совета? Осуществление замыслов В.И. Ленина в полном объеме означало бы, что коллегию Наркомвоенбуд будут контролировать три органа: Высший военный совет, «совет пяти» и Комитет революционной обороны! Особенно возмутил Крыленко «совет пяти»: Главковерх отказывался понимать, как входивший в состав Наркомвоенбуд К.С. Еремеев сможет контролировать его работу, и сомнение в том, что «надзирательский труд» М.М. Лашевича и других будет «производительным»⁴. Единственным основанием постановки над Н.В. Крыленко К.С. Еремеева и М.М. Лашевича был партийный стаж двух последних (Еремеев вступил в партию на 8 лет раньше Крыленко, Лашевич — на 3). Образователь-

¹ Исторический архив. 1960. № 6. С. 66.

² *Молодцыгин М.А.* Красная Армия. С. 80, 84.

³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 182. Телеграмма Высшего военного совета Н.И. Подвойскому.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 93 об.

ный уровень К.С. Еремеева и М.М. Лашевича был несравним с Н.В. Крыленко — Еремеев получил только начальное образование, Лашевич — незаконченное среднее, в то время как Крыленко — два высших (юридическое и историческое). Ну а формально — как военные «специалисты» — Еремеев, Лашевич и Крыленко друг от друга почти не отличались.

Впрочем, причин для особого негодования у Н.В. Крыленко, в конечном итоге, не оказалось — на создании Высшего военного совета реорганизация высшего военного управления закончилась. Из двух запланированных Лениным органов был организован только один. В.И. Ленин ограничился созданием Высшего военного совета, вероятно, осознав, что одновременное создание двух контрольных инстанций приведет к ненужному параллелизму их функций и только усугубит путаницу в жизненно важном деле военного строительства. К тому же Высший военный совет действовал весьма успешно и надобность в дальнейшем реформировании высшего военного управления отпала. Высший военный совет, благодаря профессионализму аппарата М.Д. Бонч-Бруевича и отчасти связям генерала, был способен эффективно руководить военным строительством. Было и второе немаловажное обстоятельство: один из двух политических комиссаров (К.И. Шутко) не был на деле партийным лидером, а следовательно, не мог вывести военное ведомство из-под контроля В.И. Ленина (о Прошьяне речь пойдет ниже).

С первых же дней своего существования Высший военный совет сосредоточился на решении практических вопросов¹ — запрашивал точные сведения о средствах, находящихся в распоряжении военного ведомства²; информировал военное руководство, а также центральные и фронтовые ор-

¹ М.А. Молодцыгин, изучавший эту ситуацию, доказывает, что в первые дни существования Высшего военного совета двуединой целью Совета была апробация проекта дальнейшей организации Красной Армии на разных аудиториях (от узкого совещания до пленума Моссовета и заседания СНК) и создание необходимого аппарата для осуществления задуманного. (*Молодцыгин М.А. 120 дней Наркомвоена. № 8. С. 55—56*).

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 112. Постановление Высшего военного совета от 5 марта 1918 г.; Там же. Л. 172—174. Постановление Высшего военного совета от 10 марта 1918 г.

ганы о своем образовании и ставил их под свой контроль¹). Кроме того, Высший военный совет сразу же расформировал все, кроме коллегии Наркомвоена, органы, способные внести дезорганизацию в военное управление и помешать тем самым строительству Красной Армии².

С созданием Высшего военного совета в новые условия была поставлена коллегия Наркомвоена, которой предстояло налаживать взаимоотношения с новым органом высшего военного руководства.

4 марта не на шутку обиженный Главковерх Н.В. Крыленко составил упомянутый нами текст докладной записки в СНК, представляющий собой жалобу Ленину на проводимую им же — Лениным — политику. В этом документе Крыленко напомнил Ленину о представленных в СНК и лично Ленину докладных записках и негодовал по поводу постановки над коллегией Наркомвоена Высшего военного совета.

Постановка на должность члена Высшего военного совета генерала («старожила Ставки») М.Д. Бонч-Бруевича, даже подконтрольного двум «необстрелянным» комиссарам, по заявлению Крыленко, должна была вызвать недоверие к Наркомвоену масс и повсеместные назначения военруком Высшего военного совета «своих знакомых генералов начальниками»³. Особое раздражение Крыленко вызвал четко отстаиваемый М.Д. Бонч-Бруевичем принцип организации Красной Армии на основе «кадровых рот и кадровых батальонов ре-

¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 175—176, 182—183. Постановление Высшего военного совета от 11 марта 1918 г. (Циктефронту; Н.И. Подвойскому); Там же. Л. 253—253 об, 254—255. Постановление Высшего военного совета от 15 марта 1918 г. (В.А. Антонову-Овсеенко).

² Октябрьская революция и армия: Сб. документов. М., 1973. С. 408—409. Приказом Высшего военного совета № 2 упраздняясь Ставка Верховного главнокомандования (за исключением Управления начальника военных сообщений на театре военных действий, Санитарного управления и двух управлений при демобилизационной комиссии); расформировывались Цекодарф, все организованные и выделенные Цекодарфом штабы, Верховная коллегия Ставки, контрольно-ликвидационная комиссия.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 86, 93 об. Конкретно Н.В. Крыленко названы К.К. Байов, К.И. Величко, Л.П. Парский, А.В. Шварц. Интересно, что Крыленко признал Бонч-Бруевича «все же лучшим среди генералов» (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2424. Л. 22 об).

гулярной армии, развертываемых в период мобилизации»¹. В заключение своей записки Крыленко потребовал своей отставки с поста Главверха и члена коллегии Наркомвоена².

Создание Высшего военного совета вызвало мощный резонанс и в коллегии Наркомвоена. Все члены коллегии считали постановку над ними Высшего военного совета нецелесообразной и даже вредной мерой. Однако вопрос о дальнейших действиях коллегии Наркомвоена расколол членов последней на две группы — сторонников ухода из коллегии и сторонников продолжения работы.

Первая группа в лице обоих лидеров коллегии (Н.В. Крыленко и Н.И. Подвойского) встала в резкую оппозицию не только Высшему военному совету, но самому Временному исполкому СНК. Крыленко, выставив свою докладную записку на рассмотрение коллегии Наркомвоена, призвал все партийное руководство наркомата к коллективному выходу в отставку. Кроме того, Н.В. Крыленко, Н.И. Подвойский и примыкавший к последнему член коллегии Наркомвоена, председатель ГУВУЗ И.Л. Дзевялтовский³ стали открыто бойкотировать курс на строительство новой армии. 5 марта Н.В. Крыленко, Н.И. Подвойский и И.Л. Дзевялтовский даже сделали попытку отстоять свою позицию через печать — они опубликовали декларацию, в которой признали, что «одним из условий мира является полная демобилизация армии», на смену которой придет всеобщее военное обучение⁴.

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 93 об; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2424. Л. 25.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 93 об.

³ И.Л. Дзевялтовский был верным соратником Н.И. Подвойского. В своем письме Подвойскому, написанном уже после Гражданской войны, Дзевялтовский назвал бывшего и.д. наркома по военным делам своим «духовным отцом» (РГАСПИ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 180. Л. 2). Письмо датировано 16 февраля 1922 г. Точный фрагмент письма: «Вам, как своему духовному отцу, доверяю и дальнейшую мою участь. Из прилагаемого при сем жизнеописания Вы узнаете, в чем дело». И.Л. Дзевялтовский просил Н.И. Подвойского дать ему рекомендацию для ЦКК и подписать ее у «кого-либо еще»: К.А. Мехоношина, В.И. Невского, Н.В. Крыленко, Н.И. Муралова. Подвойский рекомендацию дал.

⁴ *Молодцыгин М.А.* 120 дней Наркомвоена. № 8. С. 51; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2424. Л. 26.

Н.В. Крыленко, написав докладную записку В.И. Ленину, рассчитывал, что коллегия Наркомвоена в пику В.И. Ленину целиком уйдет в отставку, если СНК не отменит постановление своего Временного исполкома о создании Высшего военного совета.

Однако коллегия Наркомвоена, собравшаяся 6 марта в составе шести членов — И.И. Юренева, М.С. Кедрова, К.А. Мехоношина, Э.М. Склянского, П.Е. Лазимира и В.А. Трифонова — отказалась следовать за «группировкой» Н.В. Крыленко. Именно исходя из постановки над комиссариатом «Верховного контролирующего и распорядительного учреждения из трех лиц, из которых один [имеется в виду генерал М.Д. Бонч-Бруевич] совершенно чужд духу работ комиссариата, а два других [П.П. Прошьян и К.И. Шутко] не имеют никакого представления о его работе», большинство членов коллегии приняло решение «в интересах дела» остаться на занимаемых должностях¹.

В.И. Ленин продолжал проводить свою политику. 9 марта 1918 года он создал специальную комиссию из *военных специалистов* (А.Н. Андогского, Ю.Н. Данилова, В.М. Альфатера) и дал ей поручение: подготовить к 15 марта план организации «военного центра для реорганизации армии и создания мощной вооруженной силы на началах всеобщей социалистической милиции и всеобщего вооружения рабочих и крестьян». В этот же день была удовлетворена просьба Крыленко об отставке. К сожалению, документальные свидетельства о деятельности комиссии военных специалистов до сих пор не выявлены, хотя их поисками занимались историки². Однако мною выявлено одно важное косвенное свидетельство об этой комиссии. В черновике докладной записки Н.В. Крыленко В.И. Ленину, составленной Главкомверхом от имени членов коллегии Наркомвоена, упоминается вырабо-

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2424. Л. 26. Резолюция коллегии Наркомвоена на докладной записке Н.В. Крыленко.

² Ю.И. Кораблев, специально занимавшийся поиском соответствующих документов, успеха не добился (*Кораблев Ю.И.* В.И. Ленин и создание регулярной Красной Армии. С. 231), в монографии С.М. Кляцкина данные о деятельности комиссии также отсутствуют (*Кляцкин С.М.* На защите Октября. С. 149).

танный комиссией проект. Крыленко пишет, что «основной его (проекта. — С.В.) чертой, по словам тов. Прошьяна, является двоякое разделение вооруженных сил на красную милицию и регулярную армию. Последняя комплектуется на основе всеобщей повинности и при помощи все той же системы кадровых частей и кадрового командного состава»¹. Из цитируемого фрагмента следует, что комиссия с поставленной задачей справилась: требуемый В.И. Лениным проект был составлен — а раз его читал П.П. Прошьян, то и заказчик проекта (В.И. Ленин) наверняка был с ним ознакомлен.

К десятым числам марта 1918 года были окончательно оформлены два взгляда на строительство Красной Армии. Н.В. Крыленко и Н.И. Подвойский (первоначальное фактическое руководство Наркомвоена) ратовали за полную демобилизацию армии и всеобщее военное обучение²; военные специалисты (члены созданной 9 марта комиссии) — за всеобщую мобилизацию и разделение сил на красную милицию и регулярную армию из кадровых офицеров.

10—11 марта 1918 года имела место дискуссия о полномочиях военных комиссаров в Петроградском бюро ЦК РСДРП(б). На заседании бюро 10 марта было единогласно принято предложение А.А. Иоффе о «назначении Троцкого Главным народным комиссаром [по] военным делам». Однако на следующий день в «питерской части ЦК» произошел раскол по вопросу о компетенции военных специалистов — должны ли большевики осуществлять непосредственное руководство войсками. При этом трое (Л.Д. Троцкий, А.А. Иоффе, Г.И. Благонравов) высказались за предоставление широчайших полномочий комиссарам (вплоть до «права расстрела на месте генералов [в] случае их измены»), при невмешательстве комиссаров в

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 8.

² В январе 1918 г. В.И. Ленин провозглашал то же самое — вооруженной силой большевиков, по словам председателя СНК, должна была стать социалистическая Красная Армия; целью, к которой стремились «все социалисты» — всеобщее вооружение народа (*Ленин В.И.* Пол. собр. соч. Т. 35. С. 270). 11 (24) января 1918 г. Ленин доложил III Всероссийскому съезду Советов: «старая армия, армия казарменной муштровки, пытки над солдатами, отошла в прошлое. Она отдана на слом, и от нее не осталось камня на камне... Полная демократизация армии проведена» (Там же. С. 269).

оперативно-стратегические распоряжения; но большинство членов бюро «решило взять[ь] на себя оборону Петрограда, внешнюю и внутреннюю, со вмешательством также [в] стратегические и военно-технические распоряжения военных специалистов». Таким образом, большинство питерского ЦК, в пику Ленину, придерживалось мнения, что дело обороны республики должно находиться в руках партийных работников, а не профессионалов. 11 марта Иоффе сообщал Ленину о согласии Троцкого встать во главе военного ведомства; настаивал на немедленном проведении назначения последнего через СНК и распубликовании этого назначения. Иоффе был уверен: если этого не сделать, у большевиков «разбегутся те военные специалисты, которые теперь работают»¹.

13 марта было принято постановление СНК о назначении Л.Д. Троцкого вместо Н.И. Подвойского наркомом по военным делам. При этом член Высшего военного совета К.И. Шутко освобождался от занимаемой должности, вместо него членом совета и одновременно «исполняющим обязанности председателя» Совета также был назначен Л.Д. Троцкий. Должность Верховного главнокомандующего, «согласно предложению, сделанному товарищем Крыленко», была упразднена². Таким образом, «треугольник перевернулся» (выражение М.А. Молодцыгина): во главе теперь стоял ответственный партийный работник, а не военспец³. Примечательно, что Кирилл Шутко сам не понял, зачем Ленин назначил его одним из высших военных руководителей: по его собственному заявлению, «условия возникновения ВВС сопровождалась неясностью его политической характеристики в глазах тех, для кого создавался этот Совет. Военное руководство, отдаваемое специалисту, является только деталью в плане, основное содержание кото-

¹ Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927: Сб. документов. М., 1996. С. 37. Телеграмма А.А. Иоффе (Петроград) В.И. Ленину (Москва) от 11 марта 1918 г.

² *Молодцыгин М.А.* Красная Армия. С. 87.

³ Оставшиеся члены коллегии Наркомвоена соблюдали все формальности: 15 апреля К.А. Мехоношин и Э.М. Склянский отказались предоставить автомобиль комиссару публичного обвинения при Революционном трибунале РСФСР Н.В. Крыленко, переадресовав его в транспортный отдел Наркомюста (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 9, 12).

рого есть решение — натиску обученной, опытной империалистической немецкой армии противопоставить, в мере возможности, высоко подготовленные кадры нашей Красной Армии, создаваемой для защиты революции»¹.

19 марта Л.Д. Троцкого утвердили в должности председателя Высшего военного совета². Перед Красной Армией стояла гигантская по своему масштабу задача — ведение Гражданской войны: первоначально в рамках Советской России, в перспективе — в рамках всего мира³. И в марте 1918 года организацию новой армии передоверили главному апологету идеи мировой революции. Новая армия стала настолько необходимой, что Л.Д. Троцкому даже не понадобилось настаивать на новом назначении: он просто дал уговорить себя в Петрограде, где у него были сторонники еще со времен председательства в Петросовете, а затем принял вынужденное предложение Ленина, не способного более терпеть «дискуссионный клуб по военным вопросам»⁴.

В личном фонде Льва Троцкого сохранилась копия его прощального послания к Петроградскому военно-революционному комиссариату — одному из органов, работавших параллельно Петроградскому ЧК в первые месяцы ее существования:

В ВОЕННО-РЕВ[ОЛЮЦИОННЫЙ] КОМИССАРИАТ

Уважаемые товарищи.

Приказом Сов[ета] нар[одных] ком[иссаров] я вызван в Москву. Так как мне, вероятно, придется там остаться в тече-

¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 269 и след.

² *Молодцыгин М.А.* 120 дней Наркомвоена. 1989. № 8. С. 49.

³ *Ленин В.И.* Пол. собр. соч. Т. 36. С. 47, 109; Т. 37. С. 37, 72, 96, 122, 125, 138.

В.И. Ленин не отвергал идею о мировой революции, даже доказывая в январе–феврале 1918 г. необходимость заключения крайне тяжелого и унижительного мира с Германией. Ленин призывал лишь «продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединяться другие страны» (См.: *Ленин В.И.* Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира от 7 января 1918 г. // *Ленин В.И.* Пол. собр. соч. Т. 35. С. 247).

⁴ *Большевистское руководство. С. 37; Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 342.

ние ближайшего времени, то я прошу принять мою отставку в качестве председателя В[оенно]-р[еволюционного] к[омиссариата].

Думаю, впрочем, что, как только вырешится вопрос об организации управления Петроградским военным округом, существование В[оенно]-р[еволюционного] к[омиссариата] потеряет смысл: функции ее должны будут перейти отчасти к округу, отчасти к политическим комиссарам при соответственных военных руководителях. «Охранея» (так в тексте, правильно: «охранные». — С.В.) функции должны будут, по моему мнению, перейти целиком к комиссии т. Урицкого (Петроградской ЧК. — С.В.): таким путем будет уничтожен заедающий нас параллелизм учреждений.

С товарищеским приветом Л. ТРОЦКИЙ

16/III—1918 г. Смольный

С подлинным верно: зав. архивом А. [Кржановский]
29/III—[19]24 г.

Подлинник получил для Л[ьва] Д[авидовича]
[Кржановский]¹.

Уже после оформления Высшего военного совета (коллегии) Ленину, Свердлову и Троцкому пришлось отстаивать «новый курс» на IV Всероссийском съезде Советов, созванном по инициативе ПЛСР и состоявшемся 14—16 марта 1918 года. Левые эсеры (и, соответственно, большинство членов коллегии Наркомвоена) одержали формальную победу над сторонниками курса на скорейшее строительство массовой регулярной Красной Армии: декларировалось создание и повышение обороноспособности страны «на началах социалистической милиции» и всеобщего военного обучения. Над большевистской властью в Красной Армии нависла угроза левозэсеровской «опасности» (выражение Николая Крыленко).

18 марта на заседании ЦК РКП(б) выступил с докладом Я.М. Свердлов. Доклад был связан с решением ЦК ПЛСР о выходе наркомов — левых эсеров из СНК в знак протеста про-

¹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 56. Л. 193.

тив заключения Брестского мира. По итогам обсуждения в большевистском ЦК из состава Высшего военного совета был выведен левый эсер П.П. Прошьян¹. Этот момент крайне важен: 19 марта 1918 года ЦК ПЛСР опубликовал специальное разъяснение левоэсеровского ЦК по поводу своего постановления о выходе членов ПЛСР из СНК. ЦК ПЛСР «настоятельно» разъяснил, что «означенное решение не распространяется ни на коллегии при комиссариатах, ни на организации местной советской власти, члены коих обязаны оставаться на своих местах»². И действительно, как заметили составители сборника «Левые эсеры и ВЧК», выход левых эсеров из СНК был «политически беспроигрышным шагом», так как ПЛСР «осталась во ВЦИК, коллегиях наркоматов и ВЧК, в местных советах»³. А вот из Высшего военного совета большевики, воспользовавшись демонстративным решением ЦК ПЛСР, вывели левоэсеровского комиссара. Это свидетельствует о том, что целью левых эсеров, делегировавших в Высший военный совет члена своего ЦК, был политический контроль ПЛСР над строительством армии, а большевики хотели единоличного контроля над армией.

Теперь в составе Высшего военного совета остались только военный руководитель Совета (формально лишь военный специалист, но фактически — как брат управляющего делами СНК — человек близкий партийному руководству) и один из лидеров большевистской партии. Формально Высшему военному совету был необходим еще один политический комиссар. После решения левых эсеров о выходе из СНК политический контроль в Высший военный совет могли осуществлять только большевики.

19 марта Троцкий стал председателем Высшего военного совета и по совместительству — наркомом по военным делам⁴. Выбор Троцкого не был случаен: во главе всего дела

¹ О Якове Свердлове. М., 1985. С. 191. Из СНК в знак протеста против заключения Брестского мира вышли левоэсеровские наркомы: земледелия, имуществ и юстиции, а также председатель ВСНХ.

² Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 183.

³ Левые эсеры и ВЧК. С. 16.

⁴ Молодцыгин М.А. 120 дней Наркомвоена. № 8. С. 49.

обороны Советской республики теперь стоял один из лидеров партии большевиков (что было своеобразным оформлением роста значения военного ведомства). Бывший лидер «межрайонки» и председатель Петросовета, обладавший властными амбициями и умевший их реализовывать; полиглот и блестящий оратор Троцкий как никто другой подходил к должности председателя Высшего военного совета — органа, идею создания которого Троцкий в своих воспоминаниях «почему-то» приписал себе¹.

Партийный лидер во главе военного ведомства, представляется уступкой коллегии Наркомвоена, по заявлению Крыленко, пусть и наделенного «диктаторскими полномочиями», но непременно «своего партийного товарища»². Представляется интересным, что, с точки зрения полемики, у членов Наркомвоена был на руках «козырь»: военкомат Петроградской трудовой коммуны свидетельствует, что Троцкий первоначально «энергично» придерживался точки зрения, что «военная власть, дело формирования, снабжения армии и распоряжение всеми военными силами в мирное время должны всецело находиться в руках Совдепов»³.

Лев Троцкий, кстати, немедленно оценил свои новые возможности — 19 марта 1918 года на заседании СНК он поставил вопрос о замене Высшего военного совета Высшим советом народной обороны под своим председательством. Фактически предложил Ленину и его команде добровольно сделать себя военным диктатором. Предложение отклонили: «Признавая необходимым создание Общего комитета народной обороны в качестве политического и делового центра и объединение в нем морского ведомства и Народного комиссариата по военным делам, вопрос этот отложить обсу-

¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 342.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 88. Черновик докладной записки Н.В. Крыленко в СНК.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 196. Л. 27. Телеграмма военкомата Петроградской трудовой коммуны в СНК (копия направлялась «председателю Высшего военного совета Троцкому») о несогласии с приказом Высшего военного совета № 31 о новой организации военно-окружного управления от 9 апреля 1918 г.

ждением до более конкретного выяснения»¹. То есть — «при первом удобном случае, при первой возможности, как только позволят государственные дела».

Однако свою идею об органе, наделенном чрезвычайными полномочиями, Троцкий все-таки воплотил в дальнейшем. Таким органом стал созданный 2 сентября 1918 г. Революционный военный совет Республики — самый мощный коллегиальный орган высшей военной власти.

¹ *Кляцкин С.М.* На защите Октября. С. 148; Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 570.

Раздел II

ТЕНЕВАЯ СТОРОНА БРЕСТА

Глава 1. «Дело военнопленных», или Германский шпионаж «под флагом шведского Красного Креста»

В феврале-марте 1918 года петроградская военная контрразведка отнюдь не безуспешно проводила, невзирая на недостаток финансирования и кадровый голод, агентурно-наблюдательное «Дело военнопленных». 22 февраля капитан старой армии, выпускник ускоренного курса Императорской Николаевской военной академии Иван Алексеевич Бардинский направил командующему войсками Петроградского военного округа старому большевику Константину Степановичу Еремееву доклад о расследовании «по делу военного контроля»: «За период с 4 часов 21 сего февраля мне удалось выяснить следующие вопросы, требующие самой тщательной и осторожной проверки: 1) руководящий штаб для действия германских военнопленных находится – Мойка 92–94 (Королевская Шведская миссия. — *С.В.*), австрийский дом князя Юсупова (Мойка); 2) организация, снабжающая обмундированием и ружьями австро-германских военнопленных, находится — Васильевский остров, Тучков переулок, дом 5–7 (под флагом Шведского Красного Креста); 3) такая же организация – Васильевский остров, Волховский переулок, дом № 3; 4) [германская] офицерская организация, во главе которых стоит офицер Генерального штаба (вместо фамилии отточие. — *С.В.*), находится на Церковной улице, причем собрание происходит в нескольких домах и в различное время; 5) собрание германских офицеров, на котором присутствовал один из агентов

военного контроля, происходит также на Почтамтской улице дом № 8 квартира № 2, где также находится рота вооруженных германцев; б) районный штаб для захвата Николаевского вокзала и Финляндского вокзала находится – Бассейная улица дом № 23–25, во главе стоит офицер Генерального штаба, прибывший недавно из Германии; 7) о[бо] всех русских гражданах, принимающих участие в организации военнопленных и оказания помощи германцам, доложу лично»¹.

То обстоятельство, что руководящий штаб для германских военнопленных располагался в Королевской Шведской миссии, не случаен: как пишет разведчик К.К. Звонарев, еще в годы Первой мировой войны «главная работа германской агентурной разведки против России велась из Скандинавских стран и Китая, но, главным образом, из Швеции...

Выбор Швеции в качестве центрального исходного пункта разведывательной работы всех видов против России можно объяснить следующими обстоятельствами: 1) шведские правительственные круги и высшее общество Швеции были расположены к Германии, поэтому шведские военные власти и полиция смотрели сквозь пальцы на германскую разведывательную деятельность против России; 2) германо-шведская и русско-шведская границы были весьма удобны для поддержания сношений; в этом также немалое значение имела «однородность населения приграничных районов обеих стран; 3) самый скорый путь, связывавший во время войны Россию с Европой, проходил из России через Швецию; 4) за время войны между Швецией и Россией завязалось много торговых сношений, позволявших, прикрываясь флагом торговли, втиснуть агентов разведки среди коммерсантов; 5) через Швецию шли контрабандой в Россию некоторые товары из Германии (например, станки, медикаменты и пр.), причем, конечно, заинтересованные в получении таких необходимых предметов русские власти сознательно допускали некоторую связь с Германией, что учитывалось и использовалось германской разведкой; б) наконец, в лице финских эмигрантов, особенно среди идейно настроенной против царской России

¹ РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 25. Л. 442.

финской молодежи, можно было всегда найти элемент, подходящий для вербовки агентов. По данным царской контрразведки, немцы и шведы производили взаимный обмен результатами своих разведок. Выделялось то обстоятельство, что шведская полиция, почти совершенно не реагирующая на разведывательную работу немцев, ревниво не допускала в пределах Швеции работы русской и вообще союзной разведки, направленной против Германии...

Кроме чисто разведывательных задач, германская агентура в Швеции занималась также и другими видами агентурной разведки против России, как, например, пропагандой, агитацией и активной разведкой (диверсиями. — С.В.)¹.

С подачи военрука Высшего военного совета Бонч-Бруевича на вопросе о военнопленных заострило свое внимание высшее военно-политическое руководство. Высший военный совет получил сведения, что «в Петрограде и его окрестностях существуют организации австро-германских военнопленных»², и телеграфировал Кедрову: «По имеющимся сведениям, германские военнопленные в большом числе появились на железной дороге Петроград — Псков и в районе Петрограда. Находя такое положение при сложившейся обстановке крайне нежелательным, Высший военный совет просит принять решительные меры к удалению германских военнопленных как с железных дорог, так и из района Петрограда. Необходимо также организовать агентуру по наблюдению за делегациями, прибывшими в Россию по вопросам обмена военнопленных. Бонч-Бруевич, Подвойский»³.

Активно велась разработка «делегатов германского Красного Креста» фон Эрнеста Зеегерса и Лео фон Шманда, прибывших вместе с предателем (начальником штаба Псковских отрядов Николаем Дмитриевичем Панютиным) в Петроград из Пскова и остановившихся в Европейской гостинице 17 марта⁴. *Приметы Зеегерса*: 1) Эрнст Зеегерс, германский подданный, 30-ти лет, римско-католического вероиспове-

¹ Звонарев К.К. Агентурная разведка. М., 2003. С. 105—106.

² РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 25. Л. 441.

³ Цит. по: РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 25. Л. 445.

⁴ РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 25. Л. 461.

дания, национальный паспорт, выданный в Берлине 12 марта 1918 года № 225, *приметы*: среднего роста, полноватый, краснощекий, бритолицый, лысый, походка медленная, одет в серую мягкую шляпу, черное пальто, кличка «ХИТРЫЙ МЕДВЕДЬ»¹; 2) «Пожилой господин, среднего роста, немного полноватый, с полным розовым лицом, гладко выбритый и гладко подстриженный, совершенно без волос, одет в статское пальто черного цвета и серого цвета шляпу с проломом. Походка спокойная и мешковатая — «медвежая»; особых примет нет»². *Приметы Шманд*: 1) Лео Шманд, германский подданный, 33-х лет, лютеранского вероисповедания, национальный паспорт, выданный в Берлине 12 марта 1918 года № 294, *приметы*: ниже-среднего роста, блондин, горбоносый, красивый, бритолицый, английские усики, походка быстрая с подпрыгиванием, кличка «ЮРКИЙ ФРАНТ»³; 2) «роста ниже среднего, блондин, ровный небольшой греческий нос, на лицо довольно красивый и молодой, лет приблизительно 28, одет всегда элегантно в статское платье, лицо гладко выбритое, коротко пострижен, с маленькими английскими усиками. Походка очень быстрая, обладающая какими-то порывистыми движениями и прыжками, сильно размахивает при ходьбе руками. Вообще человек очень хитрый, ловкий и юркий. Очень быстро и неожиданно меняет свои намерения». И Зеегерс, и Шманд обладали «большим и разнообразным гардербом»⁴.

В результате внутреннего и наружного наблюдения за гостиницей выяснилось: «Держа себя крайне конспиративно, Зеегерс и Шманд беспрестанно выезжают на автомобилях, посещая шведское и датское посольства, а также находящуюся под покровительством Королевской Шведской миссии расположенную в доме № 94 по набережной Мойки квартиру военнопленных германцев». Зеегерс и Шманд в первые дни своего пребывания в Петрограде принялись активно принимать по-

¹ РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 25. Л. 430.

² Там же. Л. 466.

³ Там же. Л. 430.

⁴ Там же. Л. 465.

сетителей¹. 30 марта зав. агентурой ВК составил «Сведения о лицах, посещавших делегацию Германского Красного Креста, остановившуюся в Европейской гостинице»: «1) Анна Рабинович — личность до настоящего времени не выяснена; 2) Константин Бьенеман — директор Соединенного банка; 3) Поручик Лубецкий — инженер-механик, служащий на Трубочном заводе; 4) Германский лейтенант Бобаш; 5) Августа Фрауче — экономка Комиссариата по демобилизации, родная сестра жены [народного] комиссара Подвойского (и мать Артура Артузова. — *С.В.*), значащаяся выбывшей 12 марта в Москву. Повидимому, проживает в Петрограде по чужой фамилией; 6) Астедт — директор отдела «Б» Шведской миссии; 7) германские офицеры Иоганн Кнемс и Леопольд Ромецкий; 8) невыясненный демобилизованный офицер или солдат в форме; 9) Марк Вардер — личность до настоящего времени невыясненная (выяснили, что демобилизованный солдат. — *С.В.*); 10) Петр Брузевич — секретарь шведского консульства в г. Москве; 11) Некто Маркфорд — личность до настоящего времени невыясненная; 12) фотографы Булла и Казелицкий — о первом из коих производилось дело при контрразведывательном отделении штаба 6-й армии, законченное без всяких для него неблагоприятных последствий; 13) Некая Хирве — личность выясняется; 14) австрийский обер-лейтенант Вебер; 15) уроженка Лифляндской губернии Амалия Швейдер; 16) корреспондент Цейтес; 17) некто фон Грушевская — личность до сих пор не установлена» (пожилая дама под черной вуалью лет 50. — *С.В.*); 18 — 22) Княгиня Наталия [Александровна] Маматова 39-ти лет, жена офицера Риттер-Шорн, некто Гайслер и доктор Дерзо Вайер, значившиеся как выбывшие 31 января в Москву². В конце марта положение изменилось: Зеегерс и Шманд стали принимать только указанного в списке Константина Бьенемана, навещавшего их по несколько раз в день и оставшегося «в гостях» подолгу. Агенты вначале смогли лишь установить с помощью одного из германских военнопленных, что за пределами официальной миссии «Зеегерс и Шманд не

¹ РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 25. Л. 461.

² Там же. Л. 459 — 459 об.

столько заботятся об обмене военнопленными, сколько о том, чтобы таковые оставались якобы добровольно в России, откуда будут увезены только инвалиды»¹.

25 марта Зеегерс никого из пришедших не пускал в комнату: у него ночевал «один господин, которого супруга видит в первый раз», притом что Лео Шманда в номере не было. Когда на прием к членам «Красного Креста» явились три дамы, одна из которых отрекомендовалась женой русского офицера Ритер Шпорн (?!), ночной гость Зеегерса вышел к ним и от имени Зеегерса заявил, что последний не может их принять «в виду отсутствия свободного времени»². В 10 часов 30 минут Зеегерс и его таинственный посетитель сели на машину, встречавшую германскую делегацию 31 марта, однако шофера Митрофанова, работавшего на нашу контрразведку, заменили. Агент военного контроля, в распоряжении которого был только извозчик, упустил машину³.

И главное было установлено к 27 марта: «фон Зеегерс и Шманд в действительности являются членами разведчиками особой, ожидаемой в России «контрольной» германской комиссии, задачей коей официально будет урегулирование военно-экономических и политических отношений между Россией и Германией, в пределах заключенного мирного договора, за исполнением условий коего эта комиссия будет следить; фактически же эта комиссия будет чисто военным учреждением, представляя собою верховное командование расположенными в Петрограде и его окрестностях германскими силами, которые будут в надлежащий момент приведены в боевую готовность под предлогом неисполнения какого-нибудь пункта условий мирного договора, что даст основание к «мирной» оккупации как Петрограда, так и Москвы. Прибытие германских войск надо ожидать со стороны Нарвы и, видимо, намечается 45-я дивизия»⁴. Кроме того, «1. Несмотря на официально объявленный предстоящий обмен военнопленными, такому обмену подлежат лишь лица, достигшие

¹ РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 25. Л. 461 — 461 об.

² Там же. Л. 471 — 471 об.

³ Там же. Л. 477.

⁴ Там же. Л. 437, 478.

45-летнего возраста, и инвалиды, остальные же оставляются в России под тем предлогом, что они распропагандированы общением с русскими солдатами [и] могут оказаться весьма вредными для дела войны Германии с западноевропейскими государствами и Америкой...3. Весьма значительное количество военнопленных враждовавших с Россией держав, точное число коих не поддается никакому учету, в виду тщательно скрываемой, при содействии миссий некоторых нейтральных держав, мест пребывания как отдельных военнопленных, так и целых отрядов их, в настоящее время вполне подготовлено к предстоящей им задаче — оккупации Петрограда, разделенного на отдельные районы, причем каждому офицеру и солдату точно известно как место, кое ему надлежит занять, так и ту деятельность, к коей он будет призван в соответствующее время». В заключение оптимистично заявлялось о возможности агентурного «окормления» ожидаемой делегацией Мирбаха — «мне, кажется, представится возможность устроить своего человека в германском посольстве»¹. Филеры выявили помимо визитов в Шведское и Датское посольства контакты делегатов².

Начальник отделения военного контроля Сурнин докладывал в военный комиссариат Петроградской трудовой коммуны в апреле 1918 года: «При осмотре агентом отделения, заведшим знакомство среди военнопленных германцев, помещения, занятого военнопленными в доме № 23 по Максимилиановскому переулку, никакого склада оружия не найдено; по словам денщика, прибывшего после 19... апреля в Петроград после поездки в Берлин, ротмистра фон Зеегерса, оружие может храниться только в Шведском посольстве. Тот же денщик — Иоганн Дитер — на вопрос о том, когда немцы будут в Петрограде, ответил, что Петроград будет взят через две недели. С Балтийского вокзала 18 апреля были взяты в наблюдение мужчина и женщина, показавшиеся подозрительными агентам отделения и оказавшиеся проживающими в доме № 23 по Серпуховской ул. Иоганном и Альмой Газен-

¹ РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 25. Л. 478—478 об.

² Там же. Л. 430.

фус, немецкими колонистами из Венденского уезда Лифляндской губернии. Записаны они «конторщик» и «прислуга», но внешний их вид и платье оставляют сомнение в справедливости этих сведений, тем более что, по сведениям внутренней агентуры, они нигде не служат, а живут, не стесняясь, в средствах. Наблюдение продолжается. По полученным от военнопленных сведениям, у них ожидается всеобщая мобилизация людей в возрасте от 38 до 45 лет»¹.

17 апреля военные контрразведчики перехватили еще более тревожные сведения: телеграммой Германского Большого Генерального штаба кайзер Вильгельм требовал от главной германской военной миссии во главе с выехавшим 14 апреля в Петроград послом В. фон Мирбахом «всех военнопленных привести в полный порядок и установить дисциплину». Из разговоров с военнопленными агенты военной контрразведки выяснили — «военнопленные офицеры вооружены револьверами, на основании разрешений, полученных от Шведского Красного Креста, было приказание Главного германского штаба (имеется в виду Германский Большой Генеральный штаб. — С.В.) о вооружении всех военнопленных, но приказание почему-то отменено»². Естественно, предполагалось, что приказание «почему-то» отменено до поры до времени.

Когда 18 апреля приехала делегация Мирбаха в составе 60 человек, на вокзале ее уже встречали агенты наших спецслужб — «шофер Митрофанов заметил всех в лицо», отвез в Европейскую гостиницу, затем в Аничков дворец, ресторан «Медведь» (Конюшенная улица), германское посольство (Миллионная, 25), шведскую миссию (Мойка, 94), где они и остались³. Весьма показательно.

Интересно, что в оккупированном Ревеле высшие офицеры германской армии открыто говорили о готовящемся наступлении на Петроград по трем направлениям.

¹ РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 25. Л. 454.

² Там же. Л. 455.

³ Там же. Л. 456.

Михаил Бонч-Бруевич оперативно доложил добытые контрразведкой сведения Высшему военному совету и добился решения о чистке столицы от германских военнопленных¹.

Глава 2

«Обжуливание жуликов», или Ответный удар

3 марта 1918 года был подписан Брестский мир, который даже В.И. Ленин именовал «тягчайшим», «унизительнейшим» и «позорным»². В историографии подробно писали о причинах заключения мира с Германией на столь тяжелых условиях³, ходе мирных переговоров⁴, трудностях ратификации мира⁵, финансовой стороне вопроса⁶. Однако события, произошедшие после подписания мира, до настоящего момента изучены недостаточно. Советско-германские отношения после заключения Брестского мира наиболее полно исследовались в Германии — по материалам фонда «Politische Abteilung IA» Политического архива министерства иностранных дел

¹ Подр. рассм. в монографии: *Фрайман А.Л.* Указ. соч. С. 282 и др.

² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. М., 1969. С. 35 и сл.

³ Так, И.И. Минц назвал основной причиной выполнение Россией «союзнических обязательств, нередко вопреки собственным интересам» (*Минц И.И.* Год 1918-й. М., 1982. С. 13); С.А. Павлюченков назвал основным фактором, приблизившим договор, не военные операции Гинденбурга, и даже не дипломатические интриги, а «продовольственный удар по русской армии»: начальник штаба Верховного главнокомандующего М.Д. Бонч-Бруевич докладывал 7 января Главверху Н.В. Крыленко и Совнаркому, что «наступление в армии полного голода является делом ближайших дней» (См.: *Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест. М., 1996. С. 22); В.И. Старцев указывает на провокационные и несовместимые с постом наркома по иностранным делам действия Л.Д. Троцкого (*Старцев В.И.* Правда о двух вариантах Брестского мира, или в чем Троцкий виноват перед Россией? // *Клио.* 2006. № 4 (35). С. 237—241).

⁴ *Михутина И.* Украинский Брестский мир. М., 2007.

⁵ *Фрайман А.Л.* Революционная защита Петрограда в феврале—марте 1918 г. М., 1964. С. 258 и сл.; *Минц И.И.* Указ соч. С. 86, 92—96 и сл.; *Рабинович А.* Большевики у власти. М., 2008. С. 260 и сл.

⁶ *Петров Ю.А.* Русские долги Германии в период Брестского мира // *Экономическая история.* Вып. 6. М., 2001; Он же. *Русский Вандербильт...// ОИ.* 1993. № 5. С. 144—157.

Германии, в т.ч. по опубликованным из этого фонда немецким историком В. Баумгартом донесениям посла Германской империи в Советской России графа В. фон Мирбаха в Берлин¹. Отдельные сюжеты по советско-германским отношениям после заключения Брестского мира позволяют уточнить материалы Высшего военного совета и центральных управлений Наркомвоена². Ранее оперативные документы Высшего военного совета привлекались в основном для освещения вопроса об организации Завесы — иррегулярных частей, из которых впоследствии формировались части Красной Армии; правда, исследователь Н.Д. Егоров рассматривал историю Завесы в контексте последовательного изменения военно-политического положения Советской республики³.

Условия Брестского мира были чрезвычайно тяжелыми для молодой Советской республики. Она потеряла около 1 млн. кв. км территории, включая Украину и другие важные промышленные, продовольственные и сырьевые районы с большими людскими ресурсами. Это привело к серьезному ослаблению военно-экономического потенциала страны, вызвало ряд опасных очагов внутренней контрреволюции и способствовало разрыванию интервенции Антанты.

6 марта 1918 года с английского линейного корабля «Глори» в Мурманске высадился отряд английских морских пехотинцев в количестве 150 человек с двумя орудиями. Это и стало началом интервенции. На следующий день на Мурманском рейде появился английский крейсер «Кокрен», 18 марта — французский крейсер «Адмирал Об», а 27 мая — американский крейсер «Олимпия». 30 июня Мурманский совет, пользуясь поддержкой интервентов, принял решение о разрыве отноше-

¹ Хавкин Б.Л. Убийство графа Мирбаха: по следам преступления // Клио. 2007. № 4. С. 38.

² Из фонда Высшего военного совета опубликована в основном оперативная документация (см.: Директивы Главного командования Красной Армии. М., 1969 (ДГККА); Южный фронт. Ростов, 1962. С. 38—39 и сл.).

³ Егоров Н.Д. Новые источники о создании органов управления войска-ми Завесы в 1918 году // Вопросы историографии и источниковедения истории советского общества. М., 1989; Он же. Создание войск Завесы в 1918 году // Советские архивы. 1989. С. 49-52; Он же. Создание и деятельность войск Завесы обороны в 1918 г. Дис. канд. ист. наук. М., 1989. С. 12 и сл.

ний с Москвой. 15—16 марта 1918 года в Лондоне состоялась военная конференция Антанты, на которой обсуждался вопрос об интервенции. В условиях начавшегося немецкого наступления на Западном фронте было решено не отправлять в Россию крупных сил. В июне в Мурманске высадилось еще 1,5 тыс. британских и 100 американских солдат¹.

Так как по условиям Брестского мира Советская Россия обязалась демобилизовать свою армию, для охраны и обороны была создана особая форма военной организации — Завеса². В конце марта — начале апреля 1918 года германские войска проводили оккупацию Украины; советское военное руководство назвало стратегическими направления от Брянска на Конотоп, Ворожбу и Льгов.

2 апреля Высший военный совет, во главе которого в середине марта 1918 года встал основной виновник Брестской трагедии³ — бывший нарком по иностранным делам Троцкий, был вынужден непосредственно руководить боевыми операциями. Вопрос о необходимости противопоставить германским частям хоть какие-нибудь силы стоял настолько остро, что в марте-апреле Высший военный совет даже не пытался для обеспечения фронта мобилизовать доставшиеся большевикам в наследство центральные военные органы. Эту работу фактически проводила Всеросколлегия и лично ее председатель большевик В.А. Трифонов. Сам Трифонов вместе с военным руководителем группы брянских отрядов в составе войск Завесы генерал-майором⁴ П.П. Сытиным даже участвовал в непосредственной организации Завесы. Ключевая фраза поручения Трифонову — «Дело это спешное, медлить невозможно»⁵, следовательно, возможность скорейше-

¹ СВЭ. Т. 1. М., 1976. С. 592; Иностранная военная интервенция в России. URL: [http:// dic.academic.ru](http://dic.academic.ru)

² Там же. С. 22.

³ Старцев В.И. Указ. соч. С. 237–241.

⁴ Формально в Советской России генералов не было, но фактически у кадровых военных оставались дореволюционные понятия о субординации. Здесь и далее в тексте дореволюционные чины используется для выделения кадровых офицеров и военных чиновников из общей массы военных работников.

⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 340—342. По мнению Н.Д. Егорова, экстренное

го возобновления военных действий высшим военным органом не отрицалась.

Документы Высшего военного совета содержат интересные подробности о тактических ошибках советской дипломатии. На протяжении расположения всех отрядов Завесы — от Финского залива (в районе Нарвы) до границы с Украиной (в районе северной части Черниговской губернии) к апрелю 1918 года была установлена временная демаркационная линия, описание которой (и карту в масштабе 10 верст/дециметр, с нанесенной на нее демаркационной линией) генерал-квартирмейстер Высшего военного совета генерал-майор Н.А. Сулейман препроводил в Народный комиссариат иностранных дел (НКВД). В соответствии с мирным договором: Германия была готова — «как только будет заключен всеобщий мир и проведена полностью русская демобилизация — очистить области, лежащие восточнее» проведенной синей линии на приложенной к договору карте границы. Бонч-Бруевич сделал вывод из текста указанной статьи, что «Германия, до заключения всеобщего мира, очистить местность между постоянной границей договора и настоящей демаркационной линией не собирается», а потому «очищение немцами занимаемой территории и уход с демаркационной линии в скором времени не ожидается»; между тем «малоопытные» политические работники — «представители отрядов» — установили крайне невыгодную для Советской России демаркационную линию или даже провели ее так неудачно (например, в Орше), что столкновения с германскими частями стали нормой.

19 апреля М.Д. Бонч-Бруевич доложил Высшему военному совету о необходимости просить НКВД РСФСР «взять на себя труд, по сношению с Германским представительством, назначить смешанные правительственные комиссии для установления постоянной демаркационной линии». Высший

создание отрядов Завесы позволило обеспечить охрану демаркационной линии на случай возможного нападения германских частей весной-летом 1918 г.; войскам Завесы приходилось участвовать в многочисленных столкновениях на демаркационной линии с германскими войсками (Егоров Н.Д. Создание и деятельности войск Завесы... С. 16, 18, 19). В действительности отряды Завесы охрану демаркационной линии обеспечить не могли.

военный совет в лице большевика Н.И. Подвойского и генерала Н.М. Потапова постановил обратиться в НКВД «с просьбой возможно скорее назначить смешанную комиссию»¹.

Через два дня генерал Бонч-Бруевич сделал в Высшем военном совете еще более важный доклад (доклад также направлялся Ленину), в котором предложил дать указания в связи с угрозой захвата столицы – германские войска были на подступах к Курску. Проанализировав отношение германцев к мирному договору, М.Д. Бонч-Бруевич заявил: «Центральная Московская область Республики находится ныне в угрожаемом состоянии». Генерал просил дать ему указания по следующим вопросам: 1) протестует ли СНК против вторжения германцев в пределы Советской республики; 2) когда будет заключен мир с Украинской народной республикой и ведутся ли переговоры о возвращении из Украины «хотя бы некоторой части» огромных запасов военного имущества. Л.Д. Троцкий распорядился передать оба вопроса наркому по иностранным делам Г.В. Чичерину².

24 апреля Мирбах доложил министру иностранных дел Германии, что руководство большевиков и НКВД достаточно лояльно отнеслось к наступлению германских частей на Украине и в Финляндии. Но уже 26 апреля Чичерин в предельно тактичной форме выразил непонимание Советским правительством Германии. Более резкий протест выразил Мирбаху Я.М. Свердлов³.

7 мая М.Д. Бонч-Бруевич окончательно обосновал необходимость создания массовой регулярной Красной Армии — против внешнего врага (Германии). Генерал доложил председателю и Управляющему делами СНК и Высшему военному совету, что германские части развивают свой успех и уже заняли Ростов-на-Дону; кроме того, германцы требуют сдачи форта Ино Финляндии и «желают создать противодействие англичанам и французам на Мурмане»⁴.

¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 152—152 об.

² Там же. Л. 149—149 об.

³ Документы германского посла в Москве Мирбаха // ВИ. 1971. № 9. С. 123—124.

⁴ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 54—54 об. Советская Россия, считал военрук

В начале мая 1918 года на всем протяжении южной границы РСФСР с Украиной (в Брянском, Курском и Воронежском районах) германские войска выражали готовность заключить 20 мая перемирие и местами заключили его уже к 10 мая. При этом Брестский мир и заключенное перемирие не помешали германской армии к 10 мая вторгнуться в Воронежскую губернию и Донскую область и занять предместье Ростова, создать угрозу высадки значительных сил в Кубанской области.

Военный руководитель Высшего военного совета делал вывод, что заключением частных перемирий в одних районах германцы попросту создавали прикрытие флангов своих отрядов, наступающих на Воронежскую губернию и Ростов. Высший военный совет постановил довести до сведения Управляющего делами СНК В.Д. Бонч-Бруевича о недопустимости заключения подобных перемирий в тех районах, где это выгодно германцам: такие перемирия давали возможность Германии осуществлять дальнейшую экспансию. По мнению Высшего военного совета, перемирие можно было заключить исключительно «на всех фронтах», причем не комиссиями от пограничных отрядов, а комиссией «от центрального Советского правительства»¹.

8 мая военный представитель при дипломатической миссии Германии в РСФСР майор К. фон Ботмер назвал отношение Советского правительства к Германии «несколько натянутым»: СНК беспокоило наступление германских войск в Финляндии и продвижение войск на восток на Украине². Гер-

Высшего военного совета, может ответить Германии только скорейшим формированием новой армии. Высший военный совет в лице Н.И. Подвойского и Е.А. Беренса приказал Наркомвоену отдать вопрос на «весьма спешную» разработку. Решение Высшего военного совета было передано для исполнения Управляющему делами наркомата Потапову.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 11. Л. 10—11. Дело в том, что 4 мая в Кореново были проведены переговоры, результатом которых стало установление нейтральной зоны на 10 км в ширину (Там же. Л. 1). Срок вступления в силу перемирия был назначен на 4 часа пополудни 5 мая (Там же. Л. 2).

² Ботмер К. С графом Мирбахом в Москве. М., 1997; цит. по: URL: <http://www.volna.medialist.ru/volna/knigi/knigi/bib/bib/20/FELSHTINSKY/botmer.htm>.

манское посольство в это время продолжало политику нормализации отношений с Кремлем, но при этом «поддерживало контакты с различными» политическими силами, полагая: «Если, в чем мы убеждены, Германия утвердится в России (а при таком количестве ее врагов это уже победа), большевизм долго не удержится у руля», поэтому надо «пытаться повлиять на ход событий», чтобы, если большевики слетят, к власти пришли лояльные к Германии буржуазные партии, а не ненавидящие ее эсеры¹.

16 мая Ленин, ведший по отношению к Германии (как образно выразился левый эсер Е. Пятницкий) политику «обжурливания жуликов»², намекнул Мирбаху, что ему все сложнее сдерживать противников Брестского мира в связи захватом Германией «все новых областей»; Мирбах доложил в Берлин министру иностранных дел о необходимости «заключения мира с Гельсингфорсом и Киевом»³.

Германский посол считал, что интересы Германии по-прежнему требуют ее ориентации на ленинское правительство, так как силы, которые в принципе могут сменить большевиков, будут стремиться с помощью Антанты воссоединиться с территориями, отторгнутыми от России по Брестскому миру⁴. А ленинское правительство в свою очередь стремилось любой ценой сохранить мир с Германией. Об этом свидетельствует задание Г.В. Чичерина находившимся в Харькове парламентарам Советской России во главе с генералом П.П. Сытиным, уполномоченным добиваться общего перемирия на Воронежском и особенно Донском фронтах⁵. Сытин, по его воспоминаниям, получил задание «во что бы то ни стало заключить с немцами перемирие, отдав им даже 4 уезда Могилевской губернии»⁶.

¹ Ботмер К. С графом Мирбахом в Москве.

² Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 391.

³ Документы германского посла... С. 124.

⁴ Хавкин Б.Л. Искать, но не найти // Родина. 2006. № 5. С. 65.

⁵ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 85. Л. 36. 19 мая СНК предписал военному ведомству «немедленно» выслать парламентаров для заключения перемирия и установления демаркационной линии на Донском фронте.

⁶ Там же. Л. 12, 38. П.П. Сытин выполнил задание примерно 20 мая, причем передал немцам лишь 2 уезда.

27 мая Г.В. Чичерин сообщил М.Д. Бонч-Бруевичу: решается вопрос об установлении демаркационной линии по Донской области. Народный комиссариат иностранных дел считал возможным оставить Ростов и Батайск в руках германцев. Генерал докладывал В. Ленину, Высшему военному совету и В. Бонч-Бруевичу, что сдача Батайска германцам закончит блокаду РСФСР со стороны Кавказа и поставит в критическое положение единственную железнодорожную линию, еще соединяющую Россию с хлебородным Северным Кавказом и нефтяным Майкопским районом. Кроме того, из доклада вернувшегося из Кубани В.А. Трифонова следовало, что Ростов занимали надежные части (это, по мнению Бонч-Бруевича, «крайне» затрудняло переправу германцев на левый берег Дона для взятия ими Ростова и продвижения дальше — на Батайск). Предложение Германии отвести Черноморский флот в Севастополь из Новороссийска с тем, чтобы там разоружить, и обязательства возвратить флот России «после заключения всеобщего мира», разумеется, было неприемлемым. Военрук Высшего военного совета заявил: возвращение флота в Севастополь и фактическая передача его германцам — это умышленное усиление германцев нашим флотом, германцы «в нужную минуту» найдут повод обойти все свои обещания и обратиться весь Черноморский флот для решения боевых задач во вред России. Если флот не в состоянии защищаться, заявил Бонч-Бруевич, флот нужно взорвать¹. Также военрук считал невозможным уступить белому правительству Финляндии западную часть Мурманска с его водным пространством: это поставит в критическое положение Мурманскую железную дорогу и лишит РСФСР выхода в открытое море — важной связи с Западной Европой. В заключение доклада Бонч-Бруевич заявил, что «все три предположения для России совершенно неприемлемы[...], исполнение каждого из этих предположений поставило бы нас в еще более, чем теперь, тяжелое положение»; «Все эти предположения являются следствием полупанического настроения с нашей стороны и крайней наглости со стороны германцев».

¹ О судьбе Балтийского флота см.: Рабинович А. Досье Щастного // ОИ. 2001. № 1. С. 61—82.

По итогам заседания Высшего военного совета, собравшегося в широком составе (присутствовали М.Д. Бонч-Бруевич, зам. председателя Э.М. Склянский и члены — большевик В.А. Антонов-Овсеенко, военные специалисты генерал Н.М. Потапов и контр-адмирал Евгений Андреевич Беренс), положения доклада М.Д. Бонч-Бруевича были полностью одобрены¹.

Аппетиты Германии стали настолько огромными, что в конце мая 1918 года советское военное ведомство всерьез началось готовиться к войне. 28 мая Высший военный совет одобрил предложение М.Д. Бонч-Бруевича о проведении крупномасштабной агитации за создание крепкой боеспособной армии против Германии², а 31 мая принял конкретный план для усиления боеспособности армии в связи с военной опасностью со стороны Германии³. Хотя М.Д. Бонч-Бруевич, по его воспоминаниям, пошел на службу большевикам «для организации отпора внешнему врагу (немцам)»⁴, генерал был крайне осторожным политиком⁵, а потому не мог предлагать высшему военному руководству решения, расходящиеся с политикой Кремля.

6 июля был убит Мирбах. Как известно, целью убийства был срыв Брестского мира, ненавистного как противникам большевиков, так и представителям революционного лагеря — левым эсерам, левым коммунистам, интернационалистам и др.⁶

Убийство повлекло за собой осложнение и без того непростых советско-германских отношений: 14 июля советско-

¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 99 с об—100.

² Там же. Л. 94.

³ Там же. Д. 90. Л. 242.

⁴ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 3. М., 1969. С. 38—39.

⁵ М.Д. Бонч-Бруевич писал в мемуарах, что был «очень осторожен и... каждый раз докладывал на Высшем военном совете о тех разговорах, которые вынужден был вести» (*Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1963. С. 268*). Доклады по наиболее важным вопросам генерал всегда направлял в три адреса: председателю СНК В.И. Ленину, Высшему военному совету и Управляющему делами СНК — своему брату В.Д. Бонч-Бруевичу) (См.: РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 149—149 об., 152—152 об.).

⁶ *Хавкин Б.Л. Убийство графа Мирбаха... С. 37.*

му правительству был предъявлен германский ультиматум, содержавший требование о введении в Москву воинского батальона для охраны посольства¹. 15 июля 1918 года Совнарком сообщил Высшему военному совету о возможности перехода германских войск в наступление. Высший военный совет постановил принять в Завесе все необходимые меры к оказанию наибольшего сопротивления (перегруппировка войск, применение техники к разрушению сооружений, создание препятствий и пр.); подготовить возможность партизанской борьбы; при отступлении оставлять в оккупированных местностях хорошо организованные боевые и разведывательные группы; принять срочные подготовительные меры к эвакуации всего ценного военного имущества и (это через СНК предполагалось поручить Наркомату путей сообщения) своевременно увести подвижной состав. Кроме того, предполагались: милитаризация личного состава железнодорожных линий «и вообще средств сообщения, являющихся путями и средствами передвижения войск, боевых запасов и эвакуации»; издание правительственного декрета о мобилизации достаточного количества возрастов с перечнем тех дивизий, для укомплектования которых эти возрасты принимаются, в соответствии с расписанием Главного штаба, на составление которого давалось 24 часа².

Но, как известно, 15 июля началось крупное сражение между немецкими и англо-французскими войсками (Второе Марнское) — последнее генеральное наступление немецких войск за всю войну, проигранное немцами в августе. Уже в конце июля 1918 года стало ясно: 1) «Германии через несколько времени предстоит быть разгромленной», а Бонч-Бруевич «никаких революционных фронтов не признавал», за что подвергся обоснованной критике³; 2) судьба революции решается на Восточном (противочехословацком) фронте. Смену приоритетов зафиксировало постановление Высшего военного совета от 23 июля. В Совет поступили важнейшие сведения из СНК: «нельзя ожидать в ближайшее время насту-

¹ Там же. С. 40.

² ДГККА. С. 47—48.

³ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 84. Л. 5 об.

пленения со стороны Германии...»¹. В этом контексте дополнительное соглашение с Германией от 6 августа 1918 года, по которому Советская Россия обязалась уплатить Германии 6 млрд марок, выглядит довольно странно.

В архивах хранятся документы, которые позволяют по-новому взглянуть на уже известные исторические сюжеты. По мнению исследователя А.Л. Фраймана, Брестский мир дал «возможность приступить к осуществлению ряда мероприятий по организации более интенсивной обороны подступов к Петрограду»². Так, в Российском государственном военном архиве отложились сведения о кредитах, отпущенных на оборону Петрограда и Москвы после подписания Брестского мира. Эти, на первый взгляд, ничем не примечательные документы малоиспользуемого фонда Военно-законодательного совета представляют собой документальную загадку. 5 марта (еще до переезда госаппарата в Москву) на оборону Петрограда в распоряжение Наркомвоена отпустили 28 млн руб., а на оборону Москвы — 50 млн руб. Такая разница в кредитах в принципе объяснима. Вероятно, вопрос о переезде Совнаркома в Москву был решен еще раньше. Интересно другое. Технический комитет при Военно-хозяйственном совете, рассмотрев 17 апреля 1918 года ходатайство военного руководителя Северного участка и Петроградского района отрядов Завесы генерал-лейтенанта А.В. Шварца о дополнительном ассигновании 12 млн. руб. на оборонительные работы в Петроградском районе, счел возможным выделить деньги, если они «пойдут на производство подробных съемок местностей Петроградского района, проведение новых дорог, несомненно нужных или для местного населения, или для сообщения этого населения с Петроградом, ремонт существующих дорог, проведение телеграфных или телефонных линий между населенными пунктами, ремонт или приспособление для нужд штабов, существующих в общественных пунктах общественных сооружений вроде школ и больниц, а в край-

¹ Наркомвоен и Наркоммор должны были принять все меры к тому, чтобы в самый короткий срок перебросить на Восточный фронт все наиболее сформированные и обученные части (Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 90. Л. 265—266).

² Фрайман А.Л. Указ. соч. С. 275.

нем случае, даже и на постройку в населенных пунктах новых зданий для нужд обороны, при неперемennom условии предназначения их впоследствии для культурных нужд населения; наконец, нет возражений против расходов на организацию, попутно с работами на оборону — будущих общественных работ, самое название которых связано с производительностью и продуктивностью...». Решение более чем пацифистское: фактически речь шла о продолжении реализации курса Николая Подвойского — на конверсию военного аппарата. Проведение в жизнь такой политики, по замечанию исследователя М.А. Молодцыгина, должно свидетельствовать о полнейшей убежденности военного руководства «в безграничной вере, что войне не бывать, армия будет не нужна»¹. О закономерности решения Технического комитета ВХС свидетельствует и реакция М.Д. Бонч-Бруевича: военный руководитель Высшего военного совета, посоветовавшись с новым военруком Северного участка отрядов Завесы Д.П. Парским (Шварц отказался продолжать сотрудничество с Советской властью), вообще распорядился сократить оборонительные работы в Петрограде и дал указание Парскому представить новый проект работ с расчетом необходимых кредитов на их производство². В марте-апреле 1918 года Военно-хозяйственный совет работал под бдительным оком «правой руки» Троцкого — члена Высшего военного совета и коллегии Наркомвоена Э.М. Склянского. Что следует в таком случае из решения ВХС и указания М.Д. Бонч-Бруевича? — в военном ведомстве старались не допустить дальнейших территориальных потерь, но при этом к ближайшему возобновлению войны с Германией не готовились. В чем-то решение ВХС и указание Бонч-Бруевича Д.П. Парскому дополняют опубликованные австрийской исследовательницей Э. Хереш документы о финансировании немцами большевиков³.

Переписка о «финансировании» обороны Петрограда и Москвы наводит на мысль об уверенности советского военного руководства в сохранении мира с Германией; появление

¹ Молодцыгин М.А. Красная Армия. М., 1997. С. 93.

² РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 457. Л. 1—1 об, 2, 9.

³ Хереш Э. Купленная революция. М., 2004. С. 341.

Завесы имело целью лишь недопущение дальнейших территориальных захватов со стороны Германии — по образному заявлению лидера левых эсеров М.А. Спиридоновой от 19 апреля 1918 года, большевики, противостоя германскому империализму, «держатся за маленькую прифронтовую полосу и отстаивают какую-то демаркационную линию, которая на бумаге написана и подписана той и другой стороной»¹. Материалы высшей военной коллегии и центральных военных управлений Советской России подтверждают разделяемый позднейшими исследователями вывод А.О. Чубарьяна: большевики, тяготясь «кабальным» миром с германскими империалистами, были вынуждены соблюдать его, так как судьба русской революции теперь зависела от германского кайзера, его военных и дипломатов².

¹ Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 338.

² См.: *Хавкин Б.Л. Убийство графа Мирбаха...* С. 37. Б.Л. Хавкин ссылается на работы: *Чубарьян А.О. Брестский мир.* М., 1964. С. 189-190; *Rauch G. History of Soviet Russia.* N. York, 1976. P. 76.

Раздел III

ПОДАВЛЕНИЕ ЛЕВОЭСЕРОВСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Глава 1

Ликвидировать левоэсеровскую «опасность»: как большевики отстранили временных попутчиков во власти от руководства Красной Армией?

В 1990-х годах началось активное изучение небольшевицких партий времен Гражданской войны, в частности, временных попутчиков большевиков во власти — Партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР).

Опубликованные в 1990-х — начале 2000-х годов документальные сборники о левых эсерах¹, а также документы Российского государственного военного архива (РГВА) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) позволяют восполнить этот серьезный пробел.

М.А. Спиридонова в «Отчете по крестьянской секции» подчеркнула, что на заседании III Всероссийского съезда Советов (февраль 1918 г.) все представители армии разделяли программу ПЛСР по социализации земли².

Большевики и левые эсеры, придя к власти, почти сразу начали готовиться к расторжению своего временного союза. Еще до марта 1918 года у левых эсеров на словах было модно, по выражению члена их ЦК С.Д. Мстиславского, «большевикоедство»³. Комитет по делам военным и морским, из-

¹ Левые эсеры и ВЧК. Казань, 1996; Сб. ПЛСР. Т. 1.

² Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 236.

³ Левые эсеры и ВЧК. С. 166.

бранный II Всероссийским съездом Советов, состоял из трех большевиков. В результате его организационной эволюции в коллегию Наркомвоена не мог не встать вопрос о включении в эту коллегию, по крайней мере, одного левого эсера: нужна была хотя бы видимость совместного с ПЛСР контроля над военным ведомством. Бюро фракции левых эсеров ВЦИК решило ввести в состав СНК в качестве наркома по военным делам левого эсера С.Д. Мстиславского, но 17 или 18 ноября 1917 года это решение было опротестовано Я.М. Свердловым и В.И. Лениным¹. В итоге в состав коллегии Наркомвоена ввели левого эсера П.Е. Лазимира. Выбор Лазимира большевиками понятен: с одной стороны, он уже доказал свою солидарность с ними, будучи председателем бюро Военно-революционного комитета, с другой — не имел реального веса и авторитета в ПЛСР, что сделало возможным его мгновенное отстранение от руководящей работы в Наркомвоене². Согласие левых эсеров на включение в советское военное руководство Лазимира свидетельствует о том, что на данном этапе руководство этой партии не придавало особого значения собственному контролю над вооруженными силами — в отличие от большевиков. Еще до кооптации П.Е. Лазимира в высшее военное руководство один из членов Комитета по делам военным и морским Н.В. Крыленко передал по прямому проводу Е.Ф. Розмировичу при обсуждении вопроса о конструкции руководства военного ведомства и введению в коллегию Лазимира: «Я не вижу необходимости ограничения представительства (левых эсеров в коллегии Наркомвоена. — С.В.), и единственным мотивом, говорящим против, признаю только эсеровскую опасность»³.

События показали, что «опасность» осознал не один Крыленко. Назначения в военном ведомстве из рук Льва Троцкого получали заведомые противники левых эсеров. Партия левых социалистов-революционеров, в свою очередь, пыталась поставить политику большевиков в Наркомвоене под свой контроль. Об этом, в частности, свидетельствует выяв-

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974. С. 67.

² Крушельницкий А.В. Указ. дис. С. 63.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 20—21.

ленное в фонде Н.И. Подвойского (РГАСПИ) письмо М.А. Спиридоновой, в котором лидер ПЛСР просила Подвойского «в короткое время разобрать доклад Мисуно¹, он член кр[естьянской] секции и наш верный человек. Доклад идет о Журбе, комиссаре летучего отряда г. Котельничи Вятской губернии, которому Вы и Троцкий опять (! — С.В.) дали мандаты, и он ими оперирует вовсю. Журба — крупнейший авантюрист, вор, разбойник и грабитель [неразборчиво] из большевиков. Назвался анархистом. Терроризировал крестьян Вятской губ[ернии] и города [Котельничи]. Крестьяне, услышав, что в деревню пришел «большевик», в панике бегут, куда попало. Ведь это беда. *Телеграфируйте быстро о недействительности Ваших мандатов.* Материалы о нем у Мисуно громадные и от комитетов большев[иков] и лев[ых] с.-р., которые Вятской губ[ернии] г. Котельничи. Не давайте так легко Ваших мандатов»². В письме-приложении М.А. Спиридонова предлагала справляться в левозэсеровской фракции ВЦИК «и в кр[естьянской] секции об отдельных лицах, т.к. в ЦИК и у нас есть представители всех губерний»³. Безрезультатно!

3 марта 1918 года член ЦК ПЛСР П.П. Прошьян стал одним из двух комиссаров высшего военного коллегиального органа — Высшего военного совета, и поначалу члены левозэсеровского ЦК принимали участие в работе Совета, но уже 18 марта решением ЦК РКП(б) (!) Прошьяна вывели из состава Высшего военного совета: большевики воспользовались демонстративным выходом левых эсеров из СНК — устранения контроля последних над Вооруженными силами Советской России. Решение левозэсеровского руководства о включении в состав Высшего военного совета именно П.П. Прошьяна вообще достаточно показательно. Парадоксально, но Прошьян был убежденным противником создания массовой регулярной армии, высказываясь в том духе, что «боевые дружины как постоянные учреждения в партии существовать не должны»; левые эсеры, которые «должны защищать партию воо-

¹ РГАСПИ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 21. Л. 46. М.А. Спиридонова заверила, что «Мисуно можно, безусловно, верить во всем».

² РГАСПИ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 21. Л. 45—45 об.

³ Там же. Л. 46.

руженною силою, могут и должны обучаться военному делу, не отрываясь от своей обычной жизни», от своей профессии¹. Пожалуй, единственным свидетельством осознания Прошьяном необходимости создания вооруженной силы левых эсеров представляется его признание, что чистоте партийных лозунгов не грозит привлечением в дружины непартийных работников — т.е. признание целесообразности расширять ряды дружинников за счет «сочувствующих»² (пользуясь большевистской терминологией).

Это свидетельствует о том, что, даже пытаясь курировать Красную Армию, левоэсеровский ЦК не отказывался от линии, навязанной большевикам на IV Всероссийском съезде Советов (14—16 марта 1918 г.) и декларировавшей создание и повышение обороноспособности страны «на началах социалистической милиции» и всеобщего военного обучения. Работе в Высшем военном совете левоэсеровское руководство уделяло огромное значение — на это указывает фрагмент выступления Прошьяна с «Политическим отчетом ЦК» на Втором съезде ПЛСР (вечернее заседание 17 апреля) об участии ПЛСР «во всех крупных учреждениях и комиссиях», среди которых первым назван Временный исполнительный комитет СНК, выделенный 20 февраля для обеспечения непрерывности работ СНК во время наступления германских частей³, а вторым — Высший военный совет, куда были направлены представители ПСЛР⁴. М.А. Спиридонова осознала, что выходом из СНК левые эсеры «значительно подкосили себя»⁵.

В начале апреля 1918 года левые эсеры пошли на уступки большевикам, и 10 апреля Прошьяна вернули в состав Высшего военного совета, членом которого он и оставался вплоть до «левоэсеровского мятежа»⁶... формально: 4 мая ЦК ПЛСР принял весьма легкомысленное решение, предоставив П.П. Прошьяну отпуск, но не введя в Высший воен-

¹ Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 669—670.

² Там же. С. 671.

³ *Молодцыгин М.А.* Красная Армия. М., 1997. С. 79.

⁴ Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 225.

⁵ Там же. С. 442.

⁶ *Молодцыгин М.А.* 120 дней Наркомвоена // ВИЖ. 1989. № 8. С. 52.

ный совет на время отпуска заместителя Прошьяна (на временное введение другого левого эсера в совет не соглашался его председатель Л.Д. Троцкий)¹. Не понятно, как левые эсеры рискнули лишиться — пусть, даже ненадолго — своего единственного представителя в высшем военном органе Советской России на фоне все нарастающего противостояния с большевиками (кстати, членами высших военных коллегий левые эсеры более не будут). Это особенно удивительно, принимая во внимание заявление М.А. Спиридоновой от 19 апреля 1918 года о необходимости «тесного сотрудничества» с большевиками для предотвращения измены Советской власти социальной революции². «Огромный вред задачам нашего крестьянства» и ослабление ПЛСР вследствие выхода левых эсеров из Совнаркома³, Спиридонова осознавала⁴, а вот то обстоятельство, что неучастие в Высшем военном совете может обернуться потерей контроля над армией, ни Спиридонова, ни Прошьян в мае 1918 года почему-то не просчитали. И это несмотря на апрельское пророчество А.Л. Коллегаева: если съезд примет резолюцию о выходе левых эсеров из центральных государственных органов, то ему придется отказаться «от военной власти, и не только от власти в Совете народных комиссаров»⁵.

Даже в апреле 1918 года, во время второго пришествия П.П. Прошьяна в Высший военный совет, центральный орган ПЛСР печатал на первой странице статью о вреде наемной армии, на которую тратятся «колоссальные» средства, и пользе «бесплатной народной милиции»⁶.

¹ РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 10. Л. 7 об.

² Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 339.

³ Там же. С. 339, 340.

⁴ Правда, с ней был не согласен И.З. Штейнберг, указывавший на отсутствие реальной власти левых эсеров в СНК. По мнению составителей сборника «Левые эсеры и ВЧК», выход левых эсеров из СНК был «политически беспроигрышным шагом», т.к. ПЛСР «осталась во ВЦИК, коллегиях наркоматов и ВЧК, в местных советах» (Левые эсеры и ВЧК. С. 16).

⁵ Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 350.

⁶ Левин В.М. Советы и наемная армия // Знамя труда. 1918. 21 (8) апреля. В.М. Левин пишет, что в 90 % «в регулярные войска идут люди, кому некуда деться... [и те, кто] имеют намерение использовать в своих корыстных интересах находящуюся в их руках винтовку...».

19 апреля, еще во время пребывания П.П. Прошьяна в составе высшего военного руководства, командующий 4-й армией Украинского фронта левый эсер Ю.В. Саблин в докладе на Втором съезде ПЛСР о военном положении на юге, упомянув о недоверии фронта Наркомвоену, политика которого приводит к «упадку духа» войск, заявил: с упадком духа «необходимо бороться, а бороться...трудно, потому что когда борешься с этим, тогда говорят, что ты борешься против Советской власти»¹. Таким образом, критика руководства Наркомвоена приравнивалась большевиками к наступлению на Советскую власть. Примечательно, что на этом же заседании левозсеровского съезда член ЦК ПЛСР И.З. Штейнберг упрекнул в слиянии «понятия Советской республики с понятием большевиков» саму М.А. Спиридонову².

«Военным отделом» ПЛСР ведали члены ЦК партии: первоначально С.Д. Мстиславский (приблизительно до второй декады марта 1918 г.), затем Д.А. Магеровский³. При этом Мстиславский еще в 1905—1907 годах был одним из организаторов и главой первой офицерской политической организации, субсидируемой партией эсеров⁴, здесь Мстиславский получил своеобразный организационный опыт — правда, по большей части негативный⁵. Отход Мстиславского от руководства «военным отделом» был, вероятно, связан с назначением комиссаром созданного 7 марта 1918 года Высшим военным советом Штабом партизанских формирований и отрядов. Штабу ставились следующие задачи: 1) учет и объединение под своим руководством всех возникших ранее партизанских формирований; 2) формирование сотен, отрядов и снабжение их всем необходимым через военные отделы местных советов; создание при районных штабах партизанских формирований инструкторских курсов для обучения переменного

¹ Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 329.

² Там же. С. 345.

³ Левые эсеры и ВЧК. С. 165, 166.

⁴ *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. М., 1990. С. 116, 121.

⁵ По признанию С.Д. Мстиславского, уже к весне 1906 г. от Союза «в сущности, сохранилась только центральная питерская группа, по преимуществу эсеровская» (Цит. по: Там же. С. 119).

го состава инспекторов (из числа бывших офицеров, солдат и граждан, не проходивших военной службы), предназначаемых на командные должности в партизанских формированиях; 4) инспектирование через доверенных лиц (военных экспертов) целесообразности производимых на местах формирований и правильности работы на инструкторских курсах; 5) учет всех военных материальных средств в районах партизанских формирований. Таким образом, левый эсер — представитель партии, выступавшей против Брестского мира — ставился во главе подготовляемого на случай возобновления войны со странами Четверного союза партизанского движения¹. Согласно «Инструкции для формирования партизанских отрядов» целью их создания признавалось «сильнейшее организованное сопротивление внешнему врагу в продвижении его по территории России, давая Российской Республике создать для победы над германским империализмом новую армию»². В апреле 1918 года Мстиславский начал работу в революционном правительстве Советской Украины — «Девятке», в составе которой Мстиславский числился народным секретарем по военным делам. Новая деятельность Мстиславского была связана с подпольной и разведывательной работой в зоне германской оккупации³. Активная деятельность разведывательного отдела Штаба партизанских отрядов на Украине в этот период, судя по воспоминаниям С.Д. Мстиславского, находилась «под колпаком» германской контрразведки⁴. Сменивший Мстиславского Д.А. Магеровский вряд ли мог организовать вооруженные силы левых эсеров: военным вопросам он придавал недостаточное для руководителя военного отдела партии значение, судя по докладу «о политической программе» на Втором съезде ПЛСР. В нем Магеровский выделил 3 этапа захвата и уничтожения «аппарата буржуазной власти». На последнем этапе советские учреждения, по словам Маге-

¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 118. Л. 24.

² Там же. Л. 25.

³ Левые эсеры и ВЧК. С. 186.

⁴ Левые эсеры и ВЧК. С. 186. Германский посол Мирбах был проинформирован о том, что С.Д. Мстиславский взял секретные документы повстанческого штаба на дом.

ровского, «присваивают себе функции государственные», переживая при этом «определенный болезненный процесс»: доставшиеся от старого режима органы государственной власти «были приспособлены для специальных боевых действий и были боевым ударным аппаратом»¹ — таким образом, Магеровский представлял себе будущее органов военного руководства примерно так же, как Николай Подвойский. Сходство налицо, только в марте 1918 года Подвойский за упорство в проведении своей «программы» слетел, а Магеровский получил возможность претворять догматы в жизнь.

У руководителей ПЛСР весной 1918 года отсутствовало даже единство взглядов по вопросу о будущем собственной партии, не то что о создании вооруженных сил — об этом свидетельствует стенограмма Второго съезда партии (апрель 1918 года). На съезде разразилась дискуссия необходимости сохранения мира с Германией, о роли ПЛСР в осуществлении социальной революции и о взаимоотношениях с большевиками (может ли ПЛСР стать «гегемоном социальной революции», т.е. свалить большевиков и взять власть в свои руки?)². Левых эсеров объединяла, пожалуй, уверенность в том, что их сила в аграрном вопросе, а «не в военной мощи, не в боях на границе, не в добровольческих отрядах»³. Военному вопросу придавалось второстепенное значение: на дневном заседании 21 апреля И.З. Штейнберг предложил организовать следующие комиссии съезда — организационную, литературно-издательскую, политическую и по выработке Советской Конституции, аграрную, по экономической (и рабочей программе)⁴. Один из делегатов обратил внимание на необходимость создания специальной военной комиссии, считая «в высшей степени» важной организацию военного дела на местах — глас вопиющего в пустыни: делегату возразили, что военная организация отнесена к организационным вопросам⁵. На предложение о создании военной комиссии от-

¹ Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 463.

² Там же. С. 440—441, 457 и др.

³ Там же. С. 437 (цитируется А.Л. Коллегаев), 445 (М.А. Спиридонова).

⁴ Там же. С. 481.

⁵ Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 482.

дельные делегаты заявили, что «время не наступило, доклада нет» (доклад должен был сделать, но не сделал член ПК ПЛСР М. Ярустовский¹); собрание большинством голосов отложило вопрос, как его сформулировал И.З. Штейнберг, «о военной боевой работе»². В итоге военный вопрос был сведен к обсуждению «Отчета боевой организации», представленного Петроградской боевой дружиной³.

Наиболее догматично мыслящие партийные работники считали, что партия должна озаботиться не созданием армии, а осуществлением социальной революции (М.А. Натансон, М.А. Спиридонова, А.М. Устинов и др.)⁴. Эта часть левых эсеров, как и левые коммунисты в партии большевиков, рассчитывали на скорейшее осуществления революции в Германии и окончательное разложение частей Четверного союза⁵. Спиридонова и Устинов после заключения Брестского мира выступали даже против формирования партизанских левозесеровских отрядов, действующих в тылу у германских частей и на фронте: такие отряды отождествлялись с подготовкой к партизанской войне и фактическим срывом мирного договора⁶ (М.А. Левенсон в полемическом запале даже назвал Устинова и Спиридонову «большевиками»⁷). Натансон считал предметом особой гордости левых эсеров разрушение «старой империалистической армии»⁸. Следует отметить, что Ус-

¹ Там же. С. 668, 797.

² Там же. С. 483.

³ Там же. С. 667—672.

⁴ Там же. С. 355, 428-429, 573.

⁵ Там же. С. 359—360, 429—430. А.М. Устинов предложил не воевать с дезорганизованными немецкими частями, вошедшими в соприкосновение с российскими большевиками и эсерами, но и «гноусного» мира не подписывать. Устинов был одним из тех, кто верил в скорейшее осуществление мировой революции, не разделяя позицию, выраженную в частности М.А. Левенсоном, полагавшим, что время наступления мировой революции вычислить никто не может и не исключено затягивание войны «еще на целые годы» (Там же. С. 388).

⁶ Там же. С. 357.

⁷ М.А. Левенсон указал, что большевики при формировании органов государственной власти настаивают на включение от ПЛСР в эти органы именно «левого с.-р. большевика» А.М. Устинова (Там же. С. 391. См. также С. 453).

⁸ Там же. С. 429.

тинов в апреле 1918 года вышел из состава ЦК ПЛСР вследствие «принципиального расхождения» по вопросам об уходе из СНК и Брестского мира¹.

Настроенные менее догматически, но, на данном этапе², радикально к большевикам левозэсеровские деятели — Д.А. Черепанов, И.З. Штейнберг, Б.Д. Камков, А.А. Биценко, член ПК ПЛСР Д.Л. Сапер — продолжали отстаивать «партизанскую войну» с Германией (выражение А.М. Устинова), и критиковать «великодержавные идеи [большевиков] о создании миллионной армии со старым генералитетом и офицерством во главе» (выражение Д.А. Черепанова)³. Более сдержанной в этой группе оказалась А.А. Биценко, присоединившаяся к негативной оценке ««армии», которую организуют большевики», но также констатировавшая: большевики делают большие успехи в организации вооруженных сил, чем левые эсеры⁴. Сапер, выступив против объединения с большевиками, напомнил, что ПЛСР выражает интересы не только Советской России, но и интересы оккупированных немцами местностей бывшей Российской империи, поэтому «форма партизанской борьбы необходима для наших товарищей», находящихся в зоне оккупации⁵. Выступивший в прениях по политической программе А.А. Шрейдер обратил внимание на вопрос, обойденный Д.А. Черепановым и Д.А. Магеровским — об отношении к армии в контексте «коренной ломки самого понятия государства»⁶. Шрейдер заявил о необходимости коренной ломки постоянной армии как политического института и допустимости лишь «волонтерской армии»

¹ Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 717 — комментарий Я.В. Леонтьева.

² В 1919 г. И.З. Штейнберг и А.А. Шрейдер возглавили легалистское течение ПЛСР (Там же. С. 710 — комментарий Я.В. Леонтьева).

³ Там же. С. 354.

⁴ Там же. С. 416. Биценко заявила, что как большевики с их Красной Армией, так и левые эсеры с их партизанскими отрядами готовятся к возобновлению войны с Германией, не учитывая, что вооруженные силы большевиков, по крайней мере, с января 1918 г. были ориентированы на ведение как внешней, так и внутренней войны (*Войтиков С.С. Развитие взглядов высшего руководства... С. 8*).

⁵ Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 411.

⁶ Там же. С. 484.

(которая, впрочем, также непременно «превратится в преторианскую армию вольнонаемников, которая будет так же одиозна, как и всякая другая»)¹. Д.Е. Синявский, идя дальше А.А. Шрейдера, предложил ставить как принципиальное положение «всеобщее вооружение народа, определенное, сознательное», так как «волонтерство по существу в наших условиях, при безработице [и] голоде, мало чем отличается от принудительности»².

Наконец, ряд левых эсеров, занимавших, отметим, важные посты в армии (В.И. Киквидзе, Ю.В. Саблин), считал создание вооруженных сил необходимостью³. Когда И.А. Майоров подчеркнул, что большевистское правительство «стало на... точку зрения, что большую часть расходов нужно произвести не на сельское хозяйство, а на военные нужды», из зала раздался голос: «Правильно»⁴.

В принятых съездом тезисах И.З. Штейнберга по текущему моменту, естественно, есть пункт о «содействии народу в его классовых восстаниях против внутренней контрреволюции и иностранного империализма»⁵, т.е. по сути, о партизанской войне и мировой революции; а в резолюции съезда по политической программе (тезисы, предложенные главой «военного отдела» ПЛСР Д.А. Магеровским) зафиксировано, что одной из особенностей советского строя является «вооружение лишь трудящихся»⁶. Как видим, большинство левых эсеров на съезде высказались за уничтожение постоянной армии. Однако 12 мая фактически точка зрения Киквидзе и Саблина одержала победу — произошел настоящий поворот в военной политике левых эсеров: их ЦК решил создать совещание военных специалистов — это постановление убежденных, как считается, сторонников «партизанщины!» — и предложить членам партии занять «ответственные посты по фор-

¹ Там же. С. 487—488.

² Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 507.

³ Там же. С. 329.

⁴ Там же. С. 573.

⁵ Там же. С. 457.

⁶ Там же. С. 581.

мированию Красной Армии»¹ (проведение в жизнь такого решения никак не устроило бы большевиков). Поздно! К июню 1918 года сосуществование большевиков и левых эсеров в органах государственной власти стало обоюдонетерпимым. Большевики фактически оставили идею власти Советов и последовательно шли по пути государственного централизма, им были нужны не временные попутчики, а дисциплинированный исполнительный аппарат для проведения идей центра. Сформирование продовольственной армии означало объявление войны крестьянству, заигрывание с ПЛСР путем привлечения их представителей в правительство закончилось². Левые эсеры и максималисты 11 июня 1918 года на заседании ВЦИК резко осудили продовольственную политику большевиков (создание комбедов) и пригрозили РКП(б), что «против проведения вредных мер, заключающихся в декрете (об образовании комбедов. — С.В.) и против всех вообще мер, ведущих к неестественному разделению трудового крестьянства, они будут бороться самыми решительными мерами как в центре, так и на местах».

Две правящие партии — ПЛСР и РСДРП(б) — приготовились к открытому противостоянию³. На V Всероссийском съезде Советов левые эсеры и максималисты распространили среди делегатов воззвание, в котором прямо призвали, в том числе, к изгнанию из Красной Армии старого генералитета «со всеми их черносотенными штабами»⁴. 6—7 июля 1918 года состоялось так называемое «выступление левых эсеров», в начале которого члены ЦК ПЛСР были убеждены, что СНК не найдет достаточно войск, чтобы разбить их силы⁵, а в Штабе партизанских формирований и отрядов (том самом, что формально подчинялся Высшему военному совету) лишь «некоторые...товарищи, более знакомые с военным

¹ РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 10. Л. 9 об—10.

² Павлюченков С.А. Крестьянский Брест. М., 1996. С. 55.

³ Там же. С. 133—134. Совместная декларация фракции партии левых эсеров и Союза эсеров-максималистов, оглашенная на заседании ЦИК 11 июня 1918 г.

⁴ Союз эсеров-максималистов. С. 135—136.

⁵ Левые эсеры и ВЧК. С. 172.

делом... настаивали на использовании момента и переходе в наступление, пока большевики не оправились от внезапности»¹. Основная заслуга в подавлении «мятежа», как известно, принадлежит «латышским стрелкам»²; в подавлении выступления ПЛСР также активно принимали участие отряды МВО³ — определенный показатель того, что в июле Красная Армия преимущественно контролировалась большевиками.

Я.В. Леонтьев пишет, что и после выступления левых эсеров члены ПЛСР продолжали занимать высокие командные должности (В.И. Киквидзе — начальника сформированной им 16-й стр. дивизии, Г.Д. Гай — 24-й Симбирской стр. дивизии и два руководителя группы войск на Северном Кавказе, «тесно связанные с левыми эсерами»). Действительно, левые эсеры остались (пока) на ключевых постах в армии, но были поставлены под жесткий большевистский контроль и опасались за свое будущее. В.И. Киквидзе, вблизи дислокации частей которого 1 сентября сошел с рельсов поезд председателя Высшей военной инспекции большевика Н.И. Подвойского, вообще опасался, что инцидентом воспользуются для его устранения⁴. А комиссар 1-й армии большевик С.П. Медведев осенью 1918 года развязал настоящую травлю Г.Д. Гая⁵. При-

¹ Там же. С. 179.

² *Вацетис И.И.* Выступление левых эсеров в Москве // Этапы большого пути. М., 1963. С. 259 и сл.

³ Левые эсеры и ВЧК. С. 179.

⁴ Киквидзе имел к тому все основания: после подавления левоэсеровского выступления члены ЦК ПЛСР поехали в регионы для того, чтобы перехватить инициативу на местах. В частности, Прошьян и Фишман направились на Донской фронт, где вели переговоры о поддержке с В.И. Киквидзе (Сб. ПЛСР. Т. 1. Предисловие Я.В. Леонтьева. С. 35). В начале сентября 1918 г., после крушения поезда Н.И. Подвойского вблизи с местом дислокации дивизии Киквидзе, «несмотря на то, что допроса в войсках не делалось», в самом начале следствия в комиссию по расследованию обстоятельств крушения явился Киквидзе и «заявил публично категорический протест против такого следствия, а на убедительную просьбу дать в комиссию своих представителей от частей войск, категорически отказался и пригрозил тем, что всем участникам расследования придется считаться с дивизией» (РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 79. Л. 21—21 об).

⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 4. Л. 61 и сл. «Медведев ведет открытую агитацию и во всеуслышание заявляет, что не успокоится до тех пор, пока не

чины травли Медведевым военных специалистов лежали в маниакальном недоверии к ним значительной части большевиков, но ведь Гай военспецом не был...

К тому же положение не могло не измениться, по крайней мере, в начале 1919 года. 28 января Троцкий телеграфировал Реввоенсовету: в Негельском полку 5-й армии, в Украинской Советской армии и других регулярных частях Красной Армии ряд командиров полков — левые эсеры; «надо установит[ь] за правило не допускат[ь] левых с.-р. [к] занятию командных должностей: командиры могут быть беспартийными, но невозможно допускат[ь] злостных авантюристов, сегодня служащих Советской власти, завтра поднимающих восстание, вступающих в союз с темными элементами — например, Саблин и пр. До сих пор участие левых с.-р. в армии приводило только к... конфликтам [и] бессмысленным жертвам»¹. А 11 марта Троцкий разослал в войска телеграфный приказ: о «левоэсеровских анархических и прочих контрреволюционерах»: «Левозэсеровские авантюристы во главе с Саблиным, Евдокимовым, Муравьевым в районе Уразово, Купянск и Валуйки организовали заговор против рабоче-крестьянского правительства; они тайно сформировали левоэсеровский штаб в составе командира 10-го украинского полка Рындина, Комохина, Нилова, Монденко и Цветкова; главные силы этого штаба были роты...[с] Минского фронта; под командой Киряченко в Купянске был организован ревком во главе с Саблиным, Муравьевым; под их угрозами в волостные советы назначили только тех, кто назвал себя левыми эсерами. Сахаров взял на себя организацию Волчанского левоэсеровского центра. 26 декабря [1918 г.] купянские комиссары были изгнаны в подполье, частью расстреляны. 28 декабря на закрытом заседании были подсчитаны левоэсеровские силы: 1-й Валуйский повстанческий полк, 2-й Волчанский Сахарова, 3-й полк Черняна; отряд Сахарова в 16 тыс. человек числился в резерве.

выкинет его из армии. Медведев приписывает Гаю какие-то фантастические желания и стремления к «хамству», недисциплинированность, самовольство» (М.Н. Тухачевский).

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 14. Л. 60.

Против коммунистов постановлено войти в тесный контакт, установить тесную связь с отрядами Сиверса и Киквидзе, на этом же заседании был намечен состав Украинского левоэсеровского правительства — три представителя от названных полков, один левый эсер от харьковского губсовдепа, по одному от украинской и российской партии левых эсеров, один максималист и один анархист. Вместе с тем эти анархисты вели самую гнусную агитацию против Советской власти путем широкого распространения воззваний, в которых они призывали солдат к бунту: в одном из воззваний они писали, между прочим, «товарищи красноармейцы, гоните в шею своих командиров на чеченцев, гоните в шею офицеров и генералов» и т.д. Как только эти сведения были получены [в] советских войсках группы Курского направления, сейчас же в Купянске был послан один батальон войск — часть авантюристов разбежалась [...], арестованы Муравьев, Белокабыльский, Цветков, Рындин и Кирыченко, которые все преданы суду полевого трибунала». Цветкова, отдавшего в Купянске приказ о расстреле и разоружении коммунистов и их сочувствующих, самого расстреляли. «В настоящее время названный район очищен от авантюристов [...] Главари именовали себя представителями Восточной Украинской повстанческой армии, [при этом] батальона Красных войск было достаточно, чтобы эта повстанческая армия лопнула, как мыльный пузырь. Однако в виду того, что мы сейчас находимся в боевой обстановке, Революционный военный совет группы войск Курского направления приказывает всем начальникам и комиссарам дивизии, командирам и комиссарам отдельных частей отнестись со всей серьезностью и строгостью к авантюристам, немедленно арестовать и препроводить в полевой трибунал всех, так или иначе причастных к левоэсеровскому восстанию в Купянске и Уразове». Как известно, «лучшая память — посмертная слава и причисление к лику святых» (стихи Ярослава Кесслера). Троцкий упомянул в приказе о наличии связи «левоэсеровских заговорщиков» с отрядами Киквидзе и Сиверса и уточнил: «бригада, во главе которой стоял покойный тов. Сиверс, и дивизия, которой командует тов. Ки-

квидзе, выполняют свой долг на Южном фронте и ни в какие бесчестные игры вмешиваться не собираются, вполне одобряя энергичный образ действий Реввоенсовета группы войск Курского направления». И в заключение приказа: «Предлагаю реввоенсоветам всех армий и всем комиссарам тщательно наблюдать за контрреволюционной работой так называемых левых эсеров и других врагов Рабочей и Крестьянской власти»¹.

Троцкий, как это нередко бывало, предвосхитил идею Ленина. 13 марта вождь большевистской партии причислил левых эсеров в своей речи на митинге к внутренним врагам², а оставление врагов на ответственных постах — тем более, армейских — вряд ли можно назвать логичным.

Известно, что в основе разногласий РКП(б) и ПЛСР лежал продовольственный вопрос; расходились взгляды партий на мир с Германией³. Сделанные наблюдения вскрывают еще один аспект противостояния левых эсеров и большевиков, приведший к противостоянию в июле 1918 года — военный. Большевики, прибравшие к рукам государственную власть, в том числе, с помощью красногвардейских отрядов, непредусмотрительно оставленных в полнейшей неприкосновенности Временным правительством, не хотели существования в Советской России автономных или подконтрольных потенциальным врагам вооруженных формирований. А равно они не хотели, чтобы Красную Армию, нацеленную не только против внешнего, но и (главным образом) против внутреннего врага⁴, контролировали их временные попутчики во власти или партии, продолжавшие свое полулегальное существование после Октября 1917 года. И большевики добились своего.

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11 Л. 94 с об.—95.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. М., 1974. С. 31. См. также С. 65.

³ См., напр.: Никулин В.В., Красников В.В., Юдин А.Н. Советская Россия: уч. пособие. Тамбов, 2005. С. 8.

⁴ Один из лидеров партии — Л.Д. Троцкий — уже 21 апреля 1918 г. заявил: «Да здравствует Гражданская война!» — «во имя хлеба для детей, стариков, рабочих и Красной Армии» (Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. Т. 1. М., 1923. С. 71—72).

Глава 2

Петроградская ЧК, обыск распоряжением Троцкого: о судьбе главы Военно-революционного комитета Павла Лазимира

Председателем бюро Петроградского Военно-революционного комитета (ПВРК), формально руководившего Октябрьской революцией, был молодой левый эсер Павел Лазимир. Еще до Октябрьского переворота член Исполкома и заместитель председателя военного отдела Петросовета Лазимир делал доклад о ПВРК (принципиальное решение о создании комитета было принято раньше) в Петросовете, поставленный на обсуждение Л.Д. Троцким. Перу Лазимира принадлежал и проект о ПВРК. В 1917 году Лазимиру было 26 лет; он был сыном сверхсрочника-эстонца, изгнанным из школы кантонистов за защиту новичка от расшвырянутого офицера, Лазимир с отличием окончил военно-фельдшерские курсы и сразу занялся революционной деятельностью¹.

Известно, что осенью 1917 года Лазимир часто действовал заодно с большевиками; историография до сих пор принимает на веру воспоминания члена коллегии Наркомвоенна К.А. Мехоношина, что с 21 октября 1917 года (со времени создания ВРК при Петросовете) Лазимир «решительно встал на нашу (большевиков. — С.В.) сторону». Также считается, что именно в знак доверия большевики назначили Павла Евгеньевича вначале членом коллегии Наркомвоенна, а затем и НКВД². Это не так. Судьба левого эсера Лазимира вообще иллюстрирует отношение большевиков к своим коллегам по социалистическому блоку; кроме того, по ней можно проследить отдельные тенденции из истории отечественных спецслужб.

¹ Волкогонов Д.А. Троцкий. Кн. 1. С. 151; Корсунский М. Павел Лазимир // Родина. 1992. № 1 (20) С. 20; Крушельницкий А.В. Народный комиссариат по военным делам в первые месяцы диктатуры пролетариата: дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 204.

² Корсунский М. Указ. соч. С. 20.

Не позднее 2 ноября 1917 года Лазимир был кооптирован решением ПВРК в коллегию Наркомвоена¹, но в руководство комиссариата не вошел. При распределении обязанностей членов коллегии ему поручили курировать аппарат снабжения армии². Известно, что при выборе первого наркома продовольствия В.И. Ленин пошутил: плохонького надо — все равно в Мойке утопят; снабжение (прежде всего продовольственное) армии находилось в катастрофическом состоянии³ — Лазимира включили исключительно для демонстрации союза большевиков с их временными «попутчиками», поставив его на заведомо «гнилой» участок работы (так уже в Советском Союзе регулярно избавлялись от «неудобных» людей). 17 ноября 1917 года Ленин лично подписал удостоверение о назначении Лазимира одним из членов НКВД⁴. Подписание этого документа, вероятно, было вызвано изначальным нежеланием большевиков видеть в коллегии Наркомвоена члена левозсеровской партии: группа лидеров коллегии (Н.И. Подвойский, К.А. Мехоношин, Б.В. Лергран и Э.М. Склянский) почти сразу отстранила Лазимира от руководства военным ведомством⁵. И вместе с тем Лазимир так и не перешел в коллегию НКВД — думается, дело в том, что там его вовсе не захотели видеть...

Лазимир оказался одним из немногих членов коллегии Наркомвоена, статус которого не изменился после принятия к марту 1918 года военно-политическим руководством страны курса на создание массовой регулярной армии⁶, так как в отличие от большинства товарищей по ПЛСР и даже большевиков — членов коллегии Наркомвоена — Лазимир оказал-

¹ Крушельницкий А.В., Молодцыгин М.А. Указ. соч. С. 35; Крушельницкий А.В. Народный комиссариат по военным делам... С. 45.

² Там же. С. 63.

³ Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 15.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974. С. 69.

⁵ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 68.

⁶ См.: Войтиков С.С. С чего началась история Красной Армии // Отечественная история. 2006. № 6. С. 126—133.

ся сторонником именно такой армии. Кроме того, Павел Евгеньевич полагал, что «формирование армии без предварительной подготовки в смысле материального обеспечения и гарантирующих планов ее дальнейшего текущего довольствия — неосуществимо»¹. При этом Лазимир вполне разделял присущие большинству членов коллегии Наркомвоена чувство крайней неприязни к военным специалистам и непонимание, как можно доверять строительство новой армии военным руководителям из старорежимной офицерской касты (пусть даже и под контролем комиссаров)². В этом вопросе он полностью расходился с новым наркомом по военным делам — Л.Д. Троцким.

Однако Лазимиру предстояло другое испытание. 3 марта для организации интендантского снабжения и финансового обеспечения Красной Армии и координации военно-хозяйственных мероприятий на местах был создан Всероссийский военно-хозяйственный комитет (Архозком) во главе с коллегией под председательством Лазимира³. В начале апреля 1918 года настоящую травлю Лазимира и его сотрудников развязала Петроградская чрезвычайная комиссия (ПЧК)⁴. По словам Лазимира, сотрудники комиссии почти два месяца производили в отношении бывших служащих Архозкома «самые невероятные и дискредитирующие» действия, «вносящие полный разлад, нервозность и подозрение ответственных лиц друг к другу», что «страшно» отражалось на всей работе управления. Лазимир привел конкретные факты: «1) внезапный осмотр, без предупреждения председателя (Лазимира. — С.В.), помещения Хозяйственного комитета и с разоружением караула красноармейцев по охране здания и прочими действиями, недопустимыми по отношению следователя, производившего обыск и арест; 2) нападение

¹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 406. Л. 166 об.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 137.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 62. Пр. Наркомвоена № 202.

⁴ 30 мая Лазимир жаловался Троцкому на преследования председателя и членов коллегии Архозкома «Чрезвычайной следственной комиссией при Петросовете». То, что речь идет о Петроградской ЧК, установлено по указанию председателя комиссии — М.С. Урицкого.

на автомобиль лиц, выполнявших чрезвычайное поручение по военному снабжению на Миллионной улице и препровождение их в Чрезвычайную следственную комиссию и задержание их в Следственной комиссии, несмотря на имевшийся при них личный документ; 3) в связи с арестом Чешкова внезапное задержание и арест всех членов коллегии Всероссийского хозяйственного комитета и члена [коллегии] народного комиссариата (самого Лазимира. — С.В.), в квартире членов, а также в квартире его семейства; 4) производство дознания в течение нескольких дней, из которого приходилось даже прерывать заседание комитета; 5) факт выпуска на свободу Следственной комиссией арестованного казначея Чешкова; 6) внезапный обыск с оцеплением здания Хозяйственного комитета в квартире товарища Поплавского, арест последнего, а также служащего комитета Рябова, что страшно отразилось не только на самой работе, но и авторитете руководящего органа; 7) освобождение товарища Поплавского после 5-дневного заключения в Петрограде без предъявления ему определенного обвинения, причем член коллегии не мог увидеть совершенно председателя Следственной комиссии товарища Урицкого». Кроме того, среди сотрудников Архозкома ходили «упорные слухи... о новых арестах, кои могут быть произведены среди служащих». Коллегия Архозкома обсудила действия ПЧК и решила просить Наркомвоен принять «в самом экстренном порядке меры» в отношении комиссии, так как продолжать работу в условиях травли было «совершенно невозможно». Сам Лазимир настаивал на выяснении дела в 24-часовой срок¹. Председатель Петроградского ЧК Моисей Урицкий был сторонником упразднения ПЧК, в этом его горячо поддерживали П.П. Прошьян — один из членов левозеро-вского ЦК, вошедший в состав петроградского правительства в конце апреля 1918 года². Однако до М.С. Урицкого Лазимиру дойти не удалось, Прошьян только получил новое назначение и вряд ли мог помочь, а Л.Д. Троцкий заступать-

¹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 406. Л. 154—154 об.

² Рабинович А. Моисей Урицкий // Отечественная история. 2003. № 1. С. 8—9.

ся за него не стал. Более того — в это же время левого эсера «прижали» и в военном ведомстве. У Лазимира появились веские причины встать в оппозицию Троцкому и его команде в военном ведомстве. 30 мая Павел Евгеньевич докладывал Троцкому, что возглавляемый последним Высший военный совет при составлении мобилизационных планов и оперативных заданий совершенно не учитывает состояние военного снабжения и обеспечения армии продовольствием и, по сути, упорно игнорирует Архозком, а Военно-хозяйственный совет (который курировала «правая рука» Троцкого — Эфраим Склянский) не только не содействует Архозкому, но часто тормозит его работу. Военно-хозяйственный совет, заявил Лазмир, «будучи оторван от высших руководящих органов, принужден выполнять возлагаемые на него задания с величайшим затруднением, руководствуясь случайными сведениями, в связи с концентрацией и передвижением армии». Лазмир настаивал на «персональном пересмотре членов и служащих» ВХС — т.е. выражал открытое недовольство Склянским — «Лазарем Карно» русской революции (выражение Л.Д. Троцкого). Лазмир, что было свойственно и большинству его «соратников» — членов коллегии Наркомвоена, не воспринимал и военного руководителя Высшего военного совета — генерал-майора М.Д. Бонч-Бруевича, подвергая сомнению его квалификацию и желание работать¹. Окончательное преследование Архозкома, вероятно, закончилось уже в Москве 20 июня — реорганизацией Архозкома в Главное военно-хозяйственное управление (ГВХУ)². Лазмир назначил военным комиссаром ГВХУ большевика А.А. Юркина, но остался на данном этапе куратором центрального аппарата снабжения армии³.

К 1 июля было создано Центральное управление по снабжению армии (ЦУС). Во главе его встал Совет ЦУС (неформальное название — Центральный совет снабжений) в составе двух членов коллегии Наркомвоена — Лазимира и

¹ РГАСПИ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 21. Л. 164—166 об.

² Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 145.

³ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 65.

Э.М. Склянского и Главного начальника снабжений генерала от артиллерии А.А. Маниковского (последний, как военный специалист, занимался «технически хозяйственной работой по снабжениям армии»)¹. Лазимир и Маниковский немедленно занялись выяснением взаимоотношений: у левого эсера закипала «классовая ненависть» к организатору контрреволюционного саботажа в Военном министерстве и несостоявшемуся военному диктатору², а Маниковский не очень-то скрывал свое презрение к красным комиссарам (наверняка, сказывалась и разница в возрасте: 27-летний комиссар должен был следить за работой 53-летнего специалиста). В тот же день Лазимир вызвал к себе начальника канцелярии ЦУС и ближайшего сотрудника Маниковского Н.Г. Мальчиковского и «в самой грубой, неподдающейся описанию форме изъясил Н.Г. Мальчиковскому свое крайнее недовольство» по поводу неисполнения одного из своих предписаний. Объяснение Мальчиковского: указанное предписание не было получено — Лазимира не удовлетворило. Аудиенция закончилась поручением Н.Г. Мальчиковскому передать «этому Маниковскому» категорическое требование Лазимира неукоснительно исполнять все его приказания³. Лазимир не мог понять элементарных принципов аппаратной логики⁴ и в каждом случае, когда Маниковский и его сотрудники не исполняли его приказаний (кстати, незаконных, отдавать приказания должен был Маниковский, Лазимир — контролировать их соответствие советской политике), противоречащих решениям вышестоящих инстанций, грозил увольнением с последующим «преданием революционному суду»⁵. Причем Лазимир ополчился не только на руководство ЦУС, но и на руководство подчиненных ему главных довольствующих

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218. Л. 177. Автограф Э.М. Склянского.

² См.: *Крушельницкий А.В.* Ликвидация контрреволюционного саботажа в Военном министерстве в первые месяцы Советской власти // Исторический опыт Великого Октября. М., 1986. С. 162—171.

³ РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. 24.

⁴ Там же. Л. 37. Решение проблем посредством «бесконечной переписки» Лазимир назвал «преступным».

⁵ РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. 36—36 об.

управлений. 2 июля Маниковский получил ходатайство об ограждении служащих Наркомвоена от незаслуженных замечаний, оскорблений и угроз П.Е. Лазимира от ГВХУ. Примечательно, что докладную записку подписали не только начальник, но и комиссар (!) управления¹. При этом не было дыма без огня: центральный военный аппарат действительно работал крайне медленно, что было следствием, в том числе и нежелания военных специалистов служить большевистскому режиму. Сам Лазимир со времени эвакуации в Москву своего ведомства буквально разрывался между коллегией Наркомвоена, курируемыми им органами комиссариата и разъездами «по местам расположения довольствующих учреждений и заведений, а также советских частей» (на местах Лазимир занимался сбором сведений и организацией оперативно-мобилизационного отдела по снабжению)². Но активная, самоотверженная работа Лазимира, неоднократно отмеченная современниками³, не помогла. После так называемого «мятежа» левых эсеров 6—7 июля 1918 года П.Е. Лазимира решили проверить на лояльность к большевикам. Об этом свидетельствуют два документа. Первый из них — рапорт члена коллегии НКВД А.В. Эйдука Л.Д. Троцкому об осмотре портфеля, квартиры и первого рабочего кабинета П.Е. Лазимира (кабинет Лазимира в наркомате, на Лесной, Эйдук не обыскивал)⁴. Второй документ — обращение самого Лазимира к Троцкому, связанное с приказом последнего об обыске квартиры своего «коллеги»⁵. Обращение было написано во время обыска на квартире Лазимира и передано им с Эйдуком наркому по военным делам. Парадоксально: Лазимира обыскивал член той самой коллегии, в которую Лазимир едва не попал в ноябре 1917 года.

Основанием для обыска стало обвинение П.Е. Лазимира его недоброжелателем Э.М. Склянским в неявке на службу «в течение нескольких дней» — как раз после июльских со-

¹ РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. 37 об.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123. Л. 321.

³ См.: *Корсунский М.* Указ. соч. С. 20.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123. Л. 318 с об—319.

⁵ Там же. Л. 321—322.

бытий¹. В портфеле Лазимира и у него на квартире заслуживающих внимания вещей Эйдук не обнаружил, а вот в рабочем помещении — нашел два документа: письмо Лазимиру из Петрограда и найденный на столе у наркома список «винтовок и фамилий лиц, коим, по-видимому, эти винтовки были выданы»².

Несмотря на то, что оба документа приложили (вместе с обращением П.Е. Лазимира) к рапорту А.В. Эйдука, в деле они не отложились. Из этого следует, что найденные Эйдуком бумаги были, вероятно, возвращены Лазимиру как не имеющие отношения к предъявленному ему обвинению.

Лазимир в своем обращении заверил коллегия Наркомвоен, что «каких-либо действий в интересах наступавших [левых эсеров] не предпринимал»; назвал обвинение [Склянского] в неисполнении служебных обязанностей клеветой³. Л.Д. Троцкий подчеркнул на объяснительной записке П.Е. Лазимира заявление о неучастии Лазимира в левозеровском мятеже⁴. Заключительная часть документа крайне интересна: «В связи с произведенным осмотром распоряжением Л.Д. Троцкого по месту моего жительства... будут даны подробные объяснения в Народном комиссариате по военным делам 13 сего июля»⁵. На состоявшемся 13 июля заседании коллегии Наркомвоен П.Е. Лазимир осудил действия ЦК ПЛСР. Пользуясь случаем, Лазимир заявил о выходе из коллегии и сложении с себя председательства в Архозкоме⁶. Отставку не приняли, но предложили выступить от имени коллегии Наркомвоен на Всероссийском съезде военных комиссаров (вероятно, хотели публичного покаяния Ла-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123. Л. 318.

² Там же. Л. 319.

³ Там же. Л. 321.

⁴ Там же. Л. 321. Об этом свидетельствует сделанная Л.Д. Троцким карандашная скоба напротив первого абзаца документа.

⁵ Там же. Л. 321—322.

⁶ См.: РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123. Л. 318 с об—319. Рапорт А.В. Эйдука от 13 июля 1918 г. Автограф; Л. 321—322. Обращение П.Е. Лазимира Л.Д. Троцкому по поводу его обвинений в бездействии на служебном посту и участии в выступлении ПЛСР от 12 июля 1918 г. Автограф; Оп. 3. Д. 24. Л. 392—394.

зимира). 12 июля Павел Евгеньевич направил члену коллегии и председателю Всероссийского бюро военных комиссаров И.И. Юреневу и в копии Троцкому ответ с отказом «по политическим соображениям» и ввиду несогласия с принципами работы военных комиссаров, не имеющих права вмешиваться в оперативное решение вопросов¹.

Разбирательство по делу Лазимира имело свои последствия: во-первых, куратора ЦУС урезали в правах; во-вторых, у Павла Евгеньевича стали сдавать нервы. 18 июля Лазимир сетовал Л.Д. Троцкому: «Ко мне продолжают поступать текущие доклады, требующие разрешения в безотлагательном порядке. Каждое промедление грозит бедствиями при создавшемся положении. Я лично *не имею права санкций и распоряжений* (курсив мой. — С.В.), а тов. [Я.И.] Вестник (военком ЦУС. — С.В.) переобременен возложенными на него обязанностями». Лазимир «как революционер» не хотел нести ответственность за «произвол лиц, не заинтересованных политикой страны» и снова просил Троцкого указать, кому он может «передать со спокойной совестью свое дело», предупреждая наркома по военным делам: «Аппарат снабжения, образованный Маниковским, мертв [и], производя преступные действия, гибнет». Интересно, что документ попал не к Троцкому, а Склянскому — т.е. он даже не дошел до адресата². 23 июля Лазимир с личной канцелярией переехал в помещение ЦУС и его отношения с Маниковским обострились до предела³... А в августе 1918 года руководящие кадры центрального аппарата снабжения стал донимать протезе Лазимира — уволенный из Архозкома «за двойное требование самому себе жалования» студент Сокольский. Интересно, что сначала Лазимир отдал приказ об аресте Сокольского, но затем неожиданно приблизил к себе. Соколь-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 137. П.Е. Лазимир ограничился командированием на съезд специальных представителей для докладов по даче инструкции порядка снабжения и продовольствия.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 154. Л. 152. Секретная служебная записка П.Е. Лазимира Л.Д. Троцкому от 17 июля 1918 г. с просьбой освобождения от обязанностей куратора аппарата снабжения (на документе имеется помета о прочтении Э.М. Склянского).

³ Там же. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. Л. 37 об.

ский, очевидно, поведал о своей ненависти к военминовской «контре», втерся в доверие Лазимиру и даже стал сотрудником отдела по борьбе с преступлениями по должности ВЧК, что дало ему возможности использовать известную неприязнь ведомств Л.Д. Троцкого и Ф.Э. Дзержинского для мести бывшему руководству¹. В общем, в аппарате снабжения Красной Армии было кому проводить политику партии.

В октябре 1918 года многочисленные ходатайства Лазимира удовлетворили: ему, наконец, дали новую работу. По всей вероятности, Павел Евгеньевич решил пойти на сближение с Троцким. Во всяком случае, председатель Реввоенсовета Республики доверился ему настолько, что направил его и двух видных большевиков для устранения «командной анархии» на Южном фронте в октябре 1918 года. Послать в пику «царицынцам» (сторонникам заклятого врага Троцкого Иосифа Сталина) глава военного ведомства мог только лояльных к своей персоне людей. В письме председателю ВЦИК Я.М. Свердлову Троцкий весьма уважительно отозвался о П.Е. Лазимире, К.А. Мехоношине и А.Г. Шляпникове, придававшими Реввоенсовету фронта, по выражению главы военного ведомства, «достаточную авторитетность»². Шляпников не мог быть его креатурой и, вероятно, представлял в РВС Южного фронта лично В.И. Ленина, а вот сориентировавшийся на главу военного ведомства Мехоношин и Лазимир должны были проводить линию Троцкого.

Деятельность Лазимира как члена коллегии Наркомвоенна интересна тем, что она иллюстрирует несколько вопросов становления советской системы: во-первых, курс большевиков на устранение «попутчиков» по революции задолго до лета 1917 года — фактически сразу после захвата власти; во-вторых, антилевоэсеровская направленность деятельности Петроградской ЧК, о необходимости упразднения которой всерьез задумывались весной 1918 года. Наконец самое важное — факт проверки причастности левого эсера к

¹ Там же. Л. 39.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 4. Л. 67. Телеграмма Л.Д. Троцкого от 5 октября 1918 г. № 555.

мятежу членом коллегии НКВД свидетельствует, что уже летом 1918 года — задолго до слияния аппаратов ВЧК и НКВД под председательством Ф.Э. Дзержинского — НКВД брало на себя отдельные чекистские функции.

...К счастью для П.Е. Лазимира, он скончался 20 мая 1920 года. Это избавило бывшего председателя бюро Военно-революционного комитета от дальнейшего преследования: последних лидеров левых эсеров расстреляли в 1941 году.

Раздел IV

ВЫСШИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОЛЛЕГИИ

Глава 1

«Состав Высвоенсовета подбирался из подобострастных, бездарных людей»: высшее военное руководство на пути к Реввоенсовету Республики

19 марта объявили состав Высшего военного совета: Л.Д. Троцкий (*председатель*), Э.М. Склянский (*зам. председателя*), Н.И. Подвойский (*член Совета*) и К.А. Мехоношин (*его заместитель*). В военном руководстве сложились две группировки: Троцкий — Склянский и Подвойский — Мехоношин. Склянский считал, что армия «должна быть построена на принципе принудительности», состав ее «будет не чисто пролетарский, а смешанный»¹. В этом он полностью сходил с Троцким. Подвойский был оставлен для обеспечения преемственности в работе аппарата военного управления, Мехоношин — как лицо, наиболее лояльное персонально к Подвойскому² и имевшее ценный опыт объемной организационной работы³. Впрочем, уместно привести «ошибку памяти»

¹ Цит. по: *Зимин Я.Г. Склянский... // Реввоенсовет Республики. М., 1991. С. 60—61.*

² См.: *Обожди В.А. Константин Мехоношин. М., 1991. С. 48—49.*

³ См.: *Крушельницкий А.В. Народный комиссариат по военным делам. С. 67, 74. По-видимому, Мехоношин продолжал отстаивать взгляды большинства членов коллегии на роль военных специалистов. Он достаточно ясно выразился в одном из разговоров по прямому проводу с Н.И. Подвойским по поводу предполагаемых назначений в РВС Восточного фронта: «Совнарком утверждает Вас, меня и одного военного руководителя... оперативную [и] организационную... работу поведем вместе. Военный руководитель будет,*

• протееже Подвойского — Л.М. Кагановича. У того сохранилось впечатление, что после создания Высшего военного совета Н.И. Подвойский чуть ли не сразу «ушел» в Высшую военную инспекцию¹ и деятельного участия в работе Высшего военного совета не принимал.

7 марта В.А. Антонов-Овсеенко стал народным секретарем Украинской народной республики и Верховным главнокомандующим всеми ее войсками, но 14 мая вернулся в высшее военное руководство Советской России в качестве члена Высшего военного совета². Взгляды В.А. Антонова на вопросы военного строительства представляли собой нечто среднее между общим видением проблемы коллегией Наркомвоенна и военно-политическим руководством Советской России. В.А. Антонов в целом был сторонником централизации военного управления, хотя видел ее в общем руководстве военным комиссаром сосуществующими советскими регулярными войсками, а также созданными повсеместно при участии местных советов так называемыми «партизанскими формированиями» и боевыми дружинами³.

Четверо из состава коллегии Наркомвоенна (Антонов, Мехоношин, Подвойский, Склянский) признали курс на создание массовой регулярной армии и — благодаря накопленному организационному опыту и партийному авторитету — вошли в Высший военный совет. Остальные члены прежнего состава коллегии сохранили свой статус номинально — фактически потеряли.

главным образом, сидеть в центре и ведать преимущественно *вопросами снабжения и пополнением вооруженными силами* (курсив мой. — С.В.)» (Обо-жда В.А. Указ. соч. С. 64).

¹ Каганович Л.М. Памятные записки. М., 1997. С. 215.

² Молодцыгин М.А. 120 дней Наркомвоенна. № 8. С. 51.

³ Об этом свидетельствует опубликованная в «Известиях Наркомвоенна» статья о первых шагах В.А. Антонова на Украине: Кожевников И.С. К организации народной войны (опыт прошлого) // Известия Наркомвоенна. 1918. 24 июля. Об отношении В.А. Антонова к укомплектованию военного аппарата профессиональными кадрами свидетельствует и более поздняя (от 5 августа 1918 г.) служебная записка Л.Д. Троцкому. В ней Антонов предлагал Л.Д. Троцкому направить Военным советам телеграмму с предостережением от «травли» военных специалистов и вмешательства политических комиссаров в оперативные вопросы (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 142. Л. 32).

Первоначально противостояние руководящих работников Высшего военного совета и Наркомвоена протекало особенно остро. В одном из неопубликованных очерков строительства Красной Армии, датированном 1941 годом, Н.И. Подвойский вспоминал: «Мне, тов. Мехоношину, отчасти тов. Антонову пришлось впоследствии (т.е. после создания Высшего военного совета. — С.В.) не только оспаривать права народного комиссара по военным делам, его более широкие полномочия и целесообразность[...], но и ставить вопрос о своей работе в Народном комиссариате по военным делам под тем давлением, которое со стороны Высшего военного совета ежедневно проявлялось — по части игнорирования работ народного комиссариата и захвата того круга работ, который только принадлежал Народному комиссариату по военным делам»¹. Правда, первоначально включенный в состав Высшего военного совета Н.И. Подвойский резко воспрял духом. Об этом свидетельствует составленная, явно по его заданию, 27 марта «Записка о порядке формирования Народной армии». Вероятно, ее автором был кто-то из близких бывшему и.д. наркома военных специалистов — на это указывает основная идея документа: основой формирования армии должна стать «защита российской государственности от ее порабощения и дальнейшего распада»². Взгляд автора документа на организацию высшего военного управления приведен в разделе «Порядок формирования армии». За описанием состава ВВС следуют конкретные предложения: «Сверх того (председателя и четырех постоянных членов. — С.В.) в качестве совещательных членов входят: управляющий военным ведомством, инспекторы армий и народные комиссары по внутренним делам, путей сообщения, продовольствия и представитель Высшего совета народного хозяйства — последние четыре — каждый по предметам его ведения. Председателю Высшего военного совета предоставляется приглашать на заседания совета сведущих лиц, участвующих в заседании, однако с правом совещательного голоса. Все вопросы

¹ Там же. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 198. Из россыпи.

² РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 108. Л. 1.

разрешаются в совете простым большинством голосов председателя и постоянных членов совета. *В случае несогласия с мнением большинства — первому предоставляется право перенести вопрос, вызвавший разногласия, на рассмотрения Правительства* (подчеркнул Н.И. Подвойский. — С.В.). При Высшем военном совете состоит канцелярия в составе: управляющего делами, двух делопроизводителей, двух помощников делопроизводителей, журналиста и соответствующего низшего технического персонала. Высший военный совет рассматривает и утверждает все основные положения по воссозданию сухопутной вооруженной силы государства и ее снабжению; он направляет деятельность всех причастных к этому делу лиц и ведомств, которым дает руководящие указания и от которых вправе требовать исчерпывающих отчетов и справок»; «на утверждение совета восходят все назначения, перемещения и увольнения лиц высшего командного состава до начальников дивизий включительно».

Далее автор записки выявил полное непонимание сути постановки Высшего военного совета над коллегиями двух наркоматов — военного и морского: «Если для воссоздания военного флота будет признано необходимым образование особого военно-морского совета по типу предлагаемого для сухопутной армии, то надлежит предвидеть необходимость в некоторых случаях соединенных заседаний обоих советов, постоянное слитие коих, однако, нецелесообразно по различию специальностей и характера работ» (это соображение не мешает активной работе в Высшем военном совете контр-адмирала Е.А. Беренса; морского отдела, а затем и командующего всеми морскими силами республики В.М. Альтфатера в составе РВСР). В записке предлагалось, ограничившись оформлением канцелярии, сделать рабочим аппаратом Высшего военного совета «Управляющего военным ведомством» (фактически Управление Наркомвоена во главе с Н.М. Потоповым) и существовавшие на тот момент главные управления Наркомвоена. То обстоятельство, что документ был составлен по заданию Подвойского, подтверждает мелочное штатное расписание рабочего аппарата Высшего военного совета в таком важном документе, упоминание о требовании «от-

четов и справок» (канцелярщиной Николай Ильич увлекался до умопомрачения), стремление подчинить волю председателя совета «коллективному руководству»: в случае несогласия с мнением большинства Троцкий был бы вынужден апеллировать к СНК, и таким образом, проект повлек бы за собой расширение «системы сдержек и противовесов» ленинского соратничка в его новой вотчине. Впрочем, если Подвойский отослал документ Ленину, то он был еще большим идиотом, чем его считал Ильич. Подвойский нашел такого выразителя его гениальных идей, который по незнанию предложил: назначить, сверх начальника Генерального штаба — 1-го помощника — еще двух помощников: «одного для заведывания делами Главного штаба и главных управлений Военно-учебных заведений и Военно-судным и другой — для объединения деятельности всех» главных довольствующих управлений и «Канцелярии Военного министерства». Автор документа замятовал, что Главное военно-судное управление подлежало расформированию, и приличия ради, о его существовании не следовало лишний раз напоминать. Предложение ввести в совет с провом совещательного голоса 3–5 инспекторов армии, в задачу которых входил «контроль за формированием и боевой подготовкой войск на местах»¹, указывает на стремление Подвойского уже тогда создать свое «мертворожденное детище» — Высшую военную инспекцию. Когда 1 апреля — в свой профессиональный праздник — Подвойский направил свою записку о «коренной реорганизации» бывшего аппарата Военного министерства в составную часть ВСНХ Ленину, тот не стал ввязываться в дискуссию с «идиотом» (так Ленин аттестовал Николая Ильича в 1919 году).

О вкладе в руководство армией членов коллегии Наркомвоена позволяет судить анализ приказов наркомата, правда, с очень серьезными оговорками. Приказы Наркомвоена — весьма специфический источник. Фактически было три варианта их создания. Наиболее распространенный — опубликование подписанных одним из членов коллегии Наркомвоена (как правило, Э.М. Складским) постановлений Военно-зако-

¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 108. Л. 4—7.

нодательного совета. Но это не единственный вариант. Была также распространена непосредственная законотворческая деятельность членов коллегии Наркомвоена. Причем в этом случае авторство документа определить сложнее всего. Почему? — приведем конкретный пример. Перед нами изданный типографским способом «Сборник приказов Наркомвоен за 1918 год». Приказ № 226 подписан Н.И. Подвойским и Э.М. Склянским. Казалось бы, приказ должны были составить под руководством именно этих членов коллегии наркомата. Но в действительности приказ был составлен по итогам телефонного разговора Н.И. Подвойского и М.С. Кедрова (*Москва*) с секретарем Подвойского С.А. Баландиным (*Петроград*)¹. Реже всего встречается третий вариант — объявление приказом Наркомвоена постановлений Высшего военного совета. В этом случае очень трудно обнаружить подлинник. Подлинное постановление Высшего военного совета должно находиться в фонде Высшего военного совета (*РГВА. Ф. 3*), коллегии Наркомвоена — в фонде Управления делами Наркомвоена (*РГВА, Ф. 1*). Копии принятых постановлений направлялись либо управляющему делами Наркомвоена Н.М. Потапову, либо непосредственно в Военно-законодательный совет. В сборнике приказов Наркомвоена можно найти два приказа, вводивших в действие постановления Высшего военного совета. Это не случайность: таким образом, были объявлены права и обязанности вспомогательных органов Высшего военного совета как высшего военного коллегиального органа управления и начальников этих управлений, а также централизация военного управления на железных дорогах — болезненный вопрос для воюющей страны. Оба этих приказа были составлены, по военным меркам, очень поздно. Так, решения Высшего военного совета, принятые на важнейшем заседании Совета, состоявшемся 10 июля, были объявлены только 18 августа. Из этого следует, что приказами Наркомвоена объявлялись те постановления Высшего военного совета, которые уже были проведены в жизнь. Управляющий делами Наркомвоена Н.М. Потапов приказал объявить все указанные выше

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 359. Л. 147.

распоряжения за время с 15 марта нового стиля в приказах «Народного комиссариата по управлению армии» (так, генерал окрестил Наркомвоен) и уточнил, что все приказы Наркомвоенна следует «сдавать для печатания исключительно только в Управление по командному составу» Всероссийского главного штаба в 3 экземплярах, где они и будут нумероваться, издаваться и рассылаться во все части войск, управления, учреждения и заведения военного ведомства¹. Однако при всех недостатках анализ приказов Наркомвоенна дает ценные представления о распределении нормативно-распорядительной работы среди членов Высшего военного совета.

Первоначально в Высшем военном совете не было военных специалистов, кроме военного руководителя М.Д. Бонч-Бруевича. 19 марта объявили о назначении в Высший военный совет двух военных специалистов и одного морского, но только 1 апреля в состав Высшего военного совета ввели начальника Морского Генерального штаба контр-адмирала Е.А. Беренса, 4 июня — Н.М. Потапова².

Военный руководитель Высшего военного совета приходился родным братом управляющему делами СНК В.Д. Бонч-Бруевичу. Во время своей первой аудиенции у председателя СНК, состоявшейся в конце ноября 1917 года, М.Д. Бонч-Бруевич предложил свои услуги для организации отпора внешнему врагу (немцам), но поставил Ленину условие — «не принуждать» его к борьбе с внутренними врагами, в данном случае со «многими контрреволюционными генералами». Ленин условие Бонч-Бруевича не принял. Организатор аудиенции — В.Д. Бонч-Бруевич — после ее окончания выразил брату свое недовольство³. Сам генерал был известен большевикам как «отъявленный черносотенец» (выражение наркома труда А.Г. Шляпникова). 22 ноября 1917 года против назначения Бонч-Бруевича начальником штаба Верховного главноко-

¹ РГВА. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3. Л. 29 об.—30. Отношение врид. нач. Московского отдела Главного штаба К. Пушкова в Ветеринарное управление армии от 8 мая 1918 г. № 414.

² Молодцыгин М.А. 120 дней Наркомвоенна. № 8. С. 51.

³ Ефремов М.П. Памятные встречи с В.И. Лениным // Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 3. М., 1969. С. 38—39.

*Нормативно-распорядительная деятельность
членов коллегии Наркомвоена в марте — сентябре 1918 года (по приказам наркомата)¹*

Ф.И.О.	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль*	Август	Сентябрь	Всего
Троцкий Л.Д.	1**	68	85	111(5)***	76(14)	39	3(2)	374(21)
Склянский Э.М.	46	54	36	50	43	157(75)	125(114)	511(189)
Подвойский Н.И.	10	9	14	1	2	-	-	46
Мехоношин К.А.	17	10	31	28(1)	-	-	-	86(1)
Кедров М.С.	38(7)	21(4)	6	-	-	-	-	65(11)
Юренев И.И.	-	8 ⁴	33	36	15	18	10	120
Лазимир П.Е.	4	-	2	3	-	-	-	9
Дзевялтовский И.Л.	1	-	1	-	-	-	-	2
Антонов В.А.	-	-	-	3	3	25	-	31
Енукидзе А.С.	-	-	-	-	-	40	1	41

* Приказ № 529 в типографском сборнике приказов Наркомвоена не опубликован. Подлинник не разыскан.

** Первый приказ, подписанный Троцким, датирован 30 марта.

*** В скобках указываются случаи, когда приказ подписал только один из членов коллегии Наркомвоена.

¹ Составлено по: РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Сборник приказов Наркомвоена за 1918 год.

В марте 1918 г. ряд приказов вместе с М.С. Кедровым подписали М. Головинский, Ф. Винокуров и М. Барсуков.

мандующего высказались в заявлении четыре видных большевика — А.Г. Шляпников, его заместитель Г.Ф. Федоров, комиссар по обследованию частных банков А.Н. Падарин, временный зам. наркома земледелия А.Г. Шлихтер¹. С Троцким у Бонч-Бруевича поначалу сложились довольно натянутые отношения², хотя мало кто из исследователей не поверил лживой телеграмме Наркомвоена, согласно которой он не хотел в августе 1918 года отпускать генерала в отставку, считая якобы незаменимым руководителем³. С Бонч-Бруевичем не сработался Н.И. Подвойский, чем, в том числе, объясняется его фактический уход из высшего военного руководства в апреле 1918 года. Подвойский ненавидел генерала⁴, а тот, похоже, презирал Подвойского⁵. А отношения с В.А. Антоновым у генерала не сложились еще в марте 1918 года: в докладной записке М.Д. Бонч-Бруевич просил председателя СНК решить вопрос о подчиненности «Главкомандующего всеми войсками Украинской народной республики» Высшему военному совету. Бонч-Бруевич заявил об отсутствии общего плана ведения военных операций на Украине; просил уточнить права Высшего военного совета в отношении руководства советскими украинскими войсками и Антонова-Овсеенко лично; поставил в известность Ленина о безрезультатном двукратном запросе Антонова «относительно ориентировочных военных данных» и решении совета о немедленном командировании на Украину, к Антонову, генштабиста и двух комиссаров «для связи» и выяснения положения дел в войсках В.А. Антонова⁶.

М.Д. Бонч-Бруевич сохранял определенную независимость от политического руководства Высшего военно-

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2412. Л. 2.

² *Дойчер И.* Указ. соч. С. 412.

³ *Молодцыгин М.А.* Красная Армия. С. 140.

⁴ *Молодцыгин М.А.* Красная Армия. С. 140.

⁵ М.Д. Бонч-Бруевич о первой встрече с Подвойским (23 февраля 1918 г.): «...высокий и очень худой партиец в суконной гимнастерке и таких же неуклюжих шароварах, чем-то смахивавший на Дон-Кихота» (*Бонч-Бруевич М.Д.* Знакомство с Лениным // Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 3. М., 1969. С. 188).

⁶ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 249—249 об.

го совета, направляя свои доклады по наиболее важным вопросам в три адреса: помимо Высшего военного совета в Совнарком (председателю В.И. Ленину и управляющему делами — своему брату В.Д. Бонч-Бруевичу)¹. Это явно не устраивало фактического руководителя центрального военного аппарата — Э.М. Склянского². И М.Д. Бонч-Бруевич и начальник Оперативного управления Н.А. Сулейман неоднократно апеллировали к Ленину. 11 декабря 1918 года Н.И. Подвойский заявил Н.А. Сулейману, ссылавшемуся на декреты Совнаркома и постановления ВЦИК: «Пусть бы попробовал вам начальник фронта сказать, что я вам не дам сведений, да вы в тот же день были бы у т. Ленина, как это делал Раттэль, который шпигует Бонч-Бруевича и тот 30 раз ночью звонит по пустому делу. Вы тогда (весной-летом 1918 г. — С.В.) не были так щепетильны к полевому уставу. Все это нужно осуществить не только для того, чтобы пригвоздить начальника или комиссара, а чтобы пригвоздить и меня, и Троцкого, и Совет Обороны (Ленина!. — С.В.), если он будет грешить»³. Вероятно, М.Д. Бонч-Бруевич и его ближайшие соратники неоднократно жаловались Ленину на большевиков — членов Высшего военного совета.

Н.М. Потапов сотрудничал с большевиками еще в июле 1917 года⁴. Основной причиной его включения в руководство Наркомвоена, а затем и в состав Высшего военного совета стал авторитет среди офицеров бывшего Военного министерства⁵. Вероятно, причины введения в Высший военный совет Е.А. Беренса идентичны (только контр-адмирал, а никак

¹ См.: Там же. Д. 88. Л. 149—149 об., 152—152 об.

² Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что когда 10 августа 1918 г. понадобилось незамедлительно перебросить с Западного фронта на Восточный «наибольшую часть войск», Э.М. Склянский, написав соответствующее приказание, подписал его у В.И. Ленина. Этим документом, между прочим, генерал Бонч-Бруевич обязывался докладывать «о промедлениях» напрямую Ленину (*Ленин В.И.* Пол. собр. соч. Т. 50. С. 140).

³ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 904. Л. 56. Стенограмма общего собрания комиссии по обследованию деятельности центральных учреждений военного ведомства.

⁴ *Потапов Н.М.* Указ. соч. С. 62—63.

⁵ См.: *Городецкий Е.Н.* О записках Н.М. Потапова // ВИЖ. 1968. № 1. С. 60.

не матрос Дыбенко мог пользоваться авторитетом среди служащих бывшего Морского министерства). Потапов отстаивал перед Троцким интересы своих коллег — военных специалистов, в случаях столкновений с комиссарами¹.

31 марта ЦК РКП(б) «признал желательным» введение в состав Высшего военного совета бывшего морского министра Временного правительства контр-адмирала Д.Н. Вердеревского², но адмирал так никогда и не участвовал в заседаниях совета.

Не вошедшие в Высший военный совет члены коллегии Наркомвоена продолжали исполнение своих обязанностей, распределение коих произошло еще в «домартовский» период. М.С. Кедров до мая 1918 года возглавлял Комиссариат по демобилизации, затем — одну из подведомственных ВВИ инспекций (в мае-августе); занимал комиссарские должности в действующей армии (в августе-сентябре 1918 г.)³. И.И. Юренев в апреле 1918 года стал председателем организованного им Всероссийского бюро военных комиссаров, ведавшего кадрами «политических контролеров» армии⁴; главный комиссар И.Л. Дзевялтовский продолжал курировать военно-учебные заведения, а с 24 июня стал и комиссаром Всероссийского главного штаба⁵; П.Е. Лазимир полностью сосредоточился на курировании центрального аппарата снабжения армии⁶ — т.е. эти члены коллегии остались в центральном военном аппарате, но в ином статусе. В отдельных случаях членом кол-

¹ РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. 24 и сл.

² Владимир Ильич Ленин. Т. 5. С. 348; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1. Л. 6.

³ 12 мая Наркомвоен поручил М.С. Кедрову «произвести ревизию всего военного хозяйства в округах и всех военных учреждений ... с обращением особого внимания на исполнение на местах общих декретов, законов и приказов, на правильное расходование сумм воинскими учреждениями, на учет, на охрану складов и запасов военного имущества, на борьбу с расхищением, на ликвидацию ненужных и подлежащих таковой учреждений». Кедрову были предоставлены огромные полномочия — вплоть до ареста и предания суду «всех виновных в злоупотреблениях и неисполнении предписаний центральной власти» (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 213 об.).

⁴ Каганович Л.М. Указ. соч. С. 215.

⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 111. Л. 256.

⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218. Л. 177.

легии Наркомвоена продолжал выступать и В.А. Трифонов, формально вышедший из нее в «домартовский» период¹. После ухода из коллегии он был чрезвычайным представителем Наркомвоена на Южном (в апреле-мае) и Восточном (в июне-ноябре 1918 г.) фронтах. В марте 1918 года, когда Наркомвоен эвакуировался из Петрограда в Москву, А.Ф. Ильин-Женевский не захотел покидать Петроград и принял предложение К.С. Еремеева, ставшего еще ранее Главкомандующим войсками Петроградского ВО: Ильин принял должность управляющего делами штаба округа. При этом Э.М. Склянский возложил на Ильина, «по совместительству», обязанности комиссара Главного военно-судного управления, которые он и исполнял вплоть до окончательного расформирования управления в июле 1918 года².

Л.М. Каганович в мемуарах подвел итоги перестановок в высшем военном руководстве: к июню 1918 года часть членов коллегии «перешла на общегосударственную и общепартийную работу, а часть осталась на разных работах в армии. Товарищ Крыленко, например, перешел на работу в прокуратуру, товарищ Подвойский — Высшую военную инспекцию. Товарищ Трифонов не остался в центральном аппарате военного ведомства, не желая, как он мне сказал, работать с Троцким, что и мне также советовал. [...] Юренев (близкий к Троцкому еще по добольшевистскому периоду в межрайонной организации) был назначен руководителем бюро военных комиссаров»³.

Определенная корректировка: еще 8 апреля К.А. Мехоношин и В.А. Трифонов составили документ, свидетельствующий о принятии «нового курса» (на создание регулярной армии) — телеграмму В.А. Антонову-Овсеенко от имени Наркомвоена с запретом на «формирование отдельных небольших отрядов, не входящих в созданную схему формирований больших войсковых соединений», которое сбивает и дезорганизует уже налаженную работу⁴.

¹ Там же. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.

² РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 768. Л. 9. Управление оставалось в Петрограде: решение о его расформировании было принято еще в январе 1918 г.

³ Каганович Л.М. Указ. соч. С. 215.

⁴ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.

В высшем военном руководстве к лету 1918 года окончательно оформились три группы. Главенствующую заняли сторонники жесткой централизации военного управления и строительства Красной Армии на принципах мобилизации и широкого привлечения военных специалистов — Л.Д. Троцкий, Э.М. Склянский. Из состава прежней коллегии Наркомвоена к ним также присоединился не отрицавший (на первых порах) элемента партизанства В.А. Антонов-Овсеенко, активно работавший в Высшем военном совете. В подчиненном положении оказались Н.И. Подвойский (сохранявший до сентября 1918 г. статус члена совета) и К.А. Мехоношин. Третьей группой можно считать не включенных в состав Высшего военного совета и оставшихся на прежних должностях членов коллегии Наркомвоена: В.А. Трифонова (до упразднения в июне 1918 г. возглавляемой им Всероссийской коллегии по формированию РККА), М.С. Кедрова (до упразднения возглавляемого им Демоба), П.Е. Лазимира, И.Л. Дзевялтовского, а также ставшего в апреле 1918 года председателем Всероссийского бюро военных комиссаров И.И. Юренева. Члены этой группы прежних военных руководителей достаточно быстро утрачивали остатки бывшего статуса и даже уходили с центральной военной работы.

Создание Высшего военного совета не сразу положило конец дезорганизации в работе Наркомвоена: один из ответственных работников уже 16 апреля предлагал «в скорейший срок» передать разрешение вопросов «непринципиального характера» в ведение соответствующих учреждений военного ведомства¹.

Официальное «разъяснение» компетенции коллегии Наркомвоена и Высшего военного совета было дано в постановлении Высшего военного совета 2 июля 1918 года. Согласно этому документу *коллегия Наркомвоена* объединяла деятельность: Военно-законодательного совета с функциями законодательными, финансовыми и контрольными; ВГШ; Центрального управления по снабжению армии, в свою очередь объединяющего деятельность всех главных довольствующих управлений;

¹ РГАСПИ. Ф. 154. Оп. 1. Д. 21. Л. 50.

окружных военных комиссариатов (ее тыловым аппаратом). Последние подчинялись Наркомвоену по всем вопросам, кроме командования силами, предназначенными для определенных боевых задач (по ним — Высшему военному совету).

Высший военный совет признавался «органом, ведающим обороной государства», а именно: а) высшим оперативным органом управления (Верховное командование армией); б) высшей инспекцией по всем военным делам; в) высшим органом идейной разработки плана войны и связанной с этим разработкой всякого рода основных мероприятий; г) единственным органом, ведающим назначениями высшего командного состава (от начальника дивизии и выше)». Высший военный совет непосредственно подчинялся СНК и в свою очередь руководил «в порядке Верховного командования» военными советами северного и западного участков Завесы¹, Московского района и Воронежского отряда. Право непосредственного сношения с Высшим военным советом признавалось за наркоматами по военным и по морским делам и указанными военными советами.

Постановление подписали Л.Д. Троцкий, М.Д. Бонч-Бруевич и Е.А. Беренс: таким образом, официальное разделение компетенции Высшего военного совета и коллегии Наркомвоена зафиксировали глава военного ведомства и два военных специалиста. Представители коллегии Наркомвоена в заседании не участвовали. Из числа центральных органов наркомата постановление получили лишь Центральное управление по снабжению армии и Военно-законодательный совет (правда, последний — для опубликования)². Документ оформило сложившееся к июлю 1918 года положение: и с точки зрения разделения полномочий в структуре военного ведомства, и — позиции в этом ведомстве старых военных специалистов.

Высший военный совет окончательно «подмял» прежнюю коллегию Наркомвоена, хотя формально она сохранялась. Лишь четверо из прежнего состава (Э.М. Склянский, Н.И. Под-

¹ Завеса — иррегулярные части, противопоставленные германской армии после заключения Брестского мира.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 111. Л. 54—54 об.

войский, В.А. Антонов-Овсеенко и К.А. Мехоношин) продолжали руководящую военную работу в качестве членов совета, остальные — остались на прежних должностях или вовсе ушли с центральной военной работы.

На руководящие должности в аппарат Высшего военного совета генералом М.Д. Бонч-Бруевичем были подобраны такие же реакционеры, как он сам. Почти через полтора года В.В. Даллер, в 1918 году занимавший должность начальника Организационного управления Высшего военного совета, получит от своего тогдашнего политического комиссара следующую характеристику: «реакционер, которого «только могла исправить!», примирившийся с Советской властью «как с победившей силой» и затаивший в душе злобу. В Административно-учетном управлении Полевого штаба РВСР, начальником которого в 1919 году он состоял, В.В. Даллер «всеми силами» старался поддержать влияние и власть военных специалистов, в то же время максимально парализовав влияние военных комиссаров¹.

В июле-августе 1918 года перед руководством Красной Армии встали масштабные и сложные проблемы, требовавшие централизованного и целенаправленного решения (организация снабжения, военных перевозок, мобилизационной работы). Это привело к росту функций и значения советского военного ведомства. Стало ясно, что для реализации стоявших перед ним задач децентрализованный военный аппарат не годился. Высший военный совет справился со своими первоначальными задачами, но реально возглавить военное ведомство был бессилён, необходим авторитетный орган, способный согласовать действия всех ответственных партийных организаторов, имеющих опыт военного управления, объединить полевое управление войсками и тыл (на деле соединить дореволюционные Ставку ВГК и Военное министерство).

Сложившаяся в стране к осени 1918 года ситуация требовала незамедлительного создания высшего военного органа для объединения управления боевыми действиями войск и всеми учреждениями военного ведомства, поскольку суще-

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 21. Л. 19 и сл.

ствовавшие к тому времени органы военного управления не могли обеспечить действенного руководства операциями на фронтах республики и управления военными учреждениями¹.

Инициатором организации высшего оперативного центра по управлению войсками в историографии считается Н.И. Подвойский, предложивший 8 августа вручить общее руководство всеми фронтами на правах Ставки Верховного главнокомандующего Высшему военному совету². Однако в фонде Управления делами Наркомвоена отложилась «Объяснительная записка к схеме организации главных управлений Комиссариата по военным делам». Она не датирована, но, судя по окружающим документам, вероятнее всего, составлена в конце июля — начале августа 1918 года. Автором предположительно был К.А. Мехоношин. Документ свидетельствует о поисках путей организации высшего военного руководства с опорой на обобщение накопленного опыта военного строительства. Всё управление военным ведомством предполагалось разделить на три «инстанции»: «законодательную», «распределительную», «исполнительную» — соответственно, «трем основным принципам, лежащим в основе власти». При этом разработку всех важнейших решений и издание нормативно-правовых актов (приказов) сосредоточить в Высшем военном совете; Наркомвоен сделать «распределительным» аппаратом и «ближайшим исполнителем предначертаний Верховной военной власти»; а хозяйственные органы (главные управления Наркомвоена) — непосредственными исполнителями «предначертаний» Высшего военного совета, передаваемых через «распределительный» Наркомвоен. Наркомвоен как исполнитель «распадался» на четыре отдела («по числу главных функций» наркомата) и канцелярию Высшего военного совета. Соответственно, четыре основных направления деятельности Наркомвоена, это: *подготовка военных операций* (планов будущей или текущей войны в смысле расположения армий, их состава, возможного

¹ Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. М., 1997. Т. 1. С. 4.

² *Кораблев Ю.И.* В.И. Ленин и создание Красной армии. М., 1970. С. 344;
Попов А. Из истории создания Реввоенсовета Республики // ВИЖ. 1967. № 2. С. 97—98.

плана войны; выяснения положения противника, обсуждение его планов и т.п.); *организация армии* (ее личный состав, распределение и формирование частей войск, статистика и агитационная часть); *вооружение* (снабжение оружием, артиллерией, средствами «пассивной обороны» и воздушный флот); *снабжение* (интендантское, конское, продовольственное, саперное и квартирное).

Автор записки пытался определить компетенцию Наркомвоена, принципы его взаимоотношений с иными госорганами. Говорится о необходимости «самой тесной связи» Наркомвоена, с одной стороны, с Высшим военным советом, с другой — с высшими органами государственной власти.

Главные управления Наркомвоена в свою очередь должны были давать непосредственно принимающим от них указания хозяйственным органам «общие директивы хозяйственной политики страны», воздерживаясь при этом от «вторжения в детали и в хозяйственные распорядки этих органов» и «оставляя за собой лишь право общего контроля результатов их деятельности».

Автор записки признавал возможность корректирования намеченной им схемы. Об этом свидетельствует предположение о возможности восстановления Ставки Главковерха. В документе сказано, что «в случае назначения» Главковерха и выезде его на ТВД все четыре отдела полностью или частично отправятся вместе с ним, образуя «комиссариаты»: оперативный (бывший генерал-квартирмейстер), организационный (бывший дежурный генерал), вооружения; Ставка же, таким образом, должна была стать «организацией, существующей еще в мирное время»; при переходе на военное положение в этом случае, по замечанию автора документа, не пришлось бы заново ее формировать, теряя тем самым «время на организацию работы нового учреждения в самую трудную минуту развития военных операций».

Схема предусматривала установление рассмотренного выше порядка на всех уровнях военного управления (в губернских, уездных и волостных комиссариатах по военным делам). Это следует из заключения, что хозяйственные органы военного ведомства в целом должны были на основании

указаний соответствующих коллегий подготавливать «сметы и проекты снабжения, вооружения и стратегической обороны государства в хозяйственном, промышленном и научном отношениях». Предполагалось, что представления хозяйственных органов будут рассматриваться соответствующими комиссариатами и утверждаться Высшим военным советом¹.

По свидетельству Иоакима Вацетиса, к 20-м числам августа 1918 года Реввоенсовет Восточного фронта стремился к объединению высшего военного руководства под своей эгидой, добиваясь учреждения должности Главнокомандующего всеми вооруженными силами республики; «Кобозев говорил, что вопрос этот увязан был с тов. Лениным и что от него есть указание Реввоенсовету Восточного фронта войти с конкретно разработанным представлением на имя *председателя Совнаркома*. Были запрошены некоторые учреждения и отдельные лица и получены ответы, два из коих приводятся ниже. «...в высших правительственных сферах деятельность Л. Троцкого на посту наркомвоенмора считалась неправильной, но там не имелось конкретного контрпредложения. Нужен был импульс снизу. Этот импульс, вернее тревожный сигнал, был дан Реввоенсоветом Восточного фронта и, как мы видели, воспринят в центре. Тов. Ленин и Свердлов стояли за скорейшую необходимость полной ликвидации Высшего военного совета и заведенного им разнобоя в деле обороны страны»².

20 августа по инициативе Подвойского председатель Высшей аттестационной комиссии А.И. Егоров направил Ленину доклад, в котором доказывал необходимость «единоличного управления делом войны», критикуя параллелизм работы Высшего военного совета (ориентированного на борьбу с внешним врагом) и Оперативного отдела Наркомвоена (Оперода, направленного на ведение Гражданской войны) и непоследовательность Высшего военного совета. Егоров предложил назначить ответственного перед СНК Верховного Главнокомандующего, подчинив ему главнокомандующих фронтов

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 362. Л. 11—11 об.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 533.

и военных руководителей участков Завесы; создать, слив во едино Штаб Высшего военного совета и Оперода Наркомвоенна, Штаб Верховного главнокомандующего. Ленин запросил мнение Троцкого, добавив: «Не назначить ли [Главнокомандующего Восточным фронтом] Вацетиса Верховным Главнокомандующим?»¹

21 августа Подвойский, узнав о принятой отставке М.Д. Бонч-Бруевича, разослал телеграммы Ленину, Троцкому, Склянскому, Антонову-Овсенко, главе Оперативного отдела Наркомвоенна С.И. Аралову, Г.Г. Ягоде (сотруднику возглавляемой Подвойским Высшей военной инспекции, остававшемуся за Подвойского на время его отсутствия) с просьбой не назначать нового военного руководителя Высшего военного совета до своего приезда в Москву. «Весь состав Высвоенсовета, — телеграфировал Подвойский, — подбирался Бонч-Бруевичем из подбострастных, холопски настроенных, бездарных людей, хороших канцеляристов, которые обратили Высвоенсовет в бумажную мельницу, ничего реально не издавшую». Заканчивалось послание просьбой поручить составление нового Высшего военного совета самому Подвойскому².

25 августа за объединение деятельности всех высших военных органов в одних руках высказался и член коллегии Наркомвоенна, старый соратник и свояк Подвойского М.С. Кедров. На следующий день уже ознакомившийся с предложением Егорова Подвойский телеграфировал в Москву, что также считает необходимым объединение командования военными силами республики и их снабжения. Подвойский также поддержал идею объединения Штаба Высшего военного совета и Оперода Наркомвоенна и высказался за освобождение новоучреждаемого органа от «канцеляристов» и наделение его самыми широкими полномочиями³.

Тогда К.А. Мехоношин обратился к В.И. Ленину с предложением упразднить Высший военный совет, разделив его функции между главным командованием и Высшей военной инспекцией; оставить три высших военных органа — Ставку

¹ Trotsky's papers. T. 1. L. — P., 1964. P. 92, 94, 96.

² Молодцыгин М.А. Красная Армия. С. 140.

³ См.: Кораблев Ю.И. Указ. соч. С. 344.

[ВГК], коллегия Наркомвоена и ВВИ, четко разделив их функции¹. Этот «проект» был очевидным анахронизмом, возвращавшим структуру военного управления к временам Смольного или около Смольного...

Руководитель Оперативного отдела Наркомвоена С.И. Аралов также высказался за быструю организацию Ставки. Ознакомившись с планами Подвойского, 27 августа Аралов телеграфировал Ленину, Свердлову, Подвойскому, Склянскому и Вацетису о целесообразности передачи аппарата Высшего военного совета «в его полном составе» в распоряжение И.И. Вацетиса; вопрос о создании «особого военного аппарата», подчиненного Совнаркому, Аралов предлагал оставить открытым². Совнарком считал необходимостью срочное создание высшего военного оперативного центра, но отклонил предложение именовать новый оперативный орган «Ставкой Верховного командования»³ (очевидно, название не «пахло» революцией).

Косвенные источники свидетельствуют, что в Наркомвоене вопрос о реорганизации аппарата военного управления разрабатывался в августе 1918 года А.А. Свечиным (генерал-лейтенантом) и А.М. Мочульским (генерал-майором) по поручению Э.М. Склянского. А.И. Егоров и управделами ВВИ Г. Г. Ягода к концу августа 1918 года располагали сведениями об отдельных намеченных сотрудниками Склянского кандидатах в Ставку. Подвойскому они телеграфировали, что намеченная Свечиным и Мочульским схема «не особенно верна и жизненна», а кандидаты Склянского могут не устроить Подвойского. В телеграмме говорилось, что «интересы республики требуют принять сейчас жизненную организацию Ставки, при осуществлении которой необходимо учесть весь опыт работы Высшей военной инспекции». Заключало все «категорическое» требование к Подвойскому приехать на день-два⁴.

¹ Там же. С. 345.

² Кляцкин С.М. На защите Октября. М., 1965. С. 223.

³ Там же.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 446. Л. 79. Телеграмма А.И. Егорова и Г.Г. Ягоды Н.И. Подвойскому от 29 августа 1918 г. со сведениями о разработке проекта реорганизации центрального военного аппарата в августе 1918 г.

Иоаким Вацетис дал позднее такую трактовку выработке проекта Высшей военной инспекцией: «Борьба верхушки старого Генерального штаба за гегемонию. В связи с провалом военного строительства и предательством английским и французским... верхушка старого Генерального штаба увидела, что ее затея с войной против Германии лопнула. Старый Генеральный штаб деятельностью Высшего военного совета доказал, что работа по организации обороны первого в мире пролетарского государства ему не по силам и отдельные его члены сами признались, что надо устраниваться и заблаговременно пристроиться поудобнее. Была выдвинута идея создания Высшей военной инспекции, председатель которой должен был пользоваться правами верховного командования. Это была лазейка верхушки старого Генерального штаба — после ликвидации Высшего военного совета зацепиться снова за власть»¹. Вацетис явно что-то напутал: во-первых, Высший военный совет еще не был ликвидирован; во-вторых, вряд ли Подвойский стал бы опираться на старых генштабистов, принимая во внимание его негативную оценку кадровой политики Бонч-Бруевича в Высшем военном совете.

Необходимость реформирования военного руководства стала очевидной, но определились принципиальные расхождения в подходах к этому: Э.М. Складанский и стоявший за ним Л.Д. Троцкий выступали сторонниками централизации военного управления, К.А. Мехоношин — децентрализации (бюрократизации) аппарата, а фактический шеф Мехоношина Н.И. Подвойский вообще хотел свести реформу к смене кадров Высшего военного совета и прежде всего — председателя совета (на этом посту Подвойский явно видел только себя).

Отношения Троцкого и Ленина в этот период до крайности осложнились. Относительно назначения давнего соратника Ленина Михаил Кедров в 6-ю армию Троцкий в телеграмме Э.М. Складанскому высказался недвусмысленно: «Военкомы Кузьмин и Наумов запрашивают о своих полномочиях, раз командующим является Кедров. Прошу известить, кем

¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 532.

назначен Кедров. Предполагается ли сохранить его и дальше командующим? Считаю такой порядок неправильным»¹. Троцкий не мог не знать, что Кедрова назначил Совнарком. Фактически именно такой порядок назначения Троцкий признал неправильным. И все его упреки адресовались в действительности не Склянскому, а непосредственно товарищу Ленину («хитрый Эфраим» был буфером между Лениным и Троцким).

Практическую возможность реализации «программы максимум» Л.Д. Троцкого и поддержавшего его Я.М. Свердлову открыло покушение на В.И. Ленина 30 августа 1918 года и его тяжелое, как первоначально считали, состояние. О покушении находившегося под Свяжском Троцкого в тот же день поставил в известность Свердлов.

«Результатом покушения явились два слепых (несквозных) ранения, — сообщает Троцкий в приказе по Красной Армии и Красному флоту № 32 на следующий день. — Одна пуля, войдя под левой лопаткой, проникла в грудную полость, повредила верхнюю долю легкого; другая пуля проникла в левое плечо, раздробила кость и застряла под кожей левой плечевой области. Положение раненого было признано серьезным». В заключение приказа слышна военная музыка, загремевшая 2 сентября с трибуны ВЦИК:

«Солдаты Красной Армии и моряки Красного Флота.

Товарищ Ленин первый солдат того фронта, на котором боретесь Вы: это фронт бедных против богатых, угнетенных против угнетателей. Выстрел по товарищу Ленину есть удар по власти рабочих и крестьян. Враги народа надеются, что, сломив вождя, они сломят народ и восстановят буржуазный гнет.

Солдаты и матросы. Вы призваны вместе с рабочим классом дать беспощадный бой буржуазным заговорщикам и их наемным убийцам. Пусть кровавый удар, нанесенный первому гражданину Советской республики, огнем мести зажжет Ваши сердца. Они совершили свое подлое дело в Москве. Мы

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 68. Л. 74.

дадим им ответ не только в Москве, но и в Казани, Екатеринбург, Симбирске, Самаре.

Да здоровствует товарищ Ленин, бесстрашный учитель и вождь пролетариата, раненный на своем посту.

Беспощадная, истребительная месть всем врагам рабочего народа. Смерть белогвардейцам, заговорщикам, наемным убийцам.

Солдаты, матросы, рабочие, крестьяне — в наступление по всей линии.

Смелые честные — вперед»¹.

Троцкий приехал в Москву. Председатели ВЦИК и Высшего военного совета детально согласовали вопрос о централизации управления не только военным ведомством, но и государством в целом².

В конце августа 1918 года уже были намечены кандидаты в члены проектируемого РВС Республики — об этом свидетельствует перевод «в Генеральный штаб» 30 августа Главнокомандующего Восточного фронта и будущего Главнокомандующего всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетиса. Приказ подписал Э.М. Склянский, стало быть, в решении вопроса он также принимал некоторое участие³.

Связанные с покушением события развернулись 2 сентября в Москве на чрезвычайном заседании ВЦИК. Подвойский выехал в Москву, но 1 сентября на 280-й версте Тамбово-Камышинской линии в результате диверсии с рельсов сошел его поезд, Подвойский был ранен и не участвовал в заседании⁴.

¹ Приказ по Красной Армии и Красному Флоту № 32 от 31 августа 1918 г. // РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 200. Л. 59.

² На это указывает уже сходство формулировок в подписанных ими тогда официальных заявлениях (Ср.: Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 266; РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 200. Л. 59).

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 20. Л. 106. И.И. Вацетис окончил Николаевскую академию Генштаба по 1 разряду в 1909 г., но не был причислен к корпусу генштабистов.

⁴ Там же. Ф. 10. Оп. 2. Д. 67. Л. 7. Акт об осмотре места крушения поезда Н.И. Подвойского. Судя по всему, в организации покушения первоначально подозревали командующего 16 стр. дивизией левого эсера В.И. Киквидзе,

М.С. Кедров в августе 1918 года состоял комиссаром 6-й армии и потому также не мог помешать Л.Д. Троцкому и Я.М. Свердлову. В первых числах сентября Кедров докладывал Троцкому, а также Свердлову и Совнарком: «До сего времени я ведаю исключительно оперативной частью, органами снабжения и всеми военными вопросами. С назначением [В.М.] Гиттиса командующим мне здесь делать нечего. Ваша телеграмма, заставляющая меня оставаться здесь, связала меня по рукам и ногам и одновременно возлагает на меня ответственность, каковую я ни в коем случае принять не могу, о чем считаю необходимым поставить в известность Совнарком, председатель коего возложил на меня ответственность за работу на С[еверном] ф[ронте]». Кедров сообщил о своих тренингах с местными политическими комиссарами (Н.Н. Кузьминым, А.К. Наумовым, И.В. Мгеладзе), закончившихся только после разграничения работ и отъезда Кузьмина и Наумова. Исполнять свои обязанности Кедров соглашался только до приезда Гиттиса и возвращения обоих комиссаров¹. Из телеграммы следует, что Троцкий и Свердлов воспользовались назначением Кедрова, чтобы не допустить его к решению вопроса о создании принципиально нового коллегиального органа высшего военного управления. Что касается К.А. Мехоношина, то он один помешать Троцкому и Свердлову просто не мог.

2 сентября на заседании ВЦИК выступил Лев Троцкий. Его поддержал Яков Свердлов. По итогам Советская республика объявлялась «военным лагерем»; во главе всех фронтов и всех ее военных учреждений ставился Революционный военный совет [Республики] с одним Главнокомандующим, в распоряжение которого поступали «Все сила и средства» РСФСР. Что же представлял собой новый высший военно-политический центр?

сразу заподозрившего провокацию (см.: Там же. Д. 79. Л. 21—21 об. «Доклад представителя ВВИ в НКПС Н. Чуба Управлению делами ВВИ» — составлен не позднее 10 сентября 1918 г.)

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 191. Л. 125. Телеграмма М.С. Кедрова № 3022. Получена Наркомвоеном 5 сентября 1918 г.

Глава 2

«Власть, которую можно назвать беспредельной»: РВСР и его председатель

Постановление ВЦИК Советов только декларировало создание Реввоенсовета Республики и его предполагаемое высокое место в системе органов государственной власти. Функции Реввоенсовета Республики, что сам по себе достаточно показательный факт, определил сам Реввоенсовет в первом приказе от 6 сентября 1918 года.

В автобиографии Троцкий писал: «В годы войны в моих руках сосредоточивалась власть, которую практически можно назвать беспредельной. В моем поезде заседал революционный трибунал, фронты были мне подчинены, тылы были подчинены фронтам, а в известные периоды почти вся захваченная белыми территория республики представляла собой тылы и укрепрайоны». Фактически первая цитируемая нами фраза не является преувеличением на момент ранения Ленина, а вплоть до декабря 1918 года верно и утверждение второй части фрагмента.

Реввоенсовет Республики первоначально вместе со своим штабом (с 8 ноября 1918 года — соответственно, Полевым штабом) находился в Арзамасе, где и проводились его заседания¹. 6 сентября Реввоенсовет закончил свое формирование и объявил в приказе № 1 (Арзамас), что «приступил к исполнению своих обязанностей». Оформился персональный состав новой высшей военной коллегии: председатель Л.Д. Троцкий, главнокомандующий И.И. Вацетис (до 28 сентября оставался командующим Восточным фронтом), П.А. Кобозев (до 25 сентября — член РВС Восточного фронта), К.А. Мехоношин (до сентября — член РВС Восточного, а с 3 октября — Южного фронта), Ф.Ф. Раскольников (командующий Волжской флотилией), К.Х. Данишевский (до 7 октября — член РВС ВФ, затем — председатель Ревтрибунала Республи-

¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 401 и др.

ки), И.Н. Смирнов (член РВС ВФ, с 11 октября — заведующий политотделом РВСР). Таким образом, шестеро из семи членов первоначального состава входили в Реввоенсовет Восточного фронта, ставшего базой РВСР¹. Фактически глава центрального военного аппарата — Э.М. Склянский — формально стал членом РВСР только 22 октября².

При этом Вацетис так охарактеризовал свои первые шаги: «В Арзамасе Полевой штаб (имеется в виду Штаб РВСР. — С.В.) сливался со штабом Восточного фронта и во время нахождения штаба там я фактически командовал Восточным фронтом и всеми остальными фронтами. В первых числах ноября на должность командующего Восточного фронта было назначено самостоятельное лицо, и я получил возможность обратиться к должности Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики. Полевой штаб был перенесен в Серпухов, во главе штаба поставлен был генштаба Костяев, под руководством которого был завершен и в деталях усовершенствован заведенный порядок»³.

Прежде всего, рассмотрим первоначальный персональный состав РВСР: помимо председателя в него вошло шесть человек — И.И. Вацетис, К.Х. Данишевский, П.А. Кобозев, К.А. Мехоношин, Ф.Ф. Раскольников, И.Н. Смирнов. Точно не установлены критерии отбора этих людей (мемуарные свидетельства не полны и зачастую тенденциозны), непонятно, как кандидатуры согласовывались с другими высшими военными коллегии — большим СНК и Президиумом ВЦИК.

Ни все эти члены РВСР (за исключением Кобозева), ни тем более Главком Вацетис не были такими авторитетными работниками, какие были собраны в СНК и Президиуме ВЦИК: Данишевский принадлежал к партийной элите, но не российской, а местной; Мехоношин до Февральской революции был рядовым партийным работником и был ценен лишь с точки зрения накопленного опыта военно-организационной работы в коллегии Наркомвоена и Высшем военном

¹ Молодцыгин М.А. Красная Армия. С. 141-142.

² Там же. С. 142.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 137.

совете, к тому же Мехоношин находился «в орбите» ВЦИК¹; Раскольников выдвинулся в период подготовки и проведения Октябрьской революции, у него были связи в Кронштадте и некоторый опыт во второстепенном Наркомате по морским делам; Смирнов имел определенные партийные связи, позволявшие ему проводить решения в московских партийных организациях — не более того. С ленинским СНК (за исключением Кобозева, два дня «руководившего» наркоматом, и формально Мехоношина как одного из нескольких членов коллегии Наркомвоена) эти люди связаны не были. В составе коллегии РВСР эти партийные организаторы 3-го и ниже ранга возносились на вершину большевистского Олимпа. Главкомандующим всеми вооруженными силами Республики стал И.И. Вацетис, обративший на себя внимание Ленина во время событий 6—7 июля 1918 года. Когда обсуждался вопрос о назначении Вацетиса командующим Южным фронтом, Л.Д. Троцкий назвал его кандидатуру «смехотворной»². Однако Ленин не настолько дорожил Вацетисом: 30 августа он поинтересовался, не расстрелять ли его вместе с военными специалистами из руководства Восточного фронта в случае неуспеха действий красных частей под Свияжском³. Не исключено, что Свердлов воспользовался этим при ведении собственной политической игры. Это косвенно подтверждает следующий факт. В конце декабря 1918 года имела место бестактная выходка Л.Д. Троцкого по отношению к И.И. Вацетису. Причем Троцкий не зашифровал свою телеграмму, «и последняя была принята через всех его подчиненных». За это, по воспоминаниям супруги председателя ВЦИК К.Т. Свердловой, Яков Михайлович сделал выговор председателю РВСР⁴.

Введенный в РВСР Аркадий Петрович Розенгольц в просьбе о выдаче необходимой литературы самому «старей-

¹ Разгон А.И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977. С. 200.

² РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.

³ Волкогонов Д.А. Троцкий. Кн. 1. М., 1997. С. 230.

⁴ О Якове Свердлове. М. 1985. С. 195.

шему правдисту» К.С. Еремееву назван членом (не кандидатом в члены!) Президиума ВЦИК и членом РВСР¹.

Как заметил М.А. Молодцыгин, Лев Троцкий редко участвовал в заседаниях РВСР, так как часто разъезжал по фронтам или находился в Москве, когда требовалось его присутствие в ЦК большевиков. К примеру, 2 сентября 1918 года, сразу после официального образования РВСР, Троцкий отправился на Восточный фронт для участия в подготовке контрнаступления советских войск². Уточним, его отправило на фронт бюро ЦК — в центре Свердлову он был более не нужен. К вопросу о позднем вхождении в состав Реввоенсовета Республики Э.М. Склянского — прекрасного хозяйственника, заместителя наркома и в некоторой степени его родственника (председатель РВСР и его постоянный заместитель были женаты на сестрах). Постоянные командировки Л.Д. Троцкого, а также территориальная отдаленность Реввоенсовета Республики от столицы, где размещались центральные военные органы, не могли не беспокоить председателя РВСР. Троцкий отлично сознавал, что необходим человек, способный курировать работу всех центральных военных учреждений. 3 октября Троцкий провёл приказ РВСР о возложении на заместителя наркомвоенмора Э.М. Склянского обязанностей и прав в решении всех неотложных вопросов, выходящих за пределы компетенции ВГШ, ЦУСа и других центральных военных органов³.

15 октября Троцкий телеграфировал Ленину и Свердлову о необходимости назначения заместителя председателя Реввоенсовета Республики: «Ввиду того, что работа заместителя имеет преимущественно формальный, упорядочивающий характер, считаю единственно подходящую кандидатуру Склянского как лица, хорошо знакомого со структурой ведомства и руководившего Военно-законодательным советом. Склянский будет при этом условии назначен начальником Управления делами Реввоенсовета Республики с непосред-

¹ РГАСПИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 35. Л. 35. 21 сентября 1918 г. № 18026. Автограф удостоверения (оттиск — отпуск).

² Молодцыгин М.А. Красная Армия. С. 142.

³ Краснов В., Дайнес О. Указ. соч. С. 75.

ственным подчинением ему Военно-законодательного совета как кодификационного аппарата».

Позднее вхождение в Реввоенсовет Э.М. Склянского связано с его участием в подготовке отчета Высшего военного совета. Отчет был готов к 16 октября. В документе указывались задачи, стоявшие перед Высшим военным советом, начиная со сбора «разрозненных, без связи действующих войсковых частей», учета их и сведения в отрядные организации на северном, западном и южном участках отрядов Завесы для удобства управления ими; реформирования отрядов в более совершенные единицы (дивизии), укомплектование Завесы, организации местных комиссий для разбора и улаживания инцидентов с немцами в пределах демаркационной зоны и т.д.¹ Учитывая пожелание Троцкого, ЦК РКП (б) назначил 22 октября Э.М. Склянского заместителем председателя Реввоенсовета Республики. Вот как Троцкий описывает знакомство со своим постоянным в будущем коллегой: «Среди других партийных работников я застал в военном ведомстве военного врача Склянского. Несмотря на свою молодость — ему в 1918 году едва ли было 26 лет, — он выделялся своей даровитостью, усидчивостью, способностью оценивать людей и обстоятельства, т.е. теми качествами, которые образуют администратора. Посоветовавшись со Свердловым, который был незаменим в делах такого рода, я остановил свой выбор на Склянском в качестве моего заместителя. Пост заместителя стал тем более ответственным, что большую часть времени я проводил на фронтах. Склянский председательствовал в мое отсутствие в Реввоенсовете, руководил всей текущей работой комиссариата, т.е. главным образом обслуживанием фронтов, наконец, представлял военное ведомство в Совете обороны, заседавшем под председательством Ленина. Если кого можно сравнить с Лазарем Карно французской революции, то именно Склянского. Так как приказы печатались в центральных органах и местных изданиях, то имя Склянского было известно повсюду». Кроме того, Троцкий писал о своем заместителе: «...За все годы работы, встречаясь

¹ Молодцыгин М.А. Красная Армия. С. 142.

с ним с небольшими перерывами ежедневно, ведя с ним по телефону деловые разговоры по нескольку раз в день, чувствовал, что мое уважение и любовь к этому несравненному работнику росли изо дня в день. Это была превосходная человеческая машина, работавшая без отказа и без перебоев. Это был на редкость даровитый человек, организатор, собиратель, строитель, каких мало. Да, талантливость организатора широкого масштаба, связанная с деловой уверенностью, с выдержкой, со способностью отдавать свое внимание мелочам повседневной кропотливой работы, — это встречается не часто. Между тем именно это сочетание большого творческого размаха со способностью сосредоточения на мелочах, сочетание таланта с трудолюбием — это и создает настоящих строителей, и одним из талантливых представителей этого типа в наших рядах был Склянский»¹.

Э.М. Склянский фактически руководил всеми делами в отсутствие председателя, в последующем — координировал деятельность других органов, поддерживал связь РВСР с СНК и Советом обороны.

Вместе с тем в состав Реввоенсовета Республики попали и давние недоброжелатели Л.Д. Троцкого. Для установления взаимоотношений высших военных руководителей в сентябре 1918 года нужно вернуться к событиям лета 1918 года.

В мемуарах Н.П. Кобозева — сына П.А. Кобозева есть эпизод, рассказанный последним, о том, как в 1918 году Ленин в разговоре сначала винил Троцкого в отдаче приказа — под угрозой расстрела разоружить Чехословацкий корпус, а затем, по воспоминаниям, добавил, «перейдя почти на шепот:

— Нет худа без добра. Теперь у нас есть отличный предлог к организации наших вооруженных сил, но не против Германии... а против нашей внутренней контрреволюции»². Кобозев (или его сын), конечно, лукавили: Троцкий наверняка гнул ту же линию, что и Ленин: им нужен был любой предлог для создания собственной вооруженной силы. Безусловно, правдивым было воспоминание о следующем заявлении

¹ *Троцкий Л.Д. Моя жизнь.* С. 352.

² РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 20. Л. 23.

Ленина: или к зиме 1918/19 года мы создадим миллионную армию для защиты Советской республики (вернее, собственной власти...), или слетим. Для введения в заблуждение германского правительства Ленин планировал применить тот же прием, что и во время большевистского подполья, когда после запрета очередного печатного органа появлялся новый — не будет «Красной армии», будет «Социалистическая», «Революционная», «Рабоче-крестьянская» или любая другая¹.

Если верить воспоминаниям, Ленин в этот период рассчитывал на неспособность немцев перебросить значительные силы с Западного фронта (театр военных действий с Антантой) на Восточный. Это и было гарантией, что не придется возобновлять войну с Германией, имея у себя в тылу восставший Чехословацкий корпус.

Далее следует рассказ, в котором есть направленная информация. Разобраться в правдивости тех или иных воспоминаний (к тому же не непосредственного участника событий, а сына участника) крайне сложно. Мемуары написаны в 1973 году — имя Троцкого оставалось под запретом, отзываться о нем положительно было небезопасно. В то же время отношения Троцкого с Лениным и «ленинской гвардией» (а Кобозев безусловно был «ленинцем») всегда были напряженными, поэтому сам факт спокойного рассказа о председателе Высшего военного совета внушает определенное доверие к столь специфическому источнику.

Не приходится сомневаться в тезисе: Ленин не верил Троцкому «ни на грош» и собирался сместить его после создания боеспособной армии. О недоверии Ленина Троцкому, помимо Кобозева, свидетельствует и Вацетис (причем теми же словами)².

Однако указанные в воспоминаниях причины требуют пояснения: Троцкий «сидит в Высшем военном совете, окружил себя спецами и ни одного заседания нет, которое не было бы известно за границей»³. Безусловно, Ленин боялся Троцкого как возможного военного диктатора; у Троцкого остава-

¹ Там же. Л. 24.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 581–582.

³ РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 20. Л. 26.

лись связи за границей, установленные им на посту наркома по иностранным делам и ранее, до революции (особенно в США); не исключено, что представители Антанты предлагали ему помощь в организации переворота при условии отмены Брестского мира и возобновления войны с Германией. Утверждение, что *ни одно* заседание Высшего военного совета не обходилось без иностранных представителей, было, конечно, сильным преувеличением. Но при этом на заседаниях неоднократно обсуждались вопросы, связанные с германской агрессией и возможностью возобновления войны — на этих заседаниях присутствие представителей Антанты было вполне возможным. 8 января 1931 года задержанный по делу «Весна» кадровый военный, резервист РККА Д.Д. Зуев рассказал на допросе в ОГПУ о двух заседаниях Высшего военного совета: на обоих председательствовал Троцкий, присутствовал также К.Б. Радек; по вопросу о штатах — представители итальянской или французской военной миссии (Зуев не мог припомнить точно какой). На заседании «принимались штаты № 220, 3-бригадная дивизия и т.п., отдельно ставились условия приема офицеров, и правовое положение инструкторов внутри РККА¹. Основание для датировки дает штат № 220.

23 июля Высший военный совет рассмотрел доклад своего военного руководителя — генерала М.Д. Бонч-Бруевича. Генерал писал, что для «исчерпывающей полноты сведений о дислокации» германских частей разведывательные органы обменивались сведениями с органами разведки французской, английской и итальянской армий. Вопреки приказу Наркомвоена № 66 от 1918 года, запрещавшему оказывать содействие «французским и английским сухопутным и морским офицерам», М.Д. Бонч-Бруевич и его коллеги настаивали на продолжении обмена разведывательными сводками с французской, английской и итальянскими миссиями. Высший военный совет в составе председателя Л.Д. Троцкого и членов — военных специалистов Н.М. Потапова и Е.А. Беренса — не считал возможным верить информации органов, руководящих враждебными Советской России военными действиями,

¹ Тинченко Я.Ю. Указ. соч. С. 352.

и не нашел потому основания обмениваться сведениями с английской и французской миссиями¹. Все это так... в принципе. Только вот постановление Высшего военного совета могло быть «отвлекающим маневром», призванным замаскировать ведшиеся в действительности переговоры...

Отношения членов Реввоенсовета Республики не сложились задолго до сентября 1918 года. По воспоминаниям Н.П. Кобозева, его отец, получив предложение Ленина стать членом РВС Восточного фронта, выразил сомнения в целесообразности работы под руководством Троцкого, с которым он поссорился еще во времена подавления войск атамана Дутова. Ленин же заверил Кобозева, что на деле ни о каком подчинении речи не шло: у Троцкого останется «высшая власть», а в руках Кобозева «будет реальная сила»; ответственным за снабжение армии в аппарате Наркомвоена будет «поручено проследить за снабжением... фронта всем необходимым, в том числе и боевыми частями»². Возможность дачи председателем СНК такого обещания в принципе подтверждается источниками³. Троцкому неподчинение руководства Восточного фронта предполагалось объяснить опасением осложнений отношений с Германией, если Троцкий как наркомвоен захочет лично участвовать в создании вооруженных сил на Восточном фронте. Ленин также обещал дать Кобозеву разрешение на организацию собственного штаба фронта, выделив для этого в качестве руководителя оперативным отделом С.И. Аралова из Оперативного отдела Наркомвоена; указал, что «вопросами формирования частей, направляемых на фронт, поручено будет заниматься отделу формирований Наркомвоена, который будет направлять уже сформированные и вооруженные полки в распоряжение Кобозева («ваше дело ими распоряжаться далее по своему усмотрению»). Оперод до реорганизации в октябре–ноябре 1918 года был вполне самостоятельной организацией. Далее в мемуарах Кобозева очевидная фантазия: «Организация дивизий и армий целиком передается вам и с вас за это будет

¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 33 с об—34.

² РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 20. Л. 27.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50.

спрос»¹ (сказал якобы В.И. Ленин) — формирование дивизий из отрядов Завесы проводилось как в военных округах, так и на фронте в соответствии с приказом Высшего военного совета № 37 от 3 мая 1918 года, в который Высшим военным советом вносились впоследствии определенные коррективы².

Что удивительно, так это ссылка Н.П. Кобозева на полученную им от историка В.И. Минеева копию записи речи отца на заседании Истпарта Среднеазиатского бюро ЦК от 13 ноября 1927 года (ссылка на Партархив УзФИМЛ, без указания контрольно-справочных сведений — проверить затруднительно), в котором дублировался рассказ о назначении Кобозева главой РВС Восточного фронта (вернее — его председателем)³.

Последний пассаж о создании первого в истории Реввоенсовета: «Отец добавил:— таким путем возникло два органа военного управления: Высший военный совет во главе с Троцким и Реввоенсовет Волжско-Чехословацкого фронта во главе со мной, с дальнейшей перспективой развития в высший орган военного управления, и Троцкий отлично понял смысл этого разделения власти и отделения от него вопросов непосредственного управления реальной военной силой в лице создаваемой на Востоке миллионной рабоче-крестьянской революционной армии»⁴.

Основанием для написания мемуаров о взаимоотношениях будущих членов РВСР в РВС Восточного фронта стали сведения, полученные сыном в 1938 году (!) — в самый разгар политических репрессий, когда любое неосторожное заявление и правдивое воспоминание могли стоить человеку жизни. В то время, когда осторожный Подвойский продолжал аккуратно присылать в редакции журналов статьи вроде «Ленин и Сталин — создатели Красной Армии» или «История РККА не знает ни одного важного шага в ее организации — без руководства Ленина, Сталина, Свердлова, Дзержинско-

¹ РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 20. Л. 27.

² См. например: РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 44. Л. 199—200 об.

³ РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 20. Л. 29.

⁴ Там же. Л. 28.

го»¹, Кобозев якобы упоминал о Троцком — нарком по военным делам и председателе Высшего военного совета. Естественно — в отрицательном ключе. Оставление Казани Кобозев «свалил» на коллегу Троцкого по «межрайонке» — репрессированному к тому времени И.И. Юренева².

11 июня Совнарком обсуждал вопрос «о назначении Вацетиса Главнокомандующим и тов. Данишевского членом Революционного военного совета на Восточном (Чехословацком) фронте» (докладывал Л.Д. Троцкий). Резолюция — утвердить³. Таким образом, представление на руководящие должности на Восточном фронте, как и полагалось, сделал Совнаркому высший военный руководитель. На этом идиллия закончилась.

В Казани Троцкий окончательно рассорился с Кобозевым — тот, по воспоминаниям, сразу обвинил руководство Восточного фронта в оставлении города и заявил о намерении «судить изменников» и «помочь фронту вернуть Казань... своими оперативными распоряжениями», добавив о невозможности руководить «живой работой» в Высшем военном совете⁴. По порядку: Троцкий действовал действительно жестоко, расстреливая за измену не только военспецов, но и коммунистов⁵.

Далее приводится рассказ, в правдивости которого сомневаться не приходится; только вот, на наш взгляд, в основе были не воспоминания 1938 года, а архивные документы, с которыми работал Н.П. Кобозев. В мемуарах фигурируют отнюдь не в качестве «врагов народа» репрессированный по делу «Весна» военспец Парфений Маргур, легендарный чекист — первый комиссар Петропавловской крепости Г.И. Благонаправов, автор «открытого письма» Сталину бывший моряк Ф.Ф. Раскольников и др. Итак, 16 августа 1918 года в Свияжск прибыли Главком И.И. Вацетис и член коллегии Наркомвоенна К.А. Мехоношин, несколько позднее к ним присоединил-

¹ См.: РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 107. Л. 1.

² См. там же. Л. 32—33.

³ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 156. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 35.

⁵ См.: *Тархова Н.С.* Поезд Троцкого — летучий аппарат управления. С. 138.

ся К.Х. Данишевский. Собравшись, все четверо (включая самого П.А. Кобозева) решили перенести ставку РВС Восточного фронта в Арзамас и там продолжать работу, опротестовав в СНК распоряжения и приказы Троцкого, касающиеся компетенции РВС фронта¹.

Троцкий безуспешно пытался поставить РВС Восточного фронта на место. Телеграмма от 17 августа 1918 года:

«Арзамас, Реввоенсовету, <Казань>

Во избежание путаницы предлагаю за разрешением общегосударственных вопросов обращаться ко мне. Если представится надобность, я обращаюсь в Совнарком и ЦИК. Иной порядок недопустим.

По существу внесенных предложений отвечаю:

1) <создание> формирование унтер-офицерских и инструкторских батальонов в принципе утверждается;

2) выработку примерных штатов возлагаю на штаб Реввоенсовета в Арзамасе в суточный срок;

<ближайшим центром формирования>

3) центрами формирований предлагаю избрать Нижний, Москву, Петроград.

4) общее наблюдение за этой работой возлагаю на т. Мехоношина, которому с определенными директивами Реввоенсовета отбыть на места формирований;

5) проект приказа <загот[овить]> изготовить штабу Реввоенсовета в суточный срок и сообщить мне текст по прямому проводу для утверждения и опубликования.

Наркомвоен Троцкий»².

В военном руководстве на Восточном фронте, по воспоминаниям, сложились две группировки: с одной сторо-

¹ РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 20. Л. 37.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 68. Л. 18, 12. Автограф на тетрадном листе формата А-5. Пометы: 1) розовыми чернилами: «по передаче возратить в вагон Троцкому»; 2) простым карандашом: «18/VIII. Передана вторично, за заявлением уполномо[ченного] Мехоношина, что сегодня утром прибыли в Арзам[ас], телегр[амм] никаких не получали. Принята уполномоченным Мехоношина тов. Черняком. Передал[и] телеграф[исты] Киселев, Сухов».

ны, И.И. Вацетис, С.И. Гусев, П.А. Кобозев, К.А. Мехоношин и К.Х. Данишевский, с другой — Л.Д. Троцкий, А.П. Розенгольц, выпускник ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии 1918 года П.М. Майгур (начальник штаба)¹. К первой группе 23 августа примкнул С.И. Аралов, в телеграмме раскритиковавший Высший военный совет (прежде всего, М.Д. Бонч-Бруевича) и указавший в заключение: «Оперативный отдел считает необходимым передать штаб Высшего военного совета в полном составе на Восточный фронт в распоряжение Главкома Вацетиса, в руках которого предлагалось объединить командование всеми фронтами»². В последнем случае не стоит заблуждаться: Аралов наверняка не столько хотел поддержать Реввоенсовет Восточного фронта, сколько избавить свой Оперод от мощного конкурента — аппарата Высшего военного совета: по свидетельству Главкомандующего Восточным фронтом полковника И.И. Вацетиса³, Высший военный совет, «стоявший во главе тогдашнего военного аппарата, оказался совершенно не приспособленным к кипучей и практической работе», и все обязанности этого совета «исполнял Оперод»⁴.

25 августа Кобозев и сотоварищи направили телеграмму Ленину (копии — Троцкому и Раскольникову) с протестом против самоуправства Наркомвоена; последний в свою очередь предложил Ленину «освежить» состав РВС, введя в его состав своих людей — И.Н. Смирнова и А.П. Розенгольца. 26 августа ходатайство Троцкого было удовлетворено⁵ — в таком повороте событий усматривается правота Троцкого — партийные свары в критический момент не уместны. Однако в мемуарах Кобозева это объясняется иначе: Троцкий, манипулируя двумя телеграммами Вацетиса, доказал правоту Юренева, не перебросившего вовремя в соответствии с решением отдела формирования Высшего военного совета

¹ РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 20. Л. 37 и след.

² Там же. Л. 38.

³ Вацетис занимал этот пост с 18 июля по 26 сентября 1918 г. (Советская военная энциклопедия. М., 1976. Т. 2. С. 34).

⁴ Большевицское руководство. Переписка. 1912—1927. С. 87.

⁵ РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 20. Л. 38.

подкрепления в Казань. Троцкий на заседании ЦК РКП(б) доказал нетерпимость автономности РВС Восточного фронта от Высшего военного совета и его председателя и добился согласия на выезд в Казань для «спасения республики от гибели», заявив: «Вацетис и Данишевский удрали неизвестно куда, что Лацис и Раскольников едва успели унести ноги из Казани и вместе с Майгуром явились искать спасения у Юренева», а Кобозев вместо руководства фронтом «разъезжает» по армиям и лишь мешает ведению боевых операций¹. В действительности, РВС был разбит событиями в Казани на две части: Благонравов, Раскольников, Лацис и начштаба Майгур находились в Свияжске; Вацетис и Данишевский прорвались в Вятские Поляны (Мехоношин «находился в этот момент в командировке на Северном Урале в расположении 3-й армии»); П.А. Кобозев принял временное командование фронтом на себя и своим приказом образовал из группы войск, сосредоточенных под Свияжском, 5-ю армию Восточного фронта, после чего передал командование этой армией начштабу фронта Майгуру².

По воспоминаниям Кобозева, идея создания Реввоенсовета Республики обсуждалась в августе 1918 года высшим партийно-государственным руководством, более того — 19 августа в ЦК (сказал якобы Ленин Кобозеву) «мы лишь в принципе признали возможность назначения его председателем Реввоенсовета Республики, но были обсуждены и другие кандидатуры, в том числе и Ваша»³; отправив Кобозева в командировку в Туркестан и на Кавказ, Ленин якобы заверил Кобозева: «мы Вас пригласим в ЦК для окончательного решения вопроса о Реввоенсовете Республики»⁴.

Далее — ранение Ленина 30 августа 1918 года, создание РВСР 2 сентября. По итогам, рассказывал Кобозев сыну, прибив в Москву, Кобозев доложил Центральному комитету о невозможности совместной работы с Троцким и получил разре-

¹ РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 20. Л. 40.

² Там же. Л. 112. Кобозев Н.П. Слово в защиту Чрезвычайного комиссара Средней Азии (М., 1972).

³ Там же. Л. 41—42.

⁴ Там же. Л. 42.

шение вернуться в Туркестан, где формально числился председателем ТурЦИКа¹, «хотя до февраля месяца [19]19 года оставался членом Реввоенсовета Республики, осуществляя общее руководство операциями на Восточном фронте»². Любопытно, имел ли действительно место доклад Центральному комитету после ранения Ленина. Маловероятно, если и имел, то не ранее 16/17 сентября: нужно было обладать никаким чутьем, чтобы выступить в Центральном комитете с таким заявлением.

Проведенный анализ взаимоотношений будущих членов Реввоенсовета Республики ставит под сомнение рассказ Троцкого о том, что в военном ведомстве не было «личных группировок и склок, так тяжело отзывавшихся на жизни других ведомств. Напряженный характер работы, авторитетность руководства, правильный подбор людей, без кумовства и снисходительности, дух требовательной лояльности — вот что обеспечивало бесперебойную работу громоздкого, не очень стройного и очень разнородного по составу механизма. Во всем этом огромная доля принадлежала Склянскому» («без кумовства». — С.В.)³.

Изначально в составе Реввоенсовета Республики сложились две группировки: Л.Д. Троцкий, Ф.Ф. Раскольников, И.Н. Смирнов, с одной стороны; П.А. Кобозев, К.А. Мехоношин, К.Х. Данишевский — с другой.

Тот факт, что Главнокомандующим всеми вооруженными силами Республики секретный приказ РВСР № 1 назначил главкома Восточного фронта (Вацетиса),⁴ а членами РВСР стало еще 5 человек с того же фронта, объясняется документами из фонда 1-го заместителя председателя РВСР (Э.М. Склянского) следующим образом: на Восточный фронт «заботами Наркомвоена Троцкого сосредоточено почти все внимание и работа правительства, общества и партийных работников»⁵.

¹ РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 20. Л. 113. Кобозев Н.П. Слово в защиту Чрезвычайного комиссара Средней Азии (М., 1972).

² Там же. Л. 42–43.

³ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 352–353.

⁴ Сборник приказов РВСР за 1918 г. Приказ № 1.

⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 49. Л. 120 об.

30 сентября 1918 года постановлением ВЦИК в состав Реввоенсовета Республики ввели А.П. Розенгольца (члена РВС ВФ), И.И. Юренева (председателя Всебюрвоенкома), Н.И. Подвойского (председателя ВВИ), а также И.И. Вацетиса как Главкома Республики¹. Такое пополнение РВСР было для его председателя тревожным знаком, хотя два новых члена совета (Розенголец, поддержавший Троцкого в конфликте с Кобозевым, и коллега Наркомвоена по «межрайонке» И.И. Юренив²) были к нему вполне лояльны. Введение в состав РВС Республики Н.И. Подвойского можно расценивать двояко: с одной стороны, Подвойский и Троцкий постоянно конфликтовали с марта 1918 года, с другой — Подвойский как глава основного инспектирующего армию органа мог быть введен в РВСР для его информирования о ходе работ по организации РККА.

И.И. Вацетиса предложил назначить Главнокомандующим всеми вооруженными силами сам В.И. Ленин. О том, какую роль Троцкий как глава военного ведомства планировал отвести Главнокомандующему, можно судить по высказыванию Льва Давидовича от 21 марта 1918 года (нарком говорил о комиссарах и военспецах, но важен принцип): «Политический коллегиальный совет и контроль нужно вводить всюду и везде, но для исполнительных функций необходимо назначить специальных техников, ставя их на ответственные посты и возлагая на них ответственность»³. В 1929 году Троцкий так охарактеризовал Вацетиса: «Главнокомандующим Восточного фронта был назначен полковник Вацетис, который командовал до этого дивизией латышских стрелков (взаимная любовь прибалтов и русских общеизвестна). Это была единственная часть, сохранившаяся от старой армии. Латышские батраки, рабочие, бедняки-крестьяне ненавидели балтийских баронов. Эту социальную ненависть использовал царизм в борь-

¹ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 373.

² Л.М. Каганович вспоминал, что И.И. Юренив стал председателем Всебюрвоенкома как единственный из членов Всероссийской коллегии по формированию РККА, «близкий к Троцкому еще по добольшевистскому периоду в межрайонной организации» (*Каганович Л.М.* Указ. соч. С. 215).

³ *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция. Т. 1. С. 37.

бе с немцами. Латышские полки были лучшими в армии. После Февральского переворота они сплошь обольшевичились и в Октябрьской революции сыграли большую роль. Вацетис был предприимчив, активен, находчив. Вацетис выдвинулся во время восстания левых эсеров... После измены авантюриста Муравьева на востоке Вацетис заменил его. В противоположность другим военным академикам он не терялся в революционном хаосе, а жизнерадостно барахтался в нем, пуская пузыри, призывал, поощрял и отдавал приказы, даже когда не было надежды на их выполнение. В то время как прочие «спецы» больше всего боялись переступить черту своих прав, Вацетис, наоборот, в минуты вдохновения издавал декреты, забывая о существовании Совнаркома и ВЦИКа»¹. К характеристике Троцкого следует относиться с большой настороженностью — с Вацетисом у него отношения не сложились: еще летом 1918 года будущий председатель Реввоенсовета Троцкий не воспринимал полковника всерьез, называя его кандидатуру «смехотворной»². Отношения председателя РВСР и Главкома не улучшились и после создания РВСР³. К чести Л.Д. Троцкого стоит заметить, что в целом он все-таки считался с мнением И.И. Вацетиса и, в большинстве случаев, вел себя с ним достаточно корректно. Так, в телеграмме тогда еще Главкому Восточного фронта от 8 августа 1918 года Троцкий обещал выполнить все полученные пожелания Вацетиса и заверял: «Всем командующим армиям[и], всем комиссарам неустанно внушаю необходимость

¹ Он же. Моя жизнь. С. 389.

² РГВА. Ф. 37618.

³ Показательна телеграмма председателя Президиума ВЦИК Я.М. Свердлова Л.Д. Троцкому от 2 декабря 1918 г., из которой следует, что Троцкий унизил Вацетиса перед его подчиненными. Главком даже подал в отставку, заявив своим коллегам, что не может остаться на занимаемом посту, даже под угрозой ареста за саботаж. Поставившие об этом в известность Свердлова коллеги Вацетиса опасались, что Главком покончит жизнь самоубийством. Председатель Совета рабочей и крестьянской обороны Ленин и Свердлов, считая уход Вацетиса целесообразным, поручили Троцкому «устранить конфликт, чтобы не осталось и следа от него». В случае невозможности ликвидации конфликта в Серпухове, Троцкому предписывали не принимать «никаких решений» и выехать в Москву. РГАСПИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 38. Л. 99.

строжайшего подчинения всем Вашим приказаниям»¹. Ввиду разногласия с Реввоенсоветом Восточного фронта глава военного ведомства дипломатично объяснил: «Если с нашей стороны была какая-либо несогласованность по отношению к распоряжениям, исходящим от Революционного военного совета, и в частности, и в особенности от Вас, как Главнокомандующего, то это объясняется исключительно плохим состоянием связи. Телеграфная проволока работает между Казанью и Москвой, между Казанью и Петроградом в высшей степени нерегулярно, на целый ряд запросов мы не получаем своевременного ответа. Возможно, что и у Вас в штабе не все еще налажено. Я потребую сейчас же от наркома почт и телеграфов, чтобы он отправил на все важные в телеграфном отношении пункты безусловно надежных людей для установления правильных сношений»².

К обязанностям Главкома Вацетис приступил 7 сентября 1918 года, совмещая их до конца сентября (когда на посту главкома Восточного фронта его официально сменил С.С. Каменев) с непосредственным руководством Восточным фронтом, боевые действия которого позднее Ленин в письме красноармейцам, участвовавшим во взятии Казани, характеризовал как «твердые, решительные и победоносные»³.

При этом (заметил исследователь Ю.И. Кораблев) обязанности между членами РВСР были распределены уже на первых заседаниях органов военного руководства. Н.И. Подвойский и К.А. Мехоношин стали во главе Высшей военной инспекции, К.Х. Данишевский — Революционного военного трибунала, И.Н. Смирнов стал руководить партийно-политической работой в армии и координировать⁴.

В середине сентября 1918 года поправлявшийся Ленин предпринял первые шаги для противостояния создававшейся военной диктатуре. С октября Реввоенсовет Республики пополняется сторонниками председателя Совнаркома. В со-

¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 52. Л. 1-2.

² Там же. Л. 1.

³ Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И. И. Вацетис. С. 23.

⁴ Кораблев Ю.И.

став РВСР кооптировал: 8 октября — С.И. Аралова (военкома и начальника Регистрационного управления Полевого штаба РВСР) и И.В. Сталина (наркома по делам национальностей). 15 октября Ленин подсластил пилюлю, утвердив на заседании Совнаркома по предложению Троцкого членом Реввоенсовета Республики контр-адмирала В.М. Альтфатера, командующий всеми морскими силами республики «с подчинением его в оперативном отношении Главнокомандующему»¹. Следует заметить, что Альтфатер представлял Наркомат по морским делам в Совнаркоме с апреля 1918 года.² Таким образом, к семи членам РВСР к середине октября прибавилось восемь — итого, 15.

Троцкий утверждал в мемуарах, что Сталин и его группировка «Склянского атаковали изподтишка», в отсутствие Троцкого. «Ленин, который хорошо его знал по Совету обороны, становился каждый раз за него горой. «Прекрасный работник, — повторял он неизменно, — замечательный работник». Склянский стоял в стороне от этих происков, он работал: слушал доклады интендантов; собирал справки у промышленности; подсчитывал число патронов, которых всегда не хватало; непрерывно куря, говорил по прямым проводам; вызывал по телефону начальников и составлял справки для Совета обороны. Можно было позвонить в два часа ночи и в три, Склянский оказывался в комиссариате за письменным столом. «Когда вы спите?» — спрашивал я его, он отшучивался»³. В данном фрагменте безусловной правдой является введение в состав Реввоенсовета Республики Сталина для создания противовеса Л.Д. Троцкому. Несмотря на то, что Склянский был важен и для Ленина — как связующее звено между Совнаркомом и военным ведомством⁴ — председатель Совнаркома сознательно провоцировал Сталина на преследование людей своего политического оппонента (Троцкого).

¹ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1120. Л. 356; *Молодцыгин М.А.* Красная Армия. С. 142. М.А. Молодцыгин ошибочно назвал Регистрационное управление Разведывательным.

² РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 2. Д. 23. Л. 2.

³ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 352.

⁴ См.: *Ленин В.И.* Пол. собр. соч. Т. 50. С.

М.А. Молодцыгин попытался представить, насколько удавалось соблюдать принцип коллегиальности в решении вопросов в первый год существования Реввоенсовета Республики. Он подсчитал, что из первого состава (7 человек) во всех 29 заседаниях участвовал только Главком И.И. Вацетис, в 28 — К.Х. Данишевский, в 15 — Л.Д. Троцкий, в 13 — И.Н. Смирнов, в 6 — П.А. Кобозев, в 5 — К.А. Мехоношин, в 2 — Ф.Ф. Раскольников. С приходом пополнения конца сентября — половины октября посещаемость резко ухудшилась. Из тех, кто мог участвовать в 16 заседаниях, С.И. Арапов был 11 раз, В.А. Антонов-Овсеенко — 4, И.И. Юренев — 3, А.П. Розенгольц и Н.И. Подвойский — по 2 раза, В.М. Альтфатер — 1. Максимальное число участников заседаний в 1918 году — 9 человек (из 15) — 13 ноября, минимальное — 2 человека¹. Количество выносимых на заседание вопросов самое различное — от одного из 32. Наибольшее их число выпадает на заседания, проходившие под председательством Л.Д. Троцкого (15 и 29 сентября 1918 года — 32 и 14; 9 и 10 октября — 24 и 16). М.А. Молодцыгин предположил, что к приходу Л.Д. Троцкого готовилось много вопросов, требовавших решения или мнения председателя и в обсуждении не было необходимости².

Телеграммы председателя Реввоенсовета свидетельствуют о том, что *на деле* Л.Д. Троцкий выступал противником коллегиального принципа принятия решений. 10 октября 1918 года он передал в Арзамас Реввоенсовету Республики из Козлова о неправильностях в отдельных приказах Реввоенсовета. Троцкий привел в качестве примера назначение начальника военных сообщений В.А. Жигмунта на пост наркомвоенмора, требовавшее, по мнению Троцкого, не утверждения, а лишь занумерования Реввоенсоветом состоявшегося назначения. Также Троцкий обращал внимание членов РВСР на публикацию его приказа в измененном виде, считая это неправильным (точнее, недопустимым...). Последний пункт этого своеобразного выговора посвящен полномочиям Главкома.

¹ Молодцыгин М.А. Красная Армия. С. 144.

² Там же. С. 145.

Троцкий «напоминал» Реввоенсовету о том, что «за подписью Главкома и одного из членов Реввоенсовета могут издаваться только оперативные указы или приказы, касающиеся отдельных неотложных случаев... Организационного характера приказы должны иметь подпись предреввоенсовета». Троцкий настоятельно потребовал соблюдения «установленного порядка»¹. Имели место и случаи, когда — напротив — РВСР не утверждал единоличные решения Л.Д. Троцкого².

Член ЦК социал-демократии Латышского края К.Х. Данишевский нелегально прибыл в Россию из Риги, очевидно, в конце июля 1918 года; не позднее 3 июля он был принят В.И. Лениным. Председатель Совнаркома расспросил его о положении на фронте, настроении солдат, деятельности большевиков и предложил выступить на V Всероссийском съезде Советов, снабдив, разумеется, «рядом указаний»³.

Не позднее октября 1920 года Л.Д. Троцкий довел до сведения ЦК через Э.М. Склянского (сообщение получили Ленин и Сталин), что С.И. Аралов настаивал на смещении К.Х. Данишевского с поста председателя Революционного военного трибунала Республики (РВТР) и назначении запасным членом трибунала А.К. Илюшина. Троцкий поддержал Аралова, указав, что Данишевский «стал в недопустимую сепаратную оппозицию к центру». Троцкий предлагал назначить на пост председателя РВТР свободного от исполнения других обязанностей большевика («может быть, НКЮст выделит такового»)⁴.

Коллегии из опытных партийных работников, способных поставить под свое руководство государственный аппарат, в результате создания РВС Республики не получилось: ни один из членов совета не имел опыта, навыка и искусства жизни в эмиграции (за исключением отсидевшего в германской тюрьме перед экстрадицией Раскольников) и не относился поэтому к элите «ленинской», в то же время никто не имел такого организаторского опыта в России, какой был, скажем, у

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 49. Л. 116—117.

² *Молодцыгин М.А.* Красная Армия. С. 144.

³ *Ленин В.И.* Биографическая хроника. Т. 5. М., С. 589.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 344—345. Датируются по времени смещения К.Х. Данишевского с поста председателя РВТР.

Свердлова или Сталина. Такую свиту новому «диктатору» Троцкому подобрал Свердлов, допустивший единственный просчет в отношении Кобозева, целых два дня «руководившего» наркоматом. Сказался и тот факт, что в условиях войны коллегиальная форма руководства военным ведомством не может быть рациональной — требуется четкое принятие решение и строгая субординация. М.А. Молодцыгин на основе контент-анализа протоколов РВСР показал, как действовал новый «коллегиальный» орган в первый год: на все заседания приходили только дисциплинированный Вацетис и его не менее дисциплинированный комиссар Данишевский¹. А с октября 1918 года члены РВСР стали работать зачастую в разных местах (кто в Полевом штабе, кто в Москве), да еще и постоянно разъезжать по командировкам². В итоге Реввоенсовет Республики как коллегия не мог заниматься важнейшими военно-политическими вопросами, для решения которых он создавался. Тот организм, который успешно действовал в масштабе Восточного фронта, был бессилён в масштабе государства.

Простой как правда Главком Вацетис писал позднее (в 1919 г.): «Роль Революционного военного совета Республики. Возглавляющим органом всего военного аппарата является Революционный военный совет Республики. Конечно, этот совет вышел не таким, каким полагали с самого начала. В составе этого совета числится более 10 членов, но, как совет, он почти, что не существует, и если бы спросили кого-нибудь, где находится Революционный военный совет Республики, указать это было невозможно. Реввоенсовет Республики представляет собой расплывчатое учреждение, члены которого разбросаны по всей республике. Реввоенсовет не несет и ответственности за общую постановку дела, как то установлено на фронтах и в армиях, Революционный военный совет «ин корпоре» не несет»³.

28 ноября И.В. Сталин сообщил по прямому проводу В.А. Антонову-Овсеенко о предстоящем образовании под председательством Ленина нового руководящего органа —

¹ Молодцыгин М.А. Красная Армия. М., 1997. С. 143.

² Там же. С. 146.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 149-150.

Совета обороны, который «подчинит себе все действующие комиссариаты и», разумеется, «Реввоенсовет Республики», поставит страну «на военную ногу». Сталин предположил сокращение функций РВСР как следствие образования Совета обороны.

29 ноября на заседании Президиума ВЦИК было принято решение включить в повестку дня пленума ВЦИК постановление об образовании совета¹. В этот же день Троцкий телеграфировал Аралову (в Серпухов, Реввоенсовету): «Переданная мною вам копия постановления ЦК партии не предназначена для печати или оглашения, а только для ознакомления соответственных партийных работников»². Поздняя метаться! 30 ноября 1918 года Президиум ВЦИК по итогам доклада Льва Каменева, недовольного возвышением Троцкого и потому весьма своевременно поддержавшего Ильича, принял постановление о создании нового военно-политического центра — Совета рабочей и крестьянской обороны, подмявшего под себя Реввоенсовет Республики³. Осенью 1918 года Ленин предпринял и ряд аппаратных ходов, нацеленных на «укрепление» руководства РВСР, и, как увидим, не случайно видные партийцы узнавали о создании совета от товарища Сталина.

Глава 3

«Уйти куда угодно, хоть к черту...»: как Ленин старательно укреплял епархию Троцкого Сталиным

Первым аппаратным ходом Ленина стало введение 8 октября 1918 года в Реввоенсовет Республики давнего недоброжелателя Троцкого — одного из старейших и наиболее преданных своих соратников, стоявшего у истоков партийной кассы — Сталина! 21 июня 1919 года в РВСР ввели старого большевика, соратника Ленина по эмиграции Гусева, и всему

¹ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 94.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 41. Л. 447.

³ См.: *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009. С. 29.

аппаратному планктону стал ясен замысел руководителя партии: Гусев будет таким «замом», который де факто заменит руководителя. Ильич был мастером подобных назначений. (Заметим попутно, что Сталин потом регулярно использовал любимый финт своего учителя.)

Когда в июле, разойдясь с Троцким в вопросах стратегии, Ленин заменил на посту Главкома Сергеем Каменевым Иоакима Вацетиса, засадив последнего по обвинению в подготовке военного переворота — позиции Гусева особенно укрепились¹. Одновременно Сталина отправили сражаться с Деникиным: катастрофическое положение требовало присутствия на фронте одного из самых авторитетных и жестких партийных организаторов.

13 июля на заседании РВСР, в отсутствии Троцкого, был обсужден вопрос «О конструкции Реввоенсовета Республики». Реввоенсовет постановил «все решения, принятые сокращенным составом Реввоенсовета Республики в лице Э.М. Скланского, С.С. Каменева и С.И. Гусева, считать решения-

¹ В октябре 1921 года Вацетис в очередной раз попытался восстановить свое доброе имя, направив соответствующее ходатайство во ВЦИК. Просьба Вацетиса была направлена Президиумом ВЦИК на отзыв Троцкому. Тот отписал 14 декабря 1921 года: «В ответ на запрос по поводу письма тов. Вацетиса докладываю нижеследующее: 1. Тов. Вацетис несомненно даровитый человек, оказавший Советской республике крупнейшие услуги в очень трудный для нее момент. 2. Не допускаю, чтобы кто-либо мог серьезно думать, будто стратегия тов. Вацетиса на Восточном фронте была продиктована контрреволюционными мотивами, т.е. желанием помочь Колчаку: такое предложение было бы совершенно нелепо. 3. Слабой стороной тов. Вацетиса является — я бы сказал — капризность в личных отношениях, которые не остаются без влияния на работу. Думаю, однако, что вопрос тов. Вацетиса: чего же смотрели мои комиссары — сохраняет свою силу. 4. Дальнейшим своим поведением, после снятия его с одного из наиболее ответственных постов, тов. Вацетис (насколько знаю) ни разу не дал повода для каких бы то ни было обвинений или нареканий. Считаю, что если о тов. Вацетисе действительно вынесено постановление такого рода, как он указывает (я этого не помню), то оно могло бы быть теперь — по более спокойной оценке всех обстоятельств — отменено. Думаю, что тов. Вацетис еще пригодится. Нужно только комбинировать его в работе с соответствующими сотрудниками» (РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1. Л. [31]. На МФК сложно определить лист). Очень осторожно: в чем обвиняли-де не помню, ну, формулировка не та, ну, комиссары должны были отследить и т.д. В условиях 1921 года Вацетис был уже пройденным этапом.

ми Реввоенсовета Республики. Этот состав должен был действовать как перманентный орган. 8 июля СНК постановил «ввиду того, что некоторые члены Революционного военного совета Республики несут работу на фронтах и не могут исполнять своих обязанностей по должности члена Реввоенсовета Республики, утвердить Реввоенсовет Республики в составе: председателя Л.Д. Троцкого, заместителя председателя Э.М. Склянского, Главнокомандующего С.С. Каменева и членов И.Т. Смилги, С.И. Гусева и А.И. Рыкова. Остальные члены Реввоенсовета Республики освобождаются от занимаемых должностей членов Реввоенсовета Республики»¹.

Впрочем, на этот раз Ленин перемудрил: назначение в высший военный орган двух евреев-антагонистов и на важнейший фронт «чудесного грузина» означало упряжку из Лебедея, Рака и Щуки. Выводы были сделаны по получении письма И.В. Сталина с просьбой о переводе с Южного фронта на другую работу (15 сентября 1919 г.). Этот документ со свойственной Сталину суровой прямоотой фиксирует точку кипения в отношениях высших военных руководителей — в данном случае, с одной стороны, члена РВСР Сергея Гусева и Главкома Сергея Каменева, с другой — самого Иосифа Сталина.

Тов. ЛЕНИН!

Месяца два назад Главком (С.С. Каменев. — С.В.) принципиально не возражал против удара с Запада на Восток через Донецкий бассейн — как основного. Если он все же не пошел на такой удар, то потому что ссылался на «наследство», полученное в результате отступления южных войск летом, т.е. на стихийно-создавшуюся группировку войск в районе нынешнего Юго-Восточного фронта, перестройка которой (группировки) повела бы к большой трате времени — к выгоде Деникина. Только поэтому я не возражал против официально принятого направления удара. Но теперь обстановка и связанная с ней группировка сил изменилась в основе: 8-я армия (основная на бывшем Южфронте) передвинулась в районе Южфронта и смотрит прямо на Донецкий бассейн, кон-

¹ Сб. РВСР. Т. 1. С. 258, 261 (коммент.).

корпус Буденного (другая основная сила) передвинулся тоже в район Южфронта, прибавилась новая сила — латдивизия, которая через месяц, обновившись, вновь представит грозную для Деникина силу.

Вы видите, что старой группировки («наследства») не стало. Что же заставляет Главкома (Ставку) отстаивать старый план? Очевидно, одно лишь упорство, если угодно, фракционность, самая тупая и самая опасная для республики фракционность, культивируемая в Главкоме «стратегическим» пехотком Гусевым. На днях Главком дал Шорину директиву о наступлении на Новочеркасск через Донские степи по линии, по которой, может быть, и удобно летать нашим авиаторам, но уж совершенно невозможно будет бродить нашей пехоте и артиллерии. Нечего и доказывать, что этот сумасбродный (предполагаемый) поход в среде *враждебной* (подчеркнуто В.И. Лениным) нам, в условиях абсолютного *бездорожья* — грозит нам полным крахом. Не трудно понять, что этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика, может лишь сплотить казаков против нас вокруг Деникина для защиты своих станиц, может лишь выставить Деникина спасителем Дона, может лишь создать армию казаков для Деникина, т.е. может лишь усилить Деникина. Именно поэтому необходимо теперь же, не теряя времени, изменить уже отмененный практикой старый план, заменив его планом основного удара через Харьков, Донецкий бассейн на РОСТОВ. Во-первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот, симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение; во-вторых, мы получаем важнейшую железно-дорожную сеть (Донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина — [ж.-д.] линию Воронеж—Ростов (без этой линии казачье войско лишается за зиму снабжения, ибо река Дон, по которой снабжается Донская армия, замерзнет, а Восточно-Донецкая дорога Лихая—Царицын будет отрезана); в-третьих, этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих: добровольческую оставляем на съединение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу захода им в тыл; в-четвертых, мы получаем возможность поссорить казаков с Деникиным, который (Деникин) в случае нашего успеш-

ного продвижения постарается передвинуть казачьи части на Запад, на что большинство казаков не пойдет, если, конечно, к тому времени поставим перед казаками вопрос о мире, о переговорах насчет мира и прочие; в-пятых, мы получаем уголь, а Деникин остается без угля. С принятием этого плана нельзя медлить, так как главкомовский план переброски и распределения полков грозит превратить наши военные успехи на Южфронте ни во что. Я уже не говорю о том, что последнее решение ЦК и правительства — «Все для Южного фронта»¹ игнорируется Ставкой и фактически уже отменено ею. Короче: старый, уже отмененный жизнью план ни в коем случае не следует гальванизировать, — это опасно для республики, это наверняка облегчит положение Деникина. Его надо заменить другим планом. Обстоятельства и условия не только назрели для этого, но и повелительно диктует такую замену. Тогда и распределение полков пройдет по-новому. Без этого моя работа на Южном фронте становится бессмысленной, преступной, ненужной, что дает мне право или, вернее, обязывает меня уйти куда угодно, хоть к черту, только не оставаться на Южфронте.

Ваш Сталин

Серпухов, 15/IX.

Помета В.И. Ленина: «В архив. Секретно»².

На следующий же день, 16 сентября, Ленин сделал выговор Гусеву за неэффективность работы Реввоенсовета — Троцкого пришлось пока оставить на делах. И в дальнейшем Сталин постоянно расходился во взглядах с Главкомом Каменевым по важнейшим стратегическим вопросам. В роли арбитра выступало Политбюро ЦК и лично товарищ Ленин³.

8 июля 1919 года в состав Реввоенсовета Республики ввели заместителя председателя СНК и председателя Высшего совета народного хозяйства Алексея Рыкова. Формально —

¹ Решение ЦК и правительства — «Все для Южного фронта»

² РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11168. Л. 1—1 об. Подлинник — машинописный текст с автографом. Резолюция В.И. Ленина — автограф.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. М., 1970. С. 138.

для координации работы РВСР и ВСНХ¹. На следующий день декретом ВЦИК учреждена должность Чрезвычайного уполномоченного Совета рабочей и крестьянской обороны по снабжению Красной Армии и Флота, на которую, естественно, назначили Алексея Ивановича². Помимо всего, Ленин, вероятно, хотел ввести в состав высшего военного органа авторитетного партийного работника, неоднократно доказавшего на деле свою лояльность. Впрочем, Троцкий воспринимает назначение А.И. Рыкова буквально: направляет ему бумаги по вопросам промышленности не как председателю ВСНХ, а как члену Реввоенсовета — своему подчиненному³. Хотя уже с 15 июня Рыков присутствует на заседаниях совета и делает на них доклады⁴, вряд ли обращение Троцкого он воспринимает как норму.

26 мая 1920 года Л.Д. Троцкий лично делает на заседании РВС Республики доклад «О взаимоотношениях органов ЧУСО и реввоенсоветов фронтов и армий». По итогам обсуждения РВСР принимает следующее решение: «По смыслу постановлений об органах Чусоснабарма и Главснабпродарма при фронтах и армиях, из непосредственного ведения военных органов изымается работа заготовительного и производственного характера и сосредоточивается в руках соответственных хозяйственных ведомств. Что же касается работы распределительной в самом широком смысле слова, которая составляет сущность армейского снабжения, то она ни при каком случае не может быть изъята из ведения органов военных, прежде всего командования. Из этого вытекает, что аппараты снабжения должны иметь двойственное подчинение: производя довольствие частей в тех рамках, какие установлены в Советской республике и руководствуясь в этой рабо-

¹ Сб. РВСР. Т. 1. С. 638.

² Центральный государственный архив Советской армии. Т. 1. Миннеаполис, 1991. С. 108.

³ Об этом свидетельствует фразеология «посланий» Троцкого: «Т. Рыкову» — «Прошу ознакомиться...», «Необходимо обеспечить...», «Прошу т. Рыкова немедленно ответить на вопрос...» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 313—314. См. телеграммы от 13 августа 1919 г. №№ 330, 333. Машинописный текст).

⁴ Сб. РВСР. Т. 1. С. 264.

те через соответственные хозяйственные органы в виде инструкций, Органы снабжения во всей своей практической работе, в маневрировании с наличными запасами снабжения, по сосредоточению внимания на определенных частях и определенных участках фронта и прочие целиком и всецело подчиняются соответственным реввоенсоветам. Поскольку из этого общего разграничения могут вытекать недоразумения, приводящие к конфликтам, эти недоразумения и разногласия на месте всегда разрешаются реввоенсоветами фронтов и армий с обязательным подчинением соответственных представителей Чусоснабарма и Главначснаба даже в тех случаях, когда эти последние *считают постановление Реввоенсовета незаконным* (курсив мой. — С.В.), в каком случае не приостанавливая проведение в жизнь такого решения, они обжалуют его в центр. Лежащая в основе этого положения мысль та, что за войска отвечает во всех отношениях командование и Реввоенсовет и что эта ответственность не терпит никакого перерыва. Настоящее разъяснение ни в каком случае не извмывает командование и реввоенсоветы армий и фронтов от ответственности за всякое злоупотребление своими неотъемлемыми правами или за невнимание к хозяйственным нуждам страны...». 30 мая постановление было объявлено приказом Реввоенсовета¹, но Рыков все равно оставался в РВСР 5-м колесом в телеге. Впрочем, в работе совета он реально уже участия не принимал. Судя по заявлению Троцкого, сделанному в январе 1921 года, на заседаниях РВСР «Тов. Рыкова в необходимых случаях замещал тов. [Н.Ф.] Эйсмонт» — помощник Главного начальника снабжений².

ВРГВА отложился более поздний, датируемый июнем 1921 года³, машинописный текст с пометами помощника Управляющего делами Наркомвоенмора Николая Вячеславовича Пеневского, свидетельствующий о том, что взаимоотношения военных органов и органов снабжения армии в 1919—1921 годах так и не были до конца урегулированы:

¹ Сб. РВСР. Т. 2. С. 97 и след.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 306. Л. 188.

³ Документ был составлен в 1921 г.: датируется по упоминанию Совета труда и обороны.

ПОЛОЖЕНИЕ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ:
РЕВВОЕНСОВЕТОВ РЕСПУБЛИКИ, ФРОНТОВ И АРМИЙ,
ВОЕННОГО КОМАНДОВАНИЯ И ОРГАНОВ СНАБЖЕНИЯ

1. В соответствии с декретом ВЦИК от 9 июля 1919 года, Чусоснабарм является высшим распорядителем в вопросах обеспечения армии всеми предметами снабжения, кроме продовольствия, которое находится в ведении Наркомпрода.

2. За войска и за их действия, тесно связанные с ровной, без перебоев работой военно-хозяйственных органов, во всех отношениях отвечают командование и реввоенсоветы.

3. Для того чтобы аппараты снабжения действующей армии, подчиненные непосредственно Чусоснабарму и Наркомпроду, были теснее связаны с армией, чтобы Реввоенсовет Республики мог фактически нести ответственность за снабжение действующей армии — Чусоснабарм и Наркомпрод входят в состав Реввоенсовета Республики на правах его членов.

4. В качестве ближайшего исполнительного органа военного ведомства Чусоснабарм имеет в своем подчинении ЦУС, подчиненный одновременно и Реввоенсовету Республики, как центральный военно-хозяйственный орган.

На фронтах и в армиях Чусоснабарм имеет своих уполномоченных, которые входят в состав соответственных реввоенсоветов на правах их членов.

5. В качестве ближайшего исполнительного органа по продовольствию армии, Наркомпрод имеет в своем подчинении Главснабпродарм, распределительный орган коего подчиняется одновременно и Реввоенсовету Республики.

На фронтах и в армиях Главснабпродарм имеет своих уполномоченных, которые входят в состав соответственных реввоенсоветов на правах их членов.

6. Чусоснабарм и Главснабпродарм обязаны представлять в Реввоенсовет Республики сведения о заготовительных планах и их выполнении (первоначально стояло: «заготовлении». Здесь и далее исправил Н.В. Пневский) и согласовывать озна-

ценные планы с требованиями РВСР, а также ориентировать последних о ходе снабжения Красной Армии как периодически, так и по отдельным требованиям РВСР.

Такие сведения реввоенсоветам фронтов и армий обязаны давать соответственные уполномоченные Чусоснабарма и Главснабпродарма.

7. Реввоенсоветы фронтов и армий и командование несут полную ответственность за неумелые и несвоевременные действия органов снабжения.

В случае возникновения несогласия между уполномоченными Чусоснабарма и Главснабпродарма на фронтах и в армиях с командованием и Реввоенсоветами по вопросам как распределения, так и заготовления окончательное решение принадлежит Реввоенсоветам. Уполномоченные Чусоснабарма и Главснабпродарма не имеют права приостанавливать проведения в жизнь этих решений, хотя бы они *и не были строго согласованы с законом* (курсив мой. — С.В.), но могут обжаловать их по своей линии. При необходимости вопрос восходит до РВСР, а если *и* в последнем не будет достигнуто соглашение с Чусоснабармом и Наркомпродом, то переносится в Совет труда и обороны на окончательное решение.

8. Распределительные фронтовые и армейские органы снабжения параллельно с подчинением по линии снабжения находятся в то же время в полном подчинении командующим фронтами и армиями.

9. Начснабы фронтов и армий объединяют снабжение: артиллерийское, инженерное и военно-хозяйственное.

Примечание: Ветеринарное снабжение, ввиду непосредственного подчинения начальника ветчасти командующему фронтом (армией), находится вне подчинения начснабу.

10. Санитарное снабжение на фронте и в армии остается как в центре, так и на местах, обособленным и отнесено к функциям начальников санчастей фронта и армий, подчиненных по вопросам санитарного снабжения непосредственно Главсанупру и, через последнего, Наркомздраву.

11. В случае перехода управления фронтом или армией к единоначалию, взаимоотношения между командованием и

органами снабжения должны остаться без изменения, с тем что все права и обязанности реввоенсоветов переходят полностью к единоличным командующим фронтом и армией.

12. Взаимоотношения инспекторов артиллерии фронтов и армии с начальниками артснабжения определяются следующими положениями:

а) общий план артснабжения составляется начальником артснабжения по указаниям инспектора артиллерии, утвержденным командующим фронтом (армией) и в соответствии с данными от ЦУСа;

б) инспектору артиллерии принадлежит право контроля деятельности отдела артснабжения по выполнению заданий командующего;

в) начальник артснабжения обязан своевременно ориентировать инспектора артиллерии о ходе артснабжения и доставлять ему все необходимые сведения по артснабжению, как периодически, в установленные сроки, так, в случае необходимости, и немедленно, по его требованию.

13. Начальникам инженеров фронта и армии, по вопросам инженерного снабжения, предоставляются права и обязанности вполне аналогичные с вышеприведенными правами и обязанностями инспекторов артиллерии по части артиллерийского снабжения.

14. Полевые казначейства должны подчиняться по своей специальной линии финотделу РВСР, а на местах — начснабам фронта и армии.

К последнему пункту Н.В. Пневский сделал помету: «Необходимо § 14 вовсе выкинуть, как несогласованный с Наркомфином и стоящий совершенно вне рассматриваемого вопроса. Н. Пневский. 23/VI»¹.

Но вскоре утверждение разработанного под руководством Пневского проекта Положения утратило всякий смысл: постановлением ВЦИК от 16 августа 1921 года должность Чусоснабарма была упразднена, функции по организации военного производства переданы в Главное управление

¹ РГВА. Ф. 33997. Оп. 1. Д. 58. Л. 17—19.

военной промышленности ВСНХ, по снабжению Красной Армии и Флота — Главному начальнику снабжений¹.

Представления о персональном составе Реввоенсовета Республики неожиданно уточняет письмо Л.Д. Троцкого Н.Н. Крестинскому от 2 сентября 1919 года. Из документа следует, что в состав РВСР летом 1919 года нарком продовольствия А.Д. Цюрюпа был фактически кандидатом в члены РВСР, участвуя на заседаниях совета с совещательным голосом: «т. Цюрюпа (так в тексте. — С.В.) входит с «решающим голосом» по продовольственным вопросам в Реввоенсовет Республики. Однако совершенно ясно, что на деле этот порядок совершенно ни в чем не выражается. Товарищ Цюрюпа в заседаниях Реввоенсовета участвует не как член с решающим голосом, а как сторона; мы не голосуем, а сговариваемся. Но другой порядок и невозможен, иначе Реввоенсовет мог бы навязать Наркомпроду свою продовольственную политику. Совершенно ясно, что постановление о вхождении Наркомпрода с решающим голосом в Реввоенсовет просто невнимательно и неряшливо сформулировано. Но в центре от этого не происходит большого греха, так как Совнарком, Совет обороны, ЦК партии тут же, и можно апеллировать к ним...»².

Председательствуя в Совете рабочей и крестьянской обороны, Ленин продолжал давать ценные указания Склянскому, ЛИЧНО контролируя через него работу ведомства Троцкого. Телеграмма помощника Управляющего делами РВСР Н.В. Пневского командующему Южным фронтом В.М. Гиттису о распоряжениях Совета обороны и лично В.И. Ленина № 3271 от 29 мая 1919 года: «Командюж [В.М.] Гиттису; копия — предреввоенсовет Троцкому: «28 мая 1919 г. Оперативная. Передаю для сведения и исполнения телеграмму Пневского за № 329/С: «Зампредреввоенсовета Республики приказал принять меры для исполнения пункта 14 постановления Совета обороны от 26 мая № 41: «предписать военному ведомству ни в коем случае Волга (так в тексте. — С.В.) — Луганска не сдавать. Кроме того, в Харьков послана за подписью т. Ленина на имя Меж-

¹ Центральный государственный архив Советской армии. Т. 1. С. 108.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 345.

лаука телеграмма о немедленной высылке из Харькова в Луганск всех поголовно рабочих с применением к неповиновующимся высших мер наказания. На телеграмму Межлаук[а] о посылке туда 3 856 рабочих т. Ленин ответил, что это количество поражает своей незначительностью: в таком темпе победить нельзя, усильте работу». № 329/С. За управдел Реввоенсовета Пневский». № 25941 оп[еративная]. Нашт[а]реввоенсовресп Ф. Костяев. Комиссар — член РВСР Аралов»¹.

Важнейшие кадровые вопросы в военном ведомстве должно было решать созданное в марте 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б), но этот новосозданный орган на первых порах не был способен реализовывать стоявшие перед ним масштабные задачи. 2 сентября 1919 года Л.Д. Троцкий в письме секретарю Оргбюро ЦК подверг критике работу бюро: «Я просматривал за последнее время постановления Оргбюро в отношении военного ведомства и должен констатировать, что более 50-ти процентов этих постановлений отменены самим Оргбюро, как основанные на недоразумениях. Каждая такая оценка сопряжена с рядом заявлений, недоразумений, поправок, сношений и пр. Это не облегчает работу»².

В декабре 1919 года Ленин вывел из состава РВСР Гусева и заменил его (заодно на посту военного комиссара Полевого штаба) членом партии с 1904 года Дмитрием Ивановичем Курским. Гусев заменой Троцкого не стал, да и замена более не требовалась³.

Летом 1919 года центр власти сместился из Совета рабочих и крестьянской обороны, сосредоточившегося на решении военно-экономических вопросов, в Политбюро ЦК РКП(б). К Политбюро Троцкий старательно демонстрировал свое презрение: по заявлению членов и кандидатов ПБ от 31 де-

¹ Расшифровал 29.5. [19 час.] С.К.

Копия до расшифров[ки] не передавалась.

Дело Красной Армии № 3584.

Дело № 3-а. Оперативн[ое] отделен[ие] Оперативного управления Штаба Южного фронта. Стр. 308.

Верно: зав. архивом Андреев 27/1.[19]25 г. (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 479. Л. 25. Заверенная машинописная копия).

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 345 об.

³ Сб. РВСР. Т. 1. С. 638.

кабря 1923 года, «в течение месяцев и месяцев тов. Троцкий являлся на заседания Политбюро (и это в те времена, когда председательствовал в Политбюро тов. Ленин) с толстым английским словарем и в течение почти всего заседания демонстративно изучал английский язык, время от времени отвлекаясь от этого занятия лишь для того, чтобы подать желчную реплику о системе работы в Политбюро. Дело не раз доходило до острых столкновений и тяжелых конфликтов между тов. Троцким, с одной стороны, и председательствовавшим в Политбюро тов. Лениным и другими членами Политбюро — с другой. В виду крайней нервности обстановки, тов. Ленин все чаще обращался к нижеподписавшимся (членам и кандидатам ПБ. — С.В.) с предложением разрешать тот или другой вопрос голосованием по телефону, дабы только избежать лишних нервных сцен, конфликтов и т.п. Совершенно напрасно тов. Троцкий в своем письме от 24/X [1923 г.] пытается изобразить предложение тов. Ленина о назначении тов. Троцкого Наркомпродом Украины, как незначительный эпизод. Это был не мелкий эпизод — это была попытка тов. Ленина добиться раз навсегда оздоровления атмосферы в Политбюро. К этому времени относится и еще гораздо более радикальное предложение тов. Ленина»¹. Как видим, о сути предложения Политбюро умолчало. Вероятно, речь шла о снятии с поста председателя РВСР и полном отстранении от военной работы, которой так жаждал Троцкий с ноября 1917 года (а может быть, в запале Ильич уже тогда предложил исключить своего соратника-оппонента из партии?)

18 мая 1920 года в состав РВСР вернули Сталина и Гусева. Гусев сразу активно включился в работу высшего военного руководства, вернувшись фактически рядовым членом Реввоенсовета Республики. Исполнял приказания Троцкого. Периодически получал запросы председателя РВСР в характерной ультимативной форме вроде: «Я успел лишь бегло ознакомиться с проектом Положения о комиссарах Красной Армии и Флота. Некоторые поправки я наметил в самом тексте. Важнейшие упущения хочу указать здесь отдельно» (да-

¹ РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 89. Л. 178 — 179.

лее по пунктам — 1, 2, 3-е. 14 декабря 1921 года. Доклад готовился к X съезду партии); «Прошу сообщить, что сделано фактически для проведения в жизнь приписки частей к советам. Какие дивизии, кроме Петроградской, двух Московских и Тульской уже приписаны к советам. Проведено ли это приказом. Что сделано для проведения самой мысли о приписке» (4 декабря 1921 г.)¹. В отличие от Гусева, Сталин и в 1920 году упорно игнорировал Троцкого, направляя свои доклады непосредственно Ленину. На заседании Совета обороны 4 июня 1920 года Ленин передал Троцкому телеграмму Сталина о намерениях генерала Врангеля с пометой: «Тов. Троцкий! Надо сообщить Главкому и затребовать его заключение. Пришлите мне, получив его мнение, Ваш вывод на заседании Совета обороны или поговорим (если поздно кончится) по телефону». Лев Давидович в очередной раз напомнил в ответной записке: обращение Сталина непосредственно к Ленину нарушает «установленный порядок», т.е. субординацию (так как подобные сведения должен направлять Главкому командующий войсками Юго-Западного фронта А.И. Егоров). Ленин предпочел не понять скрытый упрек в свой адрес: «Не без [сталинского] каприза здесь, пожалуй. Но обсудить нужно спешно. А какие чрезвычайные меры?»². Все как всегда: «Я, самодержец, добрый и справедливый, а вот мои министры...». Но дело было не в сталинских «капризах», о которых правоверные партийные историки стали не без удовольствия писать после ликвидации Советского Союза³, а в установке основателя РКП(б), проводимой наиболее авторитетными лидерами партии.

Примечательно, что свои ценные советы продолжал давать Ленину Михаил Бонч-Бруевич, несмотря на отход от военной работы, и были случаи, когда Ильич прислушивался к его мнению, требуя от Склянского немедленного принятия «ряда точнейших и энергичнейших постановлений РВС»

¹ Так, он разрабатывал проект Положения о комиссарах Красной Армии и Флота под руководством Троцкого (РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1. Л. [33], 38).

² См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 208, 429 (коммент.).

³ *Липицкий С.В.* Иосиф Виссарионович Сталин // Реввоенсовет Республики. 6 сентября 1918 г. — 28 августа 1923 г. М., 1991. С. 401.

по конкретным вопросам¹. Система сдержек и противовесов, созданная в 1918 году, работала и когда в ней уже не осталось *особой* надобности.

Естественно, на высшем военном руководстве сказался Кронштадский мятеж. 7 марта 1921 года Троцкий передал Менжинскому по прямому проводу весьма срочно и секретно: «Командированный Вами т. Севей предлагает для радикальной чистки Балтфлота и Морведа создать особую тройку на правах временного Особого отдела Балтфлота с непосредственным подчинением Москве. В эту тройку могли бы войти Севей, Иоселевич, Деницкий. С другой стороны, Иоселевич считает, что целесообразнее создать пятерку, включив в нее [Н.П.] Комарова и еще одного питерца и расширив ее полномочия на обследование последних событий в целом. Мне лично кажется более правильным создание временно-особого отдела Балтфлота. Так как у него своего аппарата не будет, то надлежит приказать ПЧК и Особому отделу предоставить в распоряжение тройки свой технический аппарат. Прошу срочно сообщить Ваше заключение по поводу обоих предложений. В случае согласия с одни из них мы немедленно отдадим в приказе»².

После подавления мятежа 20 марта Троцкий направил пошто-телефонограмму в Политуправление армии, копию Оргбюро: «Необходимо в первую голову решительное обновление руководящего коммунистического состава Балтфлота. Ни [помощник по политчасти] т. Кузьмин, ни [начальник Политуправления Балтийского флота] т. Батис, совершенно скомпрометированные событиями во флоте, которых они не предвидели, и последовавшим затем арестом их, не могут вести никакой ответственной службы в Балтфлоте. Прошу выдвинуть подходящих кандидатов и по возможности из числа работников, которые совершенно не были замешаны во внутренней борьбе в Балтфлоте и в то же время отличались бы твердостью и имели бы необходимый партийный авторитет»³. Бати-

¹ Записка В.И. Ленина Э.М. Склянскому от 15 марта 1920 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 161—162.

² РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1. Л. 14.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1. Л. 15.

су и Кузьмину Троцкий запретил вступать «в исполнение своих обязанностей впредь до нового распоряжения»¹.

Не позднее 23 марта следует более важное продолжение — подлинник в Оргбюро, копия в ПУР: «Правильная постановка политработы в армии является сейчас вопросом исключительной важности. Нынешний неопределенный режим совершенно недопустим. Необходимо как можно скорее: 1. Назначить постоянного начальника ПУРа, к нему достаточно сильных помощников, близко знающих дивизии, армии и фронты. 2. Назначить начальника ПУБалта. 3. Назначить начальника отрядов особого назначения. 4. Определить состав Реввоенсовета Республики через комиссию по определению состава коллегии наркоматов»².

Последствия Кронштадтского мятежа были масштабны — последовала первая чистка партии, затронувшая, в том числе и высшие кадры армии. Так, 18 сентября 1921 года Троцкий, очевидно, не без удовольствия, предупредил Сталина: «Тов. Егорову, командующему ныне Западным округом, грозит, по его сведениям, исключение из партии по перерегистрации. Приблизительные мотивы таковы: интеллигент, бывший подполковник и бывший левый эсер до мятежа... Формально эти данные правильны. Вы ближе наблюдали Егорова в работе и поэтому могли бы высказать свое о нем суждение петроградской комиссии по перерегистрации. Совершенно очевидно, что исключение из партии командующего округом означает его ликвидацию как ответственного военного работника»³.

25 декабря Троцкий направил совсекретное письмо В.А. Антонову-Овсеенко, А.А. Иоффе, И.С. Уншлихту, Н.П. Комарову и А.Б. Халатову (копию — в Политбюро): «Политбюро постановило отправить немедленно в Кронштадт полномочную комиссию в составе: председателя тов. Антонова-Овсеенко, членов — т. Зофа, т. Уншлихта, т. Халатова (который уже находится в Петрограде) и тов. Комарова (от Петроградского исполкома). Задачи комиссии: на месте поднять неотлож-

¹ Там же. Л. 18. Телеграмма в Петроград Кожанову.

² Там же. Л. 16.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

ные продовольственные, организационные, политические и иные меры, способные разрядить атмосферу и предупредить возможные осложнения в Кронштадте. Общая ответственность возлагается на председателя, ответственность по ведомственному исполнению — на ответственных членов комиссии»¹.

В 1921 году Лев Давидович всячески старался избавиться от дамоклова меча, висящего над его епархией — Иосифа Сталина. Так, 14 января Троцкий в ответ на запрос председателя Комиссии по пересмотру состава коллегий наркоматов при ВЦИК М.П. Томского он назвал членов коллегии РВСР (Троцкого, Склянского, Гусева поверх зачеркнутых Смилги, Каменева, Сталина, Рыкова), а затем указал: «Так как все перечисленные лица достаточно хорошо известны Комиссии при ВЦИК и ее председателю, как председателю (так в тексте, Троцкий имел в виду «представителю». — С.В.) ЦК партии, то я затрудняюсь сообщить что-либо дополнительное в смысле их характеристики. За последние месяцы тов. Сталин и тов. Рыков фактически не принимали участия в работе комиссариата...»². Таким образом, Троцкий фактически заявил об игнорировании И.В. Сталиным заседаний Реввоенсовета Республики и отсутствии «следов» его работы в Наркомвоенне. Сталин же сказал впоследствии о ситуации 1919—1921 годов: «...именно Троцкий отзывался с фронта [в 1919 г.] за его ошибки на фронтах Колчака и Деникина. Имеется ряд документов, и это известно, всей партии, что Сталина перебрасывал ЦК с фронта на фронт в продолжение трех лет, на юг и восток, на север и запад, когда на фронтах становилось туго. Я хорошо помню, как в 1920 году требовал от меня ЦК переезда из Харькова в Ростов, где у нас дело обстояло плохо, и когда я настойчиво просил ЦК отменить это решение, указывая на то, что мне пора вернуться в свои наркоматы (в РКИ и в Наркомнац), что в Ростов должен поехать Троцкий, а не я, что мне надоело чистить «чужие конюшни». Я помню так же хорошо, как в том же 1920 году ЦК требовал от меня поезд-

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1. Л. 37.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 306. Л. 188.

ки на польский фронт в момент, когда поляки занимали Киев и Ровно, и несмотря на это, даже после освобождения Киева и Ровно ЦК заставил меня остаться на фронте... в самых важных случаях Гражданской войны, когда дело шло об основных врагах (о Деникине и Колчаке), основные вопросы решались у нас без Троцкого, против Троцкого»¹. Кто из двух лучших пролетарских революционеров, по версии Владимира Ленина, был правдив в оценках? Как это ни парадоксально — оба. Причем каждый по-своему.

Глава 4

«Прощупать красноармейским штыком» готовность «Польши к Советской власти»: военное ведомство под руководством Политбюро ЦК РКП(б)

В марте 1919 г. Съезд РКП(б) постановил выделить из состава Центрального комитета Политическое бюро. Этот орган семь десятилетий был центром власти в Советской России и СССР. Летом 1919 года Совет рабочей и крестьянской обороны сосредоточился на вопросах военных финансов и экономики и уступил место политическому центру ПБ ЦК РКП(б). Именно в нем Лев Троцкий должен отныне отстаивать интересы своего ведомства. Основными военными вопросами, решаемыми в Политбюро, были вопросы «советизации» западных и восточных стран путем «прощупывания красноармейским штыком».

Сталин не зря вспоминал впоследствии о поездке «на польский фронт»: наиболее крупное расхождение с большинством членов Политбюро, по воспоминаниям Троцкого, имело место летом 1920 года, и было связано с советско-польской войной, проигранной Красной Армией. Ситуация конфликта, после выхода в свет 1-го тома сборника М.М.

¹ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Т. 2. М., 2007. С. 593.

Горинова и Н.А. Тесемниковой о левом коммунисте Евгении Преображенском, раскрывает механику выработки в Политбюро важнейших военных решений, характер взаимо- и противодействий Ленина и Троцкого в этом органе, руководство Политическим бюро ЦК Реввоенсоветом Республики.

Троцкий писал в «Моей жизни»: «Тогдашний британский премьер Бонар Лоу цитировал в палате общин мое письмо к французским коммунистам как доказательство того, что мы собирались будто бы осенью 1920 года разгромить Польшу. Подобное же утверждение заключается в книге бывшего польского военного министра Сикорского, но уже со ссылкой на мою речь на международном конгрессе в январе 1920 года. Все это с начала до конца чистейший вздор. Разумеется, я нигде не имел случая высказывать свои симпатии Польше [Юзеф] Пилсудскому, т.е. Польше гнета и притеснения под покровом патриотической фразы и героического бахвальства. Можно без труда подобрать немало моих заявлений насчет того, что в случае, если Пилсудский навяжет нам войну, мы стараемся не останавливаться на полдороге. Такого рода заявления вытекали из всей обстановки. Но делать отсюда вывод, что мы хотели войны с Польшей или подготавливали ее, — значит лгать в глаза фактам и здравому смыслу. Мы всеми силами хотели избежать этой войны. Мы не оставили неиспользованной ни одной меры на этом пути. Сикорский признает, что мы с чрезвычайной «ловкостью» вели мирную пропаганду. Он не понимает или прикидывается непонимающим, что секрет этой ловкости был очень прост: мы из всех сил стремились к миру, хотя бы ценою крупнейших уступок. Может быть, больше всех не хотел этой войны я, так как слишком ясно представлял себе, как трудно нам будет вести ее после трех лет непрерывной гражданской войны. Польское правительство, как ясно опять-таки из книги самого Сикорского, сознательно и преднамеренно начало войну, несмотря на наши неутомимые усилия сохранить мир, которые превращали нашу внешнюю политику в сочетание терпеливости с педагогической настойчивостью. Мы искренне хотели мира. Пилсудский навязал нам войну. Мы могли вести эту войну только потому, что широкие народные массы изо дня в день следили за

нашей дипломатической дуэлью с Польшей и были насквозь убеждены, что война нам навязана, и ни на йоту не ошибались в этом убеждении. Страна сделала еще одно поистине героическое усилие. Захват поляками Киева, лишенный сам по себе какого бы то ни было военного смысла, сослужил нам большую службу: страна встряхнулась. Я снова объезжал армии и города, мобилизуя людей и ресурсы. Мы вернули Киев. Начались наши успехи. Поляки откатывались с такой быстротой, на которую я не рассчитывал, так как не допускал той степени легкомыслия, какая лежала в основе похода Пилсудского. Но и на нашей стороне, вместе с первыми крупными успехами, обнаружилась переоценка открывающихся перед нами возможностей. Стало складываться и крепчать настроение в пользу того, чтоб войну, которая началась как оборонительная, превратить в наступательную революционную войну. Принципиально я, разумеется, не мог иметь никаких доводов против этого. Вопрос сводился к соотношению сил. Неизвестной величиной было настроение польских рабочих и крестьян. Некоторые из польских товарищей, как покойный Ю. Мархлевский, сподвижник Розы Люксембург, оценивали положение очень трезво. Оценка Мархлевского вошла важным элементом в мое стремление как можно скорее выйти из войны. Но были и другие голоса. Были горячие надежды на восстание польских рабочих. Во всяком случае, у Ленина сложился твердый план: довести дело до конца, т.е. вступить в Варшаву, чтобы помочь польским рабочим массам опрокинуть правительство Пилсудского и захватить власть. Наметившееся в правительстве решение без труда захватило воображение главного командования и командования восточного фронта. К моменту моего очередного приезда в Москву я застал в центре очень твердое настроение в пользу доведения войны «до конца». Я решительно воспротивился этому. Поляки уже просили мира. Я считал, что мы достигли кульминационного пункта успехов, и если, не рассчитав сил, пройдем дальше, то можем пройти мимо уже одержанной победы — к поражению. После колоссального напряжения, которое позволило 4-й армии в пять недель пройти 650 километров, она могла двигаться вперед уже только силой

инерции. Все висело на нервах, а это слишком тонкие нити. Одного крепкого толчка было достаточно, чтоб потрясти наш фронт и превратить неслыханный и беспримерный — даже [маршал Франции Фердинанд] Фош вынужден был признать это — наступательный порыв в катастрофическое отступление. Я требовал немедленного и скорейшего заключения мира, пока армия не выдохлась окончательно. Меня поддержал, помнится, только Рыков. Остальных Ленин завоевал еще в мое отсутствие. Было решено: наступать»¹. Редкий случай, когда описание важного военно-политического момента в воспоминаниях Льва Троцкого практически лишено подтасовок и откровенных переделок.

4 мая на заседании Политбюро ЦК Евгений Преображенский, по его выражению, секретарствовал. На заседании обсуждались следующие вопросы:

«1. О тезисах Троцкого.

2. Об агитации в связи с положением на Польском фронте.

3. О бумаге для агитационных изданиях в связи с Польским фронтом.

4. О широком оповещении населения, о манифесте в связи с Польской войной.

5. О параде в 4 ч. 5 мая [войск, отправляющихся на Польский фронт].

6. О торжественном заседании в Большом театре.

7. Об опубликовании соглашения между Мархлевским и Пилсудским.

8. О непрерывном дежурстве в секретариате ЦК.

9. О письме Брусилова.

10. О напечатании выдержек и воспоминаний Людендорфа.

11. О поездке Троцкого на Западный фронт.

12. О Тухачевском.

13. О письме Уншлихта [об отношении к белорусским левым эсерам].

14. О тезисах Радека.

15. О Польском бюро при ЦК.

¹ *Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 443—445.*

16. Постановление польской конференции о мобилизации польских коммунистов для фронта.

17. О сношениях с Англией и Германией. 1

8. О сессии ВЦИК.

19. Об инженере Кили.

20. О Грузии.

21. О сношениях с Австрией.

22. О делегации английских тред-юнионов.

23. О 12 пайках для III Интернационала по просьбе Радека.

24. О центре мусульманской агитации на Востоке.

25. О Татарской республике.

26. О ставках ответственных профессиональных, политических и советских работников.

27. О следующем заседании Политбюро.

28. О Лутовинове.

29. Заявление Луначарского.

30. Поручение ВЧК.

31. О сношениях в Англией и Германией»¹.

Одним словом, «куча международных вопросов»².

Вечером Преображенский сделал в своем дневнике, изъятном впоследствии органами НКВД, запись о заседании с пометой: «Жаль, что не стенографируются все заседания в наидание потомству». Присоединяюсь к сетованиям Преображенского и предлагаю проанализировать сведения из его дневниковой записи.

Важнейшим был вопрос о ноте Керзона. Как выясняется, Троцкий был не единственным, кто не был готов к дискуссии. Преображенский пишет: «Я лично не был подготовлен к решению и не обдумал основательно своей позиции. Но для меня было совершенно ясно, что дело идет к войне со всей Антантой». Единственным по-настоящему подготовленным человеком был, естественно, Ленин, «который имел возможность обдумать ситуацию основательнее всех», потому «основательнее всех подготовился к решению» вопроса. Ильич за-

¹ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. М., 2000. С. 61—62.

² Е.А. Преображенский. Т. 1. С. 347.

читал членам Политбюро «заранее набросанные коротенькие тезисы, составленные чрезвычайно искусно. Они начинались с совершенно беспорядочного пункта, что мы должны помочь польским рабочим добиться советизации Польши, предлагали отвергнуть посредничество Антанты и Лиги наций и заканчивались директивой продолжать наступление». Таким образом, Ленин заранее устраивал проработку важнейших военно-политических вопросов. Дебаты были, по признанию Преображенского, «очень оживленными». Зиновьев от лица «коминтерновских спецов» (его самого, Н.И. Бухарина, К.Б. Радека) гарантировал поддержку в возможной войне с Антантой Коминтерна: «представители других стран могут принять по нашему указанию все что угодно». Коротко и ясно.

Троцкий выступил категорически против возможной войны с Антантой: «представил заключение военного командования на случай новой общей интервенции: со стороны Румынии левый фланг не обеспечен, и для соответствующих перебросок нужно время. В случае выступления Латвии не обеспечен правый фланг. Вообще же он оценивал положение даже на Польском фронте не совсем оптимистически, указывая, что поляки не сдаются в плен, отступают в порядке, разложения у них большого не заметно».

Таким образом, Политбюро раскололось на две группировки. *Первая* (В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин, Я.Э. Рудзутак, Л.Б. Каменев) разделяла основные тезисы Ленина:

«1. Надо отвергнуть посредничество. Пора это сделать. Антанта не может двинуть против нас свои войска, а на мелкие государства, как Румыния, Латвия и Финляндия, мы произведем своим резким ответом импонирующее влияние.

2. Предложение заключить перемирие — это попытка нас надуть.

3. Надо прощупать красноармейским штыком, готова ли Польша к Советской власти. Если нет, всегда сможем под тем или иным предлогом отступить назад». Гришка Зиновьев как всегда вовремя поддакнул: «Надо наступать, выхода другого все равно нет».

Вторая группировка (Л.Д. Троцкий, К.Б. Радек, А.И. Рыков, М.И. Калинин) доказывала, что Европа не готова к социаль-

ной революции, посредничество расколет лагерь Антанты, экономика не потянет войны, страна и так накануне голода:

«*Радек* доказывал, что он, [Юзеф] Мархлевский и другие польские коммунисты считают Польшу не готовой к советизации. Наше наступление вызовет лишь взрыв патриотизма и бросит пролетариат в сторону буржуазии. Он говорил также о том, что вообще Европа не созрела до социальной революции.

Троцкий доказывал нецелесообразность отвергать посредничество. Он говорил, что прочитал последние французские газеты и его поразил резко враждебный тон французских газет против Англии за ее соглашательскую политику по отношению к большевикам. Он доказывал необходимость усилить раскол между Англией и Францией, тогда как отказ от посредничества усилит позицию [Александра] Мильерана и заставит Ллойд Джорджа капитулировать перед французами. Говорил, что полезно иметь делегацию в Англии и ради постоянных осведомителей о намерениях Антанты, чего мы были бы лишены, отвергнув посредничество.

Рыков полагал, что попытки советизировать Европу посредством таких частей, как буденновские, лишь скомпрометируют нас перед европейским пролетариатом. Главное же, что у нас недостаток снаряжения, обуви, одежды, нет достаточно свинца и негде его взять; на заводах, работающих на оборону, одна стачка за другой. Хлеба не даем, а хотим, чтобы красноармейцы шли на Берлин. С таким тылом идти на Антанту недопустимо».

Преображенский, по собственному признанию, «хотел сказать то же, что Троцкий по части раскола между Англией и Францией. Кроме того, указывал, что английские рабочие не переварят скоро изменения нашей тактики. Нам легко повернуть руль, но повернуть миллионы, которых мы приучили к мысли, что ведем лишь оборонительную войну и хотим, как можно скорее мира, будет невозможно.

Калинин говорил, что все у нас хотят мира и что стоит быть осторожней, год голодный и т.д. Говорил он по обыкновению не очень вразумительно»¹.

¹ Е.А. Преображенский. Т. 1. С. 349—350.

Ленин, по заявлению Преображенского, буквально «набросился на Рыкова» (Алексея Ивановича не для того ставили в РВСР, чтобы он разделял политические установки его председателя): он-де «развивает упадочные мысли, все объективные данные говорят, что в промышленности и продовольствии мы имеем успехи». (Сложно удержаться от комментария: конечно, председатель СНК знал положение дел в экономике и промышленности лучше председателя ВСНХ и Чрезкомснабарма!) Затем Ленин возразил Преображенскому: «Наша делегация советует не уступать, а она настроение английских рабочих знает лучше нас. Сообщил также оптимистические телеграммы от Смилги». А вот это было очередной публичной пощечиной Троцкому: Ленин использовал излюбленный прием — привел мнение руководящего военного работника, не соизволившего в рамках субординации доложить, как это и следовало, главе военного ведомства.

Своим прекрасно подготовленными действиями Ленин буквально продавил свою позицию на заседании Политбюро. Таким образом, победу в важнейшем вопросе — мировой революции — одержала первая группа во главе с вождем партии, вдохновленная контрнаступлением Красной Армии и ободренная телеграммой члена ЦК Ивара Смилги. Эта группа твердо стояла за осуществление «западного» варианта мировой революции.

Вторая группа была резко против по соображениям, прежде всего, прагматическим. Правда, тут следует добавить, что Троцкий оставался убежденным сторонником идеи мировой революцией. Но с поправкой — ее «восточного» варианта, связанного с отобранием у Великобритании ее колоний.

Казалось бы, Ленин как основная ударная сила на заседании, должен был нести ответственность за принятое Политическим бюро решение (тем более что Троцкий подстраховался и позднее еще раз предложил на заседании Политбюро «соглашательский мир»¹ — с тем же успехом, что и в первый). Но, как показали события, «не так это было, не так» (цитируется высказывание Иосифа Сталина).

¹ Там же. С. 352.

К 14 августа Красная Армия подошла к Варшаве. Казалось бы, победа обеспечена, однако удачно начатая операция обернулась поражением, наши части откатились свыше чем на 400 километров, десятки тысяч людей попали в плен, остатки войск были морально сломлены»¹. Как только началось контрнаступление поляков, Главнокомандующий С.С. Каменев и член РВСР К.Х. Данишевский дружно взялись уговаривать высшее большевистское руководство заключить перемирие на фронте. Ленин, не желая отвечать лично, примерно 14 августа передал на заседании Совета обороны записку Склянскому: «Главком [С.С. Каменев] не смеет нервничать. Если *военное* ведомство или Главком *не отказывается* от взятия Варшавы, надо *ее* *взять* (какие для этого [нужны] экстрамеры? скажите?). Говорить об *ускорении* перемирия, когда *неприятель наступает*, — идиотизм. Раз поляки перешли по всей линии в наступление, надо не хныкать (как Данишевский), ибо это смешно. Надо обдумать *контрход*: военные меры (обход, оттяжка всех переговоров и т.п.)»².

18 августа Ленин написал Ивару Смилге, обещавшему взять Варшаву: «Наступление поляков делает для нас очень важным усилить свой нажим, хотя бы на несколько дней. Сделайте все возможное. Издайте, если считаете полезным, приказ войскам о том, что, удесятирив усилия теперь, они обеспечат России выгодные условия мира на много лет»³. Здесь следует подчеркнуть, что в решающий момент Ленин от Смилги не отрекся, телеграфировал ему напрямую, а не через РВСР.

Смилга попытался найти выход из положения — «принять усиленные меры к общей мобилизации белорусов». Ленин крепко уцепился за идею Ивара Тенисовича и 19 августа провел ее на заседании Политбюро, на котором обсуждались доклады Троцкого и Сталина о военном положении на польском и врангелевском фронтах. Ленин, не упомянув о сути решений Политбюро, сводившейся к признанию главным Врангелевского фронта, телеграфировал после заседания Смилге в Минск: «Подробное решение Политбюро Вам сообщит

¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 446.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 260.

³ Там же. С. 263.

т. Троцкий, откуда Вы узнаете, что Ваш взгляд вполне разделяется нами. Необходимо налечь изо всех сил, чтобы белорусские рабочие и крестьяне, хотя бы в лаптях и купальных костюмах, но с немедленной и революционной быстротой дали Вам пополнение в тройном и четверном количестве»¹.

Троцкий имел все основания усмотреть в провале польского наступления саботаж Сталина: будучи членом Реввоенсовета (фактически — лидером) Юго-Западного фронта, этот член Политбюро и «коллега» Троцкого по РВСР на несколько дней задержал переброску войск для помощи во взятии Варшавы². Как пишет историк С.В. Липицкий, когда Западный фронт непосредственно угрожал Варшаве, а Юго-Западный фронт завязал бои на ближних подступах к Львову, 2 августа 1920 г. Политбюро приняло срочное решение передать ослабленному Западному фронту из ЮЗФ 1-ю Конную и две общевойсковые армии. Как член ПБ, Сталин согласился с решением высшего политического органа. Но когда на следующий день Главком Каменев направил директиву командованию ЮЗФ и командующий фронтом А.И. Егоров отдал приказ о передаче армий, Сталин приказ не подписал, зная, что его автограф силы иметь не будет. Две недели в ответ на упорные телеграммы Каменева Сталин присылал отписки. Польское командование воспользовалось разногласиями нашего командования и нанесло мощный удар по войскам нашего Западного фронта³. Косвенно злой умысел этого лидера партии подтверждается тем, что осторожный Сталин, не сказавший ни единого слова на заседании 4 мая относительно возможной войны с Антантой⁴, как пишет его биограф Р.В. Косолапов, «в самый разгар варшавской драмы Сталин обратился в Политбюро ЦК с запиской о создании боевых резервов республики. Непосредственно обобщая происходящее, извлекая из него живые уроки, он предлагал принять программу по этому вопросу, в том числе «меры к постановке и усилению» авто-, броне- и авиапромышленности (это в 20-м году!)... Сталин возмущался тем,

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. 263—264, С. 446 (коммент.).

² Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 446.

³ Липицкий С.В. Указ. соч. С. 402.

⁴ См.: Е.А. Преображенский. Т. 1. С. 349—350.

что Троцкий ответил на его предложения «отпиской», и перечислял конкретные недостатки армейской работы и способы их устранения». Более того — 30 августа Сталин поставил в Политбюро вопрос о создании следственной комиссии «по обследованию условий нашего июльского наступления и августовского отступления на Западном фронте»¹. Предложение Политбюро отклонило. Но неожиданно идею Сталина на заседании Пленума Центрального комитета 24 сентября 1920 года, подводившего итоги «Чуда на Висле», подхватил Е.А. Преображенский, но явно из других соображений: приложить В.И. Ленина, настоявшего на «прощупывании» готовности Польши к Советской власти «красноармейским штыком». Предложение Преображенского вызвало резкую критику. Тот защищался: «командование Запфронта, и особенно Смилга, должны были знать положение фронта и, если директива идти на Варшаву грозила катастрофой, обязаны были предупредить». Предложение Преображенского, как ранее Сталина, «провалили».

На носу была IX конференция партии большевиков (состоялась 22—25 сентября 1920 г.). Возник вопрос: открывать ли прения по политическому докладу Ленина? Троцкий, Бухарин, Сталин и значительная часть цекистов высказалась против. Лев Давидович обосновал свою позицию: «прениями в такой момент, когда нужно единодушие, когда нужно думать только о том, как победить, мы лишь разложим конференцию, сосредоточим ее внимание на спорах о неудаче под Варшавой, на правых и виноватых, и, наконец, спрашивал, как будут держать себя сами цекисты в этом вопросе». Рыков и Преображенский возразили — партийная конференция «не ячейка в роте, которую можно разложить... Обсуждение не разложит, а укрепит нашу партию, которая будет знать, что было, почему произошло то, что произошло»².

Далее, что называется, во всей красе предстал перед цекистами гениальный *Ленин*, как показалось Преображенскому, поддержавший его: выступление Ильича «было проникну-

¹ Косолапов Р.В. Война с Польшей 1920 г.: Ленин и Сталин // Правда. № 5(403).

² Е.А. Преображенский. Т. 1. С. 351.

то глубокой верой в партию. Он указывал, что такое поведение на конференции, которое рекомендовал Троцкий, может погубить партию, а не оздоровить ее. Мы поставили вопрос о верхах и низах, а сами подадим повод думать, что «верхи» что-то скрывают. Все почувствовали, что Ильич выступает как вождь, как отец партии, который знает, как вести ее в трудный момент». Тут бы самое время прослезиться, если бы не продолжение. Большинство членов Центрального комитета проголосовали за предложение Ленина, но тут «разгорелся спор о том, кто виноват в варшавском поражении, пришло ли время для наступательных войн и т.д. Ильич был за дискуссию, потому что обмен мнений – дескать делал в дальнейшем излишним предложение о назначении следственной комиссии». Кульминацией стал вывод Ленина: по его мнению, «виноват был не ЦК, давший директиву наступать и брать Варшаву, а военное командование. Оно должно было остановиться, если по стратегическим соображениям идти вперед было опасно. Смилга телеграфировал, что 16 [августа] берем Варшаву, а ему было видней, чем ЦК и Политбюро. Можно было остановиться на Буге и подтянуть резервы». Таким образом, на заседании Политбюро глава военного ведомства и председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению армии были категорически против наступления, Ленин, используя телеграмму Смилги, настоял на активных действиях, а виновато в неудачах все равно оказалось военное командование.

В конце заседания каждый из партийных лидеров старательно перекладывал вину за принятие решения на другого.

Преображенский обвинил Ленина в том, что он напрасно критиковал Рыкова за упаднические настроения (фактически за правдивый рассказ о необеспеченности наступающей армии всем необходимым): «Подсчитать силы, оглянуться на тылы необходимо, если не хочешь быть битым. Командование виновато, особенно Смилга, как ответственный политический работник. Но и ЦК ошибся в расчетах. Троцкому я указал, что на решающем заседании он голосовал со всеми за продолжение наступления, а ведь именно это решало дело и привело к поражению. Наоборот, хотя мы все пятеро голосовали против Ильича в вопросе о разрыве с Антантой в связи

с ее посредничеством в войне, именно в этом вопросе Ильич как раз оказался прав. Отказ от посредничества не вызвал интервенции, не он привел к поражению на фронте. Мы пятеро были правы в том, что своим голосованием говорили одно: не надо зарываться, надо бы осторожней, но прицепились при голосовании к подходящему пункту».

В ответ *Троцкий* посоветовал Преображенскому «говорить за себя»; «указал, что позже, когда было [еще] не поздно, предлагал Данишевскому дать инструкции вести дело к соглашательскому миру, что Политбюро отвергло. В последнем Троцкий прав. Он оказался в этом пункте, по-моему, дальновидней остальных членов Политбюро. Но в первом не прав. Если он знал, за что голосовал в решающем заседании, то, значит, голосовал за поражение. Ведь если б посредничество мы не отвергли, а наступление на Варшаву продолжали, это нас не спасло от поражения».

Бухарин настаивал, что политической ошибки не было. ЦК правильно взял линию на переход от обороны к наступлению — «борьба еще не закончилась»¹. В данном случае Бухарин выражал общее «настроение в Москве в пользу второй польской войны», разделявшуюся командованием Западного фронта — тем же Иваром Смилгой, что пророчил ранее скорейшее взятие Варшавы².

Сталин, естественно, доказывал, что «была сделана стратегическая ошибка. Цека не может отвечать за конкретное выполнение директивы. Командование знало, что делало. Оно могло ответить на приказ: не могу»³. (Добавим от себя: попробовало бы во время Великой Отечественной войны командование в ответ на приказ Ставки ВГК ответить: «не могу»).

Заседание походило на фарс, с которого, кстати, и началось: оно состоялось на квартире у больного Троцкого, сидевшего в халате. Вспоминается острота князя Петра Долгоорукова о привычке Николая Первого заниматься государственными делами, не слезая с унитаза.

¹ Е.А. Преображенский. Т. 1. С. 352.

² *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 446.

³ Е.А. Преображенский. Т. 1. С. 352.

Основным решением заседания в любом случае было единогласное голосование за заключение мира с Польшей, предложенное Троцким по итогам его поездки на врангелевский фронт и знакомства по отчетам с делами на польском фронте¹.

Политбюро решало важнейшие военно-политические вопросы. Троцкий пытался отстаивать интересы своего ведомства, но поощрение Лениным апелляций руководящих военных работников из партийной элиты в ЦК позволяло основателю РКП(б) делать Троцкого «главноответственным» практически в любой ситуации.

P.S. Ленин оказался прав, когда отказал военному ведомству в заключении перемирия с поляками во время их активного контрнаступления. 10 октября 1920 года он передал шифром только Троцкому: «Поляки фактически не могут сорвать перемирие ([А.А.] Иоффе угрозой разрыва заставил поляков отказаться от требования золота в определенной сумме (от контрибуции. — С.В.). Иоффе говорит: поляки боятся разрыва еще больше нас»².

¹ Там же. С. 351 и след.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 289.

Раздел V

ПЛАТФОРМА ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ В 1918 ГОДУ

Глава 1

«Вместо реквизиционного мандата броневой автомобиль»: Петроградский десант, или Переезд Наркомвоена в Москву

В марте 1918 года Советское правительство, спасаясь то ли от наступавших германских частей, то ли от собственной социальной базы, организовало переезд высших и центральных государственных учреждений в Москву. Переезд этой махины обнажил полную неподготовленность ставшей во второй раз столицей Москвы к столь мощному «десанту». Переезд затронул, в том числе, и Наркомвоена — центральный аппарат сверхмощного ведомства, в котором на тот момент служило почти 2000 человек. На примере этого ведомства можно показать, как переезд отразился, с одной стороны — на облике революционной Москвы, с другой — на работе органов государственной власти.

Высшая военная власть после переезда обосновалась на Знаменке. Много позднее художник Юрий Анненков так описывал рабочую обитель Троцкого: «В здании Реввоенсовета, на Знаменке, поднявшись на второй этаж и пройдя по ряду коридоров с расставленными у дверей молодцеватыми подтянутыми часовыми, проверявшими пропуск с неумолимым, бесстрастным видом, я очутился в приемной Троцкого. Огромный высокий зал был наполнен полумраком и тишиной. Тяжелые шторы скрывали морозный свет зимнего дня. На

стенах висели карты Советского Союза и его отдельных областей, испещренных красными линиями. За столом, у стены, сидели четверо военных. Зеленый стеклянный абажур, склоненный над столом, распространял по комнате сумеречный уют в деловитость.

Как только я вошел в комнату, все четверо мгновенно встали и один из них, красивый и щеголеватый дежурный адъютант, поспешно подошел ко мне по малиновому ковру.

— Художник Анненков? — спросил он.

— Да, — ответил я, едва удержавшись, чтобы не сказать «так точно».

— Лев Давыдович вас сейчас примет. Щеголеватый адъютант снял телефонную трубку и через несколько секунд снова обратился ко мне:

— Можете пройти в кабинет¹.

С лета 1918 года Троцкий мотался по фронтам, и основным его домом стал известный поезд наркома по военным делам, однако ему доводилось бывать и в центре. Нет сомнения, что и тогда приемная наркома работала без сбоев.

В начале 1918 года центральный военный аппарат дислоцировался более чем по 15 адресам Петрограда. Когда коллегия Наркомвоена получила задание овладеть Военным министерством, она даже не сразу поняла, куда следует ехать. Большую часть здания Главного штаба на Дворцовой площади, куда, естественно, направились военные «наркомы» занимало созданное при Временном правительстве Политическое управление, сотрудники которого смотрели на большевиков как удавы на кроликов. В марте свалилась напасть с переездом: новая власть спешила убежать то ли от немцев, то ли от собственной социальной базы: рабочие были крайне недовольны «пролетарским» правительством.

Эвакуацией военного имущества занималось два учреждения: Междуведомственная комиссия по использованию военного имущества (17 апреля—31 мая), и вновь образованная при Всероссийской эвакуационной комиссии (ВЭК) Центральная междуведомственная комиссия по распределению эва-

¹ Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. М., 2005. С. 626—627.

куированного и демобилизованного имущества (Цемежком). В состав комиссий входили представители семи наркоматов с правом решающего голоса; с правом совещательного голоса в заседаниях комиссии принимали участие приглашенные представители ряда «заинтересованных учреждений».

По данным на 21 сентября 1918 года (за пять с лишним месяцев работы Цемежкома), состоялось 56 заседаний комиссий, результатом постановлений которых «было распределено почти все имущество Москвы, Воронежа, Торопца, Курска, Ржева, Вологды, Архангельска, Череповца, Ряжска, Смоленска, Витебска, Орла, Пензы, Орши, Вязьмы; распределяется имущество Петрограда, Галича, Буя, Вятки, Перми, Ниж[него] Новгорода, Козлова, Борисоглебска, Саратова, Царицына и других менее значительных по сосредоточенному там имуществу» — правда, не окончательно, а зачастую работавшими по точным указаниям Цемежкома местными междуведомственными органами по распределению.

Сложности распределения имущества вызывались необходимостью крайне высокой оперативности при отсутствии точного учета имущества и (как следствие) межведомственными трениями¹.

21 сентября помощник Чрезвычайного уполномоченного ВЭК С.В. Громан доложил Э.М. Склянскому, что обе указанные комиссии не были способны полностью выполнить поставленную перед ними задачу распределить между ведомствами и указанными ими органами «громадное имущество, бесполезно или малополезно раскиданное... в силу окончания войны в прежних ее громадных масштабах».

28 февраля 1918 года врид Главного военно-ветеринарного инспектора Петров передал члену коллегии Наркомвоена К.А. Мехоношину отношение Чрезвычайной комиссии по разгрузке Петрограда, на котором секретарь Совнаркома

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177. Л. 114. Доклад помощника Чрезвычайного уполномоченного Всероссийской эвакуационной комиссии С.В. Громана Э.М. Склянскому от 21 сентября 1918 г. См. также: Л. 118 с об—119. «Положение о работах Центральной междуведомственной комиссии по распределению эвакуированного, эвакуируемого, подлежащего эвакуации и демобилизованного имущества при Всероссийской эвакуационной комиссии».

Н.П. Горбунов наложил резолюцию: «Направить на усмотрение и заключение военного ведомства, предложив военведу в кратчайший срок представить в Чрезвычайную комиссию план эвакуации военного ведомства в целом». Согласно этому документу, Наркомвоен предполагал провести эвакуацию своих главных управлений следующим образом. В составе Главного военно-ветеринарного управления (ГВВетУ) в Москву должно было отправиться 34 специалиста и 49 членов их семей, причем в телеграмме Наркомвоена от 26 февраля оговаривалось: «Помещений для управления и служащих в Москве пока не имеется». Правда, предполагалась выдача сотрудникам «жалования за 4 месяца вперед»; в документе указывалась необходимая площадь в Москве для управления и его сотрудников. В телеграмме также приведен перечень имущества управления Наркомвоена (вероятно, с другими главными управлениями дело обстояло таким же образом): «текущие дела, книги, пишущие, счетные и копировальные машины» (в данном управлении все это должно было весить «до 150 пуд[ов]»¹.

Так как ответа на первое предложение о предоставлении общего плана переезда военного ведомства не последовало, Чрезвычайная комиссия по разгрузке Петрограда вторично запросила Наркомвоен о плане².

В конце марта — начале апреля 1918 года Чрезвычайная комиссия при ВЦИК Советов по эвакуации правительственных учреждений г. Петрограда направила предложение не позднее 4 апреля всем наркоматам срочно представить в комиссию точные сведения: «Какие учреждения предполагается эвакуировать в ближайшее время из Петрограда, какая для них необходима площадь под канцелярию и на какое количество сотрудников необходимо приготовить помещение»;

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 2 с об.—3. Отношение Ветеринарного управления армии Чрезвычайной комиссии по разгрузке Петрограда о предполагаемом порядке эвакуации.

² Там же. Л. 7. Отношение Чрезвычайной комиссии по разгрузке Петрограда в Наркомвоен от 6 марта 1918 г. № 42/340; Д. 153. Л. 18. Отношение Чрезвычайной комиссии по разгрузке Петрограде в Наркомвоен от 6 марта 1918 г. № 45/405.

«какие учреждения и отделы уже прибыли из Петрограда и их точные адреса, телефоны и приемные часы». Примечательно, что управляющий делами СНК В.Д. Бонч-Бруевич переслал в Наркомвоен сообщение комиссии только 9-го числа¹.

В начале мая 1918 года в связи с эвакуацией центрального аппарата Наркомвоенна в Москву из состава военного отдела Наркомата государственного контроля (Наркомгоскона) было выделено особое делопроизводство, которое обязывалось выдавать заключения Наркомгоскона «по экстренным и не терпящим никакого отлагательства делам». Кроме того, сотрудники делопроизводства должны были принимать активное участие «в разного рода комиссиях по финансовым и хозяйственным вопросам». О готовности делопроизводства приступить к реализации своих функций руководство военного отдела Наркомгоскона уведомило Наркомвоен².

Масштабы эвакуации военного имущества были действительно огромны: норма назначенных вагонов и платформ для военного ведомства в целом равнялась 100 вагонам в день, однако 21 марта констатировалось: «...неудовлетворенная потребность в вагонах для эвакуации военного ведомства исчисляется и до сих пор в десятках тысяч»³.

Представители демобилизационных отделов главных управлений были отправлены в Москву распоряжением Г.Г. Ягоды (в этот период одного из членов наркомвоенновского клана М.С. Кедрова — Н.И. Подвойского) во второй декаде марта 1918 года. Однако 20 марта член коллегии Наркомвоенна М.С. Кедров сообщил Совнаркому: эвакуация самих де-

¹ Там же. Д. 153. Л. 44. Отношение Управляющего делами СНК В.Д. Бонч-Бруевича в Наркомвоен от 9 апреля 1918 г. (поступило в Наркомвоен 10 апреля и было передано Э.М. Склянскому).

² Там же. Д. 187. Л. 62. Отношение военного отдела Наркомата госконтроля в Наркомвоен от 9 мая 1918 г.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177. Л. 28. «Справка Наблюдательного бюро по эвакуации военных грузов и учреждений за 20 марта 1918 года» от 21 марта 1918 г. Справка была адресована Э.М. Склянскому. В данном случае имеется в виду не имущество Наркомвоенна, а все военное имущество, подлежащее эвакуации из угрожаемых районов.

мобилизационных отделов главных управлений «в ближайшие дни» — «осуществлена быть не может»¹.

22 марта демобилизационным органам главных управлений Наркомвоена было приказано «немедленно зарегистрироваться» в Комиссариате по демобилизации армии (Демоб) и представить списки прибывших в составе этих органов служащих; «поддерживать самую тесную связь» с Демобом для разрешения «целого ряда вопросов, возникающих ежедневно в связи с демобилизацией казенного имущества, требующих неотложного и срочного исполнения»².

Не позднее 14 апреля Наркомвоен и ВСНХ предписали демобилизационному отделу Главного управления по квартирному довольствию войск (ГУ КД) «немедленно эвакуировать [в] Москву весь оставшийся [в] Петрограде состав служащих» ГУ КД, в «том числе и служащих контрактной комиссии». Оставшиеся в Петрограде дела и предназначенное к эвакуации имущество предписывалось отправить в Москву одним эшелон³.

25 марта Э.М. Склянский запросил Временное правление Московского отделения Народного банка о возможности предоставить в свое распоряжение свободные помещения из числа бывших частных банков. На следующий день Временное правление ответило отказом, сославшись на отсутствие свободных помещений и напомнив Склянскому: «Всякая реквизиция помещений должна происходить лишь с особого разрешения Реквизиционной комиссии, какового в Вашем письме нет»⁴.

Каковы причины торможения эвакуации центральных органов Наркомвоена?

¹ Там же. Д. 177. Л. 3. Отношение М.С. Кедрова председателю коллегии ГКУ Янсону от 20 марта 1918 г.

² Сб. приказов Наркомвоена за 1918 г. Приказ № 226. Подписан Н.И. Подвойским и Э.М. Склянским. Приказ составлен по итогам телефонного разговора Н.И. Подвойского и М.С. Кедрова (Москва) с секретарем Подвойского С.А. Баландиным (Петроград) (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 359. Л. 147).

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 153. Л. 46. Телеграмма Янсона в демобилизационный отдел ГКУ П.М. Милеанту. Датируется по помете Э.М. Склянского.

⁴ Отношение члена Правления Московского отделения Народного банка в Наркомвоен от 26 марта 1918 г.

Основной следует считать эвакуацию военного имущества в целом из угрожаемых районов и связанную с этим загруженность железных дорог. 4 апреля нарком путей сообщения В.И. Невский направил телеграмму в несколько адресов (в том числе «всей сети Викжедор», в СНК — В.И. Ленину и наркому по военным делам Л.Д. Троцкому) с итогами инспектирования железнодорожных станций Московского узла. Основной причиной загруженности станций В.И. Невский назвал медлительность вывоза грузов со станций ведомствами «интендантским вообще; военными и продовольственными организациями»; кроме того, Невский уведомил о своем распоряжении принять экстренные меры к изменению ситуации. Отметив образцовый порядок на станции Москва — Курск, Невский предложил провести расследование по поводу 10-дневного промедления разгрузки материальной частью прибывших в Москву 180 вагонов груза; призвал повысить скорость ремонта «больных» вагонов в частности, а в целом — «поднять дух товарищеской дисциплины и общими усилиями поднять на должную высоту транспорт»¹.

Контроль за эвакуацией был осложнен также затруднениями при входе сотрудников Наблюдательного бюро по эвакуации военных грузов и учреждений военного ведомства «на территорию станций Петроградского узла»; отсутствием у наблюдателей автомобилей, а также прав «на проезд... на паровозах, товаро-пассажирских и служебных поездах на отдаленные вокзалы (Охта, Кулешовска и т.д.)». По свидетельству заведующего бюро Н.П. Неймана, к Николаевскому вокзалу тянулись целые обозы ломовых с домашней рухлядью; имел место «подвоз на вокзал вещей, не имеющих никакого отношения к обороне», о чем Нейман сообщил Центральной коллегии по разгрузке и эвакуации Петрограда с просьбой о проведении служебного расследования, дополненной предположением, «что перевозка вещей в этом случае производилась... самовольно». Кроме того, для подстраховки Нейман

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 95—96. Телеграмма В.И. Невского от [4 апреля 1918 г.] № К 2/89.

поручил своим наблюдателям, по возможности, установить на вокзалах, «чьи именно автомобили перевозят рухлядь»¹.

20 мая заведующий демоботделом Главного военнo-инженерного управления (ГВИУ) Сторецкий направил наркому по военным делам Л.Д. Троцкому служeбную записку, в которой, обратив внимание наркома на находящееся в пакгаузах и разгрузочных площадях самое разнообразное эвакуированное в Москву и выгруженное «за неизвестностью адресатов» ценное имущество, предложил срочно взять все имущество на учет, назначив для этого 11 смешанных комиссий (по числу дорог Московского узла) из «представителей артиллерийского, интендантского, военнo-технического ведомств и воздушного флота, с участием станционных комиссаров, имеющих на каждой станции узла». Последним предлагалось поручить за неделю «учесть все военное имущество, хранящееся на станциях Московского узла, и, по выяснении его, немедленно вывезти на склады военного ведомства или переотправить по назначению»².

Наконец, переезд высших и центральных государственных органов в Москву вызвал в новой столице жилищный кризис, сказавшийся, в том числе, и при размещении центральных военных органов. Ситуация с предоставлением жилья сотрудникам Наркомвоена была охарактеризована в середине июля 1918 года в докладной записке Главного начальника снабжений генерала от артиллерии А.А. Маниковского Л.Д. Троцкому. Маниковский высоко оценил деятельность Земельно-жилищного отдела Московского совета. Последний, по свидетельству Главначснаба, «учитывая всю важность организации отделов и штабов» Наркомвоена, всегда удовлетворял нужды военного ведомства в первую очередь³. В принципе А.А. Маниковского нельзя назвать беспристрастным свидетелем — деятельность отдела проходила под его

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 153. Л. 28—28 об. Справка Наблюдательного бюро по эвакуации военных грузов и учреждений от 20 марта 1918 г.

² Там же. Д. 177. Л. 15—15 об. Документ 23 мая 1918 г. был направлен на рассмотрение Э.М. Склянского.

³ Там же. Д. 178. Л. 14. Докладная записка А.А. Маниковского Л.Д. Троцкому от 15 июля 1918 г. (датируется по штампу входящей регистрации).

непосредственным руководством, однако Маниковский был фигурой слишком масштабной¹, чтобы опускаться до столь мелкой лжи. В том, что «снабжение помещениями различных учреждений, штабов и организаций Военного комиссариата поставлено не на должную высоту», Маниковский обвинил Московское окружное квартирное управление (МОКУ), нерационально распределявшее помещения. Маниковский аргументированно показал, что «целый ряд помещений казарменного характера не использован вполне и многие команды и мелкие части размещены в особняках и квартирах». Кроме того, Маниковский обратил внимание Троцкого на настойчивые требования отделов Наркомвоена в предоставлении квартир и комнат для служащих, вносящие дезорганизацию в общий план распределения жилищ и ставящие «одну часть советских работников в привилегированное положение по отношению к другим»².

При отведении зданий центральным учреждениям военного ведомства доходило до курьезов. Распоряжением Л.Д. Троцкого автомобильной части при Высшем военном совете передавался дом № 36 по Новинскому бульвару: бывший особняк Н.В. Гагарина, шедевр архитектора Бовэ — единственный памятник художественной архитектуры XVIII в. в Москве. Кроме этической стороны вопроса, небезынтересным представляется факт, что для автомобильной части выделили *деревянный* дом, признанный «очень опасным в пожарном отношении». Для передачи выделенного автомобильной части дома библиотечному отделу Наркомпроса потребовалось общение секретаря Наркомвоена с военным руководителем Высшего военного совета генералом М.Д. Бонч-Бруевичем³.

¹ Об А.А. Маниковском см.: *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 34; *Крушельницкий А.В.* Ликвидация контрреволюционного саботажа в Военном министерстве в первые месяцы Советской власти // *Исторический опыт Великого Октября* М., 1986. С. 164—166 и след.; *Поликарпов В.В.* О так называемой «программе Маниковского» 1916 года // *Поликарпов В.В.* От Цусимы к февралю. М., 2008. С. 291-342.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 178. Л. 15.

³ Там же. Л. 17, 18 с об. Отношение отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса от 3 августа 1918 г. с просьбой отменить распоряжение Л.Д. Троцкого о передаче дома № 36 по Новинскому

Имели место попытки очистить помещения, занимаемые Главным военно-санитарным управлением (ГВСанУ). 8 июля в управление было направлено отношение медицинской части НКВД с предписанием срочно освободить занимаемые 2-м и 4-м отделениями ГВСанУ помещения. Начальник ГВСанУ в ответ сообщил, что указанные отделения «в других помещениях разместить не представляется возможным за неимением для этого места» и что срочно подыскивается новое помещение для главного управления. Вскоре после этого для «уплотнения» ГВСанУ явился представитель Наркомздрава, а 24 июля Наркомздрав потребовал в 2-дневный срок освободить помещения, «необходимые для развертывания работ эпидемиологической секции»¹. 31 июля, во время делового разговора заведующего 2-м (врачебно-санитарным) отделением ГВСанУ И. И. Крашенникова с представителем Высшей военной инспекции (ВВИ) доктором Н.И. Красовским, без разрешения вошел заместитель наркома здравоохранения Соловьев. По свидетельству Крашенникова, Соловьев, объявив помещение незаконно захваченным, «вызывающе вел расчет занимаемых отделением комнат и потребовал немедленно выселиться» и угрожал «позвать людей и выкинуть канцелярию в парадное крыльцо». Несмотря на предупреждение члена ВВИ о недопустимости угроз выселения, Соловьев не унимался, о чем Крашенников и доложил в совет ГВСанУ с просьбой оградить его от «таких выступлений агрессивного характера» со стороны Наркомздрава².

Немалая доля вины за длительность переезда Наркомвоена лежала на бюрократизме руководителей военного ведомства. 8 марта один из них — Н.И. Подвойский — направил срочный запрос военкому Московского ВО Н.И. Муралову о

бульвару автомобильной части Высшего военного совета; сопроводительное письмо секретаря Наркомвоена в Высший военный совет с уведомлением о согласии передачи здания от 7 августа 1918 г. № 13758/1790. См. также. Л. 18—20.

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 178. Л. 24—24 об. Справка по ГВСанУ, препроводенная 23 августа 1918 г. Э.М. Склянскому. На документе имеется помета: «материал к заседанию Совнаркома 22/VIII.1918».

² Там же. Л. 25. Служебная записка заведующего 2-м отделением ГВСанУ Совету ГВСанУ от 31 июня 1918 г.

возможности расквартирования 32 управлений военного ведомства в центре («например, в помещении судебных учреждений в Кремле, в казармы также, или еще какое-либо громадное помещение в центре или где-либо в одном месте недалеко от центра»)¹.

Несколько раньше уполномоченному Наркомвоена по особо важным делам Н. Шошину было поручено «приискание дома, где можно было бы сконцентрировать несколько тесно связанных в работе Военного комиссариата учреждений». Шошин указал на Александровское военное училище, однако Н.И. Подвойский, отвергнув предложение вследствие запущенности здания и необходимости больших материальных затрат на его ремонт, указал уполномоченному на дом страхового общества «Россия». На совещании в составе членов коллегии Наркомвоена Н.И. Подвойского, И.И. Юренева, К.А. Мехоношина, а также инженера МОКУ Зеленского предложение Подвойского было обсуждено, после чего были предприняты шаги к занятию здания «России». Однако деятельный Подвойский не унимался: рассмотрев смету на расходы по текущему и ежегодному ремонту, он забраковал и здание «России». В результате Шошину пришлось запрашивать коллегию Наркомвоена, «какой именно занять дом» и «какие учреждения в нем сконцентрировать». Докладная записка поступила К.А. Мехоношину, переадресовавшему решение вопроса занимавшемуся вопросами эвакуации Э.М. Склянскому².

14 апреля председатель коллегии Главного управления по квартирному довольствию П.М. Милеант созвал совещание со специалистами МОКУ по вопросу о расквартировании Наркомвоена. На следующий же день в ГУ КД был представлен подробный доклад инженера МОКУ Зеленского о расквартировании Наркомвоена в доме страхового общества «Россия» и в Александровском военном училище. Часть наркомата предполагалось разместить в Алексеевском военном училище,

¹ Там же. Л. 10. Д. 161. Телеграмма Н.И. Подвойского от 8 марта 1918 г. № 20.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 178. Л. 5. Докладная записка уполномоченного по особо важным делам Наркомвоен коллегии Наркомвоена от 13 апреля 1918 г.

достоинством которого признавалась большая вместимость, а недостатком «значительная отдаленность от города». Здания обоих училищ нуждались в капитальном ремонте¹.

19 марта П.М. Милеанту было приказано «в исключительно срочном порядке» приступить к ремонту здания Александровского военного училища и приспособлению его для Наркомвоена. О важности поручения свидетельствует предложение того же приказа «Всем учреждениям и лицам... неукоснительно исполнять все требования начальника управления, касающиеся этих работ». На следующий же день начальник ГУ КД потребовал у руководства Наркомвоена срочного отпуска «в распоряжение начальника Московского окружного квартирного управления 500 000 рублей на ремонт» указанного здания². Более того, была создана строительная комиссия по ремонту и приспособлению зданий бывшего Александровского военного училища. Председателя комиссии А.Я. Мишукова наделили «чрезвычайными полномочиями по выполнению этой работы, вплоть до привлечения к ответственности за саботаж и противодействие Советской власти лиц, своими действиями замедляющими ход работ, и лиц, небрежно и неаккуратно выполняющих возложенные на них по ремонту обязанности»³.

12 мая представители Наркомвоена обследовали дома Шереметева на Воздвиженке по Шереметевскому переулку для выяснения их пригодности для центральных учреждений⁴. Комиссия сочла пригодными 12 жилых флигелей общей площадью более 15 кв. саженей, вмещающих до 300 квартир. Здание признавалось удобным в связи близостью от Кремля, а также от здания бывшего Александровского военного училища на Арбатской площади, где уже тогда предпола-

¹ Там же. Д. 153. Л. 13—13 об. Доклад П.М. Милеанта зам. наркома по военным делам Э.М. Скланскому о плане расквартирования Наркомвоена от 15 апреля 1918 г.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 36. Приказ Высшего военного совета № 1; Л. 35. Служебная записка начальника ГУ КД в Наркомвоен от 20 марта 1918 г.

³ Там же. Д. 231. Л. 1. Удостоверение А.Я. Мишукова от 4 июня 1918 г. за подписью Л.Д. Троцкого.

⁴ Для управлений Всероссийского главного штаба (ВГШ), Высшего военного совета, Чрезвычайной эвакуационной комиссии.

лось разместить Наркомвоен с Военно-хозяйственным советом. Здание было частное, потому предлагалось «безотлагательно приступить к выселению жильцов» (по всей вероятности, кроме 70 служащих Морской коллегии)¹. 4 октября Управляющий делами ВВИ Г.Г. Ягода передал Э.М. Склянскому просьбу Н.И. Подвойского «никому не передавать» освобождаемое Наркомвоенном помещение на Нижнелесной, д. 1².

3 ноября 1918 года начальник общего отделения Полевого штаба Реввоенсовета Республики генштабист И.Д. Моденов был командирован в статистический отдел Всероссийского главного штаба «для ознакомления со статистическими материалами, имеющимися в отделе, и установления, какие статистические дела остались в Петрограде»³.

Переезд из Петрограда в Москву крайне затормозил работу главных управлений Наркомвоена. Многие из них оставляли на время переезда часть своих сотрудников для ведения текущих дел до того, как переехавшие служащие налаживали более-менее планомерную работу в Москве. 16 марта совет Центрального военно-технического управления (ЦВТУ) направил в Наркомвоен служебную записку. В ней совет предлагал наркомату уведомить посредством печати «все причастные» к ЦВТУ «советы и фирмы» о своем решении оставить в Петрограде 3 члена совета ЦВТУ и Ликвидационную комиссию ЦВТУ (*заведующий — В.А. Семковский*), исходя из того, что «на новом месте» управление «начнет функционировать не ранее, как через 2 недели». Комиссия должна была заниматься срочной текущей работой инженерного ведомства — выдачей инженерного имущества; уплатой фирмам платежей; расчетами с рабочими; ликвидацией заказов на заводах Пет-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 178. Л. 8—8 об. Протокол Комиссии Наркомвоена по обследованию здания домов Шереметьевых от 12 мая 1918 г. На документе имеется резолюция (отношение Э.М. Склянскому) К.А. Мехоношина: «Необходимо послать инспекцию для проверки всех представл[енных] сведений ввиду разногласий между представ[ителями] Воен[ного] и Морск[ого] комиссариатов».

² Там же. Д. 178. Л. 73. Служебная записка Управляющего делами ВВИ Э. М. Склянскому от 3 октября 1918 г.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 9. Л. 224. Мандат И.Д. Моденова, выданный начальником Полевого штаба 3 ноября 1918 г.

роградского района. Прекратить свое существование комиссия должна была с освоением ЦВТУ на новом месте. Решение совета ЦВТУ было одобрено, о чем свидетельствует резолюция Наркомвоена: «Для сведения»¹.

Точно так же поступило и Управление военного воздушного флота: председатель коллегии управления К.В. Акашев 15 марта доложил Э.М. Склянскому о том, что в Петрограде временно остаются части всех органов, «в деятельности коих может встретиться необходимость, в связи с обсуждением потребности обороны Петрограда»².

19 марта и.о. комиссара Главного штаба Н. Попов направил Э.М. Склянскому в Наркомвоен докладную записку, в которой уведомил о своем выезде в Москву «вместе с эвакуированной частью Главного штаба». Обязанности комиссара Главного штаба и Главного управления Генерального штаба Н. Попов распределил между собой и большевиком М.В. Михайловым. Попов исполнял обязанности комиссара ГШ и ГУГШ в Москве, Михайлов — в Петрограде³.

Не позднее 30 апреля была составлена «Справка о необходимости задержать эвакуацию некоторых органов Военно-хозяйственного совета в Петрограде». Автор записки констатировал: «В настоящее время большинство главных довольствующих управлений, вследствие незаконченной эвакуации и потери связи друг с другом — находятся в бездействии», ни одним из них «не сделано общих и согласованных распоряжений о частичной демобилизации военной промышленности и сокращении, а в некоторых случаях — полной ликвидации военных заказов». Единственной организацией, продолжавшей работу, в докладе признавался ВХС и ряд его органов⁴,

¹ Там же. Оп. 1. Д. 161. Л. 29. Служебная записка Совета ЦВТУ в Наркомвоен от 16 марта 1918 г.

² Там же. Д. 153. Л. 21, см. также Л. 22. Телеграмма К.В. Акашева Э.М. Склянскому от 15 марта 1918 г. № 913.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 153. Л. 26—26 об. Докладная записка Н. Попова Э.М. Склянскому от 19 марта 1918 г. Более того, на момент отправления Попова с частью Главного штаба в Москву, Михайлов находился в служебной командировке, а потому временно исполнять обязанности последнего должен был член ячейки РКП(б) Главного штаба А.Н. Туманов.

⁴ А именно: Хозяйственно-технический комитет; Ликвидационной от-

который был вынужден оставаться в Петрограде для срочной постановки задач и дачи указаний промышленным предприятиям и главным довольствующим управлениям по вопросам продолжения ликвидации заказов, выработки и опубликования общих принципов ликвидации; удовлетворению претензий германских подданных, пострадавших от предпринятых советским правительством «мер военного времени»¹.

Впрочем, в это же время Законодательно-финансовое управление (ЗФУ) ВХС направило в Наркомвоен ходатайство об отсрочке эвакуации управления до времени его формирования и налаживания работы. Ходатайство было аргументировано следующим образом: как раз в это время должна была начаться основная работа по реорганизации Канцелярии Военного министерства (Кавоми) в ЗФУ ВХС. В документе констатировалось, что ЗФУ «пока еще совершенно не сформировано и не имеет ни штатов, ни даже намеченного личного состава», а потому немедленная эвакуация повлечет за собой «временный перерыв в текущей работе, что особенно опасно в отношении финансовом, так как в случае разъединения управления от хозяйственно-технического и экономического могут приостановиться как финансирование хозяйственных мероприятий, так и отпуск кредитов, срочно необходимых на ликвидацию и расчет с рабочими»². С 4 по 12 апреля работа в ЗФУ вообще не велась³. Ряд проблем, связанных с эвакуацией ЗФУ при ВЗС, сказались уже в апреле 1919 года, когда начальник журнального отделения ЗФУ И.П. Трошнев выяснил, что в Петрограде, «в шкафах дубового зала, кодификационно-го, счетного и законодательного отделов бывшей Канцелярии Военного министерства» остались архивные материалы, не утратившие своего оперативного значения (!). Сказалось имен-

дел Хозяйственно-технического управления и отделы того же управления; заведующие секвестром, реквизицией и назначением на государственные заводы; отдел по делам о военнопленных Управления демобилизационно-экономического.

¹ Там же. Л. 35 с об—36. Датируется по помете Э.М. Склянского.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 153. Л. 38. Документ также датируется по помете Э.М. Склянского.

³ Там же. Д. 161. Л. 101. Служебная записка Управляющего делами ВХС Н. А. Бабикова секретарю Н.И. Подвойского С.А. Баландину от 11 апреля 1918 г.

но то обстоятельство, что «реорганизация» Кавоми в ЗФУ при ВЗС хронологически совпала с переездом Наркомвоена в Москву¹. Кстати, результат этой «реорганизации» был близок к нулю: все сокращенные из «своих» остались на службе².

С переездом и реорганизацией с Кавоми был связан и один курьезный случай: в апреле 1918 года, уезжая в Москву, ряд служащих оставили на частных квартирах и в помещениях бывшей Кавоми оружие (ружья, револьверы и шашки), которое в это время маниакального недоверия «военспецам» хранить не разрешалось. За год в Петрограде вышло запрещение на хранение оружия, а ВЧК при описи обнаружила оружие и арестовала за это одного из служащих — зав. домом бывшей Кавоми Г.Н. Кнорринга. Руководство ЗФУ при ВЗС (зав. законодательным отделом военспец И.А. Белопольский) пыталось «покрыть» «своих», ссылаясь на неполучение распоряжения петроградских властей об обязательной сдаче оружия³. Необходимо отдать должное М.С. Кедрову: именно он в апреле 1918 года, во время спешной эвакуации ВЗС в Москву, отдал распоряжение о сохранении за семьями служащих права на дальнейшее пользование казенными квартирами в доме бывшей Кавоми и предоставлении несемейным помещения для хранения оставленного ими имущества⁴. Но, как оказалось, Кедров отдал через Ф.П. Балканова устное распоряжение, не удовлетворившее уполномоченного Главнацснаба Петроградского района. В итоге дело затянулось до ноября 1918 года, когда получивший соответствующее ходатайство Ф.П. Балканова Э.М. Склянский подтвердил через военного руководителя Петроградского ВО Б.П. Позерна распоряжение М.С. Кедрова, поставив при этом следующее условие — ограничить предоставленные семьям служащих по-

¹ Там же. Ф. 46. Оп. 2. Д. 58. Л. 176-176 об. Докладная записка И.П. Трошнева заведующему законодательным отделом И.А. Белопольскому. Трошнев просил своего начальника как сведущее в делопроизводстве бывшей Кавоми лицо — лично присутствовать «при сортировке и разборке очень ценного и богатого материала», оставшегося в Петрограде.

² Там же. Л. 61 об—62.

³ Там же. Ф. 46. Оп. 2. Д. 58. Л. 310-311. Отношение И.А. Белопольского в ПетроЧК. 6 декабря 1919 г.

⁴ РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 29. Л. 76.

мещения в доме бывшей Кавоми «самыми минимальными размерами» по усмотрению уполномоченного Главначснаба Петроградского района и «за установленную плату»¹.

Самые большие проблемы были связаны с эвакуацией в Москву (частично через Самару) Главного артиллерийского управления (ГАУ). По состоянию на 27 марта 1918 года, ГАУ оставалось в Петрограде, кроме 132 человек, выделенных из состава отделений и делопроизводств управления (по 2—3 человека от каждого) и находящихся с 9 марта в Самаре, вместе с начальником управления — А.А. Маниковским. Совет ГАУ в составе начальника и двух комиссаров (С.Е. Иванова и зав. техническим подотделом отдела вооружения Всероссийской коллегии по формированию РККА) даже представил на утверждение Э.М. Склянского постановление об организации из этих выделенных чинов «особого центрального полевого артиллерийского управления»².

28 марта Л.Д. Троцкому для налаживания работы ГАУ предлагалось, как можно скорее, «сравнительно небольшую» часть ГАУ, эвакуированную в Самару, перевезти в Москву, остальную часть ГАУ и Артиллерийский технический комитет — эвакуировать из Петрограда в Москву; в Питере оставить «достаточный аппарат для объединения, согласования и распорядительной деятельности по эвакуации Петроградского района, который в военном отношении (как в смысле заводского дела, так и в отношении складов военного имущества) составляет около половины всей промышленности России»³.

Председатель совета Колков в конце апреля — начале мая 1918 года находился в Москве. Он как раз получил распоряжение Э.М. Склянского о выезде ГАУ в Москву в 7-дневный срок и безуспешно пытался выйти из патовой ситуации. «В Москве, когда мы были все вместе, мы могли детально обсудить, как и в какое время можно переехать без ущерба для

¹ Там же. Л. 67—68, 74—76 об.

² Там же. Д. 28. Л. 23 об.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 153 Л. 33. Записка начальника Хозяйственно-технического управления при ВХС В. Ипа[това] была отправлена из Петрограда, в Москве она попала к Э.М. Склянскому. Документ был переадресован Э.М. Склянским М.С. Кедрову.

работы и какое нам нужно помещение, но теперь мы снова разъединены и решаем этот вопрос врозь, а не вместе. Итак, к отъезду готовимся, — докладывал Колков Склянскому, — но считаю своим долгом заявить, что здесь очень большая ненормальность, при которой работать не возможно»¹. К 16 мая для ГАУ на основании распоряжения Л.Д. Троцкого в Москве было подыскано помещение, признанное товарищем председателя совета ГАУ «вполне подходящим»².

Однако с переездом Самарской части в Москву пришлось подождать: начальник ГАУ А.А. Маниковский доложил Э.М. Склянскому и М.С. Кедрову о готовности переезда управления к 13 мая, попросив, однако, назначить время отъезда «не ранее того, как будут подысканы и закреплены в Москве как помещение для ГАУ, так и квартиры для всех его чинов, уже достаточно пострадавших при первом переезде и цыганском скитании [в] Самаре»³. Маниковский добавил, что перед вторичным переездом необходимо также свести к минимуму вред, который этот переезд вызовет — в том числе «закончить... дела» непосредственно в Самаре. Схема переезда ГАУ в Москву была принята на заседании совета ГАУ 26 апреля — эвакуация должна была проходить в два этапа: 10 мая в Москву прибывали «члены совета ГАУ и лица, необходимые для ближайшей работы [в] Москве», 13 мая или позднее — самарское ГАУ с председателем управления⁴...

¹ Там же. Д. 215. Л. 30. Телеграмма Колкова Э.М. Склянскому от 4 мая 1918 г. № 2135.

² Там же. Д. 166. Л. 217.

³ О последствиях первого переезда вспоминал впоследствии помощник Управляющего Военным министерством — Управляющий делами Наркомвоена Н.М. Потапов: коллегия Наркомвоена получила «телеграфное сообщение из Самары о том, что эвакуированное туда из Петрограда Главное артиллерийское управление ликвидировано местным исполкомом с целью «устранить параллелизм» в работе этого управления с местным «военным отделом» исполкома» (Потапов, Н.М. Записки о первых шагах советского военного строительства // ВИЖ. 1968. № 1. С. 65).

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 153. Л. 61. Телеграмма А.А. Маниковского в «Дом военного министра» с требованием экстренного выделения средств (250 тыс. руб.) на переезд ГАУ из Самары в Москву от 4 апреля 1918 г. № 421.

Телеграмма председателя Петроградского отдела [ГАУ], бывшего секретаря коллегии Наркомвоена И.Ф. Ильина-Женевского и врид начальника ГАУ Нечволодова, отправленная 30 мая по нескольким адресам (Подвойскому, члену Центральной коллегии по разгрузке и эвакуации Петрограда М.К. Владимирову, Троцкому, Мехоношину, Склянскому, совету ГАУ), что свидетельствует о важности вопроса и крайней сложности его решения: «ГАУ должно эвакуироваться в Москву согласно предписания. Все усилия получения подвижного состава безрезультатны. Просили содействия Московского совета [депутатов] ГАУ, согласно чему получена телеграмма... [с] подтверждением предоставления ГАУ надлежащего подвижного состава. Однако Центроколлегия¹ настаивает [на] своем, требуя непосредственного распоряжения Совнаркома через Всероссийскую эвакуационную комиссию. Значительная часть отделений ГАУ сложилась, упаковалась [с] готовностью ехать первым эшелонам. Работа нарушена, положение критическое. *Положение критическое*², необходимы срочные меры для полной эвакуации ГАУ, кроме Артмузея. Требуется 45 классных, 60 товарных и 15 платформ, срок подачи каковых и разбивка на эшелоны должны быть предоставлены самому ГАУ в соответствие с планом эвакуации и пользой дела». Э.М. Склянский 2 июня наложил на документе резолюцию: «Запросить А.А. Маниковского о необходимой сейчас [для] эвакуации»³. Вопрос был решен только в первой декаде июня 1918 года⁴.

Сложность переезда ГАУ заключалась также в дезорганизованном решении вопроса о помещениях в Москве. Первоначально (20 мая) для нужд отдела складов управления были заняты два этажа дома № 11/13 по М. Спасскому переулку (помещение фирмы «Альшванг»), но вследствие распоряжения К.А. Мехоношина здание временно отобрали (на основании приказа Э.М. Склянского от 19 марта оно было вторич-

¹ Имеется в виду Цемежком.

² Здесь и далее в документе курсивом выделены слова, подчеркнутые Э.М. Склянским.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177. Л. 21—22. Телеграмма № 23276.

⁴ Там же. Л. 24—25, 28 и след.

но занято, однако даже временный перерыв не мог не внести дезорганизацию в работу управления)¹.

О сложностях переезда ГАУ свидетельствует также служебная записка председателя совета ГАУ Колкова от 23 мая 1918 года. В этот день распоряжением М.С. Кедрова для ГАУ был отведен особняк Тарасова в Медвежьем переулке. Однако ввиду того, что с 23 апреля по 18 мая здание ГАУ не занималось, все тот же Кедров передал особняк ликвидационной комиссии по расчетам с рабочими. 23 мая Колков и вообще жаловался: «В настоящее время, когда ГАУ начинает уже (курсив мой. — С.В.) прибывать в Москву, когда поэтому надобность в помещении является насущной, в дом этот въехало, не получив на то разрешение ГАУ, учетно-контрольное отделение ВХС». Председатель совета ГАУ уведомлял о невозможности нормальной постановки работ управления в Москве при таком отобрании помещений. В заключение записки о нуждах ГАУ: «из 1 300 кв[адратных] саж[ень], необходимых управлению (расчету 2 саж[ень] на человека), мы получили до сих пор только 230 саж[ень]» — т.е. дом «Альшванг»².

Дальнейшие перипетии с помещениями для ГАУ кратко, но емко описаны в докладной записке А.А. Маниковского Л.Д. Троцкому, составленной на основании запроса наркома от 11 июля. Так как «в продолжение долгого времени» бывшее помещение фирмы «Альшванг» не было использовано, Президиум Моссовета передал его профсоюзу «Игла», что Маниковский счел нормальным вследствие жилищного кризиса.

18 июня административный отдел ГАУ обратился в Земельно-жилищный отдел Моссовета с просьбой предоставить помещение Народного клуба при ресторане «Саратов» в свое распоряжение для устройства столовой для служащих (т.е. «для надобностей, посторонних ГАУ»). Хотя здание предполагали передать находящемуся «в очень дурных условиях»

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 178. Л. 9. Служебная записка Совета ГАУ Э.М. Скланскому с уведомлением о вторичном занятии зданий Малого Спасского переулка от 21 марта 1918 г.; Л. 10. Доклад Ремезова председателю Совета ГАУ Косякову о занятии дома от 20 мая 1918 г.

² Там же. Д. 187. Л. 71.

Центральному адресному столу, ходатайство было удовлетворено, однако полмесяца (до середины июля 1918 г.) за ордером на занятие помещения никто не явился, результатом чего стала передача здания *Отделу военного контроля Московского окружного комиссариата*¹.

Наконец 1 июля от члена коллегии Наркомвоена И.И. Юрнева поступило заявление о необходимости предоставить для Главного управления снабжений и ГАУ 4-го подъезда дома № 6 по Сретенскому бульвару. Агенты земельно-жилищного отдела немедленно реквизировали здание, состоящее из нескольких десятков комнат, и передали ГАУ ордер на его занятие².

В качестве иллюстрации торможения работы ГАУ можно привести служебную записку технической части управления Э.М. Склянскому, в которой говорится о совещании с центральными военными учреждениями по вопросу об организации артиллерии, которое было запланировано на март 1918 года, однако еще не состоялось в августе месяце³.

Казалось бы, наладить работу управления можно было и в Самаре. Однако имеются свидетельства, что на деле все было сложнее.

В начале мая 1918 года состоялось совещание руководства ГАУ при участии наркома по военным делам. На совещании Л.Д. Троцкий предложил ввести сдельную оплату труда сотрудников; согласился с предложением делегата от Управления по ремонту армии организовать реквизицию лошадей на местах для нужд военного ведомства. Однако основным решением совещания стало поручение ГАУ составить общий план снабжения армии артиллерийским имуществом и организации запасных складов. Для этого управление должно было организовать сбор сведений на местах об имеющемся артимуществе и организации запасов и переда-

¹ Так в документе. Очевидно, имеется в виду отделение военного контроля Оперативного отдела Наркомвоена.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 178. Л. 14—14 об. Докладная записка А.А. Манюковского Л.Д. Троцкому от 15 июля 1918 г. (датируется по штампу входящей регистрации).

³ Там же. Д. 170. Л. 99—99 об. Записка от 22 августа 1918 г. № 35824.

чу полученных сведений в Наркомвоен для принятия соответствующих мер¹. 19 мая Наркомвоен запросил ГАУ о ходе выполнения принятых совещанием решений. Управление ответило: работа в этом направлении проводится, однако тормозится тем, что «соответствующие отделы ГАУ до сих пор не прибыли из Петрограда и Самары за недостаточным подвижным железнодорожным составом»².

Мытарства ГАУ не закончились и после переезда: управление разместили в квартирах, где работали «постоянно... до 600 человек служащих». В такой обстановке (заявил комиссар ГАУ Б.М. Вильковисский Московскому окружному квартирному управлению) было «абсолютно» невозможно работать. Вильковисский пояснил: «В подъезде № 4 этого дома (Сретенский бульвар, 6. — С.В.), где все квартиры занимает Главное артиллерийское управление, кв[артира] № 39 занята германской подданной Брандес; такое сожительство, конечно, недопустимо, а потому прошу Вашего содействия немедленно выселить упомянутую Брандес»³. В здании на Сретенском, 6 располагалось Набилковское коммерческое училище, и, когда 15 августа в нем начались занятия, естественно, появились дополнительные сложности у служащих ГАУ⁴.

Надолго затянулась и эвакуация Главного военно-инженерного управления, вернувшегося из Самары осенью 1918 года⁵.

Исключением стало ГУ КД, что было связано с малочисленностью его служащих (5 инженеров из 16 человек налич-

¹ Там же. Д. 123. Л. 199—200.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123. Л. 245—245 об. Рапорт отдела по заведованию артиллерийскими складами ГАУ в Наркомвоене о ходе сбора на местах информации о состоянии артиллерийских складов; составления схемы артиллерийских мастерских.

³ РГВА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1. Л. 35. Отношение Б.М. Вильковисского Московскому ОКУ от 27 июля 1918 г.

⁴ Там же. Л. 46. Отношение Б.М. Вильковисского Н.И. Муралову от 30 июля 1918 г.

⁵ Там же. Д. 178. Л. 27. Телеграмма Оперод Наркомвоена Э.М. Скланскому, А.А. Маниковскому и В.И. Ленину от 24 августа 1918 г.

ного состава) — управление прибыло в Москву к 20 марта «почти в полном составе»¹.

Уже 27 марта о своем прибытии в Москву с центральными управлениями военно-воздушного флота и морской авиацией донесла Коллегия по управлению Рабоче-Крестьянским воздушным флотом (управления разместили в помещении ресторана «Яр» — Петроградское шоссе, дом № 42 — ныне Ленинградский проспект, 32/2, помещение театра «Ромэн»)².

2 апреля начальник ГУКД Б.С. Лапшин направил телеграмму в Наркомвоен по вопросу о размещении «архива расформированных частей». Лапшин сообщил о возможности размещения архива в зданиях артиллерийских казарм... Нижнего Новгорода!³

Настоящей «опереттой» стал переезд в Москву Совета по управлению всеми броневыми силами РСФСР (Центробронь). 20 мая Центробронь направила во ВЦИК Советов настоятельные требования об устранении «всех препятствий, создаваемых в работе вышеназванного совета», в числе которых на первом месте отсутствие помещений, «страшно» задерживавшее «развертывание деятельности управления во всем масштабе»⁴. При этом Центробронь решала проблемы не только путем переписки с руководством Наркомвоена. Информацию о переезде управления дает доклад комиссара Главного управления по делам личного состава (Гулисо) Наркомата по морским делам о задержке переезда управления в Москву⁵. 23 мая комиссар Гулисо, приехав в Москву для закрепления выделенного служащим его управления здания, стал свидетелем захвата помещения Центробронью. Последняя предъявила «вместо реквизиционного мандата — броневой

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177. Л. 3. Отношение М.С. Кедрова председателю коллегии ГКУ Янсону от 20 марта 1918 г.

² Там же. Оп. 2. Д. 214. Л. 48. Телеграмма председателя Коллегии по управлению воздушным флотом П.С. Дубенского в Наркомвоен, Наркоммор, Демоб, Высший военный совет, Комиссариат по эвакуации, Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии от 27 марта 1918 г.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 153. Л. 42.

⁴ Там же. Д. 218. Л. 220—220 об. Служебная записка Центроброни во ВЦИК от 20 мая 1918 г.

⁵ Там же Д. 123. Л. 188—189 об.

автомобиль». На следующий день неудовлетворенный «аргументами» своих оппонентов комиссар Гулисо обратился с заявлением к заведующему расквартированием войск в Москве Акопову и командующему МВО Н.И. Муралову. Выяснилось: первое — захват был осуществлен Центробронью самолично, второе — это была реквизиция таким «убедительным» способом уже пятого помещения (в распоряжении Центроброни находилось несколько броневиков, которыми, сообщил комиссару Гулисо Муралов, была «терроризирована вся Москва»). Тогда комиссар Гулисо обратился к Л.Д. Троцкому. Нарком предписал Муралову «немедленно выселить команду Центроброни из захваченного ими помещения»; на вопрос, заданный в штабе МВО, «будет ли это приказание исполнено», был получен ответ: штаб точно не знает и возможен бой с командой Центроброни в случае ее отказа выполнить распоряжение Троцкого¹.

Во избежание возможного кровопролития комиссар Гулисо обратился к комиссару Центроброни, но тот грубо с ним обошелся, сославшись на разрешение К.А. Мехоношина. После переговоров с последним военком Гулисо дал отсрочку на выезд Центроброни до 1 июня 1918 года. Несмотря на распоряжения Л.Д. Троцкого и К.А. Мехоношина об освобождении Центробронью к 1 июня 1918 года захваченного помещения, ввоз мебели в здание продолжался. Когда срок истек, комиссар Центроброни по-хамски заявил явившемуся за разъяснениями коллеге: «никаких предписаний и распоряжений они не получили и уехать не собираются»².

Тогда, не находя удобным повторно обращаться к Троцкому и Мехоношину, комиссар Гулисо направил свое заявление коллегии Морского комиссариата. Однако документ попал к Троцкому (очевидно, как наркому и по морским делам), который тут же распорядился «Вызвать т. Блина (Центробронь) для объяснений»³...

Сложности вызывали и «инициативы» частных лиц. Так, например, военный комиссар Московского района

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123. Л. 188 об.

² Там же. Л. 188 об — 189.

³ Там же. Л. 189 об.

И.А. Ананьин 19 июля 1918 года просил начальника штаба Высшего военного совета генерал-майора Н.И. Раттэля оказать содействие в выселении из 2-го этажа (более 8 комнат), предоставленного штабу 6 июня, дома бывшего Гренадерского корпуса секретаря редакции «Известий Наркомвоен» М.А. Соколова для размещения на этаже «военно-регистрационного отделения и штаба воздушной обороны г. Москвы». Раттель немедленно распорядился «срочно написать» начальству газеты¹.

Эвакуация учреждений Наркомвоена активно сказывалась даже осенью 1918 года. В сентябре Э.М. Склянский поручил военному комиссариату Петроградской трудовой коммуны получить для Главного военно-хозяйственного управления (ГВХУ) по описям необходимое управлению канцелярское имущество. Склянский писал, что эвакуированные в марте 1918 года из Петрограда центральные управления Наркомвоена были «поставлены в очень тяжелое положение невозможностью найти в Москве достаточное количество необходимой канцелярской обстановки, каковую в свое время не было возможности вывезти из Петрограда ввиду общих условий эвакуации и недостатка подвижного состава», но «в настоящее время эти обстоятельства перестали служить препятствием». Более того — ГВХУ за время с марта по сентябрь 1918 года неоднократно пыталось перевезти на новое место необходимое имущество, но все усилия управления были бесполезны. Так как, несмотря на резолюцию Президиума Центрального совета, в выдаче обстановки командироваемым управлением служащим отказывал 2-й районный совет Петроградской трудовой коммуны².

А неотработанность вопросов снабжения центральных органов Наркомвоена на новом месте вылилась в то, что в конце сентября — начале октября 1918 года понадобилось созывать экстренное совещание по обеспечению размещенных в Москве управлений Наркомвоена... дровами. Присут-

¹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 2—2 об.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Л. 10—10 об. Распоряжение Наркомвоена военкомату Петроградской трудовой коммуны от 25 сентября 1918 г.

ствовавший на совещании представитель «Союза государственных и общественных учреждений г. Москвы по снабжению топливом» заявил о невозможности решения вопроса без финансовой и административной помощи «центральной и военной властей». Выяснилось, что шаги к установлению точной потребности управлений Наркомвоена в дровах до этого не предпринимались¹.

17 ноября 1918 года председателю Высшей военной инспекции Н.И. Подвойскому отошла телеграмма начальника Всероссийского главного штаба с просьбой «оказать могучую поддержку и настоять на немедленном выводе частей Московского городского комиссариата по военным делам из здания Александровского военного училища и прежде всего в течение этой недели тех частей, кои занимают помещение в главном корпусе». Здание по утвержденному Наркомвоенном плану должно было быть передано Всероглавштабу. Дело в том, что ВГШ был «разбросан по всей Москве, что при отсутствии средств связи и дальности расстояния крайне затрудняет его работу»². 22 декабря Н.И. Раттель уточнил, что составляющие ВГШ управления были разбросаны по всей Москве, а именно — Новая и Старая Басманная, Большая Молчановка 20, Арбат 35 и 37 (ныне там находится «Дом актера»), Антипьевский 6, Штатный пер. 26, Гранатный пер. 7, Воронцево поле 6, Хлебный пер. 15, Садовая 6, Земляной вал 26. Раттель констатировал, что при «слабом наличии средств связи... такая разбросанность» тоже очень влияет «на срочность работ»³.

Переезд в Москву поставил перед Наркомвоенном и ряд кадровых вопросов: служащие комиссариата при переезде оставляли в Петрограде свои семьи и, что естественно, отвлекались от работы раздумьями об участии оставленных в Петрограде родственников. Наркомат организовал постепен-

¹ Там же. Д. 178. Л. 71—71 об. Докладная записка Московского военного окружного комиссариата Э.М. Склянскому от 3 октября 1918 г.

² Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 329—329 об.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 695.

ный вывоз семей своих сотрудников¹, о котором договорилось руководство военного ведомства².

Таким образом, обстоятельства переезда Наркомвоенна в Москву вносили дезорганизацию в работу его управлений, оказавшихся рассеянными по Москве. Эффективность деятельности управлений резко снизилась на срок от 3 до 9 месяцев — в зависимости от обстоятельств переезда.

К тому же, как отметили составители³ «Юбилейной оценки деятельности Народного комиссариата по военным делам», при переезде в Москву «отдельные вопросы жизни выдвигались ежеминутно и не хотели, и не могли ждать общего планомерного разрешения; необходимость заставляла регулировать частные вопросы особыми отдельными распоряжениями, что отражалось весьма благополучно на общих результатах работы»⁴. Управления и их служащие были вынуждены налаживать быт, отвлекаясь от своей непосредственной работы.

Была нарушена нормальная деятельность Наркомвоенна. Эвакуация проходила весной 1918 года, однако ликвидировать ее негативные проявления пришлось фактически до конца осени. На качестве работы наркомата отрицательно отразился отказ от переезда части кадровых служащих, что связывалось с «квартирным вопросом» — трудностями рас-

¹ В фонде Управления делами Наркомвоенна отложилось множество ходатайств служащих Наркомвоенна об организации переезда в Москву их семей, а также выданные наркоматом мандаты с соответствующими полномочиями. См. напр.: РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 153; Д. 480. Л. 24, 50 и мн. др.

² Там же. Д. 187. Л. 67. По всей видимости, копия доклада Э.М. Склянскому об отношении Н.И. Подвойского.

Правда, и здесь не обошлось без накладок. Член коллегии Наркомвоенна М.С. Кедров в середине мая 1918 г. разрешил выдавать служащим, обслуживающим ВХС учреждений, отправляющимся в кратковременный отпуск в Петроград для ликвидации своих дел и перевозки семей Москву, «предложение литеры А с тем, чтобы лицами, воспользовавшимися документами, были возмещены из собственности расходы казны, вызванные этой льготой». Об этом решении Кедров уведомил Склянского. Последний «не разрешил пользоваться платными литеры А».

³ Предположительно справка о работе Наркомвоенна составлена генштабистом В.В. Самуйловым.

⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

селения многотысячной массы госслужащих в непригодной тогда для этого Москве. Согласившиеся на переезд служащие оставляли в Петрограде свои семьи и, естественно, отвлекались от работы раздумьями об участии родственников (Наркомвоен, впрочем, организовал постепенный вывоз семей своих сотрудников). Да и сами управления разместить было нелегко — они оказались рассеянными по Москве и даже (например, ГАУ¹) по Подмоскovie. Кроме того, эвакуация наркомата стала настоящим кошмаром для многих жителей новой столицы и во многом изменила облик «первопрестольной».

Глава 2

«Строго централизованный аппарат»: Наркомвоен после эвакуации в Москву

Как заметил исследователь Марк фон Хаген, советская политическая система зиждилась на четырех ключевых политических институтах: большевистской партии, бюрократическом аппарате, «тайной полиции» (органах ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД) и Красной Армии². Летом 1918 года, когда партия меньше года удерживала власть в своих руках и только в июле избавилась от своих временных «попутчиков» — левых эсеров, ВЧК делала свои первые шаги, а многотысячная масса государственных служащих еще занималась поиском квартир в Москве, армия и более чем двухтысячный центральный военный аппарат, во главе которого стоял с марта 1918 года Лев Троцкий, занимали крайне важное место.

22 апреля на заседании ВЦИК Лев Троцкий подчеркнул необходимость создания профессиональной, а «не дилетантской, не импровизированной» армии — с привлечением «всех ценных» военных специалистов, возложением на них ответственности и поручением им организационной, по

¹ *Потанов Н.М.* Записки о первых шагах советского военного строительства. С. 65.

² Hagen M. *Soldiers in the Proletarian Dictatorship*. N. Jork, 1990. P. 4.

его выражению — «главной» работы¹ (в плане кадров Троцкий был прагматиком). Троцкий назвал ближайшей задачей Наркомвоена реорганизацию *«военного аппарата прошлого, дезорганизованного, расстроеного, не могущественного по количеству лиц, ценностей, которые он обнимает»*. Этот аппарат предполагалось учесть, организовать и приспособить к той армии, которую мы сейчас хотим формировать»² (т.е. массовой регулярной).

Принципы построения армии на основе всеобщей воинской повинности после разгрома левых эсеров утвердил в июле 1918 году V Всероссийский Съезд Советов³. Троцкий определил армию как «строго централизованный аппарат, тесно связанный нитями со своим центром», и указал на необходимость установления строгой субординации и стройной системы местных военных органов⁴.

К середине января 1918 года сложилась следующая структура наркомата по военным делам. Наркомат возглавлял *пленум коллегии Наркомвоена*, которому напрямую подчинялись *Особое совещание по обороне государства, Ставка Верховного Главнокомандующего и Штаб Всероссийской коллегии по организации РККА*. «Узкий» состав коллегии Наркомвоена руководил напрямую сметно-финансовой частью и секретариатом, посредством Управления делами Наркомвоена — центральными (Управление по ремонту армии — УРА, ВУА) и главными (Управление военно-воздушного флота — УВВФ, Главное интендантское управление — ГИУ, Главное артиллерийское управление — ГАУ, Главное военно-техническое управление — ГВТУ, Главное военно-санитарное управление — ГВСанУ, Главное управление по квартирному довольствию — ГУ КД, Главное управление пограничному снабжению войск — ГУ ЗС,

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1520. Л. 148. Троцкий заявил, что среди старых военных специалистов он «нашел гораздо больше ценных элементов, чем это предполагалось... Они говорили о воссоздании армии и таким языком, каким мы, представители Советского режима, слушали как язык подлинных представителей демократической революционной страны».

² *Троцкий Л.Д.* КВР. Т. 1. С. 100.

³ Там же. С. 317—318.

⁴ *Троцкий Л.Д.* КВР. Т. 1. С. 307.

Главное управление военно-учебных заведений — ГУ ВУЗ, Главное управление Генерального штаба — ГУ ГШ) управлениями военного ведомства, Главным штабом и Канцелярией Военного министерства. Отдельные члены коллегии Наркомвоена руководили: отделами по демобилизации армии и артиллерийским, Управлением Главного комиссариата ВУЗ и Редакцией печатного органа Наркомвоена¹.

4 марта Ставка Главковерха, как мы уже установили, прекратила свое существование. В результате подрывной деятельности Подвойского сотоварищи от центрального военного аппарата осталась совокупность структур, которые никак не могли обеспечить строительство Красной Армии. В условиях переезда Наркомвоена в Москву и развернулось под руководством созданного 3 марта 1918 года *Высшего военного совета* строительство центрального военного аппарата.

17 марта 1918 года утвердили первый штат Высшего военного совета: военный руководитель; его помощник (со штатом состоящих при них порученцев и лиц административно-технического состава); генерал-квартирмейстер при Высшем военном совете (с двумя помощниками по оперативной части и двумя — по разведке, начальником связи, заведующим иностранными миссиями и топографом); начальник военных сообщений; полевой инспектор артиллерии; полевой инженер при Высшем военном совете; полевой интендант при Высшем военном совете; инспектор санитарной части при Высшем военном совете; отдел по формированию; Канцелярия при Высшем военном совете².

19 марта ВЦИК уточнил компетенцию Высшего военного совета и внес изменения в его персональный состав. Высший военный совет был поставлен «во главе дела обороны страны»: по замыслу создателей, он должен был стать координирующим и контрольным центром военного и морского ведомств, ведающим кадровой политикой военного ведомства (Высший военный совет должен был «осуществлять сис-

¹ Крушельницкий А.В. Указ. дис. С. 208.

² Зайончковский В.А. Краткая справка о структуре Высшего военного совета. Рукописный экз. (хранится в отделе публикации архивных документов РГВА).

тематические собрание всех сведений о военных..., пригодных на должности высшего военного командования»¹. Структура Высшего военного совета сложилась в мае—июле 1918 года. Рабочий аппарат его получил наименование Штаб Высшего военного совета².

20 марта 1918 года для координации работы главных довольствующих управлений в аппарате Наркомвоена учредили *Военно-хозяйственный совет* (ВХС), возглавленный широкой коллегией. В ее состав включались представители всех центральных и главных «довольствующих» управлений (начальники и заведующие отделами этих управлений), а также специалисты по различным отраслям военного дела и «лица по особому приглашению». Для рассмотрения вопросов, затрагивавших интересы иных ведомств РСФСР, предусматривалось межведомственное совещание при ВХС. Местные органы при ВХС предстояло сформировать в лице окружных «военно-хозяйственных совещаний»³, а центральный аппарат — в составе управления делами и юрисконсультского отдела и трех управлений (законодательно-финансового, хозяйственно-технического, демобилизационно-экономического). На формирование аппарата ВХС участвовали окончательно упраздняемые с 20 марта 1918 года органы Военного совета, Комиссариат по демобилизации (Демоб), Канцелярия Военного министерства, а также Управление делами и комиссии Особого совещания по обороне государства⁴. Под руководством ВХС отныне должны были функционировать 11 главных управлений Наркомвоена: ГАУ, ГВИУ, ГКУ, ГУ ВВФ, ГВХУ, ГВСанУ, ВУА, ГУ ЗС, УРА, а также Центральная научно-техническая лаборатория и Центральное распорядительное бюро военного имущества.

¹ Постановление о Высшем военном совете. 19 марта 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. С. 569—570.

² См. подр.: РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 12; Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 359 и след.

³ На их формирование обращались местные реквизиционно-оценочные комиссии упраздняемого Особого совещания по обороне государства.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 72 с об—73. Пр. Наркомвоена № 223.

Так, к концу марта 1918 года в целом завершилась намеченная еще домартовской коллегией Наркомвоена реорганизация управления снабженческими структурами наркомата. Правда, данная реорганизация, как, впрочем, и все остальные, произошла далеко не сразу: только 27 марта Н.М. Потапов приказал врид начальника Законодательно-финансового управления (ЗФУ) при ВХС Ф.П. Балканову запросить всех бывших членов Военного совета об их готовности продолжить службу в армии «в составе армии»¹. Надо полагать, что генерал Потапов не имел в виду службу своих коллег в действующей армии... Только 31 марта — спустя 10 дней после формального упразднения Военного совета — Ф.П. Балканов направил запросы его бывшим членам² (а поскольку отнюдь не все находились в Петрограде, отдельным членам Балканов указал в качестве срока исполнения 10 апреля 1918 года!³).

В апреле 1918 года Балканов рапортовал о выполнении распоряжения. Из 15 запрошенных (всего в Военном совете числилось 27 человек) двоих не смогли разыскать: один находился в отпуске («по частным сведениям», в Ревеле — так сообщал Балканов), второй «исчез» еще в октябре 1917 года, шесть бывших членов находились в отпуске и не соизволили ответить на запрос (один из них впервые просил об отставке еще 6 ноября 1917 г.), 10 человек изъявили желание выйти в отставку. Из девяти, на которых, казалось, могла рассчитывать Советская власть, один (А.Ф. Добрышин) просил о необходимости лечения последствий полученной в Первой мировой войне контузии и предоставить ему должность в Петрограде, второй (Д.В. Филатьев) хотел остаться на преподавательской работе в Императорской Николаевской военной академии, двое (А.В. Брилевич, В.Т. Чернявский) соглашались на административно-хозяйственные должности, один (В.Н. Клембовский) просил сделать более конкретное предложение. Единственным человеком, заявившим о готовности

¹ РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 48. Л. 3, 5 и след.

² Желают ли «выйти по этому случаю в отставку» или продолжить работу.

³ Там же. Л. 5 и след.

служить в действующей армии, стал полевой артиллерист, бывший командующий армией Е.А. Радкевич¹.

Лишь 25 мая Балканов предложил зам.наркома Э.М. Склянскому считать 12 бывших членов Военного совета, уволенными со службы с 21 марта с предоставлением им права на пенсию, вопрос о служебном положении остальных оставить открытым². Балканов и Потапов «порадели» бывшим членам Военного совета: все их просьбы учли — желающие остались на различных должностях в центральном аппарате Наркомвоена. Более того, впоследствии расстрелянный по обвинению в измене В.Н. Клембовский активно «пристраивал» своих людей во Всероссийский главный штаб, ответственным работником которым он стал³.

Вскоре только что сформированный аппарат ВХС начал пополняться новыми подразделениями, а его первоначально намеченный круг задач, соответственно, расширяться. 30 апреля Высший военный совет принял решение создать в составе ВХС три отдела: « а) «по изданию законов, приказов, штатов и табелей» и б) «по рассылке изданных законов, приказов, штатов и табелей в войсковые части, управления и заведения», а также «в) «по составлению свода военного законодательства»» (т.е. кодификационный)⁴.

Достаточно быстро выяснилась искусственность такого совмещения функций. Уже 1 июня 1918 года ВХС был разделен на самостоятельные: *Военно-законодательный совет* (ВЗС) и *Центральное управление по снабжению армии* (ЦУС), занимающееся вопросами снабжением армии. Фактически ВХС был переименован в Военно-законодательный совет, а вот ЦУС пришлось формировать заново, что, видимо, не пошло на пользу планомерности работы.

В задачи ЦУС входила организация планового снабжения частей Красной Армии, определение потребностей войск в вооружении, снаряжении, боеприпасах, технике и т.д., а так-

¹ РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 48. Л. 32 с об—33.

² Там же. Л. 30 — 31 об.

³ См.: *Брусилов А.А. Мои воспоминания*. М., 2000.

⁴ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 135 с об—136. Доклад М.Д. Бонч-Бруевича в Высший военный совет с резолюцией Совета.

же контроль за их расходом. ЦУС возглавлял совет в составе Главного начальника снабжения и двух комиссаров. 15 июня ЦУСу официально подчинились: ГАУ; ГВИУ; ГВХУ; ГКУ; ГУ РКК ВВФ; ГВСанУ; ВУА; УРА; Центральная научно-техническая лаборатория военного ведомства; Центральное распорядительное бюро военного ведомства в виде отдела, ведающего сбором, учетом и распределением готового военного имущества и наблюдающего в этом смысле за работой довольствующих управлений; Технический комитет Хозяйственно-технического управления при ВЗС со всеми состоящими при нем подготовительными комиссиями и местными органами и ликвидационный отдел этого управления, за исключением части по претензиям. В ведение ЦУС также передавались общественные организации, выполняющие «какие-либо работы по снабжению» РККА. Все демобилизационные отделы, учрежденные при довольствующих управлениях 6 марта 1918 года, упразднялись, сотрудников «в мере действительной надобности» предписывалось передать на укомплектование главных довольствующих управлений¹.

Перед управлением стояла огромная по масштабу задача: еще 7 января 1918 года М.Д. Бонч-Бруевич докладывал Н.В. Крыленко и в СНК, что «наступление в армии полного голода является делом ближайших дней»². Как заметил С.А. Павлюченков, «голодный кошмар», охвативший северные и центральные губернии (регионы с ограниченным возделыванием хлебных культур) и после разрыва связей с южными, продолжался всю зиму и весну 1918 года³. Еще в феврале 1918 года была введена продовольственная диктатура, причем во главе продовольственного дела с 31 января встал будущий наркомвоен Л.Д. Троцкий, возглавивший Чрезвычайную комиссию по продовольствию и транспорту. Эта комиссия «была призвана ликвидировать анархию в деятельности двух важнейших отраслей хозяйства и должна была хотя бы частично провести в жизнь принципы хлебной мо-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 72 с об—73. Пр. Наркомвоена № 445.

² См.: Павлюченков С.А. Крестьянский Брест. М., 1996. С. 22.

³ Там же. С. 23.

нополии»¹. Конфискация груза у мешочников, характерная для этого периода, нередко встречала вооруженное сопротивление «нюхавших порох и имевших оружие» мешочников, за которых вступались армейские части. В течение всей Гражданской войны, подобные стычки красноармейских частей и заградительных продовольственных отрядов происходили постоянно и в большинстве своем заканчивались разгромом продовольственников, на которых отыгрывались за продовольственную диктатуру большевиков мобилизованные в армию крестьяне. В мае 1918 года узаконена проддиктатура², а в июле создано управление, призванное обеспечить голодающую армию...

Параллельно ЦУС действовал с 26 февраля 1918 года отдел по вооружению Всеросколлегии, также занимавшийся (в меру своих возможностей): учетом оружия; организацией его производства в случае недостатка; обеспечением правильного снабжения оружием главнейших баз и всех отрядов РККА. В организации снабжения царила неразбериха, и, соответственно, постоянно не хватало военного имущества.

Дезорганизация снабжения усилилась, когда в августе 1918 года вместо отдела по вооружению была создана Центральная комиссия по боевому снабжению, подчиненная Опероду Наркомвоена и призванная установить строгий контроль за выполнением требований на боевое снабжение как ЦУС, так и главных довольствующих управлений и их окружных и местных органов, безо всякого вмешательства в деятельность этих учреждений.

Что же касается ВЗС, то 6 июня 1918 года установили новый порядок направления дел по военному ведомству — центральные и главные управления, подчиненные советам ВГШ или ЦУС, лишались возможности прямого обращения в иные учреждения. Строго оговаривалось, какие вопросы советам ВГШ или ЦУС передавать в коллегиям Наркомвоена через управляющего делами Наркомвоена, какие сопровождать заключением ЗФУ ВЗС³.

¹ Там же. С. 26—27.

² См.: Павлюченков С.А. Крестьянский Брест. М., 1996. С. 27—28.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 234 об—235. Пр. Наркомвоена № 426.

6 апреля Наркомвоен и Высший военный совет опубликовали в «Известиях ВЦИК» специальное положение «О военных комиссарах, членах военных советов». В документе подчеркивалось, что комиссары «являются непосредственным политическим органом Советской власти при армии»; декларировалось, что таковыми могут стать лишь «безупречные революционеры». Личность комиссара объявлялась неприкосновенной, его оскорбление или насилие над ним приравнивались к тяжким преступлениям против Советской власти¹.

Для руководства деятельностью комиссаров в масштабе всей армии в составе аппарата Наркомвоена 8 апреля учреждено *Всероссийское бюро военных комиссаров* (Всебюрвоенком)². Его первоначальной ячейкой явилось Бюро комиссаров Наркомвоена³. Институт комиссаров характерен для революционного времени. В России институт военных комиссаров был учрежден Временным правительством для контроля над офицерами. Тогда же в армии появились политическое отделение, в Военном министерстве — Политуправление⁴. 23 апреля 1918 года в состав этого формирующегося нового центрального органа передали агитационно-просветительный отдел Всероссийской коллегии⁵. 8 мая приказом Наркомвоена оформили первоначальную структуру Всебюрвоенкома: секретариат; общее делопроизводство; административное и инспекторско-инструкторское отделения; агитационно-просветительный отдел⁶. Вскоре к ним добавились служба связи (17 мая) и казначейский отдел (24 мая)⁷. 15 августа 1918 года Всебюрвоенком пополнился военно-железнодорожным отделением, которому предстояло направлять и координировать работу политических комиссаров при начальниках УВОСО, а также

¹ Цит. по: *Кляцкин С.М.* Институт военных комиссаров // ВИЖ. 1968. № 4. С. 123-124.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 95. Пр. Наркомвоена № 270.

³ О Бюро комиссаров Наркомвоена см.: *Крушельницкий А.В.* Народный комиссариат по военным делам... С. 140—141.

⁴ См.: *Сенин А.С.* Военное министерство Временного правительства.

⁵ РГВА. Ф. 8. Историческая справка. Л. 2.

⁶ См.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 196 и след.

⁷ Там же. Л. 216 об—217. Пр. Наркомвоена № 373; Л. 221. Пр. Наркомвоена № 398.

уполномоченных ВОСО на железнодорожных станциях¹. Так был заложен фундамент одного из важнейших руководящих военных органов Советского государства — будущего Политического управления Реввоенсовета Республики.

В мае 1918 года в составе центрального военного аппарата появилось параллельное Высшему военному совету подразделение — *Оперативный отдел Наркомвоена* (Оперод). Это подразделение в уже «готовом» виде передавалось из Московского окружного военного комиссариата по приказу наркома от 11 мая. Деятельность Оперода к этому моменту фактически далеко вышла за рамки окружного масштаба, а накопленный организационный опыт (отдел действовал с конца февраля 1918 г.), установление связи с местами и — немаловажно! — квалифицированные кадры (имелось даже два генштабиста — Г.И. Теодори и И.Д. Чинтулов) представляли серьезную ценность для высшего военного руководства². Фактически Оперод, под руководством видного московского большевика из меньшевиков-интернационалистов С.И. Аралова, умело заручившегося поддержкой своих «консультантов» — молодых генштабистов, становился все более многофункциональным органом. Так, параллельно с Всероглаштабом Оперод принялся за издание топографических карт, учредив специальное отделение — топографическое. С началом боевых действий против Чехословацкого корпуса Оперод занялся агитацией в войсках, образовав для этого военно-политическое отделение (отправило в войска в июле-августе 1918 года 2,5 тысячи агитаторов). Оперод озаботился даже материальным поощрением красноармейцев — в его структуре появилась Комиссия по подаркам³. В результате Оперод быстро разрастался, а его руководство явно нацеливалось на полную автономность и организационную самостоятельность. Об этом свидетельствует уже перечень отделений Оперода к октябрю 1918 года: оперативное, разведы-

¹ Там же. Л. 330 об—331. Пр. Наркомвоена № 641; Л. 353 об. Пр. Наркомвоена № 698.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 5. Обзор работы Оперативного отдела Наркомвоена.

³ Там же.

вательное, военного контроля (контрразведывательное), связи, учетное, передвижения (военных сообщений), «общее» (управление делами), военно-топографическое, военно-политическое, военно-цензурное (!) плюс секретариат и «комиссия по подаркам» (для рассылки в войсковые части подарков для бойцов — эмбрион наградного отдела)¹. Похоже, столь явное дублирование всех основных функций центрального военного аппарата стало на начальном этапе советского военного строительства одним из проявлений общей организационной слабости этого самого центрального аппарата. Только так можно объяснить весьма длительное попустительство «ведомственному сепаратизму» Аралова сотоварищи.

Импровизационность новых — «советских» военных органов отчетливо проявилась в создании *Высшей военной инспекции* (ВВИ). Учрежденная 24 апреля 1918 года² как подразделение Наркомвоена, ВВИ предназначалась для инспектирования строительства частей и учреждений РККА.

Приказ Наркомвоена оформил создание ВВИ задним числом. Накануне, 23 апреля, Подвойский уже организовал комиссию из военспецов и партийных работников для инспектирования формирований РККА в Орловской и Курской губерниях. А 24 апреля, выступая на заседании этой комиссии, переименованной теперь в ВВИ, он так определил задачи: «ревизия на местах существующих военных учреждений; установление определенного в декретах порядка военного управления; организация и меры по подъему боевого духа и настроения среди действующих военных отрядов»³. На практике все вылилось в проверку работы военных отделов местных (преимущественно — окружных, затем — губернских и уездных) совдепов; оказание помощи в формировании военных комиссариатов.

¹ Там же. Л. 5 с об—6.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 136 об—137. Пр. Наркомвоена № 303.

³ Известия Наркомвоена. 1918. 2 сентября. № 103. С. 4. К. 3[наменск]ий. Деятельность Высшей военной инспекции (первая поездка, 25 апреля — 2 мая. Города Орел, Брянск и Курск). Подробнее о деятельности ВВИ см.: *Левенштейн М.Н.* Указ. работы.

Работа ВВИ осложнилась преобразованием 24 августа 1918 года одного из отделов ВЗС с состоящей при этом отделе ликвидационной комиссией в *Военно-хозяйственный надзор* — специализированный орган центрального контроля за финансовой стороной деятельности войск, управлений, учреждений и заведений военного ведомства. Новому учреждению вменялось в обязанность регулярное инспектирование военных управлений, учреждений и заведений, на предмет упорядочения финансирования их деятельности и устранения злоупотреблений, Предстояло немедленно — «по должности» — решительно пресечь самодеятельные попытки ВВИ инспектировать, в том числе, и постановку финансовой работы проверяемых воинских частей и местных органов военного ведомства¹. Очевидно, что функции ВХС частично дублировали функции ВВИ, также пытавшейся инспектировать военные части, учреждения и заведения для устранения обнаруженных недостатков.

8 мая 1918 года был образован *Всероссийский главный штаб* (Всероглавштаб). Он объединил в себе аппараты Всероссийской коллегии; ГУ ГШ; ГШ; ГК ВУЗ; УРА. Согласно общему порядку Всероглавштаб первоначально возглавил совет в составе двух политкомиссаров и начальника штаба².

В составленном Н.М. Потаповым в 1936 году «кратком очерке» деятельности Высшего военного совета освещаются обстоятельства, которые непосредственно предшествовали учреждению Всероглавштаба. По словам Н.М. Потапова, когда «в первой декаде апреля» в коллегии Наркомвоена «...был поднят вопрос о том, что наряду с Главным штабом, ведающим, главным образом, вопросами комплектования и службы комсостава, нужно иметь еще для военно-оперативной работы Генеральный штаб, раздавались замечания: «Мы ликвидировали генералов, а хотим оставить Генеральный штаб!». В результате, заключал автор очерка, решили вместо

¹ Известия Наркомвоена. 1918. 31 августа. № 102.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 202—202 об. Пр. Наркомвоена № 339. Комиссарами назначили И.И. Безансонова и А.И. Егорова, начальником штаба — Н.Н. Стогова (Там же. Л. 202 об. Пр. Наркомвоена № 340).

двух органов создать единый громоздкий аппарат — Всероссийский главный штаб¹.

Всероглавштаб, задуманный как универсальный оперативный и военно-административный орган, действительно оказался тяжеловесным и бюрократическим учреждением. В его состав включили шесть управлений: по организации армии (в составе отделов — организационного, мобилизационного, устройства и боевой подготовки войск); оперативное; военных сообщений; военно-топографическое; военно-учебных заведений; по командному составу. При этом ВГШ сосредоточился преимущественно на вопросах формирования частей и соединений РККА, действуя даже на этом сравнительно узком участке работы бюрократически-неспешно².

Управление по организации армии ВГШ первоначально включало четыре отдела: общеорганизационный; по устройству и боевой подготовке войск; мобилизационный; по снабжению армии конским составом. Впоследствии — 24 октября 1918 года — оба последних преобразовали в самостоятельные управления Всероглавштаба³.

10 декабря в составе управления сформировали «Комиссию по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 годов. В Организационном управлении ВГШ сосредоточили дела по личному составу и прохождению службы сотрудников этого управления, а также по довольствованию совета, Организационного и Мобилизационного управлений, личной канцелярии, комендатуры, гаража ВГШ и лиц, состоящих в распоряжении его начальника⁴.

¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 7.

² См.: РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 7; Ф. 10. Оп. 2. Д. 36. Л. 1. Доклад специалиста ВВИ [З. Ющенко] председателю ВВИ Н.И. Подвойскому «о поставке учета в учреждениях военного ведомства» от 3 июня 1918 г.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 18. Л. 1—1 об. Отчет о деятельности Организационного управления ВГШ за время с 25 октября 1917 г. по текущий момент; Л. 19. Годовой отчет Организационного управления ВГШ за 1918 г.

Позднее «Управление по организации армии» переименовали в «Организационное управление». (Сб. приказов РВСР за 1919 г. Пр. № 1604/333

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 17. Л. 2. Отчет Организационного управления ВГШ о деятельности ГУ ГШ и своей собственной (1919); Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 195 об.—196. Пр. Наркомвоена № 335.

В мае 1918 года бывший секретарь коллегии Наркомвоена А.Ф. Ильин-Женевский предлагал образовать при Наркомвоене Коллегию по делам изобретений. ВХС постановил снести по вопросу о создании предлагаемой коллегии с Наркомфином и Наркомгосконом и представить проект на утверждение Совнаркома; предложение Ильина-Женевского об отпуске средств авансом отклонить, как не предусмотренное общей сметой Наркомвоена¹.

21 марта Высший военный совет отменил выборное начало в Красной Армии², положив начало переходу к строительству РККА на основе массового привлечения военных специалистов. В связи с необходимостью организации их учета в Наркомвоене 5 апреля учредили *аттестационную комиссию*, вскоре переименованную в *Высшую аттестационную комиссию (ВАК)*. Ее составили: бывшие подполковник левый эсер А.И. Егоров (в качестве комиссара и председателя), большевики Н.И. Бессонов и Е.В. Молчанов (комиссары) и бывшие генералы Н.М. Воронов (генерал от инфантерии) и Я.К. Цихович (генерал-лейтенант). Им предстояло установить общий порядок аттестования и непосредственно произвести аттестацию комсостава (от командира полка и выше и на соответствующие должности в военных учреждениях); составить списки кандидатов на замещение этих должностей для утверждения наркомом по военным делам³.

Очевиден параллелизм работы Высшей аттестационной комиссии и Управления по командному составу Всероглавштаба. Именно последнему изначально вменялось в обязанность решение вопросов привлечения военных специалистов в Красную Армию⁴. Видимо, первоначально предполагалось разделение функций: ВГШ намечал бы номенклатуру командных вакансий, а ВАК — выяснял профессиональное

¹ РГВА. Ф. 46. Оп. 2. Д. 65. Л. 120.

² Кавтарадзе А.Г. Указ. соч. С. 79.

³ Подр. см.: Там же. С. 79—80.

⁴ См.: РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 14. Л. 153. Отчет о деятельности Высшей аттестационной комиссии Народного комиссариата по военным делам. Подлинник.

соответствие им наличных военспецов¹. Однако на деле сразу наметился параллелизм: всем местным штабам и военкоматам республики уже 7 мая 1918 года приказали срочно доставить в Управление по командному составу армии ВГШ списки и регистрационные карточки всех наличных на тот момент военнотружущих, т.е., в частности и тех, чьи документы подлежали передаче в ВАК².

Отметим также наиболее существенные перемены в системе «главных довольствующих управлений».

28 февраля 1918 года *Главное военно-техническое управление* переименовали в *Центральное военно-техническое управление* (ЦВТУ)³.

15 июня ЦВТУ, Военную авточасть, Совет по управлению всеми автоброневыми силами (Центробронь) и Управление военного радиотелеграфа соединили в единое *Главное военно-интендантское управление*⁴. Но при этом Центробронь, по сути, продолжала свое автономное существование⁵.

13 марта упразднили *Главное интендантское управление*. При этом часть его функций передали «новоучрежденному» *Всероссийскому военно-хозяйственному комите-*

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Л. 165.

Об этом свидетельствует, например, предложение Управления по командному составу при обсуждении предложения Н.И. Подвойского об учреждении при губернских комиссариатах 15-процентного резерва военспецов. Управление сочло предложение нерациональным и предложило учредить резерв при военкоматах военных округов и дивизий лиц комсостава, куда могли бы быть зачислены все бывшие офицеры, желающие служить в РККА, до выяснения их пригодности аттестационными комиссиями и формирования новых войсковых частей (Там же. Л. 168).

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 191 об. Пр. Наркомвоена № 324.

По данным на 4 июня, в Управление по командному составу армии поступило с мест 442 карточки (в том числе, 27 еще не зачисленных на службу), а в самом управлении непосредственно зарегистрировалось 6 человек (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Л. 173).

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 54. Пр. Наркомвоена № 173.

Во главе управления стоял Совет из начальника управления (военный инженер А.К. Овчинников), военных комиссаров, а также избранного Советом ЦВТУ председателя Коллегии по инженерной обороне государства военного инженера К.И. Величко.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 240—240 об. Пр. Наркомвоена № 445.

⁵ Сб. ПВСР. Т. 1. С. 268.

ту (Архозкому). Его возглавила коллегия под председательством члена коллегии Наркомвоена П.Е. Лазимира. Теперь на Архозком возлагались прежние функции ГИУ: организация интендантского снабжения и финансового обеспечения Красной Армии и координация военно-хозяйственных мероприятий на местах. Аппарат Архозкома составили 11 отделов: продовольственный, вещевой, технический, административно-организационный, инструкторский, транспортный, статистический, общий, квартирный, хозяйственный, мобилизационный¹.

Но уже 20 июня Архозком «реорганизовали» в *Главное военно-хозяйственное управление* (ГВХУ) с прежними функциями ГИУ.² Таким образом, обе реорганизации сводились к последовательным переименованиям прежней структуры, цели которых до сих пор не ясны³.

24 марта состоялось совместное постановление ВХС и ВСНХ о передаче в ведение последнего *Главного управления пограничному снабжению* войск. При этом пограничные заказы по боевому снабжению армии решили «ликвидировать по соглашению заказчиков с иностранными агентами, с обращением авансов на уплату — на заказы для мирных потребностей»⁴. Только 16 мая при Техническом комитете ВХС состоялось междуведомственное совещание под председательством генерала Н.Г. Мальчиковского. На заседании присутствовали представители Технического комитета и ЗФУ ВХС, ГУ ЗС, наркоматов — По морским делам, Торговли и промышленности, Госконтроля (военный отдел) и Финансов. Председатель отметил, что ГУ ЗС было «вынуждено бездействовать,

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 62. Пр. Наркомвоена № 202.

² Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 145.

³ При ГВХУ состояла Военно-хозяйственная академия, готовившая ответственных сотрудников военно-хозяйственного ведомства (смотрителей продовольственных и вещевых складов и магазинов, заведующих мастерскими, хлебопекарными, делопроизводителями и их помощников) (Там же; Сб. приказов Наркомвоена за 1918 г.).

⁴ СУ РСФСР. 1917—1918. М., 1919. Ст. 694.

Когда 15 апреля М.Д. Бонч-Бруевич счел ликвидацию пограничных заказов по боевому снабжению несвоевременной, оказалось, что уже поздно (РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 13. Л. 24).

несмотря на то, что многомиллиардные заказы и расчеты по ним не только закончены, но ликвидация этого дела едва началась»¹. Совещание «единогласно» решило, что «ГУ ЗС должно остаться в военном ведомстве»². Вопреки решению о передаче ГУ ЗС в подчинение ВСНХ, Управление de facto все же осталось в структуре центрального военного аппарата, хотя и претерпев значительные сокращения. К 10 июня 1918 г. от его первоначального штатного состава в 128 сотрудников сохранилось всего 85, а на 1 сентября — 45 человек³.

24 мая *Управление Военного воздушного флота* переименовали в *Главное управление Рабоче-Крестьянского Красного Военного Воздушного Флота*.

Созданный в январе 1918 года *санитарный отдел Всероссийской коллегии* соединили с *Главным военно-санитарным управлением* (ГВСанУ)⁴. 11 июня СНК постановил было реорганизовать ГВСанУ в военно-санитарный отдел Наркомздрав⁵, но на деле и название, и подведомственность управления оставались прежними до конца Гражданской войны⁶.

3 августа вышел приказ Наркомвоена о включении *Главного управления по квартирному довольствию войск* в ГВИУ, а окружных квартирных управлений в окружные военно-инженерные управления. При этом местные отделы по квартирному довольствию войск переименовывались в «дистанции»⁷. Реорганизация встретила резкие возражения со сто-

¹ Там же. Л. 58. Журнал заседания.

² Там же. Л. 60.

³ РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 13. Л. 57, 77 об—78.

⁴ Шатагин Н.И. Указ. соч. С. 59—60.

⁵ См.: Постановление СНК «О слиянии Военно-санитарного управления с Народным комиссариатом здравоохранения» (Положение). 29 августа 1918 г. // СУ РСФСР. 1917—1918. Ст. 694; Декреты Советской власти. Т. 3. С. 264—266.

29 августа 1918 г. Наркомвоен приказал начальнику ГВСанУ «принять экстренные меры к скорейшей» (реорганизации) Управления по декрету СНК (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 395).

⁶ См.: РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 216. Л. 27. Служебная записка президиума совещания врачей санитарных поездов наркомздраву здравоохранения Н.А. Семашко от 14 сентября 1918 г.

⁷ Там же. Д. 93. Л. 303. Пр. Наркомвоена № 611.

роны ряда руководящих работников Наркомвоена и местных военных комиссариатов, но все же была доведена до конца¹.

Главное военно-метеорологическое управление переименовали 21 августа в *Военно-метеорологический отдел ЦУС*, юридически сохранив за этим отделом права главного управления Наркомвоена².

Нельзя обойти вопрос еще об одном главном управлении военного ведомства, доставшемся в наследство большевикам. Считалось, что *Главное военно-судное управление* (ГВСУ) было уничтожено в первые месяцы Советской власти (соответствующий декрет вышел уже в январе 1918 г.)³, однако ряд документальных источников свидетельствует, что расформирование ГВСУ затянулось до июля 1918 года. Правда, управление, в отличие от всех остальных, не переехало в Москву, до самого конца оставаясь в Петрограде⁴.

Таким образом, к лету 1918 года советский центральный военный аппарат был уже способен решать стоявшую перед ним задачу — строить новую армию для защиты РСФСР. Но его организация по-прежнему характеризовалась нестабильностью и наличием параллелизма в работе основных подразделений. Так, в оперативном руководстве одновременно участвовали (явно мешая друг другу) Штаб Высшего военного совета, Оперативное управление ВГШ, Оперод Наркомвоена и даже военный отдел ВВИ; не имели четкого разграничения полномочий Управление по командному составу Всевоглавштаба и ВАК, что, несомненно, негативно отражалось на подборе и расстановке командных кадров; ЦУС представ-

¹ См.: РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 178. Л. 28—28 об.

25 августа Московский окрвоенком Н.И. Муралов в телеграмме Э.М. Склянскому протестовал «самым решительным образом» против ликвидации Московского окружного квартирного управления.

² РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 34. Л. 156. Журнал ВЗС № 35, пункт 21.

Штат военно-метеорологического отдела утвержден; средства на реорганизацию запрошены через СНК «установленным порядком». Делопроизводителем относительно утверждения постановления карандашом помечено: «дело н[аходит]ся у Ск[лянского]».

³ См. *Сенин А.С.* О ликвидации центральных органов управления русской армии С. 26—27.

⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 768. Л. 9.

лял собой, по сути, конгломерат обломков прежних довольствующих управлений, дезорганизованных сокращениями и последствиями эвакуации, координировать их работу руководству этого новосозданного органа было явно затруднительно; не менее громоздким стал аппарат Всероглавштаба, сформированный так же, как и аппарат ЦУСа — путем механического объединения большого числа разнородных подразделений.

Из рапорта делопроизводителя по техническим учреждениям и заведениям заведующему организационно-распорядительной частью ГВИУ о бюрократических сложностях, возникших при исполнении предписания начальника управления от 10 июля 1918 года: «Во исполнение предписания начальника управления и личного приказания Вашего, отданного 5 ч[асов] дня 5 с[его] июля, я отправился в г. Москву для выяснения в оперативном отделе Всероссийского главного штаба тех данных, кои необходимы ГВИУ, для решения вопроса о снабжении специальным имуществом восточного отряда. Дабы получить нужные сведения, пришлось, согласно получаемых мною, последовательно, указаний обращаться: 1) в Оперативное отделение канцелярии Нарком[ата] военного (так в тексте назван Оперод Наркомвоена. — С.В.) (Пречистенка, 37), геншт[аба] [Г.И.] Теодори; 2) в отделе той же канцелярии, помещающийся на Новинском бульваре № 101, геншт[аба] [Н.Г.] Мыслицкий; 3) в отделе главного начальника снабжений; 4) в специальную комиссию, выделенную этим отделом, для снабжения восточного отряда (т. [Ф.М.] Косырев); 5) в отдел Всероссийского главного штаба по устройству и боевой подготовке войск (Ипатьевский пер., геншт[аба] [О.А.] Зундблат; 6) в оперативный отдел Всероссийского главного штаба к заведующему отделениями (Арбат 37), геншт[аба] [Н.В.] Пневский; 7) к представителю Высшего военного совета (Гранатный пер. 13), геншт[аба] [Л.М.] Болховитинов; 8) к главному начальнику снабжений (Штатный [Так в тексте. Очевидно, речь идет о Шпалерном пер.] пер. 13).

Нигде определенных указаний дано не было и точных сведений о составе войсковых частей восточного отряда не имелось. Удалось только установить, что: 1) для обеспе-

чения быстроты снабжения восточного отряда образована при отделе снабжения Особая комиссия под руководством т. [Ф.М.] Косырева; 2) снабжение войск, оперирующих на внутреннем фронте, предположено возложить на центральные довольствующие учреждения и 3) способ осуществления снабжения восточного отряда имеется в виду установить в зависимости от тех указаний, которые будут преподаны по этому вопросу специальной комиссией, создаваемой, согласно представления Главного начальника снабжений, при т. [С.И.] Аралове»¹.

Несмотря на то, что подобные документы не редкость, обзор основных организационных мероприятий, осуществленных руководством Наркомвоена на протяжении марта—августа 1918 года свидетельствует, что обновленный (и, несомненно, подстегиваемый высшим партийно-государственным руководством) состав высшего военного руководства, опираясь на накопленный опыт, целенаправленно и форсированно завершал намеченную еще в феврале централизацию аппарата Наркомвоена².

К августу, когда определился курс на создание массовой регулярной Красной Армии — была осознана и необходимость в дальнейшей централизации военного управления. 18 июля вышла статья «К вопросу об организации центрального управления военного ведомства». Автор редакционной статьи констатировал, что структура центрального военного аппарата «до некоторой степени» оформилась; отметил громоздкость этой структуры и параллелизм работы отдельных центральных военных органов. По наблюдениям автора, не была определена компетенция Управления делами Наркомвоена и ВЗС³; отсутствовали регламентация деятельности Высшего военного совета как высшего органа военного управления и должная четкость во взаимоотношениях Высшего военного совета (как коллегиального органа) и колле-

¹ РГВА. Ф. 22. Оп. 3. Д. 85. Л. 44—44 об. Подлинник.

² См.: Крушельницкий А.В. Народный комиссариат по военным делам: дис... канд. наук. С. 174 и след.

³ В тексте — «не ясна роль и значение Законодательно-финансового управления и Управления делами Высшего военного совета».

гии Наркомвоена, что создавало возможность децентрализованного проведения законодательных решений через любой из этих органов¹.

Реввоенсовет Республики, учрежденный в сентябре 1918 года, сразу начал ставить работавшие автономно центральные военные органы под свой жесткий контроль. Реввоенсовет первоначально находился в Арзамасе, где и проводились его заседания. Практиковались также выездные заседания на наиболее опасных и важных фронтах².

6 сентября УПВОСО, возглавляемое Н.И. Раттэлем при Высшем военном совете, подчинили Реввоенсовету Республики и переименовали в *Центральное управление военных сообщений* (ЦУПВОСО) при РВСР³. 14 октября 1918 года объявили временные штаты ЦУПВОСО, утвержденные еще 7 сентября. В состав управления входили отделы: административно-организационный; по устройству военных дорог; по службе полевых железных дорог и автомобильных колонн, воинского движения; и мобилизационно-строительный. Во главе управления стояли: начальник управления, комиссар, помощник начальника управления⁴. После создания Полевого штаба в октябре управление стало работать при штабе.

17 декабря 1918 года приказом РВСР № 387 было объявлено положение о ЦУПВОСО при РВСР (формально, фактически — при Полевом штабе). На ЦУПВОСО возлагалось: использование для нужд военного ведомства всех видов путей сообщения, подготовка тыла для военных действий, использование всех средств связи для своевременного подвоза армии всего необходимого, организация и устройство службы железных дорог и автомобильных частей, разработка положений по устройству тыла, организация транспортной, почтово-телеграфной и телефонной служб и военных дорог. Начальник ЦУПВОСО (М.М. Аржанов) назначался РВСР и подчинялся

¹ Известия Наркомвоена. 1918. 18 июля.

² Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 401 и др.

³ Сб. приказов РВСР за 1918 г. Приказ № 1. До создания Реввоенсовета Республики железными дорогами в структуре военного ведомства занималось Управление военных сообщений (УПВОСО) при Высшем военном совете.

⁴ Там же. Приказ № 95.

начальнику Полевого штаба РВСР. В общем порядке службы начальник ЦУПВОСО пользовался правами командарма. Начальнику ЦУПВОСО подчинялись: начальники ВОСО фронтов, железнодорожных и автомобильных войск, этапные и обозные части, а также рабочие войска, выделяемые для военных нужд военных сообщений из тылового ополчения¹.

Для рационализации постановки дела военных сообщений начальник ЦУПВОСО обязывался докладывать по вопро-

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1560. Л. 334—338.

Административно-организационный отдел заведовал личным составом ЦУПВОСО и органов ВОСО; разрабатывал мобилизационные планы ЦУПВОСО, а также штаты, положения по управлению; давал общие указания по учету военнообязанных, служащих на железных дорогах; определял денежное довольствие служащим. В состав отдела входили отделения — административное, бухгалтерско-казначейское и общее.

Отдел по устройству железных дорог разрабатывал руководящие положения по устройству тыла и баз, оборудованию их подъездными путями, проведению железных дорог в состояние соответствующей пропускной способности, организации этапных частей, разработке руководящих положений по учету личного состава и имущества этапных частей, организации транспортной (войсковые обозы, армейские транспорты), почтовой и телеграфно-телефонной службы во время войны и др. Отдел состоял из отделений — по устройству тыла и баз, этапно-транспортного и почтово-телеграфного. *Отдел полевых железных дорог и автомобильных колонн* решал вопросы по службе железнодорожных войск в мирное и военное время, распределении железнодорожных войск и автомобильных частей для эксплуатации в мирное и военное время, инспекции железнодорожных войск в мирное время, разрабатывал вопросы о переносных железных дорогах. Отдел состоял из 4 отделений: административно-мобилизационного полевых ж.д.; технически-мобилизационного полевых ж.д.; административно-мобилизационного автомобильных колонн; технически-мобилизационного автомобильных дорог. В функции *Отдела воинского движения (воинских перевозок)* и *мобилизационно-строительного* (в состав отдела входили 4 отделения: перевозочное; продовольственных пунктов, рабочих частей, охраны ж.д. и по разработке Положения о перевозках войск; эвакуационное; мобилизационно-строительное) входили: разработка всех вопросов до перевозке войск и грузов, составление планов перевозок частей и воинских грузов, организация продпунктов и заведование ими, все вопросы по охране железных дорог, организация, распределение рабочих частей и заведование ими, разработка вопросов о правилах пользования перевозочными документами — разработка планов эвакуации имущества учреждений, оборудования фабрик и заводов, эвакуации раненых и больных, по формированию и службе санитарных поездов, железнодорожно-дезинфекционных отрядов и т.д.

сам постройки новых путей сообщения, улучшению провозной способности железных дорог и водных путей начальнику ПШ РВСР. Соответственно, через начальника Полевого штаба проходили особые доклады Реввоенсовету Республики начальника ЦУПВОСО по вопросам организации тыла, перевозок, а также организации всех служб на театрах военных действий.

В Положении о ЦУПВОСО прописывался предполагаемый механизм взаимодействия различных структурных частей вспомогательного аппарата Реввоенсовета Республики. Начальники ЦУПВОСО и ЦУС должны были по указаниям ПШ РВСР заниматься вопросами эвакуации из пограничной полосы казенного имущества, правительственных учреждений и предприятий. Совместно с начальником ГВСанУ начальник ЦУПВОСО должен был решать вопросы об эвакуации пленных и раненных.

Начальник ЦУПВОСО мог при необходимости обращаться: в *Наркомпутъ* — по вопросам эксплуатации железных дорог; в *Главное управление водных сообщений* — по вопросам водных перевозок и судовых средств, в *Управление шоссейных, грунтовых и узкоколейных дорог* и *Отдел новых железных дорог* — по вопросам постройки новых железных дорог¹.

К 10 ноября 1918 года на базе Штаба РВСР и Оперода Наркомвоена был сформирован *Полевой штаб Реввоенсовета Республики*, непосредственно подчиненный Главкому².

Высший военный совет решал свои вопросы, с одной стороны, параллельно с Оперодом Наркомвоена, с другой — с коллегией наркомата. В сентябре 1918 года положение изменили: во главе военного ведомства встал один орган (РВСР), под руководством которого продолжал осуществлять свою деятельность Наркомат по военным делам — параллелизм с Оперодом Наркомвоена осенью 1918 года ликвидировали.

В октябре—декабре 1918 года в военном ведомстве начала создаваться достаточно стройная система карательного

¹ РГВА. Сб. приказов РВСР за 1918 г. Приказ № 387.

² Там же. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 22—23; Ф. 33988. Оп. 1. Д. 49. Л. 126 и др.

репрессивных органов. Единообразия в репрессивном аппарате армий вплоть до октября 1918 года полностью отсутствовало, имелись существенные различия в подсудности, порядке ведения предварительного следствия, отправления правосудия и вообще в проведении карательной политики в условиях пролетарской диктатуры.

6 октября телеграммами председателя РВСР за №№ 562—564 вышли удостоверения о создании при Штабе РВСР трех Революционных военно-полевых трибуналов: 1-й — Петров (председатель), Даугавет и Монахов¹; 2-й — Пухов (председатель), Саломатин и Гейда²; 3-й — Рычков (председатель), Чертов, Шарапов³. Появилась необходимость в создании органа, который бы объединил и направил деятельность всех военных судебнно-следственных учреждений. Таким органом стал образованный приказом РВСР от 14 октября Революционный военный трибунал Республики (РВТР)⁴. председателем которого стал К.Х. Данишевский. К созданию РВТР Реввоенсовет Республики подтолкнула необходимость сохранения за собой права на ведомственное судопроизводство. Это было связано, в том числе, с разгулом ВЧК осенью 1918 года и постоянной борьбой ведомств военного и внутренних дел. 29 сентября РВС Республики в составе председателя Л.Д. Троцкого, Главкома И.И. Вацетиса и члена К.Х. Данишевского установил специальным приказом, что «военнослужащие действующей армии по политическим мотивам могут быть арестованы лишь с ведома начальника и с согласия политического комиссара, а солдаты действующей армии — с ведома командира и с согласия военкома полка (или отряда)»⁵. К концу 1918 года начала создаваться сеть военных трибуналов на местах. 1 декабря Троцкий сообщил Данишевскому, что при 8-й армии уже учредили 8 трибуналов (большинство — вре-

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 40. Л. 38.

² Там же. Л. 39.

³ Там же. Л. 40.

⁴ *Славин М.М.* Реввоенсоветы в годы Гражданской войны. С. 24.

⁵ Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 44.

менные); все трибуналы действуют независимо друг от друга, поэтому необходимо объединить трибуналы «в той или другой форме, может быть через председателя постоянного трибунала». Троцкий просил сообщить, имеются ли «выработанные нормы такого объединения»¹.

22 октября учрежден *Финансовый отдел РВСР* (ФИНО РВСР) — положение о нем утвердил Э.М. Склянский 19 октября. Согласно положению, ФИНО состоял из канцелярии, бухгалтерии, пяти частей (сметной, контрольно-расчетной, казначейской, отчетной, хозяйственной), архива и временного подотдела по распределению кредита на «расходы особого назначения, вызываемые военными действиями». На отдел возлагались: переводы кредитов полевым довольствующим органам, снабжение их денежными средствами в особых случаях; оплата служащих и оплата хозяйственных расходов Управления делами РВСР, Полевого штаба, Канцелярии Наркомвоена, Всебюрвоенкома, ВВИ, всех учреждений при ВЗС, управления Главначснаба, издательства военного отдела ВЦИК, типографии Наркомвоена; а, кроме того, — ликвидация денежной отчетности финансовых отделов расформированных органов (Всеросколлегии, Демоба, Оперода и Комиссии по снабжению Восточного фронта). Для этого в распоряжение ФИНО передавались: денежные средства на расходы по ведению боевых действий; кредиты центральных управлений Наркомвоена для обеспечения потребностей фронтов; и кредиты на исполнение обеспечения функций ФИНО.

Для предварительной ревизии расходов, производимых ФИНО, по соглашению с военным отделом Наркомата госконтроля, назначался особый контролер². Любопытно, что 24 ноября 1919 года Э.М. Склянский рассмотрел доклад финансового отдела ЗФУ при ВЗС о мерах по координированию работ с Финансовым отделом РВСР. Первый представлял после об-

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 41. Л. 56. Телеграмма Л.Д. Троцкого № 1277.

² РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 42. Пр. РВСР № 37.

В случаях противоречия распоряжений Наркомгоскона распоряжениям РВСР, распоряжения последнего не приводились в исполнение, о чем контролер был обязан немедленно сообщить в военный отдел Наркомгосконтроля.

суждения в межведомственных совещаниях при ВЗС на рассмотрение СНК кредиты не только ЗФУ при ВЗС, но и многих других управлений, у которых «счетно-финансовый аппарат еще не был налажен (ЦУС, ЦУПВОСО, учреждения Красного Креста и пр.)»¹.

Так, в сентябре—декабре 1918 года было завершено становление достаточно рациональной и стабильной системы высшего военного руководства Советской России.

Вместе с тем проблема с военным имуществом в армии, которого остро не хватало, привела к созданию чрезвычайного органа по снабжению Красной Армии, находящегося под непосредственным руководством Совнаркома.

26 сентября 1918 года Троцкий телеграфировал Ленину, Красину и Склянскому о необходимости созвать совещание начальников всех довольствующих управлений под председательством Чрезкомснаба Л.Б. Красина для выяснения точного количества военного имущества и необходимости немедленного открытия новых заводов. По словам Троцкого, ГВИУ жаловалось «на катастрофическое положение»². Совместная работа с сентября 1918 года в составе Реввоенсовета Республики наркомов путей сообщения и продовольствия способствовала координации деятельности этих ведомств. Самой большой проблемой оставалось отсутствие должного взаимодействия военного ведомства и ВСНХ. В этих условиях 2 ноября для реализации снабжения Красной Армии и мобилизации промышленности Чрезвычайная комиссия по производству предметов военного снаряжения была реорганизована (по сути, переименована — аппарат комиссии остался нетронутым) в **Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной Армии**. Председателем остался Л.Б. Красин, которого очень высоко ценил Л.Д. Троцкий. Комиссии предоставлялись права: контролировать управление артиллерийскими, военно-инженерными и морскими заводами и оказывать этим заводам содействие; при невозможности выполнить за-

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 157. Л. 27—28.

² ВПК—2. С. 68.

казы на снаряжение, мобилизовать заводы невоенной промышленности; регулировать и контролировать заграничные заказы на предметы военного снабжения.

Указаниям комиссии должны были подчиняться все ведомства и органы, имеющие отношение к сбору, учету, хранению и расходованию военного имущества, не включенные в ЦУС и главные довольствующие управления (главным образом, имелись в виду органы ВСНХ). Комиссии предоставлялось право по собственной инициативе включить в свой состав представителей ВЦИК, ВСНХ, Центрального бюро ВЦСПС, военного и морского ведомств¹.

О причинах реорганизации дает сведения протокол Совета Центрального правления артиллерийских заводов (ЦПАЗ) от 6 марта 1919 года. В протоколе констатировалось: проект о координации деятельности военных и морских заводов с национализированными заводами, работающими на оборону, "дальнейшего движения не получил", но место Главного комитета военной промышленности (ГКВП) "в известной мере" заняла Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии².

На Чрезкомснаб возлагались большие надежды, но, естественно, никакие реорганизации аппарата не могли совершить чудо. Наиболее ярко это охарактеризовал в ответных телеграммах Л.Д. Троцкому сам Л.Б. Красин. 26 ноября 1918 года он отписал в ответ на заявление о "критическом положении с бензином", что, по сути, возможности получения бензина "заранее так же трудно гарантировать, как обратное завоевание Грозного"³. А 29 ноября, отвечая на запрос Троцкого о некотором подъеме производства патронов и винтовок, Красин заметил, что "вообще не существует на свете оружейных и механических заводов, производительность коих могла бы быть удваиваема или утраиваема в срок немногих недель"⁴.

Объединение руководства наркоматами по военным и морским делам в руках Троцкого весной 1918 года должно было, казалось, иметь следствием фактическое подчинение

¹ ВПК—2. С. 72.

² ВПК—2. С. 93.

³ ВПК—2. С. 83—84.

⁴ Там же. С. 87.

Наркоммора Реввоенсовету Республики. Однако официально управление военно-морскими силами было реорганизовано лишь 17 декабря: постановлением РВС Республики коллегия Наркомата по морским делам подлежала ликвидации. Из состава РВРС выделялся *Морской отдел*, в состав которого включался Главком морскими силами Ф.Ф. Раскольников. Соответственно, Главное управление по делам личного состава флота реорганизовано в Отдел личного состава флота и учета Морского Генштаба; Управление морских учебных заведений — в учебный отдел Морского генштаба (5); Управление морской авиации и воздухоплавания — в авиационный отдел Главного управления кораблестроения; Управление морской строительной частью — в строительно-крепостной отдел того же главного управления; Управление по делам рабочих и вольнонаемных служащих морского ведомства упразднилось и передавало свои дела Коллегии по управлению заводами морского ведомства; Канцелярия Наркоммора переименована в Управление делами Морского отдела РВРС. Морскому отделу при участии представителей наркоматов Госконтроля и Финансов приказывалось пересмотреть и выработать проекты штатов всех центральных учреждений морского ведомства и выработать «подробный проект положения об управлении морским ведомством». Проекты отделу подписывалось представить на утверждение в РВРС. Временные положения, штаты было разрешено вводить постепенно¹.

Так, к концу 1918 года завершилось строительство достаточно рациональной и стабильной системы высшего военного руководства Советской России.

Постановления РВРС объявлялись приказами этого органа. В фонде Военно-законодательного совета отложились сведения о числе экземпляров приказов РВС Республики, подлежащих рассылке в штабы, управления и учреждения (на 29 сентября 1918 г.)².

¹ Постановление от 17 декабря 1918 г. // Реввоенсовет Республики. Протоколы. С. 150—151.

² Документ подписал врид начальника Организационного управления Штаба РВРС В.В. Даллер.

Вот эти сведения:

№ п/п	Наименование штабов, управлений и учреждений	Число экземпляров приказов РВСР		Примечание
		обыкн.	секр.	
1.	Штаб РВСР	50	50	В т.ч. для Оперативного и Организационного управлений — по 5; для инспекторов, канцелярии и инспекций — по 3; состоящему по снабжению — 2; ЦУС — по 10
2.	ВГШ	100	100	В т.ч. для всех входящих в состав его управлений
3.	Управление Главного начальника снабжений	100	100	В т.ч. для всех главных управлений: ГАУ, ГВХУ, ГВИУ, ГВСанУ, ГВВетУ, Управление по ремонту и ремонту армии
4.	ВЗС	10	10	—
5.	Главный морской штаб	20	20	—
6.	Наркомвоен	30	30	В т.ч. для народных комиссаров [по военным делам], зав. Оперода С.И. Аралова, Управляющего делами Наркомвоенна Н.М. Потапова
7.	Всебюрвоенком	10	10	—
8.	СНК	10	10	—
9.	ВЦИК Советов	10	10	—
10.	НКВД	20	20	—
11.	Штаб командующего Северным фронтом	320	120 (без дивизий)	По расчету для штабов: фронта, двух армий, пяти дивизий со всеми входящими в состав ее частями — по 40 экз.
12.	Штаб командующего Восточным фронтом	1080	280 (без дивизий)	По расчету для штабов: фронта, двух армий и 20 дивизий со всеми входящими в ее состав частями — по 40 экз.

13.	Штаб командующего Южным фронтом	440	120 (без дивизий)	По расчету для штабов фронта, двух армий и 8 дивизий со всеми входящими в ее состав частями — по 40 экз.
14.	Штаб Западного района обороны	200	40 (без дивизий)	По расчету для штаба района и 4 дивизий со всеми входящими в ее состав частями — по 40 экз.
Окружные комиссариаты по военным делам			(без дивизий и губвоенком)	
а)	Петроградский	240	60	По расчету для штаба округа и военно-окружных управлений (артиллерийского, инженерного, хозяйственного, санитарного и ветеринарного) — по 10 экз.; для двух дивизий — по 40 экз.; для пяти губвоенкомиссариатов — по 20 экз.
б)	Ярославский	300	60	По тому же расчету и для двух дивизий и 8 губерний
в)	Московский	340	60	По тому же расчету и для трех дивизий и 8 губерний
г)	Орловский	220	—	По тому же расчету и для двух дивизий и четырех губерний
д)	Приволжский	260	—	По тому же расчету и для двух дивизий и шести губерний
е)	Уральский	240	—	По тому же расчету и для двух дивизий и пяти губерний
ж)	Северо-Кавказский	200	—	По тому же расчету и семи губерний
Итого:		4 200	2 320	—

Источник: РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 26. Л. 110—110 об.

Глава 3

Развитие функций центральных военных органов

Стараниями Ленина в первые месяцы Советской власти компетенция Наркомвоена была сведена к решению исключительно военных вопросов, но после признания военного строительства первостепенной задачей Советской республики положение начинает меняться. Вначале очень медленно: председатель Совнаркома страшно боится военной диктатуры.

Первоочередной задачей Наркомвоена в марте 1918 года становится учет военного имущества. В конце месяца Высший военный совет утвердил порядок, по которому «вся материальная часть, имущество и другие средства, оставшиеся от старой армии», направлялись «по принадлежности в... базисные магазины и склады» Архозкома, ГАУ, ГВТУ, ГВСанУ, ГВВетУ, Автоцентра и Радиоцентра. 1 апреля М.Д. Бонч-Бруевич, считая несвоевременной ликвидацию военных заказов за границей, предлагал обязательно включить этих заказы в средства для наполнения баз¹.

22 апреля издан декрет о национализации внешней торговли, причем на заседание СНК не пригласили представителей Наркомвоена и, в частности, Главного управления по заграничному снабжению войск. Все функции по заграничному снабжению перешли в исключительное ведение Наркомата торговли и промышленности: по декрету Совет заграничного снабжения не признали руководящим и решающим; Главзагран (орган, руководивший и осуществлявший на тот момент фактическое руководство ввозом и вывозом, имевший «все дела, специалистов и военный опыт») обошли «молчанием». Проведение в жизнь декрета также возложили на Наркомат торговли и промышленности, не располагавший в полной мере материалами по внешней торговле и соответствующими специалистами.

¹ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 2. Л. 24—24 об. Телеграмма М.Д. Бонч-Бруевича членам коллегии Наркомвоена Л.Д. Троцкому, Н.И. Подвойскому, К.А. Мехоношину, Э.М. Склянскому № 505 от 1 апреля 1918 г. (вариант К.А. Мехоношина).

16 мая при Военно-хозяйственном совете состоялось междуведомственное совещание для обсуждения вопроса о дальнейшей деятельности Главзагран. На совещании товарищ Наркома торговли и промышленности А.И. Ашупп-Ильзен, заявив, что декрет не может быть ни изменен, ни дополнен, а Главзагран Наркомату торговли и промышленности «совершенно не нужен», ушел с заседания. Последнее постановило сохранить Главзагран при Наркомвоене. Служебная записка с уведомлением об этом и приложенным проектом изменений декрета СНК были направлены военным комиссаром Главзагран Л.Г. Грузитом 5 июня 1918 года В.И. Ленину (копия направлялась Л.Д. Троцкому)¹. Собственно Главзагран предлагал: решающей инстанцией в вопросах внешней торговли сделать Высший совет внешней торговли (ВСВТ) как надведомственный орган с представителями заинтересованных ведомств; для придания авторитета этому органу его председателя и заместителя председателя назначать Совнаркому, одного из членов — ВЦИКу; выработку всех технических данных, ведение на местах переговоров и контроль за исполнением принятых решений возложить на заинтересованные ведомства; организацию заготовок и закупок товаров внутри страны и распределение импортированных товаров сосредоточить в Наркомате торговли и промышленности; для проведения в жизнь решений ВСВТ создать при нем управления и ряд местных и заграничных организаций, используя при этом «имеющиеся уже органы заграничного снабжения, как то: Главное управление заграничного снабжения с его заграничными комитетами». Главзаграну при этом предлагалось полностью подчинить ВСВТ².

17 июля при Наркомпроде учредили «Центральную закупочную комиссию ненормированных продуктов». В нее вошли представители Наркомпрода, Московской и Северной областных продовольственных управ (*по два*); Петроградско-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 87—87 об. На деле имеется помета Л.Д. Троцкого о прочтении («Т»). См. также: Л. 94—96 с об. Журнал междуведомственного совещания при Техническом комитете ВХС от 16 (3) мая 1918 г.

² Там же. Л. 91 с об—92. Объяснительная записка к служебной записке Л.Г. Грузита от 5 июня 1918 г.

го комиссариата по продовольствию, Московской городской продовольственной управы, Продпути, Продвода, Архозкома (по одному). На заседании комиссии (29 июля 1918 г.) выяснилось, что ГВХУ и части войск лишены теперь возможности самостоятельно заготовить продукты. Присутствовавший на заседании представитель ГВХУ заявил протест, аргументируя это тем, что «лишение войск прав самостоятельных заготовок будет в ущерб делу обеспечения войск ненормированными продуктами». В ответ — председатель комиссии М.К. Владимиров заявил: вопрос решен коллегией Наркомпрода окончательно, о чем будет уведомлен Главначснаб А.А. Маниковский¹.

Последний, получив доклад о случившемся 17 июля, на следующий же день направил Управляющему делами Наркомвоена Н.М. Потапову ходатайство — просить наркомвоен Л.Д. Троцкого «в интересах дела снабжения армии, принять меры к отмене установленным порядком указанного выше решения Совета снабжения». Аргумент Маниковского: «при современной разрухе продовольственного дела в армии положение снабжения армии, при проведении в жизнь указанного решения, несомненно, еще более ухудшится, так как, помимо трудности централизации закупок, будут затруднения в организации распределения закупленного по назначению»².

23 мая Госконтроль сообщил Наркомвоену для соответствующих распоряжений по центральным военным учреждениям о введении с 15 июня 1918 года предварительной проверки их хозяйственно-операционных расходов военным отделом Центрального контроля. Объем проверки был намечен в пределах выработанного в годы Первой мировой войны перечня военных расходов, подчиненных предварительной проверке. А в начале августа 1918 года, выяснив объем этой работы, Наркомат госконтроля признал необходимым ввести с 16 августа «полную предварительную проверку всех прочих расходов всех центральных учреждений» Наркомвоена «с возложением этой работы по учреждениям, находя-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 250. См. также: Л. 252 с об, 253. Выписка из протокола заседания Совета снабжения при Наркомпроде от 29 июня 1918 г.

² Там же. Л. 249.

щимся в Москве и ее окрестностях, на *Военный отдел* (здесь и далее курсив мой. — С.В.)..., а по учреждениям, находящимся в Петрограде, на *ликвидационное делопроизводство Военного отдела...*».

Нарком госконтроля К.И. Ландер также уведомил Наркомвоена об одновременном направлении в Наркомфин отношения об оплате кассами последнего с 16 августа «лишь тех ассигновок центральных учреждений военного ведомства, которые будут иметь разрешающие их оплату ревизионные надписи вышеуказанных контрольных установлений»¹.

В июне 1918 года нарком финансов И.Э. Гуковский уведомил Наркомвоена о неоднократных ходатайствах различных учреждений последнего об отпуске по казенному курсу валюты на расходы по заграничным служебным командировкам сотрудников наркомата и содержанию его агентов за границей. Гуковский просил разъяснить подведомственным Троцкому учреждениям, что отпуск валюты по существовавшему ранее золотому паритету или казенному курсу более невозможен вследствие недостатка валюты в Наркомфине и необходимости закупать ее по высоким ценам на частном рынке. Гуковский просил военное ведомство, исчисляя свои расходы в валюте, ассигновывать более значительную сумму в рублях, в зависимости от состояния курса конкретной валюты для покупки ее на свободном рынке, по специальному разрешению Наркомфин по кредитной канцелярии, или отпуску ее Наркоматом по рыночной цене, если это позволяет состояние наличности валюты².

V Всероссийский съезд Советов условием успешности всех мероприятий в деле создания армии признал «последовательный централизм в деле военного управления» — строгое и безусловное соподчинение военных комиссариатов всех уровней (от уездного до Наркомвоена)³. Летом 1918 года

¹ Там же. Д. 210. Л. 21—21 об.

² РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 210. Л. 16 об. Отношение наркома по делам финансов наркому по военным делам от 11 июня 1918 г. № 2344.

³ Резолюция по докладу о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии // Цит. по: *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция. Т. 1. С. 317—318.

Съезд требовал «от всех местных учреждений строгого учета военного

были приняты меры, направленные на повышение эффективности военного управления. Прослеживаются три направления преобразований: расширение функций (снабжение, воинские перевозки); увеличение финансовых возможностей военного ведомства; унификация управления военизированными подразделениями различных наркоматов.

Крайняя сложность вопроса снабжения армии заставила правительство и Наркомвоен принять ряд мер к его разрешению. Постепенное распространение интервенции Антанты вновь поставило перед военным ведомством вопрос об изменении района размещения военных запасов и плана их сосредоточения. Одновременно с разработкой и выполнением нового плана, учреждения Наркомвоен получили указание произвести на местах, через окружные довольствующие управления, учет военного имущества, уцелевшего после демобилизации старой армии. 29 июля «всякого рода имущество..., могущее быть использованным для военных надобностей» подлежало немедленной передаче в распоряжение Наркомвоен; «все... управления и учреждения... обязывались оказывать всякое содействие к передаче»¹.

Положение на железных дорогах весной—летом 1918 года оставалось критическим. В «Известиях Наркомвоен» за 18 мая 1918 года вышло «Воззвание к железнодорожникам» только что назначенного наркомом путей сообщения П.А. Кобозева: «...пусть каждый из нас вспомнит, что если он украл у страны час работы..., он выпил последние капли крови из... трупов [умерших от голода]. Беспощадно буду бороться на введенном мне посту с подобными явлениями. Там, где выбраны массами на ответственные посты хорошие ораторы, но дрянные администраторы, устраню их безжалостно во имя дикта-

имущества, его добросовестного распределения и расходования по штатам и положениям, утвержденным центральными органами». Произвольный захват военного имущества, его сокрытие, незаконное присвоение, недобросовестное расходование признавались тягчайшими государственными преступлениями.

¹ Декрет о передаче годного для военных надобностей имущества в распоряжение Наркомвоен // СУ РСФСР. 1917—1918. Ст. 625; Декреты Советской власти. Т. 3. С. 113—114.

туры пролетариата, врученной мне на жел[езных] дор[огах] [властью]..., если наступившую летнюю кампанию мы проиграем в смысле транспорта, то все ужасы минувшего года покажутся игрушкой перед будущим голодом и мором...»¹.

Весной 1918 года возник вопрос об отсутствии должного уровня взаимодействия Наркомвоена и НКПС.

27 апреля начальник отдела военных сообщений ГУ ГШ Л.И. Савченко-Маценко в докладной записке начальнику ГУ ГШ Н.М. Потапову констатировал дезорганизацию в передаче НКПС заданий военным ведомством; предлагал сосредоточить в своем отделе передачу всех заданий военведа в НКПС и Главвод²; для устранения параллелизма сосредоточить в одном органе все дело военных сообщений путем присоединения УВОСО при Высшем военном совете к УВОСО при ВГШ³.

30 апреля помощник военного руководителя Высшего военного совета Н.И. Раттэль также предложил своему начальнику объединить деятельность обоих управлений и лиц по службе военных сообщений в самостоятельном центральном органе военных сообщений, подчиненном «только высшей центральной власти». В тот же день М.Д. Бонч-Бруевич, ознакомившись с предложением Раттэля, наложил резолюцию: «Со своей стороны считаю, что управление не должно входить ни в состав штаба, ни в состав снабжения — и штаб, и снабжения должны быть лишь его заказчиками»⁴. Однако 30 июля для устранения параллелизма в военно-железнодорожной работе управления военных сообщений ВГШ и Высший

¹ Известия Наркомвоена. 1918. 18 мая. № 17.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 221. Л. 2. Задания по сведениям автора записки, передавались в НКПС от местных военкоматов и ряда центральных учреждений (отдела военных сообщений ГУ ГШ, УВОСО при Высшем военном совете, ГУ ЗС, отделов ВХС — по эвакуации, по делам о военнопленных и военно-транспортного).

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 221. Л. 2 об, 3. Аргументация: в УВОСО при Высшем военном совете 2 отдела (воинского движения; почтово-телеграфный и этапно-транспортный) — работали «без связи и согласования с работой центральных органов военного ведомства»; в составе УВОСО при ВГШ в это время как раз организовывались аналогичные отделения.

⁴ Там же. Д. 221. Л. 1—1 об.

военный совет сливались в единое УВОСО при Высшем военном совете¹.

На основании постановления СНК об окончательном изъятии из ведения НКПС постройки железных дорог, водного транспорта и заведования шоссейными и грунтовыми дорогами, Высший военный совет 26 июня разрешил организацию при Высшем военном совете Инспекции по пути сообщения для надзора на местах за выполнением ВСНХ и НКПС заданий военведа².

Решение вопроса о военных перевозках потребовало в июне 1918 года совместных усилий Наркомвоена, НКПС и СНК. 3 июня для проведения в жизнь заданий Наркомвоена декретом СНК член Всероссийского исполнительного комитета железнодорожников (ВИКЖЕДОР — центральный орган железнодорожного союза) А.Ф. Волковский назначен представителем Наркомпути в Высший военный совет³.

8 июня СНК «просил» командующего МВО Н.И. Муралова, зав. Оперода С.И. Аралова, зам. наркома по военным делам К.А. Мехоношина и военрука Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевича оказать всяческое содействие наркому путей сообщения в деле освобождения из-под жилья классных вагонов на Московском железнодорожном узле и сделать строжайшее распоряжение подведомственным организациям и лицам освобождать вагоны тотчас же по приезде в Москву⁴.

31 июля ВЗС отказал Штабу Высшего военного совета право «разрешать начальникам военных сообщений увеличивать ныне существующие штаты управлений военных представителей на железных дорогах и железнодорожных станциях по мере действительной надобности»⁵.

¹ Там же. Д. 93. Л. 303. Пр. Наркомвоена № 601. Новый штат управления предписывалось «Незамедлительно внести, в установленном порядке, на рассмотрение».

² Там же. Д. 260. Л. 6.

³ Декрет подписан В.И. Лениным 14 июня (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 512, 540).

⁴ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 524.

⁵ РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 34. Л. 70. Журнал заседания ВЗС № 26, пункт 17. На документе имеется резолюция об утверждении.

17 августа всем железным дорогам предписывалось под угрозой расстрела ответственных сотрудников беспрепятственно пропускать на фронт воинские грузы и эшелоны¹.

6 августа было принято постановление Высшего военного совета о порядке осуществления перевозок войск и военных грузов. Теперь инициаторами оперативных перевозок войск и грузов признавались Оперативное управление Штаба Высшего военного совета и Оперод. Они обязывались ставить друг друга в известность о предстоящих перевозках; составленные совместно предложения о перебросках передавать в Управление начальника военных сообщений при Высшем военном совете для технической обработки и отдачи соответствующих заданий на перевозку НКПС. Перевозки войск и военных грузов должны были разрабатываться отныне непосредственно в УВОСО при Высшем военном совете или передаваться последним для разработки соответственному Начвосоокру и только потом передаваться для исполнения соответствующим военным советам, частям войск, учреждениям или заведениям. Оговаривалось: в случае особо важных экстренных перевозок НКПС дает — по заявлению Наркомвоена — для сопровождения эшелона своих представителей, которые вместе с представителями УВОСО непосредственно несут ответственность за срочность и точность выполнения данной перевозки. Во всех случаях задержек эшелонов «по неряшливости, недобросовестности или злонамеренности агентов» УВОСО и Мобилизационное управление НКПС обязывались проводить служебные расследования для привлечения виновных к ответственности. Центральные и местные агенты УВОСО обязывались принимать все меры к освобождению подвижного состава, доставившего груз на места назначения, в срок». Ответственность за своевременную выгрузку лежала на соответствующих местных УВОСО, которым Мо-

¹ Предписание всем железным дорогам о беспрепятственном пропуске воинских грузов и эшелонов на фронт // Декреты Советской власти. Т. 3. С. 219—220. Оговаривалось: «Главная ответственность лежит именно на руководителях, стоящих во главе дорог, служб и организаций».

билизационное управление НКПС и округа путей сообщения направляли требования¹.

Тот факт, что приказ об объединении УВОСО при Высшем военном совете и ВГШ датирован 6 августа 1918 года, свидетельствует о том, что, по крайней мере, механическое объединение этих управлений уже состоялось, так как еще 10 июня Склянский утвердил постановление ВХС об установлении окладов служащим УВОСО при Высшем военном совете «впредь до реорганизации названного управления в связи с Управлением военных сообщений ВГШ, каковое надлежит произвести в течение ближайшего месяца»².

16 июля декретом Совнаркома Наркомвоену до прекращения военных действий предоставлялось право на сверхсметные расходы, вызываемые неотложными потребностями военного времени. Правда, получение таких ассигнований Наркомвоен обязывался согласовать с наркоматами Финансов и Госконтроля; порядок должен был устанавливаться совместным распоряжением трех комиссариатов; при отсутствии соглашения для получения сверхсметных расходов Наркомвоену требовалось согласие СНК³. Уже 29 июля было принято и через два дня передано в Департамент государственного казначейства постановление СНК об ассигновании Наркомвоену 300 млн. рублей на чрезвычайные расходы, связанные с боевыми действиями на Волге, Урале, в Сибири, а также на Мурманском побережье⁴.

В составе ряда ведомств имелись собственные военизированные подразделения. К лету 1918 года возникла необходимость их объединения в руках военного ведомства. 3 июля совещание представителей Наркомвоена, НКПС, Наркомпрод и других заинтересованных организаций (председатель — глава Высшей военной инспекции Н.И. Подвойский) обсудило этот вопрос и признало необходимым: привести к выработанным Наркомвоеном нормам все воинские формирования

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 349 об—350. Пр. Наркомвоена № 687 от 13 августа 1918 г.

² РГВА. Ф. 46. Оп. 2. Д. 65. Л.164.

³ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 36—37.

⁴ Там же. С. 114.

специального назначения; комплектование этих формирований командными кадрами и инспектирование войск вспомогательного назначения поручить Наркомвоену; снабжение продовольствием возложить на Наркомпрод, а вооружением, снаряжением, боеприпасами и вещевым имуществом — на Наркомвоен; руководство частями специального назначения при исполнении ими профильных задач признавались функциями соответствующих ведомств, но Наркомвоен получил право использования этих частей¹.

Первоначально правительство пыталось разделить компетенцию военвевда и гражданских наркоматов. Так, например, 17 июля руководство охраной железных дорог вне района военных действий возлагалось на созданное этим же декретом Управление по охране путей сообщения при Наркомпути, за Наркомвоенем оставалось «лишь право издавать особые инструкции и давать инструкторов»; на ТВД охрана путей сообщения переходила «под общее управление военных властей»².

28 июня наркомому путей сообщения в связи с его протестом против обсуждения вопроса об охране путей сообщения поручили созвать совещание из представителей наркоматов: по военным делам, продовольствия, путей сообщения, а также Главного управления водного транспорта (Главода) для выработки декрета об объединении всех видов военной охраны и военных отрядов для представления в СНК. 25 июля СНК обсудил вопрос о реорганизации речной охраны Главвода. По итогам, в том числе, Наркомвоену поручалось в 5-дневный срок представить в СНК план передачи всех специальных армий в свое ведение³.

12 августа СНК поручил «совещанию, разрабатывающему вопрос об объединении военных сил республики в военном ведомстве», в 4-дневный срок представить в СНК проект соответствующего постановления. Проект был представлен уже 16 августа, но СНК отложил его обсуждение и утвердил декрет об объединении всех вооруженных сил республики в ве-

¹ Кляцкин С.М. На защите Октября. С. 217.

² Декреты Советской власти. Т. 3. С. 42—44.

³ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 226 (комментарий), 86—87.

дении Наркомвоена только 19 августа¹. Согласно декрету все вооруженные силы республики, сформированные как Наркомвоеном, так и другими наркоматами, а именно: Наркомпути (охрана путей сообщения), Наркоматом торговли и промышленности (пограничная охрана), ВСНХ (судоходная охрана Главного управления водного транспорта, переданная в ведение НКВД), Наркомпродом (реквизиционно-продовольственные отряды) — перешли в ведение Наркомвоена в отношениях комплектования, устройства, обучения, вооружения, снабжения, боевой подготовки и использования военной силы. Оговаривалось, что вооруженные силы специального назначения, находящиеся на территории ТВД, переходят в распоряжение Наркомвоена с момента издания декрета, остальные — «лишь после объявления всеобщей мобилизации по соглашению с заинтересованным ведомством»². Фактически декрет был реализован лишь к октябрю 1918 года³.

Весной 1918 года наметилось противостояние центральной власти и местных советов: последние фактически восстановили свободную торговлю хлебом, начав тем самым бунт против экономической политики большевиков. СНК и ВЦИК ответили декретом от 27 мая о реорганизации Наркомпрода и его местных органов: устанавливалось подчинение губернских и уездных продовольственных органов не местным советам, а непосредственно наркому продовольствия, который наделялся правом отменять постановления советов и входить во ВЦИК с предложением о предании их суду. Это был первый шаг по упразднению Советской власти на местах и концентрации властных функций в Центре. Вскоре по указанному Наркомпродом пути пошли ВСНХ, военные и другие ведомства, установившие свою вертикальную систему подчи-

¹ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 226 (комментарий).

² Там же. С. 224—225.

³ Декрет СНК от 19 августа 1918 г. о передаче всех воинских частей и различных ведомств в подчинение военного ведомства по вопросам комплектования, устройства, обучения, вооружения, боевой подготовки и использования боевой силы Реввоенсовет Республики был объявлен в приказе РВСР только 10 октября 1918 г. (Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 43—44).

нения и ограничившие роль органов Советской власти до минимума¹. Таким образом, летом 1918 года Наркомвоен включился в травлю местных советов.

19 августа 1918 года состоялось совещание представителей ГАУ, отдела металла ВСНХ и Совета управления делами заводов Наркоммора по вопросу о создании *Главного комитета военной промышленности* (ГКВП). Непосредственно совещанию предшествовала подготовительная работа специальной междуведомственной комиссии, образованной при ВСНХ. Все участники (ВСНХ, военвед и морвед) признали необходимость сосредоточения общего руководства военной промышленностью в одном междуведомственном органе — ГКВП, так как отделы ВСНХ не были способны самостоятельно справиться со специальными задачами военной промышленности как “элемента организации армии и флота”. Совещание констатировало невозможность немедленного объединения деятельности заводов по производственному признаку, вследствие этого, остается необходимость оставления военной промышленности в ведении Наркомвоена и Наркоммора (т.е. по ведомственному признаку)².

На последнем пункте (оставления подчиненности военной промышленности наркомам по военным и по морским делам) настаивали представители военного и морского ведомств — военные специалисты. Им противостояло руководство отделения военной промышленности Отдела металлов ВСНХ — большевики, как и Н.И. Подвойский в ноябре 1917 — марте 1918 года, желавшие объединения всего управления “народно-хозяйственным механизмом” в одних руках (Высшего совета народного хозяйства). Большевикам нельзя было отказать в логике: действительно, в войнах “современного типа” принимали участие “не только армии и их снаряжение, но и весь народ, вся государственная техника и вся промышленность”. Оставление заводов в руках ведомств, — докладывал зав. отделением Швецов коллегии Отдела металла, — “подрывает основание идеи централизации, без которой немис-

¹ Павлюченков С.А. Указ соч. С. 55.

² ВПК—2. С. 58.

лимы действительные военные планы” (добавим, и ВСНХ)¹. В начале сентября Швецов предложил создать ГКВП как подконтрольный ВСНХ и независимый от военного и морского ведомств орган, который даст возможность “безболезненно установить новый, вневедомственный по отношению к обороне, строй”. При этом, что немаловажно, ГКВП должен был получить аппараты управления военной промышленностью из военного и морского ведомств — разумеется, с их личным составом. Из записки следует, что Швецов предполагал формирование ГКВП под эгидой своего отделения (и, естественно, под своим руководством). Швецов предполагал сконструировать комитет по производственному признаку для проведения в жизнь по специально для этого разработанным планам мобилизации и демобилизации промышленности на основании оперативных заданий Всероглавштаба и Оперода Наркомвоена² по согласованию со специальными органами ВСНХ и “гражданских” наркоматов³. В случае согласия Швецов обаялся создать условия для деятельности ГКВП (комитет, по его расчетам, мог приступить к работе в январе 1919 г.)⁴.

Как ни странно, за передачу “всего аппарата военного снабжения... в руки промышленности” (т.е. ВСНХ) высказывались и работники военного ведомства. В частности, большевик Н.И. Лашин в газетной статье, а затем и в письме Э.М. Склянскому писал, что надежды января—апреля 1918 года на то, что вести крупные и длительные военные операции не придется, не оправдались, а следовательно, необходимо “использовать всю существующую промышленность в военных целях”⁵.

Курс на создание регулярной армии первоначально (весной 1918 г.) существенно не отразился на полномочиях военного ведомства. Фактически в марте—июле центральный во-

¹ ВПК—2. С. 64.

² В тексте: «Главного генерального штаба».

³ НКПС, Наркомпрод, Наркомзем, Наркотруд, Наркомфин, Наркоматом торговли и промышленности.

⁴ Там же. С. 64—65.

⁵ Письмо сотрудника ЦУС Н.И. Лапшина Э.М. Склянскому о состоянии снабжения армии от 22 октября 1918 г. // ВПК—2. С. 71.

енный аппарат под руководством Высшего военного совета был занят рационализацией собственной организационной структуры для максимально эффективного и быстрого проведения в жизнь решений высшего военного руководства. Когда основные реорганизационные мероприятия были проведены (это июль 1918 г. — время реорганизации ВХС и ВЗС в ЦУС), пришло время для постепенного расширения компетенции центральных органов Наркомвоена.

Летом 1918 года расширялись функции наркомата (в областях снабжения, воинских перевозок) и его финансовые возможности; проводилась унификация управления военными подразделениями. Вместе с тем только к ноябрю 1918 года Наркомвоен добился относительной независимости от Наркомпрода в жизненно важном для армии и страны в целом вопросе — обеспечении Красной Армии продовольствием.

Глава 4

Вотчина Эфраима Склянского в конце 1918 — начале 1921 года

Лев Троцкий в 1918 году мог сказать: «Армия — это Я». И был бы прав. Но вот нюанс — армия ничего не могла сделать без своего центрального аппарата. А центральный военный аппарат — это был Эфраим Склянский. Что же представляла собой его вотчина после серии реорганизации?

К ноябрю—декабрю 1918 года советский центральный военный аппарат в принципе был способен решать стоявшие перед ним задачи, но ряд его звеньев по-прежнему работал недостаточно эффективно. В частности, были выявлены (главным образом, Высшей военной инспекцией) недостатки сложившейся после создания Реввоенсовета Республики системы высших и центральных органов военного управления.

Переформирование Штаба Высшего военного совета и Оперода Наркомвоена к 10 ноября 1918 года в *Полевой штаб РВСР* легло на плечи военных специалистов Оперода

Наркомвоена, и (главным образом) его начальника штаба — генштабиста Г.И. Теодори. К 26 октября 1918 года бывшие сотрудники Оперода Наркомвоена под руководством Г.И. Теодори закончили формирование Курсов разведки и военного контроля (в основу преподавания и практических работ был положен опыт Первой мировой и Гражданской войн). Положения, штаты и инструкции курсов одобрил и утвердил Л.Д. Троцкий¹.

Созданный в мае 1918 года *Всероссийский главный штаб* работал до крайности неэффективно: механически объединенные Главный штаб и ГУГШ продолжали полуавтономное существование в составе ВГШ. Военспецы, среди них — руководящие сотрудники военного ведомства (генерал-лейтенант В.Ф. Новицкий и генштабист капитан В.И. Самуйлов), признавались: в управлениях по организации, оперативном, военных сообщений и топографическом «выражена» деятельность прежнего ГУГШ, а в Управлении по командному составу — прежнего Главного штаба. В декабре 1918 года «вся искусственность» проведенного в мае 1918 года слияния Главного штаба и ГУГШ прослеживалась еще очень четко².

Инспекционная комиссия ВВИ по обследованию ВГШ пришла в декабре к выводу, что разнообразие и разнородность управлений штаба делают его начальника «механическим» управляющим, а не «начальником», объединяющим порученное ему дело по идее». В составе Оперативного управления работали независимо друг от друга два структурных подразделения (военно-исторический подотдел в составе военно-статистического отдела и военно-историческая часть оперативного отдела) с одинаковыми функциями. Восемь отчетов управлений свидетельствовали, что «каждый начальник управления работает как бы сам по себе, но и не обладает самостоятельностью, его требования другими не исполняются, ибо это есть ему только нужные требования». Окружные военные комиссариаты, подчиненные Всероглавштабу, были не

¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 23 и след.

² Там же. Д. 58. Л. 219; *Самуйлова В.И.* Современная военная реформа управления // Военное дело. 1918. № 21, 23, 27, 28.

в состоянии исполнить массу требований многочисленных подотделов разных управлений ВГШ.

Председатель Инспекционной комиссии В. Борисов сделал вывод, что организация Всероглавштаба «совершенно» не отвечает огромным задачам, стоявшим перед штабом. Громоздкость структуры и перегруженность функциями ВГШ, естественно, привели к бюрократизации: переписка велась «не ради дела, а ради исполнения номеров и аккуратного пребывания в канцелярии». Всероглавштаб, в частности, был не в состоянии полностью выполнять запросы Полевого штаба в пополнениях личного состава частей.

Высшая военная инспекция, перечисляя недостатки организации и деятельности Всероглавштаба, предлагала вместо разукрупнения ВГШ — выделить из бывшего аппарата Главного штаба «начальника генерального штаба с известным числом обер-квартирмейстеров»¹. Это, несомненно, было связано со стремлением военспецов возродить аппарат Генштаба.

Главное управление всеобщего военного обучения во главе с бывшим членом коллегии Наркомвоена И.Л. Дзевялтовским подчинялось не начальнику Всероглавштаба, а напрямую руководству военного ведомства².

Управления военного ведомства далеко не всегда действовали согласованно. Реввоенсовет Республики 26 декабря 1918 года констатировал недостаточную оперативность Всероссийского главного штаба «в лице некоторых его управлений и отделов» в исполнении «военных потребностей», предъявляемых Полевым штабом РВСР. Для ликвидации трений начальнику Полевого штаба Ф.В. Костяеву поручалось совместно с начальником ВГШ Н.И. Раттэлем разработать план рационализации деятельности ВГШ.

22 декабря Всероглавштаб докладывал о препятствиях к проведению в жизнь плана ВГШ. Эти препятствия заключа-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 217—218 об. Отчет председателя Комиссии ВВИ по инспектированию ВГШ В. Борисова и руководителя 1-й группы комиссии Д. Лебедева председателю ВВИ Н.И. Подвойскому о предварительных итогах инспектирования Всероглавштаба от 10 декабря 1918 г.

² См.: Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 136, 148 и след.

лись: 1) главным образом — в снабжении и вооружении формируемых частей и пополнений; 2) в помещениях; 3) в ненадежности местных военных органов, против чего ВГШ принимал «все меры»; 4) отсутствию четкой системы органов военного управления¹, в частности, сильно тормозили работу самочинные действия со стороны командования армиями, проявляющиеся в отношении местных военных органов (мобилизация, повинность и др.); 5) постоянный уход служащих местных военкоматов «в органы Полевого управления» в связи с «крайней материальной необеспеченностью»².

7 ноября Совет ВГШ направил в округа предписание, в котором требовал: строгого подчинения окружных военкоматов Совету ВГШ и стоящих над ВГШ учреждений (РВСР, СНК, ВЦИК); четкого доклада от округов ВГШ о получении указаний последнего; обращение особого внимания на работу штабов округов. Военным комиссарам окружных военкоматов предписывалось немедленно распределить работу в своих комиссариатах так, чтобы одна и та же работа не велась одновременно в штабе округа и в управлении делами, что особенно часто встречалось в военкомате МВО. Вследствие частого неисполнения должностных предписаний губернскими, уездными и областными военкоматами военкомокрам предписывалось немедленно наладить в них работу для быстрого и четкого выполнения распоряжений; проявлять больше инициативы и энергии, так как работы в большинстве военных комиссариатов Совет Всероглавштаба, по его признанию, «не видел». Особое внимание военкомокры должны были обратить, во-первых, на работы по формированию, обучению и организации призываемых; во-вторых, на внутреннюю связь между управлением делами, окружным штабом окружными управлениями³.

С 7 ноября Н.И. Раттэлем были последовательно вызваны в ВГШ все окружные военные комиссары с военными руководителями, а 20 декабря было созвано общее совещание

¹ «Общие для всей республики, кроющиеся в современной обстановке постоянной борьбы и исключительно срочных требований отсюда...».

² РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 694, 694 об, 695.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 194—194 об. Телеграмма ВГШ № 1414.

из всех военкомокров и военруков. 22 декабря начальник ВГШ докладывал председателю комиссии по инспектированию Всероглавштаба, что между ВГШ и округами «подготовлена самая тесная связь».

Организация *Военно-законодательного совета* также оказалась далекой от совершенства: ЗФУ работало параллельно с Управлением делами, причем последнее было, по выражению ВВИ, «страшно» перегружено работой, выходящей из компетенции ВЗС (например, ВЗС занимался срочной разработкой вопроса о красноармейском пайке, хотя этот вопрос находился в компетенции ГВХУ¹. Неудивительно, что деятельность ВЗС также подвергалась осенью 1918 года резкой критике².

4 сентября 1918 года ВЗС, выслушав предложение зав. отделом военного имущества Н.П. Неймана, постановил избрать из числа присутствующих на заседании комиссию в количестве трех человек (членов ВЗС) для детального обследования причин, тормозящих прохождение дел в Военно-законодательном совете и выработки мер к их устранению. В комиссию вошли: Ю.В. Городецкий (от Наркомфина), М.В. Лезгинцев (от финансового отдела Наркомвоена) и Н.Н. Соколов (глава Военно-хозяйственного надзора при ВЗС)³. По итогам работы комиссии 10 октября было составлено «Суждение комис-

¹ (В тексте характерная оговорка — Главного интендантского управления) РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 904. Л. 67—68. Общее собрание комиссии по обследованию деятельности центральных учреждений Военного ведомства (21 декабря 1918 г.).

² Основная причина заключалась в медлительности прохождения дел. В июле 1918 г. был установлен следующий порядок прохождения дел через ВЗС: 1. Предварительный просмотр президиумом поступающих на рассмотрение ВЗС дел, их распределение по отделам для подготовки к междуведомственному совещанию, состоявшему из 2 секций: *законодательной* (для рассмотрения дел организационно-законодательного характера) и *хозяйственной* (по рассмотрению хозяйственно-финансовых мероприятий и отпуску кредитов). 2. Внесение рассмотренных в Межведомственном совещании дел через соответствующие отделы на заседание ВЗС, постановления которого затем представлялись на утверждение заместителя председателя РВСР (РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 82. Л. 2 об.).

³ Там же. Д. 34. Л. 203. Журнал заседания ВЗС № 42, пункт 1. Резолюция об утверждении отсутствует.

сии под председательством М.В. Лезгинцева для выяснения причин медлительности прохождения дел в Военно-законодательном совете»¹. ВЗС выполнял свои функции со значительными организационными и материальными издержками: комиссия ВВИ, по итогам инспектирования ВЗС (декабрь 1918 г.), назвала в качестве основной причины — отсутствие утвержденных положений для руководства деятельностью совета. Кроме того, причины медленного прохождения дел крылись в порядке ведения делопроизводства в ВЗС и в обслуживающих его учреждениях². Докладчиками как в междуведомственном совещании, так и в ВЗС были делопроизводители, а не начальники отделов, а потому ответственность начальников отделов была опосредованной, а скорость продвижения дел зависела от работоспособности и добросовестности делопроизводителей. Служащие были не всегда квалифицированными, отделы ЗФУ работали обособленно друг

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 10. Л. 12—13 об.

² РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 117—119.

Дела, поступавшие на рассмотрение ВЗС в рабочее время, поступали или в общую журнальную часть ЗФУ, или в журнальную часть УД ВЗС (далее — Секретариата). Если дела поступали не в рабочее время, они попадали в службу связи и оттуда передавались в журнальную часть Секретариата. Журнальной частью секретариата они частично передавались в ЗФУ, а частично докладывались Управляющему делами ВЗС и только затем с его резолюцией отсылались в ЗФУ. Там их распределяли по отделам. По подготовке дела делопроизводитель вносил его на обсуждение Междуведомственного совещания, после обсуждения, в котором дело возвращалось в отдел для внесения в Военно-законодательный отдел, причем секретариат сообщал реестр дел, вносимых в ВЗС для составления повесток. Докладывал в ВЗС тот же делопроизводитель. Докладчики, по рассмотрению дел на заседании ВЗС, составляли постановления, которые подписывались председательствующим, представителями наркоматов Финансов и Государственного контроля, начальником отдела и докладчиком отдела, передавали решения со всеми материалами в организационное делопроизводство секретариата, где по докладу и подписании Управляющим делами ВЗС постановления регистрировались в организационном делопроизводстве и докладывались заведующим заместителю председателя РВСР, от которого возвращались обратно в то же делопроизводство. Последнее отправляло его в подлежащее ЗФУ для исполнения. Таким образом, до рассмотрения в ВЗС дела проходили два учреждения, занимающихся только их регистрацией и докладами, а в нерабочие часы — три. (Автор приносит извинения за трудность чтения данного фрагмента).

от друга, справки выдавались медленно, делопроизводители постоянно отвлекались от исполнения своих прямых обязанностей из-за участия в различных комиссиях. Начальник ЗФУ тоже не был юридически заинтересован в докладах, так как всеми делами занимался Управляющий делами ВЗС. Кроме того, дела и постановления ВЗС проходили через руки Управляющего делами, начальника ЗФУ и председателя ВЗС, а докладчиком на утверждении постановлений был заведующий секретариатом — четвертое лицо¹.

Для выяснения среднего времени прохождения дел в ВЗС комиссией ВВИ² еще в сентябре—октябре 1918 года было взято 229 дел из законодательного и 197 дел из хозяйственного отделов ЗФУ. При их анализе комиссия выяснила следующее: 1) на передачу дела, поступившего в журнальную часть секретариата в ЗФУ, тратилось в среднем от 1 до 5 дней; отдельные дела задерживались на сроки до 2 недель; 2) с момента поступления дел в ЗФУ до их рассмотрения Межведомственным совещанием проходило 1—3 месяца; 3) с момента поступления дел в ЗФУ до времени внесения их в ВЗС проходило в большинстве 1—3 месяца; имелись дела, задержанные в отделах на 3—6 месяцев; 4) с момента рассмотрения дел Военно-законодательным советом до их передачи в Управление делами ВЗС для доклада на утверждение проходило 1—33 дня; 5) с момента утверждения до возвращения в ЗФУ проходило 1—9 дней; 6) с момента возвращения в ЗФУ утвержденных дел до извещения о состоявшемся решении проходило 1—20 дней.

Таким образом, на прохождение дел по журнальным частям учреждений требовалось от 4 до 67 дней (в среднем, не менее 17). Кроме того, дела примерно на месяц задержива-

¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 119—120, 122.

² РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 20).

Возможно, это связано с телеграммой Л.Д. Троцкого: «Из Балашова. Москва. Председателю Высшей военной инспекции Подвойскому, копия Наркомвоен Склянскому, копия Арзамас, Реввоенсовет. Участие представителя Высвоенинспекции в Военно-законодательном совете крайне необходимо по указанным нами соображениям. Участие Генштаба Новицкого в Инспекции не возражаю[...] 23 октября 1918. № 809. Предреввоенсовет Троцкий».

лись ЦУС. Из рассмотренных в ВЗС 240 дел 38 (15,8 %) получили окончательное решение в срок, превышавший месяц, 98 дел (40,8 %) — от 1 до 2 месяцев, 56 дел (23,3 %) — от 2 до 3 месяцев, 39 дел (16,25 %) — от 3 до 4 месяцев¹.

Параллелизм между обслуживающими ВЗС учреждениями также проявлялся в том, что из 240 дел 32 (13,3 %) представили на утверждение в обход Управления делами, а 30 (12,5 %) направили к исполнению помимо ЗФУ. Кроме того, не только в отделах, но почти во всех делопроизводствах велись свои входящие и исходящие журналы, а регистрация дел в делопроизводствах не велась, поэтому не все делопроизводители точно знали, какое количество дел прошло через их руки².

Центральный аппарат снабжения (ЦУС и главные до-вольствующие управления) подвергался постоянной критике: он по определению не мог обеспечить армию.

¹ Подсчет по процентам автора. Комиссией ВВИ признала эти цифры «средненормальными».

² РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 120—122.

Комиссия ВВИ предлагала немедленно (в сентябре 1918 г.) реформировать ВЗС, предлагая 2 варианта такой реорганизации (второй ВВИ считала более рациональным). *Первый вариант* — реформировать ВЗС в законодательный орган в составе ЗФУ в виде совещательного органа при председателе или Реввоенсовете Республики, образовав междуведомственное совещание. *Второй* — сделать ВЗС органом, имеющим монополию на решение законодательных вопросов и занимающимся только ими. Комиссия ВВИ исходила из того, что в итоге реорганизации: ВЗС должен был стать исключительно коллегиальным совещательным органом при Реввоенсовете Республики, для чего выделялся особый («контрольно-активный») орган (либо в виде отдела при РВСР, либо в виде особой канцелярии при Наркомвоене); Совету предоставлялись полномочия в решении особо важных вопросов; право на утверждение постановлений ВЗС передавалось лицу, не имеющему прямого отношения к Совету; ВЗС разделялся на секции, наделенные правами Совета в целом; междуведомственное совещание входило в структуру ВЗС в виде финансовой секции; обслуживающие ВЗС учреждения объединялись в одно, состоящее непосредственно при ВЗС, исключительно его обслуживающее и подчиненное председателю ВЗС. Впрочем, прежде всего, Н.И. Подвойского не устраивал тот факт, что ВЗС фактически находился в руках Э.М. Скланского и специалистов, которым последний доверял — Н.А. Бабикина и Ф.П. Бакланова (Там же. Л. 126.).

В декабре 1918 года председатель ВВИ Н.И. Подвойский, основываясь на итогах инспектирования Центрального управления снабжений, констатировал — «от ЦУС никогда справки не получишь» и даже на заседаниях РВСР представители ЦУС «пребывают в полном неведении». Более того, Чрезкомснаб и ЦУС нередко мешали друг другу». Несомненно, Чрезкомснаб обладал большими возможностями, поскольку был наделен чрезвычайными полномочиями и имел в своем составе представителей не только военного ведомства, но — главное — Наркомпрода и ВСНХ. Отдел военного имущества ЦУС во втором полугодии 1918 года даже не вел должного учета имущества, хотя и был ответственен за техническое обеспечение. Технический комитет больше обсуждал проблемы, чем их решал¹.

Работе *Главного артиллерийского управления* дал 23 ноября 1918 года убийственную характеристику Л.Д. Троцкий, заключивший, что ГАУ способно «давать только фальшивые справки» и на быстрое приведение в порядок его «вряд ли можно всерьез рассчитывать»².

Высшая военная инспекция вскрыла ряд недостатков в организации и деятельности *Главного военно-хозяйственного управления*.

Она нашла нерациональной принятую систему довольствия войск: нарушался принцип заготовки продуктов питания Наркомпродом и создавалась конкуренция между Наркомпродом и войсковыми заготовителями. При этом сведения о фактическом выполнении нарядов ГВХУ сообщались начальникам военно-окружных управлений и снабжений фронтов губпродкома. ВВИ предлагала разрешить заготовки войсковыми комиссиями в размере полумесячной потребности магазинов не только армиям, но и округам³.

Общий план работ в ГВХУ отсутствовал, сама работа нарушалась распоряжениями ЦУС. Практически отсутствовало взаимодействие ГВХУ с хозяйственными управлениями окру-

¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 904. Л. 59—60.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 154. Л. 355. Телеграмма Л.Д. Троцкого Э.М. Склянскому от 23 ноября 1918 г. № 1137.

³ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 904. Л. 62.

гов и начальниками снабжения фронтов, а также с Наркомпродом и ВСНХ. Для урегулирования этого вопроса пришлось образовать комитет при военном отделе Наркомпрода.

Вещевой и учетный отделы не располагали сведениями даже о том, какие их наряды, направленные во исполнение плана снабжения армии (1 млн 200 тыс. человек!), фактически не были выполнены. Для решения проблемы комиссия ВВИ предлагала: во-первых, из договора с отделом военных заготовок Центральной комиссии по ликвидации бывшего общества организации ВСНХ исключить пункт о возможности отказа последнего от каких-либо заготовок ГВХУ для военного ведомства; во-вторых, для обеспечения правильного составления плана вещевого снабжения и выполнения требуемого плана наладить возможно точный учет вещевого имущества, находящегося в войсках на руках, так как и в цейхгаузах¹. Несмотря на издание Реввоенсоветом Республики приказа № 220с, предусматривавшего увеличение штатов, все более увеличивался недостаток в обозе и конском снаряжении².

Огромную сложность представляли взаимоотношения организаций по снабжению Красной Армии, а также ГВХУ с Наркоматом продовольствия. Наркомпрод проводил бессистемные выдачи, препятствуя нормальной организации снабжения. На то было несколько причин. Во-первых, внутренняя организация — отделы Наркомпрода работали в полной изоляции друг от друга, работа на местах не координировалась, инструкции носили случайный характер («Наркомпрод с одной стороны, организационный отдел с другой»). Второй причиной, таким образом, становилась слабость взаимодействия с местными органами. Результатом этого явились отсутствие в Наркомпроде цифрового и статистического материала или крайняя бессистемность в его регистрации. Не были разработаны планы снабжения Красной Армии: наряды в отделах разверстывались самостоятельно и без организационной связи; соответственно, и в губерниях и уездах наблюдалось

¹ Там же. Д. 70. Л. 62.

² Там же. Л. 63.

полное отсутствие системности. Результаты этого также были налицо: процент выполнения колебался между 0 и 85 %.¹

Таким образом, дело снабжения армии продовольствием обстояло крайне неудовлетворительно. Причины этого комиссия ВВИ условно разделяла на внутренние и внешние.

Внутренними причинами ВВИ назвала «случайный характер» организации технического аппарата, а также подбора и расстановки кадров — как в центре, так и на местах. *Внешними* причинами ВВИ — частое и длительное нахождение под угрозой занятия неприятелем важнейших в смысле снабжения производящих областей республики; несвоевременная подача вагонов, отсутствие или паровозов, или топлива к ним; местничество представителей военной власти, препятствующее нормальной работе хозяйственных органов². Сведения об оперативной обстановке и оперативные сводки в ГВХУ не поступали³.

Высшая военная инспекция предлагала принять следующие меры для улучшения обеспечения Красной Армии продовольствием:

1. Точное разграничение функций Наркомпрода и других организаций, ответственных за снабжение Красной Армии.

2. Установление единой системы прохождения нарядов с момента поступления их в Наркомпрод и до передачи продуктов по назначению.

3. Возобновление и проведение с наибольшей интенсивностью деятельности Совета снабжения.

4. Установление тесной и непосредственной связи органов снабжения РККА с органами распределения.

5. Полное подчинение местных продорганов губпродкомов центру.

6. Разработка единой системы учета и регистрации, а также общего единого взаимодополняющего и корректирующего отдельные пробелы плана снабжения Красной Армии.

7. Правильная организация подбора и расстановки кадров.

¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 63—64.

² Там же. Л. 64.

³ Там же. Л. 66 об.

8. Использование кооперации в качестве контрагента по заготовке продовольствия не только центром, но и местными органами, для чего губкомам предлагалось издать соответствующие инструкции.

Последней мерой ВВИ предлагала по традиции (от избытка рвения) включить в рабочую комиссию своих представителей как лиц, «заинтересованных в деле снабжения Красной Армии»¹.

По данным ВВИ, удовлетворение потребностей в муке колебалась в сентябре—ноябре 1918 года между 49 и 57 %. В сентябре заготовка была обеспечена особенно плохо, в октябре возросла до 49 %, а в ноябре — до 57 %. Катастрофа не произошла только потому, что расчеты делались, исходя из штатного, а не наличного состава. Потребность в сапогах (исходя из количества армии в 1 млн человек) составила 40 %.²

17 декабря 1918 года РВСР констатировал «полную и явную неряшливость главных довольствующих управлений, которые не приняли необходимых мер к своевременной пошивке шинелей», даже не произведя своевременно учет имеющегося на складах сукна». В итоге был снят начальник Главного военно-хозяйственного управления М.В. Акимов: ГВХУ, несмотря на наличие «очень значительных» (выражение РВСР) запасов шинельного сукна, оказалось абсолютно не в состоянии сшить необходимое армии количество шинелей³.

Высшая военная инспекция находила многочисленные недостатки в деятельности центральных военных органов, но сама представляла собой громоздкий аппарат, занимавшийся, главным образом, бумаготворчеством.

10 октября 1918 года РВСР отклонил проект Н.И. Подвойского о штатах ВВИ, в котором предполагалось замещение существующих «аппаратов местного военного управления» и полевых учреждений передвижным аппаратом ВВИ⁴.

29 ноября Троцкий направил в ВВИ (копии — в РВС Республики и председателю СНК В.И. Ленину) телеграмму, в кото-

¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 64.

² Там же. Д. 904. Л. 43—44.

³ Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 147—148.

⁴ Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 78.

рой отклонил ходатайство Подвойского об очередном увеличении числа служащих ВВИ и предложил свести к минимуму количество инструкторов. Троцкий указал Подвойскому, что задача инструкторов «состоит не в том, чтобы описывать все совершающееся в военном ведомстве и гоняться за мелочами, а в том, чтобы [выявить] основные промахи, дефекты, преступления и наталкивать соответственные органы на необходимые изменения». Председатель РВСР назвал «совершенно невозможным» откомандирование в распоряжение ВВИ высококвалифицированных специалистов из центральных военных управлений и приказал, наоборот, извлечь наиболее активных работников ВВИ для практической деятельности»¹.

Реввоенсовет Республики, в отличие от Н.И. Подвойского, видел ВВИ как инструмент инспектирования «в подлинном смысле слова». Аппарат предполагалось максимально сократить, оставив лишь небольшое число «специалистов, безусловно знающих свои дела». В телеграмме председателю ВВИ 10 октября РВСР оговорил возможность придания ВВИ небольшого резерва специалистов и политических работников для пополнения сотрудниками полевых и местных военных органов «в интересах непрерывности и успешности работы». РВСР отложил окончательное решение вопроса до «ближайшего» заседания, на которое пригласил Н.И. Подвойского².

Однако ВВИ не унималась и продолжала навязывать свои распоряжения другим учреждениям военного ведомства. 19 октября 1918 года Всероглавштабу была отправлена телеграмма, в которой на том основании, что ВВИ «должна быть широко ориентирована о состоянии военных сил и средств республики», Инспекция просила... «сообщить в самом непродолжительном времени программу работ на два месяца, ближайшие поставленные себе задачи, средства их выполнения, встречающиеся затруднения при исполнении программы и намеченные мероприятия к их устранению»³.

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 41. Л. 17.

² Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 78.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 219. Телеграмма ВВИ № 6704.

Пр. РВСР № 1469 от 8 сентября 1919 г. на базе ВВС и Военно-морской инспекции при РВСР, переименованной 30 января 1922 г. в инспекцию Крас-

Пожалуй, катастрофой «мертворожденного детища» для Н.И. Подвойского стало постоянное увеличение аппарата ВВИ, так как одной из основных задач ведомства была борьба с бумажной волокитой и бюрократией. Председатель ВВИ, кажется, был совершенно неспособен реально оценивать ситуацию. Склонность к говорильне проявлялась не только в оставленном Н.И. Подвойским богатейшем публицистическом наследии, но и постоянно проявлялась на заседаниях комиссий инспекции¹.

Центральное звено системы центральных военных органов, пройдя полосу реорганизаций, оставалось к зиме 1918/19 года далеко не совершенным, но, как показали испытания Гражданской войны, оказалось в целом готово к ним.

В официальной справке Управления делами НКВМ по истории организации центрального аппарата военного управления от 28 июня 1928 года за подписью Управляющего делами В.Н. Литуновского сказано: схема организации центрального аппарата ведомства Троцкого, «принятая в 1918 г., существовала в своей основе в течение всей Гражданской войны (до 1921 г.). В течение этих лет организация, по мере практического ее выяснения, уточнялась и, главным образом, дополнялась, в связи с усложнением вопросов организации РККА». В 1919 году были проведены следующие организационные мероприятия:

1. 17 апреля 1919 года объявлен приказ РВСР № 730 о создании Управления по формированию интернациональных частей Красной Армии. При этом РВСР постановил: упразднить «все органы, ведавшие формированием интернациональных войск и управлением ими, передав весь личный состав этих учреждений, имущество и дела в распоряжение Управления по формированию интернациональной Красной

ной Армии и Красного Флота (приказ РВСР № 294), а затем в Инспекцию при РВСР (приказ РВСР № 1254 от 20 мая 1922 г.). Приказом РВСР № 317 от 4 марта 1924 г. расформирована. (Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 34).

¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 904. Л. 54—56.

Наиболее ярко это проявилось в стенограмме общего собрания ВВИ по обследованию деятельности центральных органов военного управления (21 декабря 1918 г.).

Армии»; воспретить формирование интернациональных частей помимо управления; укомплектовывать интернациональные части исключительно лицами, не состоявшими до июля 1914 года в российском подданстве¹. Но на деле приказ не был проведен, и уже 30 сентября приказом РВСР № 1576/323 «все формирования интернациональных частей» возлагались на «Военную комиссию при федерации иностранной группы РКП»². В поздних справках Управления делами НКВМ факт существования на бумаге управления даже не упоминался.

2. 18 апреля 1919 года Всероссийское бюро военных комиссаров переименовано в Политотдел РВСР (решение о реорганизации Всебюрвоенкома было принято VIII съездом партии большевиков) и почти сразу — 15 мая — в Политическое управление РВСР³.

3. 3 июня 1919 года ликвидированы Морской отдел РВСР и должность управляющего технико-хозяйственной частью морского ведомства и уполномоченного РВСР. При этом РВСР постановил: «2. Все морские и озерные силы республики, морские крепости и Высшую военную инспекцию (Военно-морскую инспекцию. — С.В.) подчинить командующему всеми морскими вооруженными силами республики (коморси). Коморси, подчиняясь Реввоенсовету Республики, является помощником Главкома (по морской части) по подготовке и организации морских, озерных и речных операций по заданиям Полевого штаба Реввоенсовета Республики. При коморси состоит штаб командующего всеми морскими вооруженными силами республики, во главе которого стоит начальник штаба». 3. Все учреждения, заведения и части Наркомата по морским делам, не входящие в состав действующей армии, подчинить управляющему делами Наркомата по морским делам (Упморкому). Упморком подчиняется РВС Республики, будучи ответственным руководителем по вопросам деятельности Морского Генштаба, а также по вопросам техническим и

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 30. Л. 264.

² Там же. Д. 31. Л. 298.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 30. Л. 353; Там же. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 946. Л. 109. Архивно-историческая справка, составленная Центральным архивом Красной Армии 8 февраля 1938 г.

хозяйственным, руководствуясь при этом полученными от коморси требованиями, соображениями и расчетами о развитии морских вооруженных сил республики».

Управление делами Морского отдела переименовано в Канцелярию Народного комиссариата по морским делам (канмор). Коморси и Упморком наделены при этом всеми правами, которыми пользовался до реорганизации Морской отдел РВСР¹. 7 октября 1920 года упразднены «штаты Управдела, Коморси и общераспорядительного отдела Штамора, утвержденные 3 июля (так в тексте, правильно — 3 июня. — С.В.) 1919 г.»². 29 ноября 1920 года объявлено новое «Положение о командовании всеми морскими силами и его штаба». Отныне в оперативном отношении коморси подчинялся Главному, и только в «прочих отношениях» — РВСР³.

4. 19 июня 1919 года Регистрационное управление, отвечавшие за военную и военно-морскую разведку и военную цензуру, выведено из состава Полевого штаба и непосредственно подчинено Реввоенсовету Республики (постановление РВСР от 19 июля объявили приказом № 1081/186 от 21 июля). В основе реорганизации лежал доклад Троцкому заместителя начальника Регистрационного управления Полевого штаба РВС Республики В.П. Павулана от 31 мая 1919 года: «Причины, побуждающие реорганизовать Регистрационное управление...: 1) серьезность положения на фронтах; 2) необходимость привлечения к агентурной разведке партийных работников: а) недоверие к специалистам со стороны партийных организаций, исключая лиц близко соприкасающихся; б) необходимость вербовки агентов исключительно из коммунистов, часто отказывающихся принять предложение работать только в виду того, что во главе стоят непартийные (боязнь провала, в особенности в прифронтовой полосе и местности, занятой противной стороной); с) недоверие к ответственности беспартийным работникам по разведке со

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 30. Л. 367.

² РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 34. Л. 566.

³ Там же. Л. 711 об.

стороны Особого отдела [ВЧК] (военной контрразведки. — С.В.), не позволяющее дать полный размах в работе»¹.

5. 21 июля 1919 года Главное броневое управление сокращено и реорганизовано в отдел Главного военно-инженерного управления. Реорганизацию провели после обсуждения на заседании РВСР доклада Главного начальника снабжений И.И. Межлаука от 15 июля, в котором указывалось: «Броневое дело базируется главным образом на использовании автомобильного имущества), а потому деятельность управления смыкается с работой соответствующих органов ГВИУ». Реорганизация была закончена к 20 августа.

6. 30 июля 1919 года подтверждено двойное подчинение Главного военно-санитарного управления и санитарной части флота: оставаясь в ведении Наркомата здравоохранения, они подчинялись в оперативном отношении Реввоенсовету Республики. РВСР уточнил: «2. Начглавсанупр, начсанфронта, начсанарм систематически осведомляют соответствующие военные учреждения (РВСР, Реввоенсовет фронта, Реввоенсовет армии), что выполняют все их задания оперативного характера и руководствуются указаниями их в административно-хозяйственных отношениях. 3. Приказы по санитарной части фронту и армиям подписываются соответственно Реввоенсоветами фронтов и армий»².

7. 31 июля 1919 года Центральное управление военных сообщений при Полевом штабе реорганизовано в Центральное управление военных сообщений при РВСР³. 31 октября ЦУПВОСО и подведомственным ему управлениям, а также НКПС объявлена в специальном приказе благодарность Реввоенсовета Республики за работу по «выполнению предъявленных РВСР экстренных перебросок войск на подкрепление защитников Петрограда»⁴.

8. 3 августа 1919 года⁵ при Всероглавштабе образовано Главное управление всеобщего военного обучения.

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 31. Л. 13; Ф. 6. Оп. 10. Д. 204. Л. 84.

² Сб. РВСР. Т. 1. С. 466.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 31. Л. 108.

⁴ Там же. Л. 504.

⁵ По другим данным, отдел военно-учебных заведений ВГШ преобра-

9. 31 августа 1919 года при Полевом штабе РВСР образована Инспекция кавалерии¹.

10. 6 августа 1919 года Высшая военная инспекция сокращена и объединена с Военно-морской инспекцией в единую Военную и морскую инспекцию при РВСР. Еще 13 июля РВСР поручил И.Т. Смильге «в кратчайший срок представить проект сокращения Высшей военной инспекции и об извлечении оттуда военных специалистов для отправки их на фронт». 26 июля РВСР, заслушав доклад Смильги «о реформировании Высшей военной инспекции», постановил: «1. Высшую военную инспекцию переименовать в Военную инспекцию при РВСР. 2. П.П. Лебедеву, Н.И. Раттэлю и Р.П. Катаняну составить положение и штаты Военной инспекции в соответствии с указаниями, данными РВСР». 8 августа Совет обороны заслушал предложение С.С. Данилова о приостановке расформирования Высшей военной инспекции, но счел нужным утвердить решение РВСР и постановил создать комиссию по реорганизации инспекции и передаче ряда ее функций в военный отдел Наркомата государственного контроля.

11. 13 октября 1919 года в составе Полевого штаба сформирован Секретариат РВСР².

12. 20 октября 1919 года при Полевом штабе образовано Управление связи Красной Армии (УСКА). Во главе его ставился начальник связи Красной Армии, подчиненный начальнику ПШ. Основой для развертывания УСКА и управления связи фронтов и армий стали «соответствующие почтово-телеграфные отделы и части ЦУПВОСО и Упвосо фронтов и армий с добавлением техорганов», которые входили в управления связи для решения новых задач, стоявших перед управлениями. В техническо-эксплуатационном отношении УСКА обязывалось руководствоваться директивами Вер-

зован в Главное управление военно-учебных заведений 14 января 1919 г. (Путеводитель о ЦГАСА. Т. 1. С. 136). Очевидно, намеченная в январе реорганизация была проведена на деле только в августе 1919 г.

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 31. Л. 189 об.

² РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 31. Л. 440. Приказ № 1955/416, объявленный 28 ноября 1919 г.

хкомтеля¹. Штат и Положение об УСКА объявлены 12 ноября приказом РВСР № 1885/396. В Положении, в частности, уточнялось: в ведение управления и подведомственных органов «переходят оседлые почтово-телеграфные учреждения с момента невозможности правильного функционирования как таковых, а именно: прекращения функционирования обменивающих почтовых вагонов, неимения свободных подводов для гражданской связи, ухода или закрытия подкрупляющего их финансового учреждения или необходимости, по военным обстоятельствам, временного пользования того или иного оседлого учреждения как полевого, по соглашению с Наркомпочтелем, причем в случае разногласия, окончательное решение принадлежит Верхкомтелю». То же относилось и к Наркомату путей сообщения, причем момент перехода устанавливался совместно УСКА и наркоматом². 24 декабря для «ускоренного практического обучения новых кадров работников войсковой связи» при УСКА сформирован «Учебно-опытный полигон связи»³.

13. 27 ноября 1919 года Отдел военной цензуры изъят из ведения Регистрационного управления при РВСР и подчинен «как самостоятельный отдел» Реввоенсовету Республики через комиссара ПШ⁴.

В официальной справке Управления делами НКВМ «особо отмечались» две реорганизации:

1) 8 июля 1919 года правительственным декретом назначен Чусоснабарм — А.И. Рыков, ему подчинен Главный начальник снабжений; «в руках Управления делами РВСР» объединены законодательное, штатно-тарифное, финансовое и общий отделы⁵;

2) 3 августа 1919 года образована специальная комиссия для устранения параллелизма в работе Управления делами РВСР, Полевого штаба и Всероглавштаба: работа центрального аппарата военного управления по-прежнему «имела ряд

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 31. Л. 353—353 об.

² РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 31. Л. 406 об.

³ Там же. Л. 451.

⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 31. Л. 456 об.

⁵ Реформа в Красной Армии. Кн. 2. М., 2007. С. 321.

недостатков», к числу которых относились «недостаточная увязка и параллелизм»¹. Как видим, большинство «оргмероприятий» свелось к незначительному изменению уже существовавших к началу 1919 года подразделений центрального военного аппарата.

В 1920 году, отмечалось в официальной справке НКВМ, также проводились отдельные «оргмероприятия»:

1) 17 марта 1920 года образована Инспекция броневых частей при Полевом штабе;

2) 15 марта 1920 года Мобилизационное управление выведено из состава Всероглавштаба и передано в Полевой штаб — это решение связано с подготовкой к установлению милиционной системы;

3) 25 марта 1920 года Главное управление РКК Воздухфлота выведено из подчинения ЦУС и передано в подчинение РВСР; Полевое управление авиации и воздухоплавания переименовано в Штаб начальника воздухофлота; Главное управление воздухофлота — в Управление по снабжению Красного воздушного флота²;

¹ Сб. РВСР. Т. 1. С. 221, 222 (коммент.), 243, 258, 272, 279, 281, 299, 466.

² РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 34. Л. 179—179 об.

25 марта 1920 г. «для поднятия боеспособности Красного воздушного флота и производительности заготовительных и снабжающих его органов» все «авиационное, воздухоплавательное и гидроавиационное дело» объединено в специально учреждаемом Главном управлении Рабоче-Крестьянского Красного Военно-Воздушного Флота. Этому управлению подчинялись «в специальном отношении все авиа-, воздух- и гидрочасти, штабы, учреждения и школы Красного воздушного флота Республики». При этом: 1. Полевое управление авиации и воздухоплавания при Штабе Реввоенсовета Республики реорганизовано в Штаб начальника воздушного флота действующей Красной Армии и Флота; Главное управление воздушного флота переименовано в Управление по снабжению Красного воздушного флота, изъято из подчинения ЦУСа и подчинено начальнику Полевого штаба, а «в отношении специального применения средств воздушного флота и выполнения технических требований — Начальнику воздушного флота Республики». 2. Управление морской авиации расформировано, личным составом и имуществом должен был распорядиться начальник ГУ КВФ, дела передавались: по заготовкам и снабжению — Управлению по снабжению Красного воздушного флота, оперативные и строевые — Штабу Начальника Красного воздушного флота и школьные — Учебному отделу ГУВУЗ. 3. Авиационно-воздухоплавательное отделение изъято из состава ГУВУЗа и развернуто в Учебный отдел Главного управления красного воздушного флота.

4) ряд незначительных реорганизаций имел место в структуре Полевого штаба и Всероссийского главного штаба. Среди прочих выделяется образование при Всероглавштабе 20 ноября 1920 года Управления по формированию частей красных коммунаров (Упраформ частей красных коммунаров)¹ и Восточного отдела.

Отдельно следует отметить учреждение в апреле 1920 года должности помощника Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики по Сибири и состоящего при нем штаба. В соответствии с утвержденным 26 сентября положением, помощник Главкома по Сибири находился на двойном подчинении — «в отношении управления действующими войсками Главнокомандующему, а в организационных вопросах — через Всероглавштаб, помощник Главнокомандующего входил членом в Сибирский революционный комитет с правом решающего голоса». Штаб помощника Главкома становился одновременно «военным отделом Сибирского революционного комитета»².

В 1921 году «в связи с прекращением борьбы на внешних фронтах и переходом к мирному строительству вооруженных сил, было приступлено (так в тексте, правильно: «приступили». — С.В.) к реорганизации центрального аппарата» управления РККА; «основным мероприятием, проведенным в 1921 году, было образование единого Штаба РККА путем слияния Полевого штаба и Всероглавштаба (14.II. 1921 г. пр. № 336/41). По этой организации начальник Штаба РККА имел в своем подчинении трех помощников, начальника ВОСО, начальника связи РККА и начальника бронесил.

Первому помощнику были подчинены: 1) Оперативное управление; 2) Управление по обучению и подготовке войск; 3) Управление по внутренней службе; 4) Отдел связи штаба. *Второму помощнику* подчинялись: Организационное и Мобилизационное управления. *Третьему помощнику* подчинялись: 1) Управление корпуса военных топографов; 2) Управление по комсоставу; 3) Склад учебных пособий; 4) Отдел по потерям; 5) Административно-хозяйственное управление.

¹ Там же Л. 696. Начальником назначен т. Маршан.

² Там же Л. 534.

Таким образом, в составе Штаба оказалось 15 отдельных управлений, не считая управлений трех помощников. Одновременно со слиянием, Управление по Всеобучу было выделено в самостоятельное управление с подчинением РВСР. Инспекции подчинены непосредственно Главкому. В дальнейшем февральская организация уточнялась»¹. Уже назревала реформа Красной Армии.

Во время войны реформа аппарата военного управления — непозволительная роскошь. Несмотря на неэффективность работы ряда подразделений Наркомвоена, в 1919—1920 годах проводились лишь незначительные их реорганизации. Масштабная реорганизация 1921 года была следствием сокращения армии. Она открыла новую страницу истории Красной Армии и ее центрального аппарата управления — перехода к миру.

¹ Реформа в Красной Армии. Кн. 2. М., 2007. С. 321.

При этом «были проведены следующие мероприятия: 1. В первых числах апреля упразднены Регистрационное управление РВСР и Разведывательная часть Оперативного управления и создано Разведывательное управление Штаба РККА. 2. Упразднены: Восточный отдел (приданный в начале года Организационному управлению) и Управление по формированию частей красных коммунаров. 3. Создан отдел Штаба РККА по управлению военными оркестрами. 4. Образовано Центральное управление начальника бронесил РККА. 5. В течение года штаты Оперативного управления три раза подвергались изменению»; 6) Образован Высший военно-редакционный совет».

Раздел VI

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ЛЬВА ТРОЦКОГО

Глава 1

«Все служащие ходят... совершенно сломленными от голода»: специфика привлечения профессионалов в верхушку Красной Армии

Еще в начале 1980-х годов проводились исследования социального и национального состава РККА, однако приоритетными считались соответствующие подсчеты по руководящим военно-политическим, фронтовым и армейским органам¹. Фактически из поля зрения историков выпали кадры Полевого штаба (ПШ) Реввоенсовета Республики и советского центрального военного аппарата, при том, что их анализ дополняет представления о политике высшего руководства РККА в годы Гражданской войны.

Троцкий о подборе и расстановке кадров: «В технической и оперативной областях я видел свою задачу прежде всего в том, чтобы поставить надлежащих людей на надлежащее место и дать им проявить себя. Политическая и организационная работа моя по созданию армии целиком сливалась с работой партии»². В 1918 году Троцкий беспощадно расправлялся с самостийностью революционных командиров, устроив пару образцово-показательных процессов. Так, по его собственному признанию, «в 9-й армии был случай, когда два революционных начдива — Гузарский и Слувис — самовольно наруши-

¹ См.: Крушельницкий А.В. Читая Будницкого // Новый исторический вестник. 2007. № 1 (15); цит. по: URL: http://www.nivestnik.ru/2007_1/1.shtml.

² Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 351.

ли приказ и дезорганизовали хорошо задуманную операцию. Я арестовал обоих начдивов. Ко мне прибыло пять коммунистов для объяснения и защиты. Я их предал суду за самовольное оставление постов. Гузарский был расстрелян по постановлению трибунала, которому он был предан мною. После этого митингование начдивов и комиссаров прекратилось»¹.

С.И. Гусев (в 1918 г. — партийный работник, направленный по мобилизации в Свияжск, где тогда решалась судьба революции, затем командующий 5-й армией) в 1924 году констатировал: «Приезд (в Свияжск. — С.В.) тов. Троцкого внес решительный поворот в положение дел. В поезде тов. Троцкого на захоластную станцию... прибыли твердая воля к победе, инициатива и решительный нажим на все стороны армейской работы. С первых же дней на загроможденной тыловыми обозами бесчисленных полков станции, где ютились политотдел и органы снабжения, и в расположенных впереди... частях армии почувствовали, что произошел какой-то крутой перелом. Прежде всего, это сказалось в области дисциплины. Жесткие методы тов. Троцкого для этой эпохи партизанщины, самовольщины, недисциплинированности и кустарнической самовлюбленности были, прежде всего, и наиболее всего целесообразны и необходимы. Уговором ничего нельзя было сделать, да и времени для того не было»².

Именно в Свияжске Троцкий продемонстрировал: за трусость будут беспощадно расстреливаться даже большевики — Каппеля победили «несмотря на то, что петроградский рабочий полк, расстреляв сгоряча все патроны, сбежал с позиции, бросился к Волге, захватил пароход и начал требовать, что его везли в Нижний»³. За трусость «полк был ссажен (под угрозой потопления) с парохода, и созданный тут же полевой трибунал приговорил к расстрелу каждого десятого. В тот момент, когда этот расстрел был приведен, и в той обстановке, в какой он был осуществлен, это была, безусловно, правильная и необходимая мера. Этот расстрел красной кровавой чертой

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 351.

² Гусев С.И. Свияжские дни (1918 г.) // Гусев С.И. Гражданская война и Красная Армия. М.; Л., 1925. С. 14.

³ Там же. С. 19.

подводил итог предшествовавшему партизанскому хаотическому периоду существования Красной Армии и был последней переходной ступенью к регулярной дисциплине»¹.

Как справедливо заметил биограф Троцкого И. Дойчер, наркомвоен всячески стремился оградить офицерство от *незаслуженной* критики со стороны ряда большевистских деятелей. Правда, по мнению Дойчера, Троцкий не просто пытался успокоить офицеров, но искренне возмущался нападками на них; «даже по окончании Гражданской войны, когда необходимость в помощи царских офицеров отпала, он продолжал требовать, чтобы к ним относились с должным уважением. Он утверждал, что их надо использовать даже после формирования нового офицерского корпуса, потому что ни одно цивилизованное и построенное на разумных началах общество не может себе позволить разбрасываться умелыми, знающими и заслуженными людьми». Фактически эти аргументы наркомвоена свидетельствуют, что в кадровом вопросе Троцкий был *прагматиком*: дело здесь не в гуманности, а в умении ценить профессионалов².

Троцкий прекрасно понимал, что без кадровых военных армию построить нельзя. В 1918 году он активно использовал офицеров, в частности назначая на руководящие посты в аппарате Высшего военного совета доставшихся от царизма генералов и штаб-офицеров³. К тому же наркомвоен заботился о собственном имидже, завоевав к 1919—1920 годам определенный авторитет даже в военной касте — и это притом, что попавшие весной 1918 года в аппарат Высшего военного совета офицеры не очень-то высоко его ставили. Карл Радек рассказал о первых совещаниях Троцкого с офицерами в апреле 1918 года: «В кабинете у тов. Подвойского собрались лучшие из бывших царских офицеров, которые не бросили рядов армии после нашей (большевиков. — С.В.) победы, дабы совместно с нашими товарищами и рядом военных представителей союзников разработать план организации

¹ Там же. С. 20.

² Дойчер И. Указ. соч. С. 417.

³ См.: Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. М., 1988. С. 75 и след.

армии, Троцкий в продолжение многих дней прислушивался и к их планам, молча. Это были планы людей, не понимающих переворота, на их глазах происшедшего. Каждый из них отвечал на вопрос о том, как создать армию, по-старому. Они не понимали перемен, которые произошли в человеческом материале, на котором строиться армия. Пока что военные молчали, но считали это бесполезной затеей. Старик Борисов, считающийся одним из лучших военных писателей, сто раз убеждал меня и тов. Антонова-Овсеенко, принимавших участие в редакции «Военное дело», что ничего из этого предприятия не выйдет, что армия может быть построена только на началах общеобязательности, на началах железной дисциплины... Ни на минуту не допуская мысли, что добровольческая армия может спасти Россию, Троцкий строил ее как аппарат, нужный ему для создания новой армии. Но если уже в этом выражался организаторский гений Троцкого, смелость его мысли, то еще более яркое выражение она нашла в мужественном его подходе к идее использования военных специалистов для строения армии»¹.

Именно Троцкий стал одним из тех, кто отстаивал идею о необходимости постановки бывших офицеров на ответственные должности не в руководстве военного ведомства, а в партии большевиков. По признанию Карла Радека, в редакции левых коммунистов (газета «Коммунист») чуть было не произошел раскол по этому вопросу. Сам Радек был сторонником активного использования военспецов, в лагере противников были такие видные партийные работники, как Н.И. Бухарин, Н.А. Осинский-Оболенский, А. Ломов, В.Н. Яковлева².

Французская газета «Темп» в 1924 году писала о расхождении демагогии Троцкого с его делами в военном ведомстве: «Правда, господин Троцкий написал целую книгу, в которой оправдывал систематический террор против буржуазии, интеллигентов и спецов, но на практике наркомвоен не только спас жизнь многим интеллигентам, спецам и даже офицерам, но и создал для них необходимый авторитет при выпол-

¹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 15. Л. 49.

² Там же Л. 49—50.

нении их функций... Ему приходилось обуздывать ненависть, недоверие и зависть, которую вызывали старые специалисты, спасшиеся от военного суда, у начальства и некоторых коммунистов. Троцкий с большим успехом использовал этих старых специалистов, главным образом, в армии, и этой своей пронизательностью он обязан в первую очередь своей популярностью. В России было очень мало техников и, можно сказать, что каждый раз, когда Троцкий спасал одного из них, он сберегал ценную часть национального наследства»¹.

По словам Радека (?), «много дней офицеры высказывали и обсуждали свои идеи, а Троцкий молча их выслушивал. Предлагались возможные планы по воссозданию старой армии, но ни в одном не учитывался психологический подъем масс (естественно, его и не было! — С.В.). Затем Троцкий начертил перед ними свою схему призыва добровольцев. В ответ офицеры только недоуменно промолчали и пожали плечами. Они приписывали падение старой армии недостатку дисциплины и были уверены, что в добровольческой армии недостатку дисциплины в принципе быть не может. План Троцкого показался им причудой дилетанта-революционера»².

Привлечение кадров в Наркомвоен имело свою специфику. Профессионалы высшей военной квалификации были «штучным товаром», основной вопрос в 1918 году — в каком качестве они должны будут служить Советской власти и на каких постах. Сами военные специалисты (почти без исключения) предпочитали административно-хозяйственные должности строевым. Те же, кто вступал в действующую армию, собирались воевать с германскими частями, а никак не своими сослуживцами. Руководству Советской России следовало торопиться с привлечением профессионалов: те из них, кто пойдет на службу большевикам еще до начала Гражданской войны — добровольно, уже не смогут идти на попятный.

Курс на массовое привлечение в Красную Армию военных специалистов, как известно, был принят при сопротив-

¹ РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 90. Л. 25.

² Цит. по: *Дойчер И.* Указ. соч. С. 412. По непонятно причине в главе Карла Радека «Лев Троцкий» книги «Портреты и памфлеты» издания 1927 года этот пассаж отсутствует (См.: РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 12).

лении со стороны большинства авторитетных партийных работников¹.

В начале мая 1918 года М.Д. Бонч-Бруевич в докладе Высшему военному совету обосновал необходимость безотлагательного зачисления на службу такого количества военных специалистов, каковое бы обеспечивало, с одной стороны, первоочередные работы по формированию новой армии, а с другой (в перспективе) — привлечение в ее ряды лучшей части старого офицерства². Военные специалисты, со своей стороны, просили гарантий. Только 4 июня Высший военный совет, обсудив доклад М.Д. Бонч-Бруевича, признал, что «огульное, безоговорочное упоминание о контрреволюционных офицерах, безусловно, крайне вредно для формирования новой армии», и постановил не препятствовать своему военруку ходатайствовать перед СНК об издании соответствующего постановления³.

Когда в июле 1918 года военных специалистов стали призывать на строевую службу в формирующиеся подразделения Красной Армии, остро встал вопрос: кого необходимо оставлять в центральном аппарате, а кого — отправлять в войска. Руководители управлений всячески стремились оградить своих сотрудников от мобилизации на войну. Об остроте сложившейся в результате ситуации в аппарате Наркомвоена свидетельствует обширная переписка, отложившаяся в фондах РГВА. В частности, в ней поднимались вопросы по поводу призыва сотрудников центральных военных органов в действующую армию, о необходимости создания (и создания, что называется, по собственной инициативе) органов по решению вопроса о возможности откомандирования сотрудников. Естественно, руководители структурных подразделений делали все, чтобы не отдать ни специалистов, ни многочисленных выходцев из буржуазии, прикрываясь словами об их особой ценности и незаменимости⁴. В результате, после многочисленных конфликтов по поводу изъятия из аппарата «особо ценных»

¹ См. *Кляцкин С.М.* На защите Октября. С. 161.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Л. 165.

³ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 81—81 об.

⁴ См.: РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 125. Л. 12, 16, 44-45, 66, 111, 122 и др.

и «незаменимых» сотрудников последовало, наконец, общее решение проблемы. 27 августа Э.М. Склянский подписал приказ, определявший число мобилизуемых в процентном отношении к общей численности служащих центральных военных органов, а также порядок их мобилизации¹.

Из-за боязни многих большевиков установления военной диктатуры происходили многочисленные эксцессы, когда бывших офицеров арестовывали и держали в тюрьмах без предъявления обвинений². Несмотря на то, что в значительной части случаев задержание офицеров было оправдано их участием в контрреволюционных организациях³, ВЧК не имела достаточно квалифицированных кадров для производства следствия, а потому многих отпускали за недоказанностью преступлений. Результат — серьезные межведомственные трения ВЧК и ее местных органов, с одной стороны, и военного ведомства — с другой. К осени ситуация накалилась настолько, что 23 октября Л.Д. Троцкий был вынужден лично потребовать от Ф.Э. Дзержинского освободить «немедленно» «тех арестованных офицеров, против которых нет индивидуальных обвинений», и вернуть их на службу⁴.

Существенным условием успешного решения проблемы привлечения военспецов выступало урегулирование оплаты их труда в условиях галопирующей инфляции.

С середины июня 1918 года Главначснabu А.А. Маниковскому поступали в большом количестве ходатайства центральных управлений, войсковых частей «и целых отдельных корпораций» об увеличении установленных окладов содер-

¹ Там же. Оп. 1. Д. 93. Л. 379. Пр. Наркомвоена № 739.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 263; Оп. 2. Д. 9. Л. 23; там же. Ф. 6. Оп. 12. Д. 6. Л. 57 и сл.

Так, 25 июля 1918 г. собрание служащих Московского окружного военно-хозяйственного управления по поводу ареста начальника управления М.Ц. Груздинского постановило ходатайствовать перед Моссоветом о его непременно оставлении на службе.

³ См., напр.: *Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная Армия. М., 2008.*

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 134. Л. 254. Телеграмма Л.Д. Троцкого от 22 октября 1918 г. № 771 (копии направлялись председателю ВЦИК Я.М. Свердлову и Э.М. Склянскому).

жания «ввиду страшной дороговизны на все предметы первой необходимости». Нарком финансов РСФСР И.Э. Гукowski назвал такие ходатайства «воплем оголодавшихся людей, предчувствующих абсолютную невозможность выйти из создавшегося положения собственными усилиями». А.А. Маниковский приказал срочно образовать при ГВХУ комиссию для выработки новых окладов служащим военведа. В нее вошли представители большинства главных управлений Наркомвоена, а также 12 воинских частей¹. Основные выводы комиссии: оклады необходимо увеличить до уровня прожиточного минимума в Москве и Петрограде, и при этом установить особые (на 35 % выше) оклады специалистам². Так военные специалисты выделялись из общей массы служащих.

Поскольку, однако, наркоматы Финансов и Госконтроля возражали против увеличения окладов, началась длительная переписка³. В частности, в обращении ВЗС к Высшему военному совету указывалось: «Голодное существование служащих военного ведомства вынуждает их уходить массами на фабрики, конторы, общественные организации и т.п., где труд оплачивается значительно лучше... При таких условиях военное ведомство... лишено возможности поднять интенсивность труда... до той высоты, которая соответствовала бы обстоятельствам дела в переживаемый момент»⁴.

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 221. Л. 92—92 об. Докладная записка ВЗС в Высший военный совет о необходимости увеличения окладов служащим военного ведомства.

² Там же. Л. 92 об—93. Последними признавались лица с высшим образованием на соответствующих штатных должностях.

³ Там же. Л. 92, 94—95 об; Д. 359. Л. 61—61 об.

Нормы заплаты вольнонаемным служащим военного ведомства установлены в январе—апреле 1918 г. 18.01.1918 Наркомвоен «в полном согласии» с Наркоматом труда и Центральным комитетом союза вольнонаемных служащих военного ведомства установил с 1 января 1918 г. ставки оплаты труда 6-ти группам вольнонаемных служащих (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 16—17 об. Пр. Наркомвоена № 51). 20.04.1918 объявлен «Табель оклада содержания штатным военнослужащим, состоящим в частях войск, управлениях, учреждениях и заведениях Военного ведомства» (Там же. Л. 102 об. Пр. Наркомвоена № 289).

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 221. Л. 94.

4 сентября Н.М. Потапов удостоверил, что «все служащие ходят голодными и многие совершенно сломленными от голода, за невозможностью на получаемое содержание даже прокормиться, как следует, не говоря уже о том, что его не хватает на удовлетворение прочих потребностей»¹. Вопрос решили только 9 сентября 1918 года, увеличив денежные оклады служащих в 1,5 раза². Но обесценение денег уже «съело» прибавку. В связи с этим 14 ноября части сотрудников Наркомвоена — служащим ВГШ и ЦУС — предоставили красноармейский паек. При этом Л.Д. Троцкий разрешил выдавать такой же паек и остальным служащим. Но — за плату³.

Частично потребности служащих центрального военного аппарата в продуктах питания удалось удовлетворить за счет организации закупок продовольствия. Так, в начале сентября 1918 года уполномоченному Совету ГАУ Н.П. Костову было поручено закупить 530 пудов масла и сыра «для служащих ГАУ, среди которых от недоедания начались массовые цинготные заболевания, нарушившие правильную работу ГАУ по снабжению фронта предметами артиллерийского снабжения»⁴.

Советской власти также пришлось озаботиться решением вопроса о пенсионном обеспечении работников центрального военного аппарата, при том, что новый закон о пенсиях еще не приняли⁵.

Всё это, разумеется, не стимулировало желания военспецов служить в советском военном ведомстве. А ведь существовали и другие — не менее, а то и гораздо более весомые факторы: усталость от воинской службы, идейные соображе-

¹ Там же. Л. 92. Резолюция Н.М. Потапова № 1.

² Там же. Резолюция Н.М. Потапова № 2 (приказание секретной части).

³ РГВА. Ф. 37. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.

⁴ РГВА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1. Л. 164. Мандат Николая Павловича Костова (№ 306).

⁵ *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 100. В Главный штаб, ведавший до мая 1918 г. пенсионными вопросами, поступали (как из действующей армии и военных округов, так и от бывших офицеров и генералов) многочисленные просьбы ускорить решение вопроса в связи с бедственным положением офицеров (Там же). Вопрос с пенсиями бывшим офицерам не был решен вплоть до марта 1919 г. (Там же. С. 104).

ния, наконец, страх перед возможной карой за службу «красным». Возникшие проблемы предстояло решать руководству Наркомата по военным делам.

Глава 2

«Та же свинья, только в новом мешке»:

укомплектование аппарата Высшего военного совета и Наркомвоена профессиональными кадрами в марте—октябре 1918 года

Начатое еще при прежнем руководстве Наркомвоена сворачивание подразделений бывшего Военного министерства фактически завершилось. Более того, анализ численности старых служащих аппарата показывает, что в марте—июле 1918 года была реформирована, по сути, лишь верхушка центрального военного аппарата — служащие его старых структур после реорганизации стали служащими новых.

Так, например, обстояло дело с преобразованием Канцелярии Военного министерства (Кавоми) в Управление делами Наркомвоена. В направленном во Всебюрвоенком и переадресованном затем Л.Д. Троцкому «Докладе с обозрением политического положения в б[ыв]. Канцелярии Военного министерства, в Закон[одательно]-финан[совом] упр[авлении] при Воен[но]-хоз[яйственном] сов[ете] и в Упр[авлении] делами этого Совета»¹, датированным серединой апреля 1918 года. Докладчик в документе не назван (копия доклада направлена Всебюрвоенкомом Л.Д. Троцкому).

Член РКП(б), председатель Комитета солдат и низших служащих подробно охарактеризовал процесс этой реорганизации. По его наблюдениям, «реорганизация» Кавоми и аппарата Особого совещания по обороне государства в ВХС фактически свелась к переименованию с сохранением прежнего кадрового состава и порядков. В результате, — по словам докладчика, — получилась «та же свинья, только в новом меш-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123. Л. 61—62 об.

ке»¹. Хамский стиль доклада свидетельствует не только об усилиях высшего офицерства по сохранению кадров бывшего Военного министерства, но и о потере низшими служащими элементарных понятий о субординации — тем более что фразеология свидетельствует о высоком образовательном уровне автора документа. Это, очевидно, насторожило даже членов коллегии Наркомвоена М.С. Кедрова и Э.М. Склянско-го: они не поддержали планы комиссии «низших служащих» провести почти 50-процентное сокращение военных чиновников Управления делами ВХС. Вместо этого руководители Наркомвоена предоставили руководству управления самостоятельно решить вопрос о порядке сокращения². В результате при утверждении новых штатов «на открывшиеся вакансии вернулись уволенные (вследствие сокращения штатов) бюрократы и были приняты даже чиновники других учреждений, уволенных по тому же случаю. Чтобы не было безработных среди «своих» людей, были изобретены разные должности и даже отделы в учреждениях»³.

Доклад явно заинтересовал Троцкого, о чем свидетельствуют его многочисленные пометы. При этом нарком явно проигнорировал один из основных «идеологических» пассажей докладчика: «Не может человек, по убеждению кадет или близко к октябристу, справедливо рассудить дело при социалистических порядках: у него правовое понятие, совершенно противоположное духу времени и существующего правительства» (это заявлялось в связи с оценкой «политического облика» юрисконсультов, оставленных в штате Управления делами). Единственное, чего в итоге удалось добиться представителю «низших» служащих — удаления в конце марта 1918 года В.И. Сурина с поста начальника Кавами⁴ (впослед-

¹ Там же. Л. 61 об—62.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123. Л. 61 об.

³ Там же. Л. 62.

Реорганизация, задуманная руководством будущего ВХС (Н.А. Бабиковым и Н.М. Потаповым при участии Ф.П. Балканова и В.И. Сурина), была осуществлена перед самой эвакуацией Наркомвоена из Петрограда — таким образом, генералами была использована связанная с переездом наркомата дезорганизация его работы (Там же).

⁴ 26 марта служащие настоятельно потребовали от комиссара Кавами

ствии он возглавил Канцелярию Военного министерства в правительстве А.В. Колчака)¹.

Как отмечено выше, аппарат *Высшего военного совета* изначально был укомплектован военными специалистами. В нем служили — 7 генералов (1 генерал-лейтенант и 6 генерал-майоров); 11 полковников, 2 подполковника, 2 капитана и 1 подпоручик: 13 из них окончили Николаевскую академию ГШ (причем 10 из них были причислены к корпусу офицеров Генштаба); 5 — Артиллерийскую, Военно-инженерную и Интендантскую академию. Еще двое были слушателями академии ГШ.

О значении, которое уделялось профессионализму собственных кадров Высшим военным советом, свидетельствует постановление Совета от 3 мая 1918 года по вопросу о двойном увеличении окладов четырем чинам для поручений Генерального штаба при начальнике Оперативного управления Высшего военного совета против утвержденного в ВХС. Начальник Оперативного управления Высшего военного совета Н.А. Сулейман докладывал военному руководителю, что задачи управления, связанные с решением «военных вопросов в широком государственном масштабе», непосредственно решают помощники начальника управления и чины Генерального штаба, состоящие при Управлении для поручений, причем в отсутствие начальника управления замещают его помощники соответственно своим специальностям — оперативной и разведывательной. Н.А. Сулейман подчеркнул, что число штатных сотрудников Оперативного управления крайне ограничено и что в управление возможно привлечение лишь высокоопытных профессионалов — «или уже откомандовавших полками, или прошедших хорошую школу в больших штабах»².

Розенталя удаления Сурина. По словам Розенталя, о снятии Сурина он ходатайствовал еще в январе 1918 г. (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 154. Л. 12. Обращение низших служащих Кавоми комиссару Кавоми Розенталю от 26 (11) марта 1918 г.; Л. 13. Препроводительная Розенталя к обращению низших служащих наркому Э.М. Склянскому от 28 (13) марта 1918 г. — сообщение о случившемся было послано Э.М. Склянскому).

¹ URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html>

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 133—133 об. Доклад Н.А. Сулеймана в Высший военный совет с просьбой об увеличении установленного оклада своим ближайшим сотрудникам с резолюцией совета.

В июне 1918 года, т.е. через три месяца после создания, в штате Штаба Высшего военного совета состояли уже 23 военных специалиста. Все они замещали руководящие должности¹.

Во *Всероссийском главном штабе* в мае—июне 1918 года одним из двух военных комиссаров стал левый эсер (бывший полковник) А.И. Егоров, вторым — большевик И.И. Безансов (Бессонов). Первый начальник ВГШ Н.Н. Стогов постоянно высказывал им свои сомнения в возможности создания массовой регулярной армии на началах, провозглашенных большевиками (т.е. на началах добровольчества — еще до объявления первых призывов)².

А «Совет ВГШ», докладывая 19 июля в Наркомвоене И.Л. Дзевялтовский, в своей деятельности старался «обособиться от [военных] комиссаров». По наблюдениям Дзевялтовского, сделанным им почти за месяц, этот «Совет Всероглавштаба» сам не был сторонником «живой и энергичной работы» на благо Советской власти и в дело создания Красной Армии не то что не верил — наоборот, считал цели военного ведомства «иллюзией»³. Совет ВГШ, — продолжал Дзевялтовский, — рассматривал «Советский строй как временный, и высказывал предположение, что большевиков ждет та же участь, что и Керенского».

Н.Н. Стогов вообще рассуждал об этом совершенно открыто, причем его примеру следовали «в большей или меньшей мере начальники управлений, а за ними и весь низший состав». «Вновь созданные» (а на самом деле переименованные старые) управления Всероглавштаба напомнили Дзевялтовскому ноябрьский саботаж государственных служащих — «только он принял законные формы, явно о нем не говорят и открыто [с ним] не борются».

Ситуация изменилась 24 июня, когда вместо Егорова военным комиссаром ВГШ был назначен сам И.Л. Дзевялтовский. Игнатий Людвигович, которому офицерское прошлое

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Л. 296—296 об. (См. приложение 6).

² Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 111. Л. 388 с об—390.

³ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 94. Доклад И.Л. Дзевялтовского в Наркомвоен о начальнике ВГШ от 19 июля 1918 г.

не мешало быть противником полноценного использования военных специалистов, искренне верил в военный потенциал низших служащих. Естественно, это не могло не вызывать противостояния в руководстве Всероглавштаба. Дзевялтовский понимал роль Всероглавштаба «как руководящую и направляющую деятельность всех управлений, работа которых направлена на быструю и энергичную организацию Рабоче-Крестьянской Красной Армии»¹. 19 июля 1918 года И.Л. Дзевялтовский даже доносил Л.Д. Троцкому² о контрреволюционном облике начальника ВГШ Н.Н. Стогова. Дзевялтовский писал: ВГШ «до сих пор» плохо справлялся с поставленной задачей, более того — «Создание Красной Армии нисколько не выиграет от присутствия Штаба», так как «можно с уверенностью сказать, что до сих пор Штаб не оказывал влияния на Красную Армию». А Н.Н. Стогов, писал Дзевялтовский, продолжает упорно игнорировать указания военных комиссаров на проведение линии высшего военного руководства, старается их «затормозить». В качестве примеров Дзевялтовский указал на продолжительный и упорный отказ подписать приказ по резолюции Л.Д. Троцкого о переводе причисленных в Генеральный штаб. Это — весьма показательный случай. В 1918 году к корпусу Генерального штаба был причислен ускоренный (6-месячный выпуск) Императорской Николаевской военной академии, который вряд ли мог бы рассчитывать на высокие должности в дореволюционном кастовом военном ведомстве. Иными словами, Стогов не хотел пускать в привилегированный корпус генштабистов людей, которых старый генералитет и опытные генштабисты считали «зеленой молодежью» (выражение М.Д. Бонч-Бруевича). Также Н.Н. Стогов, доложил Дзевялтовский: отказался, вопреки резолюции К.А. Мехоношина, подписать приказ о реорганизации фельдъегерского корпуса; препятствовал внесению нового порядка назначения пенсий; и главное — поддерживал «вредных правительству военных агентов» за границей.

¹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 94.

² О том, что адресатом был сам нарком, а не коллегия Наркомвоена, свидетельствует тот факт, что подлинник документа отложился в личном фонде Л.Д. Троцкого.

По всей вероятности, за месяц у Дзевялтовского скопилось много претензий к начальнику Всероглавштаба, и к тому же у него возникла стойкая (и, как выяснилось в 1919 г., абсолютно обоснованная) убежденность в пособничестве Стогова контрреволюции.

Заключительный пассаж: «Вообще та атмосфера и обстановка, которые создаются начальником Штаба, не создадут доверия к Всерос[сийскому] [главному] штабу, а тот налет консерватизма и бюрократизма, которые практикуются СТОГОВЫМ, приведет к тому, что Штаб не пойдет впереди, руководя делом, а будет плестись в хвосте». Дзевялтовский убеждал Троцкого в необходимости немедленной замены Стогова¹.

Н.Н. Стогов, в сентябре 1919 года арестованный и расстрелянный по делу «Национального центра», был уволен с должности 2 августа 1918 года², т.е. примерно через месяц после назначения Дзевялтовского комиссаром ВГШ. Исследователь Я.Ю. Тинченко установил, что Стогов был снят по личной инициативе Л.Д. Троцкого (по показаниям А.А. Свечина на допросах более десятилетия спустя) — за постоянное несогласие с политикой руководства военного ведомства³. Сам Стогов в письме М.Д. Бонч-Бруевичу признал: он перед принятием должности начальника ВГШ «имел беседу» с Н.И. Подвойским, в ходе которой «высказал ему свои сомнения в возможности сформировать армию, способную сражаться с внешним врагом при настоящих условиях жизни государства»; то же высказал в первом же деловом разговоре с К.А. Мехоношиным; то же неоднократно говорил самому М.Д. Бонч-Бруевичу, Н.М. Потапову, генерал-майору С.Г. Лукирскому и комиссарам А.И. Егорову и Н.И. Бессонову.

Дзевялтовский в рассмотренном послании от 19 июля предлагал заменить Стогова «человеком свежим, энергичным, желающим честно работать с Советской властью, не консерватором и не монархистом в военном деле, а понимающим дух революции, отрешившимся вполне от возможностей вос-

¹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 94.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Пр. № 605.

³ Тинченко Я.Ю. Указ. соч.

крещения старых форм, старых взаимоотношений»¹. Проблема заключалась в том, что таких генералов в распоряжении Л.Д. Троцкого было крайне мало (генерал-майор П.П. Лебедев — пожалуй, был единственным исключением) — сменивший Стогова генерал А.А. Свечин, также известный своим отнюдь не ангельским характером, подал в отставку уже в сентябре 1918 года (РВСР принял ее на заседании 29 сентября², но фактически Свечин был начальником, по крайней мере, до 9 октября³). По мнению Я.Ю. Тинченко, Свечин по своим убеждениям был противником большевиков и пришел на работу в Наркомвоен только для того, чтобы не допустить германской оккупации, т.е. из патриотических соображений. Свечин, с ведома Дзевялтовского, в это время решил выяснить политические убеждения руководства Всероглавштаба, для чего организовал собрание офицеров. Единственным пламенным сторонником Советской власти оказался П.П. Лебедев, которого никто не поддержал; большинство считало задачей ВГШ создание массовой армии для ведения внешней войны (но никак не Гражданской) — «собрание разошлось, стремясь скрыть свое политическое лицо под маской защитной лояльности». Сам Свечин, по его признанию, не хотел создавать армии для ведения Гражданской войны против своих бывших сослуживцев. Генерал объяснял свою просьбу об отставке боязнью морального давления со стороны «бунтующего» Стогова и достаточно честно признался: «Аппарат штаба разболтался; одним словом, авторитетом подтянуть его не мог: нужно было показать власть, быть готовым карать». Тримя настойчивыми телеграммами Свечин выпросил у Троцкого перевод на «второстепенную неактивную работу»⁴.

¹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 94 об.

² Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 44.

³ Там же. С. 76.

Только 9 октября РВСР принял решение о смене А.А. Свечина Н.И. Раттэлем на посту начальника ВГШ и откомандировании Свечина в Военную академию для преподавания военных наук. Скорее всего, фактически дела были переданы Раттэлю 11 октября — об этом свидетельствует выход формального приказа РВСР (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 48. Л. 32).

⁴ См.: Тинченко Я.Ю. Указ. соч.

Только с приходом на должность начальника Всероссийского главного штаба Н.И. Раттэля, уже в Штабе Высшего военного совета зарекомендовавшего себя в качестве дельного и достаточного лояльного большевикам лица¹, прекратилась «чехарда» в руководстве Всероглавштаба: Раттэль продержался до слияния Полевого штаба и Всероглавштаба в единый Штаб РККА, т.е. до 1921 года².

Основу кадрового состава Всероглавштаба составили прежние сотрудники ГШ и ГУ ГШ: на это указывает анализ соответствующих документальных источников. 13 мая 1918 года ВХС рассмотрел представление ГУ ГШ от 4 мая с окладами содержания служащим ВГШ. Установив часть окладов, ВХН высказал «несколько пожеланий» по конструкции ВГШ и численности его личного состава. Управления и их отдельные структурные подразделения ВЗС рекомендовал образовать «по одной схеме». Главное — ВХС обратил внимание на превышение проектируемыми штатами штатов соответственных учреждений мирного времени³. ВХС признал необходимым сократить штаты ВГШ и согласовать их «с действительными потребностями армии и военного ведомства», а также «с состоянием средств государственного казначейства»⁴. Однако единственным заметным изменением в кадрах при создании Всероглавштаба стало увольнение 89 вольнонаемных конторщиков Главного штаба приказом Наркомвоена от 13 июня⁵. Как выразился И.Л. Дзевялтовский 19 июля, приказы, вышедшие из стен ВГШ, «не включают ничего иного, как перемещения, назначения, увольнения делопроизводителей»⁶.

¹ Реввоенсовет Республики. Протоколы. С. 621—622.

Заняв в марте 1918 г. должность начальника УВОСО Высшего военного совета, Раттэль стал затем начальником Штаба Высшего военного совета и одновременно (в июле—августе 1918 г.) временно исполнял обязанности военного руководителя Высшего военного совета.

² Там же. С. 622.

³ РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 65. Л. 82.

⁴ Там же. Л. 83 об.

⁵ РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 15. Л. 43.

⁶ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 94.

В начале октября 1918 года численность сотрудников ВГШ составила 1 093 человек, из них 476 (43,5 %) руководителей и специалистов¹.

Генштабистов на службе в подразделениях Всероглавштаба насчитывалось (по состоянию на 10 сентября 1918 г.) 74 человека: в Оперативном управлении ВГШ — 33 (число генштабистов к сентябрю сократилось с 36 — по состоянию на 5 августа²), Военно-исторической комиссии — 9, Управлении по организации армии — 15, Мобилизационном управлении — 4, Управлении по командному составу армии — 2, Военно-топографическом управлении — 11. Заметим, что военные топографы были «черной костью» Генштаба и его академии. В утвержденных штатах (управлений: по организации армии, военно-топографического, по командному составу, военно-учебного) не указывалось, какие должности обязательно замещаются генштабистами, но в зависимости от характера работ они замещали должности начальников отделов и наиболее ответственных отделений, а в ряде случаев и старших делопроизводителей³.

В целом для текущей работы ВГШ генштабистов на первых порах было достаточно. Об этом свидетельствует сентябрьский доклад начальника Оперативного управления ВГШ С.А. Кузнецова, расстрелянного позднее за измену Советской власти, другой «контре» — начальнику ВГШ А.А. Свечину. Кузнецов сообщал о невозможности полностью выполнить предписание Э.М. Склянского от 2 сентября № 229 об откомандировании на Восточный фронт 25 % личного состава лиц Генерального штаба, поскольку это «безусловно, остановит работу» в управлениях ВГШ, притом, что объем работы «согласно указаниям» должен был «еще более» воз-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 359. Л. 92—117 об.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 262—264 об.

По состоянию на 5 августа 1918 г., Оперативное управление ВГШ насчитывало 147 сотрудников — из них 26 руководителей и 68 специалистов. 23 из числа руководителей и 13 специалистов — бывшие генералы и офицеры — генштабисты (подсчитано мной. — С.В.).

³ Там же. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 66. Доклад начальника Оперативного управления ВГШ С.А. Кузнецова начальнику ВГШ Н.Н. Стогову от 10 сентября 1918 г.

расти. С.А. Кузнецов предлагал ходатайствовать об отмене указания¹. Руководство Наркомвоена поддерживало стремление руководителей подразделений не допускать отправки генштабистов на фронт, продолжая их концентрацию в центральном военном аппарате.

Списки служащих свидетельствуют, что военные специалисты активно использовались и при формировании *Военно-законодательного совета*. Здесь в отделе общих дел 22 сотрудника из 28 (78,6 %) занимали прежде аналогичные должности в Кавоми (в том числе начальник и 9 служащих), 1 переведен из Главного штаба, 2 из дивизионных интендантств на местах.

В Управлении делами ВХС 14 сотрудников из 32 (43,8 %) перешли из Особого совещания по обороне, двое (6,3 %) из Кавоми. С гражданской госслужбы пришло 7 человек (21,8 %). Естественно, все 32 сотрудника были беспартийными. По свидетельству председателя Комитета солдат и низших служащих ВЗС, в УД и ЗФУ ВЗС все вакантные должности (даже переписчиков!) замещали бывшие офицеры и военные чиновники — кадры оставались практически неизменными.

В хозяйственном отделе Хозяйственно-технического управления при ВЗС служило 28 человек. Из них начальник и 4 служащих (17,8 %) перешли из Кавоми, 14 (50 %) ранее состояли на военной и 7 (25 %) — на гражданской службе (в т.ч. 2 в судебном ведомстве, по 1 в министерствах — Финансов, Юстиции и Народного просвещения), только 2 (7,1 %) не служили до этого нигде.

Контрольно-наблюдательный отдел при ВХС насчитывал 48 сотрудников. Из 40 профессионалов (83,3 % от общего числа служащих) — 17 в должности контролеров. При этом 5 были ранее военными следователями и 1 гражданским, а остальные — специалисты по финансовой части и 1 офицер.

Руководителем Междуведомственного совещания при ВЗС стал бывший дежурный генерал ГШ (ранг, соответствующий заместителю начальника). К нему был прикомандирован служащий — бывший помощник обер-секретаря Правительствующего сената.

¹ Там же. Л. 66 об.—67.

В Законодательно-финансовом управлении насчитывалось 17 бывших офицеров, в т.ч. начальник управления — генерал-майор Ф.П. Балканов, 4 полковника (3 старших делопроизводителя и зав. общим отделом), 2 подполковника и ротмистр (делопроизводители), 3 капитана (старшие помощники делопроизводителей). Несомненно, что при замещении должностей здесь, прежде всего, учитывался профессионализм. В законодательном отделе из 14 лиц, замещавших должности специалистов, 13 ранее служили по военно-законодательной части: 2 — с 1901 года (17-летний стаж!), 3 — с 1911—1912-й, 4 — с 1914—1916-й. Лишь одного забросила на «военно-законодательную» службу революция.

Из 13 служащих статистического отдела ВХС 9 состояли на военной службе с 1 марта 1918 года: до этого они работали в «Демобе», остальные служащие пришли из гражданских учреждений (Согора и наркоматов, в т.ч. даже из Наркомзем)¹.

Однако укомплектованность ВЗС профессиональными кадрами не сразу имела следствием широкую практическую работу — фактически в 1918 году ВЗС занимался реорганизацией собственного аппарата.

26 апреля 1918 года назначенный на должность редактора законодательного отдела ВХС делопроизводитель А.Н. Елоховский «неофициально» доложил Э.М. Склянскому, что с переездом в Москву Наркомвоена «у законодательного отдела... [ВХС] почти совсем не стало работы, так как вся законодательная деятельность Комиссариата проходит помимо означенного отдела»; «Вся работа отдела сводится к подыскиванию и снабжению входящих должностных лиц и делегаций приказами Комиссариата. Изредка приходится отвечать на разнообразные запросы с мест. Такая работа не оправдывает существование отдела и дает возможность предполагать, что самый отдел в ближайшем времени прекратит свое существование. Кроме того, с той работой, какая происходит в законодательном отделе Народного комиссариата по военным делам, может справиться лицо, не имеющее юридическое образование».

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 138 с об.—149.

«Заниматься ничего неделанием в то время, когда в России кипит организационная работа, — добавил А.Н. Елоховский, — человеку, который может и обязан работать — постыдно»¹. Но предложил Елоховский, что характерно, реорганизовать малочисленную кодификационную часть законодательного отдела в самостоятельный отдел или, по крайней мере, расширить ее штат².

В сентябре 1918 года ВВИ находила штаты ВЗС слишком громоздкими. Для сокращения штатов без снижения эффективности комиссия предлагала: переложить руководство делами с делопроизводителей на начальников отделов; исключить входящие и исходящие журналы как в делопроизводствах, так и в отделах, передав служащим регистрацию поступающих к ним дел и бумаг; упростить связь между делами ВЗС.

Особенное несоответствие штатов и функций ВВИ обнаружила в финансовом отделе, усиленно работавшем 2 раза в год при проведении смет и дающем в остальное время финансовые справки и заключения в другие отделы. Комиссия подсчитала, что в среднем в день таких бумаг в отдел поступало максимум 10—11 при количестве служащих в 37 человек, из которых 3 занято ведением журналов, 5 — составлением и исполнением сметы ЗФУ (причем, смету проводило другое делопроизводство), 10 — составлением контрольного журнала расходов из военного фонда. Таким образом, «отдел перегружен служащими, а чем больше служащих, тем больше плодятся переписки и затяжка дел»³.

Военно-законодательный совет как коллегия постоянных его членов вообще был рассадником контрреволюции: председателем Совета ВЗС с 7 августа 1918 по 4 июня 1919 года состоял генерал от инфантерии В.Н. Клембовский⁴, позднее уличенный в шпионаже в пользу белых и расстрелянный за

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 19.

² Там же. Л. 19 об.

³ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 120—122.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 20. Л. 20; Ф. 4. Оп. 3. Д. 90. Л. 116. Формального приказа о снятии с должности В.Н. Клембовского не было: 4 июня 1919 г. вышел приказ РВСР о назначении председателем ВЗС Н.М. Потапова.

это. Члены Совета были под стать председателю: хотя «активных контрреволюционеров» было меньшинство (Н.А. Бабиков, В.Н. Клембовский, Н.Н. Стогов)¹, все они принадлежали к старому генералитету, а потому или открыто выражали неприязнь к правящей партии (А.А. Маниковский, погибший в 1920 г. «при крушении поезда»), или рассматривали большевиков как временное зло и служили ради продпайка. Н.А. Бабиков и В.Н. Клембовский вообще собирали своих единомышленников для подготовки военного переворота². Единственным преданным большевикам членом ВЗС был Н.М. Потапов, «связанный по рукам и по ногам» предложенными в июле 1917 года Кедрову с Подвойским услугами. Именно двуличный генерал сменил в июне 1919 года разоблаченного Клембовского. Впрочем, со сменой председателя в ВЗС проводимый Клембовским nepoтизм, отмеченный в воспоминаниях генерал-адъютантом А.А. Брусиловым, останется в полной неприкосновенности...

Центральное управление военных сообщений получилось в конечном итоге весьма громоздким аппаратом. Управлению повезло с его комиссаром — В.В. Фоминым³, явно не страдавшим излишним «фанатизмом» и, по всей вероятности, искренне разделявшим установку большевистского руководства на необходимость предоставления военным специалистам известной степени свободы. Новый комиссар управления не был случайным человеком: в январе 1918 года он — ответственный сотрудник ВЧК — стал начальником транспортного отдела ВЧК и (одновременно) чрезвычайным военным комиссаром железных дорог Северного фронта⁴.

¹ Брусилов А.А. Указ. соч. С. 339. По словам А.А. Брусилова, в Москве «говорили», что контрреволюционный заговор был провален из-за штаба А.В. Колчака, не уничтожившего списка своих людей в Москве.

² Там же. С. 338—339. Об этом свидетельствует тот факт, что они предлагали Брусилову вступить в Красную Армию именно для того, чтобы принять участие в заговоре

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 3., Д. 90. Л. 66. Формально приказ о назначении В.В. Фомина комиссаром ЦУПВОСО был издан 4 мая 1919 г., но фактически назначение Фомина на эту должность состоялось еще в феврале 1919 г. (Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 629).

⁴ Лубянка. М., 2003. С. 17; Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 629

Начальник управления М.М. Аржанов, по свидетельству Фомина: несмотря на подчеркнутую лояльность к руководству, внушал серьезные подозрения «в политическом отношении» и руководствовался «культом личного благополучия»; как организатор не выдерживал «даже самой поверхностной критики» (к тому же увольнял и отправлял на фронт всех несогласных с его линией поведения подчиненных). При этом Фомин признавал, что начальник ЦУПВОСО обладал значительными достоинствами как администратор, и потому (вопреки «легкомысленной» уверенности «многочисленных, часто беспардонных противников» Аржанова в необходимости скорейшей замены начальника ЦУПВОСО) до определенного момента комиссар поддерживал своего «подопечного» военспеца из следующего соображения — «Аппарат военных сообщений при Аржанове так или иначе работает».

К лету 1919 года, по словам Фомина, вокруг М.М. Аржанова окончательно установилась «атмосфера травли и недоверия»: его не очень высоко ценили и ему не доверяли в РВСР и Полевом штабе; ВЧК (вернее, ее Особый отдел) и Наркомпуть начали против Аржанова «ожесточенную кампанию», хотя и не смогли найти прямые доказательства измены. По наблюдениям Фомина, «Атмосфера травли, недовольства, недоверия нервирует его (Аржанова. — С.В.), обесценивает его немногие, но, несомненно, имеющиеся достоинства». Комиссар докладывал членам РВСР Э.М. Склянскому и С.И. Аралову о необходимости разрешения атмосферы вокруг Аржанова, поскольку он не заменен лучшим; после доклада [Склянскому] «последовало некоторое улучшение». Сам Фомин считал необходимостью замену Аржанова «более сильным кандидатом».

В конце докладной записки Фомин указал на истинную причину «непотопляемости» Аржанова: он сумел расположить к себе Л.Д. Троцкого, по наблюдениям комиссара, вселив в него уверенность, что «на Шипке все спокойно»¹. К оценкам Фомина, впрочем, следует относиться с осторожностью: уже после Гражданской войны было отмечено, что при Аржанове военные эшелоны в сутки шли быстрее (и это по разби-

¹ См.: РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 12 об. и след.

тым дорогам!), чем в царской России в годы Первой мировой войны. Это было результатом, в том числе, без преувеличения, организаторского *гения* Аржанова, подкрепленного огромным опытом.

Центральный аппарат снабжения армии был громоздок и потому исполнял стоявшие перед ним задачи неповоротливо. Военспецы — руководители ЦУС — подвергались постоянным нападкам со стороны своих политических комиссаров. Партийные работники избегали обязанностей кураторов ЦУСа и главных довольствующих управлений. На пост комиссара ЦУС в конце июля 1918 года было предположено Наркомвоеном поставить члена Совета Главного управления по квартирному довольствию войск А.Я. Мишукова. Во время разговора на этот предмет с Э.М. Склянским Мишуков высказался против своего перевода на новую должность, сославшись на «полную некомпетентность в вопросах снабжения армии». На всякий случай, кроме словесного обращения, Мишуков направил коллегии Наркомвоена служебную записку, в которой, подтвердив «невозможность» нового назначения, дал интересную информацию о Совете снабжений. По его предположению, снабжение было настолько «загнано в тупик работающими до сего времени по вопросам снабжения», что необходимо «произвести довольно обширную перемену в личном составе». Для этого же, по мнению Мишукова, нужны «большие полномочия и достаточное знакомство с личным составом Управления снабжения — как теперешним[и], так и с теми (могущими заменить непригодный состав) лицами, которые имеют то или иное отношение к Военному комиссариату». Мишуков уверял, что постановку снабжения «в ближайшее время» может улучшить исключительно «лицо с осведомленностью членов коллегии Народного комиссариата по военным делам»¹.

Военком Совета ЦУС Я.И. Весник еще 25 июня 1918 года просил Л.Д. Троцкого «в кратчайший срок» освободить его от исполнения служебных обязанностей по состоянию здоро-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 154. Л. 156. Служебная записка А.Я. Мишукова коллегии Наркомвоена от 4 августа 1918 г. № 418.

вья. Э.М. Склянский, в ответ на запрос Л.Д. Троцкого, распорядился вызвать для переговоров Э.В. Рожена¹.

В документах Н.М. Потапова отложились целая серия машинописных копий жалоб друг на друга военных специалистов и комиссаров ЦУС (лето 1918 г.): первые (Главначснабы А.А. Маниковский и Е.И. Мартынов) жаловались на некомпетентность и ненависть вторых; военные (комиссары П.Е. Лазимир, Я.И. Весник) указывали на контрреволюционность генералов и бюрократизацию центрального аппарата снабжений под их руководством. Особенную ненависть питали друг к другу член коллегии Наркомвоена Лазимир и бывший организатор контрреволюционного саботажа в Военном министерстве генерал от артиллерии Маниковский².

Генерал Маниковский вообще был постоянным объектом нападков со стороны партийных работников. Так, например, 5 июля 1918 года комиссар по снабжению и транспорту Восточного фронта направил зав. Оперода Наркомвоена С.И. Аралову отношение, в котором просил Наркомвоена сделать распоряжение, чтобы наряды по снабжению исполнялись вовремя. В отношении содержалось обвинение главных довольствующих учреждений и лично А.А. Маниковского как Главначснаба на задержку выполнения нарядов на получение военного имущества³.

7 сентября сменивший Маниковского на посту ГНС Е.И. Мартынов направил телеграмму Э.М. Склянскому. Главначснаб просил зампреда РВСР оградить главные довольствующие управления от нападков другого члена коллегии Наркомвоена — М.С. Кедрова. Последний отправил из штаба Северо-Восточного фронта телеграмму Е.И. Мартынову, в которой указал, что «все довольствующие управления работают крайне плохо, [наряды] исполняются возмутительно медленно и рекомендуется принять самые суровые меры, чтобы заста-

¹ Там же. Л. 158.

² Там же. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. 25 и др.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 119. Л. 29. Аралов отдал распоряжение срочно указать Маниковскому на предъявляемые ему претензии, а особой комиссии немедленно сообщить «конкретно о всяком случае неисполнения наряда, управления, организацию, лицо, время».

вить эти управления прекратить саботаж». Мартынов констатировал: «неисполнение, а вернее — доставка всего требуемого, совершается возмутительно медленно, но нужно же разобратся в причинах и обвинить тех, кто этого заслуживает, а не довольствующие управления *только* потому, что к ним были предъявлены требования». Главнацнаб объяснял причины несвоевременного исполнения распоряжений главных довольствующих управлений и местными условиями. В деле снабжения продовольствием, — констатировал Е.И. Мартынов, — ГВХУ «находится в полной зависимости от возможностей» Наркомпрода исполнять требования управления. Более того — о мерах, которые, быть может, могли бы облегчить продовольственный кризис»: Мартынов, как он сообщил Склянскому, «неоднократно» входил с представлениями к наркому [Л.Д. Троцкому] и в малый продовольственный комитет¹.

Первый ГНС Маниковский 1 июля 1918 года обязывался в кратчайший срок разработать программу «самых решительных сокращений» в штатах ЦУС и главных довольствующих управлений². Однако с выполнением приказа генерал явно не спешил, о чем свидетельствуют произведенные автором настоящей кандидатской диссертации подсчеты: в 1918 году аппарат ЦУС рос. Сведения об общем количестве служащих ЦУС по состоянию на 1 июля 1918 года, выявить не удалось. Но только с 15 ноября по 9 декабря 1918 года (за 24 дня) число служащих ЦУС выросло с 57 до 87 (на 34,5 %), причем только количество руководящих сотрудников увеличилось с 12 до 22 человек!³ По состоянию на 21 сентября 1918 года в ЦУС служили 4 генштабиста, к 20 ноября число генштабов возросло до 6 (все генштабисты находились на должностях, НЕобязательных к замещению лицами Генштаба)⁴.

¹ РГВА. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3. Л. 221—222 об. Копия. Подлинник подписали: Е.И. Мартынов, военком ЦУС Э.В. Рожен, постоянный член Технического комитета ЦУС К.Е. Горецкий.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 232 об. Пр. Наркомвоена № 415.

³ Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 49. Л. 94 с об—96; Д. 51. Л. 32—33 об. (подсчет по процентам автора).

⁴ Там же. Л. 59—60, 87.

В сентябре 1918 года «для пользы дела» Главначснаба наделили дополнительными полномочиями. Отныне он наделялся правами утверждения и отмены планов и контрактов заготовительных работ, а также контроль над условиями их выполнения, а также табелей и образцов соответствующего имущества, правил и инструкций работы органов снабжения и даже — что было особенно важно — «продуктовых, имущественных и материальных выдач». Кроме того, еще и правами межведомственной передачи имущества и снабжения за его утрату и порчу¹.

Главначснабу с согласия РВСР предоставлялось решение вопросов о введении максимумов цен и тарифов, о введении частных реквизиций, о заграничных закупках на любую сумму. Для организации нормального снабжения Главначснаб мог отправить своих представителей в пределах Республики и через соответствующие учреждения за границу, установив для них командировочное и путевое довольствия по своему усмотрению («сообразно с возложенными на них поручениями»)².

Несмотря на предоставление больших прав, Мартынов не мог справиться с поставленными перед ним задачами. К тому же центральный аппарат снабжения рос значительно быстрее интенсивности своей работы. Это стало причиной смены генерал-лейтенанта Е.И. Мартынова большевиком И.И. Межлауком на посту Главначснаба 21 декабря³ (у Главначснаба остался помощник — назначенный в июле 1918 г. генерал-майор Ф.А. Подгурский⁴, используемый после назначения Межлаука в качестве технического консультанта). 26 декабря 1918 года РВСР пояснил: «...ЦУС и главные довольствующие управления оказались по своей организационной работе не на высоте задач, которые предъявляет к ним армия». РВСР считал необходимым «изменение организационных отношений» и поручил внимательно следить за реорганизацией ЦУС и главных довольствующих управлений и принимать необходимые меры для рационализации их деятельности на-

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 200. Л. 60.

² Там же. Л. 60 об.

³ Приказом РВСР № 448. (Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 48. Л. 273).

⁴ Пр. Наркомвоена № 556 от 17 июля 1918 г.

чальнику Полевого штаба Ф.В. Костяеву: снабжение армии должно было проводиться в полном объеме (РВСР предложил Костяеву 2 варианта: указания руководителям этих учреждений и представления Реввоенсовету Республики). Особое внимание начальник ПШ должен был уделить взаимоотношениям ЦУС, Чрезкомснаба Л.Б. Красина и Наркомпрода¹.

Во второй декаде мая 1918 года при Военно-хозяйственном комитете состоялось заседание, на котором обсуждался вопрос о реорганизации Совета *Главного управления военно-воздушного флота*. На заседании 17 мая Троцкий изложил свой взгляд на устройство Советов главных управлений Наркомвоенна. Наркомвоен признал необходимой комбинацию «выборности и назначенства»; декларировал, что «в созидательной работе будут впряжены техники, так как машины (т.е. части дореволюционного аппарата. — С.В.) мы не отвергаем, аппарат, кот[орый] мы получили от старого режима, мы сохранили, тем более, мы не отвергаем живые машины. Нам нужно заставить их понять, что они будут применять свои силы к тому режиму, который дан Историей». Член Совета ГУ ВВФ К.В. Акашев предлагал поставить во главе ГУ ВВФ Совет из представителей морской и сухопутной авиации, наркоматов Военного и Морского. [И.Н.] Смирнов, констатируя отмену Совнаркомом выборного начала в армии, указал на целесообразность ликвидации ее и в ВВФ. Анощенко сказал, что Совет не должен претендовать на техническое руководство, а лишь следить, чтобы власть в ГУ ВВФ не была «использована в интересах реакции». Таким образом, отчасти право военных специалистов на техническое руководство в военном ведомстве в целом и в его центральном аппарате в частности признавалось².

3 сентября, по распоряжению Л.Д. Троцкого, ВЗС обсудил штаты и Положение ГУ ВВФ³ и на следующий день утвер-

¹ Протокол от 26 декабря 1918 г. // Реввоенсовет Республики. Протоколы. С. 164—165.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123. Л. 54, 55. Фрагмент стенограммы заседания 17 мая 1918 г.

³ Телеграмма зав. секретариатом при ВЗС С.В. Рожена в ВГШ, Департамент гос. казначейства, Наркомат госконтроля от 3 сентября 1918 г. № 117.

дил Временный штат ГУ РКК ВВФ¹, действовавший до утверждения нового временного штата 25 сентября 1918 года.² По штату во главе управления оставался Совет ГУ ВВФ. В структуру управления входили: секретариат комиссаров, техническая инспекция и 7 частей (юрисконсультская, организационно-строевая, техническо-финансовая, казначейская, приемочная, научно-техническая, административно-хозяйственная)³. В штате числились: 298 должностей, из них 38 руководящих (начальник управления, 2 члена Совета — военные комиссары; 3 пом. начальника; начальники 7 частей, 5 отделов и 20 отделений); 225 — специалистов (из них 52 переписчика и 16 браковщиков на местах), 35 — технических сотрудников⁴. Однако на практике штаты укомплектовали только на 55,7 %; численность служащих ГУ ВВФ в марте — декабре 1918 года практически не изменилась (в марте — 160, в декабре — 163)⁵.

8 мая 1918 года *Ветеринарное управление армии* (ВУА), т.е. руководство всей военно-ветеринарной деятельностью, возглавила коллегия в составе начальника управления и двух консультантов — членов Главного военно-ветеринарного комитета, а 15 июня ВУА вошло в состав ЦУС. В этом качестве управление осенью 1918 года (28 ноября) получило новый штат, который предусматривал наличие коллегии, канцелярии, счетной части и 5 отделений (по личному составу, организационно-мобилизационному, по снабжению, ветеринарно-санитарно-статистическому, по популяризации ветеринарных знаний)⁶.

Но на протяжении весны — лета 1918 года ВУА оставалось учреждением весьма скромной штатной численности:

¹ РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 34. Л. 207 — 207 об. Журнал заседания ВЗС № 42, пункт 12 от 4 сентября 1918 г. На документе резолюция об утверждении наркомвоен. См. также: Л. 216 с об—211. Проект временного штата.

² Там же. Л. 323 об — 324. На документе имеется резолюция об утверждении.

³ РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 34. Л. 331 об—336. Временный штат ГУ ВВФ.

⁴ Там же. (Подсчет мой).

⁵ См.: *Крушельницкий А.В.* Народный комиссариат по военным делам: дис. ... канд. наук. С. 160; РГВА. Ф. 29. Оп. 8. Д. 315. Л. 1 об—40 с об.

⁶ РГВА. Ф. 37. Историческая справка.

всего 44 сотрудника. В дальнейшем в его составе появлялись новые подразделения и, соответственно, число сотрудников возрастало. 1 ноября военно-бактериологическую лабораторию бывшего Западного фронта реорганизовали в Центральную военно-бактериологическую лабораторию при ВУА¹.

По новому штату в ВУА насчитывалось 73 должности (вместо прежних 42): 2 руководящих, 17 — специалистов, 54 — технических (50 из них — рабочие и сторожа)². 3 февраля 1919 года ВЗС, по ходатайству Управления, добавил в штат еще трех технических сотрудников³. Однако на деле численность служащих в марте 1918—апреле 1919 года не изменилась (к 42 сотрудникам добавился еще один руководитель)⁴.

К сентябрю 1918 года часть специалистов *Главного военно-инженерного управления* откомандировали на фронт. 13 сентября 1918 года руководство ГВИУ докладывало военруку Высшего военного совета о необходимости дополнительного резерва специалистов при управлении (30 человек), произведя для этого «регистрацию при ГВИУ всех военных инженеров Республики». Предполагалось также командировать на ТВД «не отдельных военных инженеров, а целые отделы из Петроградских стройотделов со всем техническим персоналом и инвентарем»; «вернуть всех слушателей Инженерной академии к началу учебных занятий (начало октября) в академию». Кроме того, управление просило выяснить вопрос «о праве ГВИУ приглашать на службу инженеров призывного возраста, независимо от предварительного испрошения их согласия на занятие должностей»⁵.

Приказом Наркомвоена № 535 от 20 июня 1918 года во главе *Главного военно-хозяйственного управления* ставился начальник управления и военный комиссар. Первый отвечал

¹ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 11а. Пр. по ГВВетУ № 146 от 8 ноября 1918 г.

² Там же. Л. 104 об.

³ РГВА. Ф. 37. Оп. 1. Д. 2. Л. 206. Приказ по ГВВетУ № 37 § 3 от 24 февраля 1919 г.

⁴ Подсчитано по: *Крушельницкий А.В.* Народный комиссариат по военным делам... С. 160—161; РГВА. Ф. 37. Оп. 1. Д. 8. Л. 6 об—7. Врем. штат ГВВетУ; Д. 91. Л. 172. Сп. служащих ГВВетУ.

⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 12. Д. 224. Л. 123—124 об.

перед высшими военными органами Республики за работу отделов ГВХУ, направлял деятельность этих отделов, а также руководил деятельностью фронтовых хозяйственных органов, контролировал их работу, назначал начальников окружных хозяйственных управлений и их помощников. Наряду с начальником во главе управления стоял военный комиссар. 20 июня вводился в действие и Временный штат ГВХУ: Совет начальника управления, помощник начальника управления; канцелярия; вещевого отдел; продовольственный отдел; обозно-транспортный отдел; холодильный отдел; административно-организационный отдел; технический отдел; временный ликвидационный отдел; две части (административная, хозяйственная); юрисконсульт; помощник юрисконсульта¹.

1 июля 1918 года помощнику начальника ГВХУ, как начальнику отдела, были подчинены канцелярия, мобилизационная и статистическая часть².

Начальнику ГВХУ подчинялось более 10 человек. Начальник управления М.В. Акимов предложил новую организацию, предусматривавшую сведение отделов в три группы (начальнику управления непосредственно подчинялись бы только начальники групп)³.

Штаты ГВХУ были укомплектованы к октябрю 1918 года на 85,3 % (278 вместо 326). В служебной записке ГВХУ указывалось, что «этот состав служащих претерпевал некоторые количественные изменения, в виду происходивших увольнений служащих и новых назначений»; «кроме непосредственной работы служащими управления — в самом управлении, многие из них несут работу в различных комиссиях, в командировках, каковые имеют иногда массовый характер»⁴. Кроме того, ГВХУ командировало своих специалистов в действующую армию: на 15.10.1918 из 254 сотрудников 31 числился в командировке⁵.

¹ Сб. приказов Наркомвоена за 1918 г.

² РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 29. Л. 9. Выписка из приказа по ГВХУ от 1 июля 1918 г.

³ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 62.

⁴ Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 77. Л. 398 (записка составлена предположительно начальником отделения ГВХУ по л.с.).

⁵ Там же. Л. 398 об.

В августе 1918 года Н.М. Потапов «весьма спешно» сообщал начальнику ГВХУ М.В. Акимову о приказе Наркомвоена немедленно командировать на места служащих управления для учета имущества в 10-дневный срок. Ответственность за исполнение приказа зам. наркома Э.М. Склянский возложил на уполномоченных ГВХУ и руководителей управления, предупредив М.В. Акимова через Н.М. Потапова — «за неуспешность выполнения пункта приказа «может угрожать применение крайних мер, по отношению к Вам лично»». Аналогичное поручение давалось ГАУ. В итоге ГАУ откомандировало 105 артиллеристов и 70 комиссаров¹, ГВХУ — 72 сотрудника². Вероятно, подобное коснулось и других главных довольствующих управлений.

Другой вопрос, затронутый Э.М. Склянским, — необходимость срочного снабжения 3-й армии, действовавшей тогда в районе Перми и Екатеринбурга, теплой одеждой. «От Вас лично, — извещал Акимова Потапов, — ожидается доклад, что вообще сделано для снабжения войск теплою одеждою»³. Видимо, Э.М. Склянский выразил крайнее недовольство тем, как ГВХУ и его руководитель выполняют поставленные перед управлением задачи.

На 14 октября 1918 года специалистов-техников на технических должностях насчитывалось: в холодильном отделе — 6, в техническом — 4. В ГВХУ служили 2 выпускника академии Генштаба, 14 — интендантской академии, 1 — артиллерийской. При этом руководство управления сетовало на большой недостаток в «самостоятельных работниках», необходимость «еще более» ослаблять управление отправкой специалистов на фронт, поскольку подведомственные ГВХУ армейские службы испытывали в них «еще более острую нужду». Отношения ГВХУ с местными военно-хозяйственными органами осложнялись также нежеланием последних «подчиниться центральной власти» (недопущением к работе или устранением от нее назначаемых их центра специалистов) и проис-

¹ Там же. Д. 78. Л. 130 (сведения о количестве служащих ГАУ Н.М. Потапов передал со слов Э.М. Склянского).

² Там же. Л. 127. Сп. командированных служащих ГВХУ.

³ РГВА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 78. Л. 130.

ходящими на местах массовыми арестами должностных лиц, часто, докладывало ГВХУ, необоснованными. Управление жаловалось: «В общем, аппарат власти на местах ныне настолько самостоятелен, что вмешательство центра проявляется, главным образом, в заступничестве при столкновениях внутри самих местных властей». В октябре 1918 года для связи с местными военно-хозяйственными органами и контроля над их деятельностью ГВХУ направило своих представителей во все окружные управления, непосредственно подчиненные Главкому. Задачей легатов ГВХУ было «установление полного контакта в работе главных и окружных управлений»¹.

К концу года число сотрудников возросло: в декабре 1918 года всего, по данным Высшей военной инспекции, в ГВХУ насчитывалось 298 человек; 230 из них — руководители и специалисты (ответственные работники), 68 — технический персонал (переписчики и др.). При этом в ВВИ полагали, что это «число служащих крайне незначительно», отмечая «перегруженность работы в отделах: учетном, вещевом, продовольственном и финансовом»².

Наибольшие сокращения служащих имели место в главных управлениях, выведенных из непосредственного подчинения коллегии Наркомвоена или переданных формально в другие наркоматы. Таковыми были управления — пограничному снабжению войск (передано в ВСНХ), военно-метеорологическое (реорганизовано в отдел), военно-санитарное (переданное в Наркомздрав).

По первоначальному штату *Главного управления по заграничному снабжению армии* состояло из Канцелярии междуправительственного комитета заграничного снабжения и Главного управления, 4 отделов — валютного, морских перевозок, военно-статистического, сухопутных перевозок. Штат отдела сухопутных и речных перевозок и штат отдела морских перевозок Главзагран были утверждены особо — 19 и 4 сентября 1917 года, соответственно — на основании решения Временного правительства (заседание 25 июля 1917 г., пункт 35; жур-

¹ Там же. Д. 77. Л. 400 об.

² РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 63.

нал 84 от 4 сентября 1917 г.) и введены в действие с 1 июля 1917 года¹. От 226 должностей в ГУ ЗС, предусмотренных первоначальным штатом после последнего сокращения (10 июля 1918 г.), осталось 85 (37,6 %).

22 июля 1918 года на заседании ВЗС был утвержден и введен в действие новый штат ГВСанУ. По штату управление состояло из канцелярии, 4 отделов (административно-мобилизационного, врачебно-санитарного, хозяйственного и *временного* эвакуационного), Военно-ученого комитета и его лаборатории. По штату в ГВСанУ полагалось 149 должностей — 19 руководителей, 62 — специалистов, 68 — технических (50 — переписчики)². К сожалению, сведения об укомплектовании штатов ГВСанУ в фонде управления (РГВА. Ф. 34) не отложились или не были нами выявлены.

С передачей ГВСанУ в Наркомздрав неприятности не уменьшились — все лето 1918 года менялось руководство управления. 13 июня член врачебной коллегии ГВСанУ И. С. Вегер докладывал Э.М. Склянскому о кризисном состоянии руководства ГВСанУ (ушел начальник управления Головинский), которым проводилась, по его мнению, «далекая от интересов дела» интрига. Вегер ходатайствовал о «скорейшем назначении» нового начальника управления³. Однако новое назначение ненамного улучшило положение. 13 сентября наркому здравоохранения Н.А. Семашко в связи с увольнением начальника эвакуационного отдела К.С. Кузьминского была направлена жалоба на нового начальника ГВСанУ А. А. Цветаева с просьбой «об оздоровлении атмосферы управления». Цветаев, докладывая наркому здравоохранения председателю коллектива служащих ГВСанУ В. Карибский, создал в управлении условия, не позволяющие «служить делу даже тем лицам, которые относятся к нему с исключительной любо-

¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 67 (штат ГУ ЗС), 71 — 71 об. (Пр. ГУ ЗС № 56 от 19 сентября 1917 г. § 1, 2).

² РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 34. Л. 13. На документе имеется резолюция об утверждении постановления. Там же. Л. 19 с об—21. Штат ГВСанУ от 27 июля 1918 г. На документе имеется резолюция об утверждении.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 216. Л. 16. Телеграмма И.С. Вегера Э.М. Склянскому от 13 июня 1918 г. о положении в ГВСанУ.

вью» (в данном случае, речь шла о К.С. Кузьминском)¹. 14 сентября президиум совещания врачей санитарных поездов направил Н.А. Семашко служебную записку, которая «срочно» была им направлена Э.М. Склянскому. В записке обращалось внимание наркома на то, что «крайне трудная и ответственная эвакуационная работа терпела за минувший год громадный ущерб по причине широкой междуведомственной перестановки и находилась по очереди в ведении различных организаций». «Поистине гигантская работа» эвакуационного отдела при ГВСанУ, — докладывали служащие, — совершалась благодаря «энергичной и плодотворной деятельности» К.С. Кузьминского².

В свою очередь А.А. Цветаев 27 августа просил Н.А. Семашко указать, «кому сдать должность и дела» (временный заместитель начальника ГВСанУ Л.Р. Ивановский категорически отказался их принимать). Цветаев указал наркому Л.Д. Троцкому на отсутствие «должной деловой базы» в ГВСанУ³. Причем, когда военно-санитарный инспектор РВСР (до этого — Высшего военного совета) Л.Р. Ивановский прибыл 21 сентября для временного исполнения должности начальника управления на основании данного накануне Э.М. Склянским словесного распоряжения, Цветаев заявил, что распоряжением Главного начальника снабжений без «соответственного на этот счет указания от своего непосредственного начальства» сдать дела не имеет права⁴.

В Военно-метеорологическом отделе ЦУС, сохранившим после реорганизации 21 августа 1918 года права главного управления, служило 15 человек (начальник, старший ученый метеоролог и 3 зав. отделами составляли 7 условных «руководителей»; кроме того, в отделе работали 6 специалистов и 3 технических сотрудника)⁵.

¹ Там же. Л. 26—26 об.

² Там же. Л. 27.

³ Там же. Л. 28. Телеграмма А.А. Цветаева Н.А. Семашко от 27 августа 1918 г.

⁴ Там же. Л. 29. Рапорт Л.Р. Ивановского Л.Д. Троцкому от 21 сентября 1918 г. № 694.

⁵ РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 34. Л. 161. (Подсчет автора).

В 1919—1920 годах комиссии Л.М. Глезарова и А.В. Эйдука постоянно отправляли на фронт офицеров и военных чиновников из главных довольствующих управлений. Только в 1919 году на фронт оправились 70 бывших офицеров ГАУ¹.

В это же время начальник Главного артиллерийского управления А.В. Зотов неоднократно пытался (безрезультатно) сохранить в управлении наиболее ценных специалистов. 19 июля 1919 года в обращении к А.В. Эйдуку начальник ГАУ ходатайствовал о том, чтобы откомандирования из ГАУ впредь не проводились. По его подсчетам, на фронт было выделено 55 человек — «приступив к работе по новому, значительно сокращенному штату, ГАУ с большим трудом распределило руководство работой по весьма разнообразным, специальным вопросам между оставшимися в ГАУ специалистами артиллерийского дела». А.В. Зотов докладывал: «Деятельность ГАУ с каждым днем увеличивается, *вопросы техники снабжения, развиваясь и усложняясь, требуют наличия* не только достаточного числа работников вообще, но, *что самое главное* — требуют хотя бы минимума соответствующих подготовленных специалистов—руководителей весьма сложного артиллерийского дела»².

К февралю 1920 года из ГАУ на фронт командировали 66 бывших офицеров и военных чиновников (по комиссии Л.М. Глезарова — 55, А.В. Эйдука — 11). Эти 66 офицеров заменили состоящими в резерве офицерами, признанными медицинскими комиссиями годными к замещению административных должностей в обстановке мирного времени, «каковых в разное время прибыло в ГАУ около 10 бывших офицеров, все остальные ушедшие на фронт бывшие кадровые офицеры были заменены женщинами»³.

25 мая 1920 года врид начальник ГАУ вновь докладывал о ситуации, возникшей с откомандированием высококвали-

¹ РГВА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 112. Л. 12. Рапорт нач. ГАУ Главначснабу от 25 мая 1920 г.

² Там же. Д. 116. Л. 191. Подчеркивание документа.

³ Там же. Л. 197. Отношение и.д. нач. административного отдела ГАУ в Управлении по командному составу ВГШ от 11 февраля 1920 г. № 1757.

фицированных специалистов из вверенного ему управления — на этот раз непосредственно Главному начальнику снабжений (ГНС)¹. В этом докладе Зотов обратил внимание ГНС на стремление специалистов перейти на службу в многочисленные учреждения Московского военного округа, причина которого лежала в недостаточности жизнеобеспечения сотрудников, существовавших «на 1/4 красноармейского полка» при полном отсутствии «натурализации» содержания служащих. Более того, Зотов докладывал — сотрудники готовы уйти из ГАУ «даже на фронт»!²

Кстати, несмотря на ходатайства начальника ГАУ, 25 сотрудников управления все-таки откомандировали на фронт³.

Главное артиллерийское управление не было исключением — Зотов обращал внимание ГНС на «громадный недостаток в сотрудниках почти во всех учреждениях». Впрочем, в ГАУ процент бывших офицеров по должностям достигал 100 % на должностях ответственных руководителей и резко падал на низших должностях⁴. Данные за 1919—1920 годы свидетельствуют о переизбытке военных специалистов в управлении. Переизбыток этот должен был появиться в 1918 году.

Анализ кадрового состава советского центрального военного аппарата показывает, что период с марта по сентябрь—октябрь 1918 года численность служащих главных управлений Наркомвоена увеличилась или осталась прежней в ГАУ, что косвенно показывает массовые сокращения военспецов управления с 1919 года; в ГУ ВВФ и ВУА осталась фактически не измененной; в ГВХУ и ГВИУ сократилась (за счет командирования специалистов на фронт), в ГУ ЗС — резко сократилась.

Рассмотрим тенденции комплектования структур центрального военного аппарата, созданных весной 1918 года — Оперода, Всебюрвоенкома и ВВИ.

¹ РГВА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 112. Л. 13. (Все дело — переписка с Наркомвоеном и ВГШ «о неоткомандировании в действующую армию бывших офицеров и военных чиновников ГАУ»).

² Там же. Л. 12 об—13.

³ Там же. Л. 37.

⁴ Там же. Д. 116. Л. 192.

По состоянию на 10 июля 1918 года, все 10 генштабистов *Оперода* были одного (предреволюционного) года выпуска — 1918-го (7 из них штабс-капитаны)¹.

7 октября 1918 года зав. Оперативным отделом Наркомвоена С.И. Аралов направил Л.Д. Троцкому штаты Оперативного управления ВГШ, указав в препроводительной, что в Оперативном отделе ВГШ служит 28 чинов Генерального штаба, а в *Опероде* всего 12. При этом Аралов просил вернуть двоих генштабистов, направленных в командировку, поясняя, что каждому генштабисту «поручена ответственная и сложная работа и отсутствие кого-нибудь вызывает нарушение стройности работы всего *Оперода*», а в связи с реформированием отдела в Управление делами РВСР «потребуется большая ответственность работы, особенно по разведке и контрразведке». Аралов констатировал: «Налаживание служебного аппарата и деятельности *Оперода* создавалось с большим трудом в течение 4-х месяцев»².

По состоянию на 16 июля 1918 года, Оперативное отделение *Оперода* Наркомвоена насчитывало 17 сотрудников, в том числе 4 руководителей (заведующего, 2 консультантов и помощника заведующего), 11 служащих и 2 посыльных³. К моменту реформирования *Оперода* Наркомвоен в Управление делами РВСР (т.е. к 14 октября 1918 г.) в отделении служило на 6 человек больше: 5 руководителей (зав. отделением, консультант, 3 помощника заведующего), 15 служащих и 3 посыльных⁴. В процентном отношении увеличение сотрудников только данного отделения *Оперода* составило 26%, при этом число руководящих сотрудников возросло на 20%, специалистов — на 26,6%, технических сотрудников — на 50 %. Чис-

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 409. Сп. лиц ГШ, состоящих на должностях в Оперативном отделе Наркомвоен, по состоянию на 10 июля 1918 г. (датируется по препроводительной в Оперативное управление ВГШ) (Там же. Л. 408). (Подсчитано мной. — С.В.)

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 359. Л. 132—132 об. (См. гл. 3 § 2).

³ Там же. Оп. 2. Д. 59. Л. 1. Сп. служащих Оперативного отделения *Оперода* Наркомвоен от 16 июля 1918 г.

⁴ Там же. Л. 2. Сп. военнотружущих Оперативного управления Управления делами РВСР (без даты).

ло сотрудников Оперода, как видим, постепенно увеличивалось.

Всебюрвоенком стремительно разрастался в кадровом отношении. Это показывают данные с конца июля по 1 ноября 1918 года. Только за этот период (3 месяца!) общее число его сотрудников увеличилось с 81 до 248 человек (т.е. на 206,1 %); одних только руководителей разного уровня стало в двое больше (было 10 — стало 20), специалистов — больше на 132 %, технический персонал возрос с 41 человека до 149 (на 263,4 %).¹ В дальнейшем численный рост этого подразделения центрального военного аппарата продолжился.

Высшая военная инспекция в конце апреля 1918 года насчитывала всего 22 человека. На 28 июля ее штат составлял 73 сотрудника (увеличение на 231,8 %), а 16 сентября — уже 216 (почти в 10 раз!)².

Как видим, специалистов для Оперода не хватало, а штаты ВВИ быстро увеличивались и к сентябрю 1918 года инспектирующий (прежде всего) орган был весьма многочисленным по своему составу. Возможно, темп роста численности конкретного структурного подразделения определил «вес» его руководителя. Н.И. Подвойский — видная фигура в большевистской партии и, как оказалось, любитель аппарата; С.И. Аралов не обладал таким авторитетом, к тому же консультанты (фактические руководители Оперода), будучи достаточно квалифицированными военными профессионалами, не стремились возместить неизбежные в тех условиях качественные недостатки нового персонала их количественным избытком.

Особенностями Всебюрвоенкома и ВВИ были их краткие организационные истории, несхожие с остальными (традиционными) центральными и главными управлениями военного ведомства принципы комплектования кадрами и (главное) — социально-политическое родство с режимом. Основной причиной стремительного роста Всебюрвоенкома была

¹ РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 264. Л. 40-40 об, 41-46; Д. 265. Л. 39 об-48. (Подсчитано мной. — С.В.)

² *Левенштейн М.Н.* Важное звено военного управления // ВИЖ. 1976. № 8. С. 85.

необходимость организации максимального контроля партий над военспецами, ВВИ — личность ее руководителя, который 5 месяцев был руководителем Наркомвоена и со стажем в «РКП(б)» с 1901 года.

За март—октябрь 1918 года численность служащих центрального военного аппарата Советской России возросла не менее чем на треть: если в марте 1918 года в центральных органах Наркомвоена работало менее 2 000 человек¹, то в августе—октябре 1918 года — по нашим подсчетам — не менее 2 760 (это без учета Высшей военной инспекции, секретариата Н.Н. Подвойского и К.А. Мехоношина, а также ГВСанУ и ВУА, формально подчиненных Наркомздраву и Наркомзему).

*Кадры центральных военных органов Советской России
(по состоянию на 14 августа—15 октября 1918 года)²*

Наименование	Руководитель	Общая численность сотрудников (в т.ч. на должностях специалистов)	Примечание
1. Высший военный совет (аппарат)	Н.И. Раттэль	384 (240)	14 августа 1918 г. расформирован 06.09.1918
2. Управление делами РВСР	С.И. Аралов	155 (114)	[Октябрь 1918 г.] создано 08.10.1918 на базе Оперода Наркомвоен
3. ВГШ	А.А. Свечин	1 093 (476)	1—3 октября 1918 г.
4. ВЗС	Э.М. Склянский	Не менее 182 (не менее 123)	8 июня 1918 г.
5. Всебюрвоенком	И.И. Юренев	248 (99)	1 ноября 1918 г.

¹ См.: Крушельницкий А.В. Об интерпретации одного факта ... С. 89.

² Составлено по: РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218. Л. 138—143 об, 144, 146, 148—148 об, 149, 150; Д. 228. Л. 18; Д. 240. Л. 39—41, Л. 42 с об—50; Д. 248. Л. 159; Д. 278. Л. 37 с об—39; Д. 359. Л. 92 с об—96, 103 с об—104, 114 с об—124, 125—131 об; Д. 362. Л. 1—1а; Оп. 4. Д. 18. Л. 10—245, 282; Ф. 8. Оп. 1. Д. 265. Л. 39 об—48; Ф. 11. Оп. 5. Д. 51. Л. 2; Ф. 20. Оп. 2. Д. 112. Л. 12 об; Л. 37; Д. 116. Л. 191 об; Ф. 29. Оп. 8. Д. 315. Л. 1 об—40 с об; Ф. 37. Оп. 1. Д. 8. Л. 6 об—7; Ф. 44. Оп. 2. Д. 24. Л. 77 об—78; Ф. 46. Оп. 1. Д. 51. Л. 32—33 об. (Подсчет автора).

6. ВВИ	Н.И. Подвойский	337	Март-апрель 1919 г.
7. ЦУС	Е.И. Мартынов	57 служащих	15 ноября 1918 г.
7.1. ГАУ	В.С. Михайлов	Не менее 152 офицеров	Ноябрь 1918 г.
7.2. ГВХУ (б. ГВТУ, ГИУ)	М.В. Акимов	278 (?)	Октябрь 1918 г.
7.3. ГВИУ	А.К. Овчинников	—	—
7.4. ГУ ВВФ	А.С. Воротников	166 (163)	2-я пол. 1918 г.
8. Наркомвоен — Главное управление	[Н.М. Потапов]	261 (117)	Б/д
8.1. Секретариат председателя РВСР	И.Ф. Медянцев	17 (4)	Б/д
8.2. Секретариат Н.И. Подвойского и К.А. Мехоношина?	С.А. Баландин	24 (14)	20 июня 1918 г. по штату
9. ГУ ЗС при ВСНХ*	Н.Н. Сиверс	45 (33)	1 сентября 1918 г.
9.1. ГВСанУ при Наркомздрав*	Л.Р. Ивановский	149 (81)	22 июля 1918 г. по штату!
9.2. ВУА при Наркомзем*	А.Р. Евграфов	42 (29)	26 октября 1918 г. по штату
<i>Итого:</i>	14, формально: 10 военных специалистов и 4 большевика	Не менее 3 097 (не менее 1487)	

* Органы, формально переданные из состава военного ведомства в гражданские ведомства, но сохранявшие на этом этапе подведомственность Наркомвоенту.

Глава 3

«Коней на переправе не меняют»: коллективный портрет руководства Красной Армии в 1919—1920 годах

Для недопущения военного переворота за военспецами, как известно, следили комиссары. Большевистские комиссары, назначенные в центральный военный аппарат, подчинялись первоначально компактному (всего из 7 человек, об-

служивавших 2 «стола» — учетный, инструкций и донесений) органу — Бюро военных комиссаров, переданному Наркомвоену 5 декабря 1917 года из состава Петроградского ВРК и Военного отдела ВЦИК. Бюро было призвано координировать работу комиссаров ПВРК, а затем Наркомвоена в учреждениях старого аппарата. По подсчетам А.В. Крушельницкого, «к моменту передачи в систему Наркомвоена в ведении бюро, кроме прочих, комиссаров состояли... не менее 40 эмиссаров, комиссаров и их помощников, в разное время, начиная с 26 октября [1917 г.], направленных в органы Военного министерства». Четкую работу бюро, в значительной степени способствовавшую успешным овладением старого военного аппарата, возглавлял член коллегии Наркомвоена В.Н. Васильевский¹. Когда 8 апреля 1918 года для руководства деятельностью комиссаров в масштабе *всей армии* бюро реорганизовали во Всероссийское бюро военных комиссаров (Всебюрвоенком, ВБВК)², во главе его встал другой член коллегии Наркомвоена — до VI Съезда РСДРП(б) один из лидеров «межрайонки» И.И. Юренев (К.К. Кротовский), близкий Троцкому еще по дореволюционному периоду³.

Задачи, которые ставил перед военными комиссарами и работавшими в центральном военном аппарате большевиками Юренев, изложены в протоколе общего собрания членов РКП(б), работающих в военных управлениях, учреждениях и заведениях, от 21 июня 1918 года. Докладывая «о категориях специалистов», Юренев указал, что при любом отношении большевиков к военспецам, необходимость использования последних признана и потому «надо [...] принять все меры, чтобы найти противоядие против них (против контрреволюционных замыслов. — С.В.). Для этого во всех военных учреждениях [...] большевики должны быть опорным пунктом: во всех районных комиссариатах должны быть организованы партийные ячейки, а также во всех правлениях и учреж-

¹ Крушельницкий А.В. Народный комиссариат по военным делам РСФСР в первые месяцы диктатуры пролетариата: дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 140—141.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 95. Приказ Наркомвоена № 270 (1918 г.).

³ Каганович Л.М. Памятные записки. М., 1997. С. 215.

дениях. Эти ячейки должны быть как сторожа, как глаз Советской власти. Комиссар[ы] во всех военных учреждениях и управлениях должны создать центральный партийный аппарат, связать все районы и [...] быть советскими контролерами над специалистами». Юренив призвал собрание избрать «временное центральное бюро, которому поручить в недельный срок организовать фракции во всех военных учреждениях и управлениях и которые собрали бы более широкое общее собрание и на этом собрании выбрать Центральное бюро, а временное — сложить свое полномочие». После Юренива слово взял большевик Меднис, призвавший собрание «в каждом военном районном комиссариате создать Бюро фракции», которое будет «вести тщательный контроль над всеми работающими в данно[м] комиссариате или управлении. *В каждый отдел, где сидит специалист, нужно посадит[ь] своего партийного товарища, который бы знал все, что делает специалист*». Выделенный курсивом фрагмент красным карандашом подчеркнул в копии документа Л.Д. Троцкий — своей пометой он солидаризовался с Меднисом (или выделил этого большевика как правильно понимающего свою задачу).

На заседании вскрылись случаи притеснения партийных работников вследствие «происков» военных специалистов. По заявлению одного из комиссаров Главного военного хозяйственного управления (ГВХУ) Рябова, из управления увольняют 130 большевиков, чтобы на их место принять беспартийных; когда большевики решили собрать фракционное собрание для организации противодействия произволу и пригласили на собрание военкома ГВХУ А.А. Юркина, тот отказался приехать, сославшись на запрет начальника управления генерал-майора М.В. Акимова устраивать «всякие собрания». Вряд ли Юркин так уважал генерала, что поддерживал его в противостоянии с партийными работниками. Вероятно, он придерживался линии, навязанной сверху. Это предположение подтверждает реакция И.И. Юренива.

Сам Троцкий явно счел происходящее перебором: в направленной ему копии протокола слова «генералом Акимовым» Троцкий подчеркнул — вероятно, решил разобраться лично.

Большевик Онищенко на заседании заявила, что «Бюро фракции должно объявить диктатуру, строгую дисциплину в данном учреждении, что комиссары должны пойти на встречу фракции», сославшись на обещание одного из лидеров РКП(б) Я.М. Свердлова: «Народные комиссары не пойдут против фракции». Онищенко призвала к активным действиям для противостояния «выбрасыванию наших товарищей специалистами — контрреволюционерами». Она предложила «создать сильные фракции во всех военных учреждениях и управлениях и объявить диктатуру фракции». Такой поворот событий был опасен — И.И. Юренев подчеркнул, что «нельзя ударяться из одной крайности в другую. Фракции нужно ограничить. Нужна не диктатура, а только контроль». По итогам прений была принята предложенная делегатом от МК РКП(б) Лапиным резолюция: «Общее собрание коммунистов (большевиков) военных учреждений признает необходимым немедленно во всех военных учреждениях (комиссариатах, штабах, управлениях и учреждениях) организовать фракции и создать Бюро фракции. На данном собрании выбрать Организационную комиссию, которой поручить сделать эту работу в недельный срок. Предложить ЦК строго регламентировать права Бюро фракции военных ведомств». По запросу большевика Пече о целесообразности участия в следующем заседании красноармейцев, большинство проголосовало за участие солдат «в собрании и создании фракции», с учетом мнения МК по этому вопросу¹.

Из стенограммы выясняется, что летом 1918 года: 1) сотрудники ВБВК еще не обладали достаточным авторитетом для обеспечения полного контроля над офицерством; 2) занимающие должности технического персонала коммунисты не были организованы во фракции и, по сути, были бесправны; 3) руководители советского военного ведомства приступили к созданию действенного института контроля над офицерами Наркомвоена; 4) в ряде случаев были более склонены из прагматических соображений «сдавать» отдельных партийных

¹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 81 с об—82. Заверенная машинописная копия — экз. Л.Д. Троцкого.

работников в угоду действительно ценным военспецам; 5) военных специалистов центрального военного аппарата, помимо ВБВК, явочным порядком стал контролировать Московский комитет РКП(б). Не следует забывать и еще одну силу, обеспечивающую «лояльность» Красной Армии — ВЧК, которая, правда, с июля 1918 года в результате с выступлением левых эсеров находилась в состоянии кризиса.

Как и многие другие структуры центрального военного аппарата, ВБВК даже осенью 1918 года, когда Республика уже находилось «в кольце фронтов» (выражение И.И. Вацетиса), работало не эффективно. 8 октября военком ГАУ Б.М. Вильковыцкий писал в Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной Армии: «Военными комиссарами довольствующих управлений ведает Всероссийское бюро военных комиссаров. Между тем, связь между комиссарами и бюро очень слаба... не было никакой связи между нами — комиссарами ГАУ — и комиссарами подведомственных нам учреждений и заведений. Никаких инструкций и руководств для комиссаров не существует. Считая ненормальным такое положение дел, я в конце августа... возбудил ходатайство о подчинении всех комиссаров артведомства нам — комиссарам ГАУ — и об издании временной инструкции для комиссаров складов, которая и была опубликована в «Известиях Военного комиссариата»¹.

19 сентября [...], обязав всех комиссаров присылать доклады непосредственно комиссарам ГАУ, мы достигли того, что выяснили, на каких складах числятся комиссары и кто именно, так как комиссары часто назначались местными властями и ни [Всероссийское] бюро военных комиссаров, ни комиссары ГАУ не знали о[б] их существовании. В настоящее время связь между комиссарами нашего ведомства налажена, но существуют еще большие ненормальности в положении «института комиссаров». Основные причины [...]: во-первых, нет узаконенного положения о комиссарах [главных] довольствующих управлений; во-вторых, некомплект комиссаров в учреждениях и заведениях ведомства и, в-третьих, низкая нор-

¹ В «Известиях Наркомвоена».

мировка труда тов[арищей] комиссаров. По первому вопросу тов. Юренев предложил всем комиссарам довольствующих управлений представить к 15 ноября с.г. проект положения о комиссарах, что в частности и мною было выполнено, но результа[та] пока никакого. По второму вопросу мною неоднократно запрашивалось [Всероссийское] бюро военных комиссаров, но безрезультатно, ввиду отсутствия в бюро подходящих товарищей. А между тем, вопрос этот чрезвычайно важный, так как... склады не могут отпускать предметов снабжения при отсутствии подписи комиссаров, а при отсутствии комиссаров на местах, это вызывает задержку снабжения фронта...»; одна из причин некомплекта комиссаров — низкие оклады: «комиссар склада получает 720 р[уб]. в месяц, в то время как... член заводского комитета получает 1 200 р. в месяц»¹. Естественно, такое положение дел во Всебюрвоенкоме (особенно принимая во внимание, что после слияния с политотделом Высшей военной инспекции 13 ноября 1918 года ВБВК стало *единым* органом по руководству партийно-политической работой в действующей армии, тыловых учреждениях и частях²), вызывало резкую критику среди партийных работников, и без того не имевших основания любить Троцкого сотоварищи.

31 января 1919 года посланная Центральным комитетом РКП(б) комиссия из членов ЦК И.В. Сталина и Ф.Э. Дзержинского в Пермь обрушилась с критикой на возглавляемый Л.Д. Троцким Революционный военный совет Республики и подведомственный ему центральный военный аппарат, в частности, за проводимую советским военным ведомством кадровую политику. Комиссия докладывала ЦК: необходимо «обновить состав» ВБВК, «снабжающего воинские части мальчишками-«комиссарами», совершенно неспособными к постановке сколько-нибудь удовлетворительной полити-

¹ РГВА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2. Л. 77—79. Отношение комиссара ГАУ Б.М. Вильковисского в Чрезкомснаб И.Г. Дмитриеву о необходимости скорейшего устранения некомплекта в кадрах военных комиссаров путем улучшения их материального положения и создания для их деятельности должной нормативной базы.

² Гражданская война и военной интервенция в России. М., 1983. С. 129.

ческой работы»¹. На VIII Съезде РКП(б) И.И. Юренев ответил на критику: других комиссаров просто нет... Юренев признал, что принятое в июле 1918 года Положение о правах военных комиссаров было ВБВК провалено²; военкомов не хватает и приходится «посылать хоть каких-нибудь»; «с каждым днем коммунисты становятся все более юными», в частности, в самом ВБВК работали коммунисты с партийным стажем с 1919 года (!)³. Результаты такого подбора и расстановки кадров были налицо: по замечанию главного политического комиссара той самой армии, расследовать провал которой ездили незадолго до съезда Сталин и Дзержинский, Н.Г. Толмачева: «Отдельные армии в течение многих месяцев не знали», что ВБВК «есть учреждение, которое должно руководить всей политической работой в армии. Были фронтовые съезды, а что они постановляли, мы не знаем. За все время моей работы в армии мы ни одного указания, ни одной инструкции не получали»⁴.

Заметим, не хватало не только на фронте, но и в центральном аппарате советского военного ведомства, и в Полевом штабе, где примерно на 1 000 работников приходилась коммунистическая ячейка в 20 с небольшим человек.

По итогам критики Л.Д. Троцкого и его сторонников — в частности И.И. Юренева — на VIII Съезде партии 18 апреля 1919 года ВБВК реорганизовали в Политотдел РВСР, повысив статус этого руководящего органа: его возглавил член не только Реввоенсовета Республики, но и ЦК РКП(б) — И.Т. Смилга, соратник В.И. Ленина, с которым он поддерживал связь после провала третьеиюльской попытки военного переворота в эмиграции⁵. Наконец, 15 мая Политотдел реорганизовали в Политуправление РВСР, получившее статус военного отдела

¹ *Сталин И.В.* Соч. Т. 4. М., 1947. С. 208.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 142.

³ Там же. С. 146.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 148.

⁵ По воспоминаниям гельсингфорсского социалиста Г.С. Ровио, в августе 1917 г. «Из русских товарищей, проживавших в Финляндии», о пребывании Ленина в Гельсингфорсе «знал лишь Смилга» (*Ровио Г.С.* Как Ленин скрывался у Гельсингфорсского «полицмейстера» // Это есть наш последний и решительный бой. Кн. 2. М., 1987. С. 47).

ЦК¹. При этом констатировал Л.Д. Троцкий 25 марта 1921 года, «За время Гражданской войны отбор руководящих военных работников (членов Реввоенсов[етов], комиссаров частей и управлений, заведующих политотделами и пр.), а также продвижения военно-политических работников снизу вверх не могли проводиться с достаточной систематичностью»². Кстати, с Юрениным по итогам партийного съезда отношения у Троцкого явно испортились: в марте 1919 года Троцкий отрёкся от Юренина, а в апреле 1920 года Илья Ильич выступил против курса наркома на ограничение прав военных комиссаров в армии³.

Еще к началу съезда Ленин обратил внимание на следующий фрагмент доклада, отправленного им для анализа атмосферы в Полевом штабе А.А. Антонова: «Всего в Полевом штабе работает свыше 1 000 человек [...]. Я не знаю, действительно ли необходимо такое огромное количество людей (я слышал, что при царизме было гораздо меньше): не этот вопрос в данный момент меня занимает. Характерно то, что из 1 000 человек действительных военных специалистов, т.е. людей, занимающих должности, требующие особой военной подготовки, знаний и опыта, приблизительно можно насчитать 40—50 человек (эта цифра также получена мною от комиссара всех инспекторских отделов тов. Прейсмана⁴ и комиссара оперативного и морского отделов тов. Васильева⁵). Остальные, т.е. подавляющая масса сотрудников Полевого

¹ Гражданская война и военной интервенция в России. С. 465; Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. М., 1997. С. 625.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 420. Л. 59.

³ *Миллер В.И.* Константин Константинович Юренин // Реввоенсовет Республики. 6 сентября 1918 г. — 28 августа 1923 г. М., 1991. С. 421. Троцкий в ответ заявил: у него «целая пачка обвинений т. Юренина, когда он был во Всероссийском бюро военных комиссаров».

⁴ *Прейсман Георгий Львович* — комиссар при пом. нач. Полевого штаба (до 1 мая 1919 г.); председатель Особой комиссии по снабжению 13-й армии.

⁵ Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. С. 601.

Вероятно, имеется в виду *Васильев Алексей Васильевич* (1887—1938) — военный моряк, член ВЦИК; нач. политического отделения Оперода Наркомвоен; военком разведывательного отделения Полевого штаба РВСР (с января 1918); член РВС Волжской военной флотилии (с февраля 1919 г.).

штаба занимают должности *письмоводителей, делопроизводителей, секретарей, машинистов и прочих канцеляристов*. Казалось бы, по здравой логике, *только должности, требующие специальных военных познаний, и должны быть замещены военными специалистами*, а остальные должности — обычной демократической обывательской публикой. Но на самом деле, почему-то, *почти все должности, замещаются бывшими офицерами или родственниками военных специалистов [...] почему регистратором или письмоводителем должен быть капитан или делопроизводителем полковник? Если они хотят служить Советской России, пусть идут на фронт, а не прячутся на канцелярские должности в тылу»*¹.

Изменилось ли положение в «сердцевине» Красной Армии? В целом нет, и это во многом определяла позиция ее высшего руководителя. 16 июня 1919 года, обращаясь к Политбюро ЦК РКП(б) по поводу решения о чистке ПШ «от шкурников и проходимцев» (выражение И.Т. Смилги), Лев Троцкий писал: после неудачных экспериментов с мобилизацией «мы начинаем экспериментировать... в области Ставки. Американская мудрость вообще рекомендует не пересаживаться с лошади на лошадь, когда переваливаешь через быстрый поток. Мы же в самый критический момент впрягаем таких лошадей, которые тянут заведомо врозь...». После выхода фильма «Плутство» («Влияние собакой») эта витиеватая фраза главы военного ведомства переводится проще: «коней на переправе не меняют».

Основной кадровый костяк остался в полной неприкосновенности вплоть до проведения в жизнь ряда постановлений VIII Съезда партии о так называемой «реорганизации» Полевого штаба и центрального военного аппарата. В официальной справке Управления делами НКВМ по истории организации центрального аппарата военного управления от 28 июня 1928 года говорится: «Штаты центральных управлений (также как и войсковых частей), созданные наспех, были чрезвычайно раздуты, громоздки и, главное, мало работоспособны. Поэтому уже 23 мая 1919 года РВСР дает первую дирек-

¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10446. Л. 1 и сл.

тиву о необходимости сокращения штатов. В августе вышли первые сокращенные штаты, однако, в скором времени они не только достигли прежнего уровня численности, но и превысили его»¹. 20 августа в рамках борьбы с пристроенной в штабы золотой молодежью и «маменькиными сынками» РВСР приказал: «Выделить, не нарушая интенсивной работы, из состава военнослужащих в штабах, управлениях, учреждениях и заведениях, подведомственных Народному комиссариату по военным делам, для укомплектования строевых частей действующих армий всех лиц, не предназначенных на командные должности, годных по состоянию здоровья к несению службы в строю, сверстники коих по возрасту призваны уже на обязательную военную службу в Красную Армию, заместив их должностями гражданами не призванных еще наиболее старших возрастов и лицами, негодными к несению строевой службы, либо лицами женского пола»². Но оговорка — «не нарушая интенсивности работы» — сводила эффективность приказа к нулю. 31 августа—1 сентября, впрочем, были утверждены сокращенные штаты ряда подведомственных Всероглавштабу учреждений, но и это не означало фактического сокращения числа служащих³, тем более что одновременно ряд главных управлений расширил свой штат⁴. Практическое поведение в жизнь решений VIII Съезда РКП(б) в итоге легло на особую комиссию под председательством большевика Л.М. Глезарова (октябрь 1919 г.), решавшую вопрос об отправке на фронт бывших офицеров. Списки служащих подразделений Наркомвоена направлялись комиссией «для сведения» в ВЧК (выявлены списки ряда управлений Всероглавштаба, РВТР, ГАУ и ЦПАЗ, ВУА, ВЗС, ГВХУ, ФИНО при РВСР, ГВСанУ, ГУ РКК ВВФ и ЦУС). Подсчеты по направляемым в ведомство Ф.Э. Дзержинского сводкам позволяет воссоздать «коллективный портрет» служащих центрального аппа-

¹ Реформа в Красной Армии. Кн. 2. М., 2007. С. 321.

² Сб. РВСР. Т. 1. С. 329.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 31. Л. 300 и след.

⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 31. Л. 315. Так, например, приказом РВСР № 1644/347 дополнялся штат Полевого управления авиации и воздухоплавания при ПШ.

рата военного управления (всего сводками охвачено 2 532 человека — это репрезентативная выборка).

Если Гражданская война была «войной 30-летних», то служащие центрального военного аппарата оказались даже «моложе» фронта: в возрасте от 20 до 29 лет находилось более трети служащих (36,6 %), от 30 до 39 чуть менее (27,6 %). Количество служащих старших возрастов резко сокращается: от 40 до 49 — 14,3, от 50 до 59 — 4,8, свыше 60 — 1,1 %. Как видим, наибольшее количество последних (20 человек из 28-ми) наблюдалось в Главном артиллерийском управлении. Это можно объяснить сложностью артиллерийской подготовки и большим количеством лиц с высшим артиллерийским образованием (об этом речь ниже). Самой уязвимой группой, с точки зрения комиссии Глезарова, были люди, занимавшие низшие канцелярские должности — в возрасте от 15 до 19 лет. Таких было 8,9 %.

К осени 1919 года была в определенной степени реализована установка военно-политического руководства страны (и прежде всего В.И. Ленина) на замену военных специалистов на канцелярских должностях женщинами. Среди 2 532 сотрудников Наркомвоена насчитывается 851 женщина — 33,6 %. Впрочем, не стоит заблуждаться: служащие пристраивали, как правило, своих родственниц и знакомых. Строгие распоряжения правительства истолковывались по мере спуска вниз своеобразно: еще 27 июля 1918 года СНК издал декрет «О недопустимости совместной службы родственников в советских учреждениях», объявленный приказом Наркомвоена № 774. В сентябре 1918 года Всероссийский главный штаб, в котором nepoтизм процветал со страшной силой, соизволил дать разъяснения военным учреждениям «для сведения и руководства» приказ Наркомвоена. В «разъяснениях» уточнялось: совместная служба родственников допускается «в различных отделах и различных самостоятельных частях и отделениях, подчиненных непосредственно лицу, стоящему во главе учреждения»¹.

¹ РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 15. Л. 123—123 об.

Исчерпывающие сведения о национальном составе получить не представляется возможным: даже в анкетах сотрудники Наркомвоена писали «великоросс» (таким образом, выделить русских, украинцев и белорусов из «славян» нельзя). Единственное — простой анализ фамилий свидетельствует о росте числа евреев и прибалтов.

Из 2 532 человек только 461 были офицерами и военными чиновниками — 18,2 %: в целом ряде главных довольствующих управлений процент военных специалистов оказался ничтожно мал — для работы Главного военно-санитарного управления или Ветеринарного управления армии вполне хватало лиц с высшим гражданским образованием. А 461 военный распределяется следующим образом — 37 (1,5 %) генералы; 161 (6,4 %) штаб-офицеры; 114 (4,5 %) обер-офицеры; 17 (0,7 %) унтер-офицеры; 40 (1,6 %) рядовые; 92 (3,6 %) составляли военные чиновники. Как видим, по-прежнему, высшего офицерства в центральном военном аппарате было значительно больше низшего офицерства, а также унтер-офицерского и рядового состава. В этом плане борьба с кастовостью потерпела фиаско.

Уровень профессиональной подготовки служащих центрального военного аппарата был достаточно высок: 215 из 2 229 (9,6 %) имели военное образование. Из них *высшее* военное образование было у 101 офицера, т.е. у 46,9 %. Между выпускниками высших военно-учебных заведений эти 101 человек распределяются следующим образом: 10 — НАГШ (1 — неполное высшее); 71 — Михайловская артиллерийская академия (из них 56 «сидели» в ГАУ и 13 в ЦПАЗ); 9 — Александровская военно-юридическая академия (1 — неполное высшее); 6 — Военно-хозяйственная академия; по 2 выпускника Восточных курсов и Военно-медицинской академии. И 114 человек получили среднее и начальное военное образование¹.

¹ Не удалось выявить данные по ГВИУ. В других подразделениях служил только один выпускник Николаевской военно-инженерной академии, но точные сведения о числе выпускников этого высшего военно-учебного заведения можно получить только после обработки сведения о ГВИУ.

Подавляющее большинство сотрудников были беспартийными: из 1 519 — 1 471 (96,84 %). Оставшиеся 3,16 % распределяются следующим образом — 47 коммунисты, 1 кандидат в член РКП(б), 35 сочувствующих и 1 находящийся «на советской платформе» (в искренности двух последних групп сомневаться не приходится, так как, по образному замечанию исследования С.А. Павлюченкова, партбилет летом 1919 года вел прямо на «виселицу» Колчака или Деникина); насчитывалось 3 интернационалиста, по 2 народника-коммуниста (т.е. «раскаявшихся» левых эсеров) и анархиста-коммуниста, по 1 эсеру-максималисту и анархо-синдикалисту. Кроме того, было по одному человеку со следующей самохарактеристикой: «республиканец», «союз молодежи», «независимый». Ряд беспартийных также выделились из общей массы, продиктовав «вне политики».

Таким образом, только в октябре 1919 года стали предприниматься практические шаги по уничтожению военной касты, отправке бывших офицеров и военных чиновников на фронт, замене профессиональных военных на женщин на канцелярских должностях, что было связано с мнением Льва Троцкого о нецелесообразности кадровых изменений во время войны.

Военные специалисты — руководящие работники аппарата Наркомвоена — придумывали все новые хитрости для ограждения своих подчиненных от мобилизаций на фронт. Вероятно, кто-то из них подключил для этой цели отошедшего вроде от военной работы М.Д. Бонч-Бруевича. 21 декабря 1919 года генерал направил председателю СНК доклад, в котором предлагал «разгрузить» от лишних функций Реввоенсовет Республики, создав для этого должность «Начальника Всероссийского Генерального штаба». Все бы ничего, да только в подчинении этого человека, назначаемого председателем СНК по представлению председателя РВСР, Бонч-Бруевич предложил образовать «весьма ограниченное по численному составу» управление, числом в... 105 человек (из них 12 руководящих работников и 45 специалистов)¹. Ленин почему-то не отреагировал.

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 919. Л. 9 об и след. (Подсчет автора).

В РГВА отложилась докладная записка комиссара ЦУП-ВОСО В.В. Фомина в ЦК РКП(б) и Э.М. Склянскому от 6 июля 1919 года. Фомин описал военных комиссаров, разделив их в свою очередь на 2 группы: 1. Сторонники главенства комиссаров и занятия большевиками всех руководящих постов — под лозунгом «Бей специалистов». Основанием и оправданием этого метода Фомин назвал отдельные открытые случаи измены военных специалистов и «формальное» отношение к делу подавляющего их большинства, с одной стороны, и «предположение, что наличных сил коммунистов достаточно» для захвата аппарата военного управления в свои руки и нормального ведения в нем дел. «Питомником» этого направления Фомин назвал Петроград. 2. Сторонники предоставления военным специалистам «известной дозы инициативы», убежденные в необходимости «всемерного использования опыта знаний специалистов» и возложения на них ответственности¹. Напомним, что в момент написания В.В. Фоминым своей докладной записки последняя точка зрения уже стала «официальной» точкой зрения партии большевиков, принятой VIII ее съездом и притом обязательной к практическому проведению для всех членов партии.

Об изменениях в персональном составе корпуса военных комиссаров Наркомвоена свидетельствует анализ анкет ответственных работников — коммунистов Наркомата по военным и морским делам РСФСР (Всероссийского главного штаба, Главного управления всеобщего военного обучения, Центрального управления по снабжению армии и др.) и ПШ к 1920 году свидетельствуют 111 анкет учетно-распределительного отдела Секретариата ЦК РКП(б) (учраспреда), отложившиеся в фонде заместителя председателя РВСР и выявленные М.А. Молодцыгиным². Это репрезентативный корпус источников. К этому времени коммунисты занимали не только комиссарские должности: в 1918—1919 годах во главе ряда доставшихся большевикам в наследство структур центрального

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 12 об—14 об. и след.

² Молодцыгин М.А. Социальный и национальный состав Красной Армии в годы Гражданской войны. Цит. по: URL:<http://www.auditorium.ru/books/935/molod.pdf>.

военного аппарата, встали партийные работники — так, 21 декабря 1918 года Главным начальником снабжений, вместо показавших себя с худшей стороны генералов (А.А. Маниковско-го, затем Е.И. Мартынова), был назначен большевик И.И. Межлаук¹; по тем же причинам 23 декабря 1918 года генерала М.В. Акимова сменил на посту начальника Главного артиллерийского управления большевик Э.В. Рожен²; с 13 января 1919 года временно исполнял обязанности начальника Главного военно-инженерного управления большевик И.Е. Коросташевский, утвержденный в должности 20 мая³...

По подсчетам М.А. Молодцыгина, из ответственных работников — коммунистов НКВМ и ПШ к рабочим принадлежали 37 %, к крестьянам — 2,7, к служащим — 45, к военным — 5,4, к учащимся — 10,8 %⁴. Нами были просчитаны те же анкеты учраспредела ЦК по другим параметрам. Выяснилось, что большинство коммунистов, ответственных работников военного ведомства, были русскими (более 70 %), не менее 17 % — евреями, 2—3 % — латышами и белорусами; имелось по 1-му поляку и немцу, причем этнический поляк сам себя считал русским.

Таким образом, хотя руководящий состав нельзя назвать интернациональным, следует отметить высокую концентрацию евреев в руководстве центрального военного аппарата⁵. Для сравнения: по состоянию на 1 января 1921 года доля евреев в личном составе большинства войсковых объединений не превышала 0,3 % и лишь в тех, что дислоцировались на территории Украины, достигала в среднем 1,6 %. При тогдашней штатной организации стрелковых соединений РККА это означало в среднем по 3—16 человек на бригаду или 9—42 на дивизию. При этом распределялся этот национальный кон-

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 48. Л. 273.

² Там же. Л. 263.

³ Там же. Д. 51. Л. 27; Д. 90. Л. 129.

⁴ Молодцыгин М.А. Социальный и национальный состав Красной Армии в годы Гражданской войны.

⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 366. (Подсчет автора по 111 анкетам учраспредела УК РКП(б)).

тингент не в пользу строевых подразделений. Обращает на себя внимание процент евреев в составе руководящих военно-политических органов. Во фронтовом и армейском звеньях (РВС фронтов и армий) он составлял соответственно 6,5 и 12,3 %, в дивизионном (военкомы) — 10,2 %, в стрелковых и в кавалерийских дивизиях — 5,6 %. Это без учета политотделов, политкомов штабов и управлений. При этом строевые командиры-евреи в числе командующих фронтами отсутствовали, среди начдивов и наштадивов — их буквально единицы, среди командармов — лишь один (8-й армией с октября 1919 по март 1920 г. командовал, и не слишком удачно, Г.Я. Сокольников¹). И еще в единичных случаях имело место «временное исполнение должности» строевых начальников их политкомиссарами на срок от 2 дней до 2 месяцев. А в числе награжденных орденом Красного Знамени за 1919—1921 годы в общей сложности из 57 военнотружущих-евреев лишь 7 были рядовыми красноармейцами (включая одного курсанта). А политработников различных уровней втрое больше. Остальные служили на различных командных и административных должностях, включая медперсонал и «стоящих для поручений при..»

Поэтому основная масса красноармейцев-фронтовиков не видела в своей среде евреев-бойцов, знала единицы евреев-командиров, но много слышала о евреях-политработниках. Ведь командир на передовой часто действовал по принципу «делай, как я», а политработник обычно слал из тыла бумаги с указанием «делай, как я тебе сказал». Авторитета у бойцов это не приносило никогда и никому.

18 апреля 1919 года Политбюро обсуждало острый вопрос: «огромный процент работников прифронтовых ЧК, прифронтовых и тыловых исполкомов составляют латыши и евреи, что процент их на самом фронте сравнительно невелик и что по этому поводу среди красноармейцев ведется и

¹ См.: Крушельницкий А.В. Читая Будницкого ...

По замечанию Alwin, евреем был и Б.И. Гольдберг — командующий Западной армией в 1920 г. Не исключено, что при подсчетах его не включили, посчитав как командующего войсками Приволжского военного округа (Сб. ВВСР. Т. 1. С. 602).

находит некоторый отклик сильная шовинистическая агитация..» Как видим, речь осторожно велась не о центральном аппарате партии и государства, не о верхушке армии и сводилась к «некоторому отклику» красноармейцев на опасную агитацию. Несомненно, это было связано и с тем обстоятельством, что вопрос внес член Политбюро и высший военный руководитель Л.Д. Троцкий. Характерно, что он умолчал о достаточно высокой концентрации евреев в своем собственном ведомстве¹.

До революции евреев не производили в офицеры, «поэтому в армии очень большая часть грамотных и более или менее развитых солдат — оказалась именно евреями. Они и прошли в комитеты. Получилось такое положение: армия в своих выборных органах имеет процентов 40 евреев на самых ответственных местах и в то же время остается пропитанной самым внутренним, «заумным» антисемитизмом и устраивает погромы»².

Политбюро решило издать директиву о «более равномерном распределении» партийцев «между фронтом и тылом». Каких-либо свидетельств издания и реализации такой директивы нет. Зато известно, что 14 месяцев спустя и за 4 месяца до учиненных первоконниками погромов, в начале июня 1920 года, Троцкий констатировал: «На Западном и Юго-Западном фронтах повторяется все та же история: крайне ничтожное число евреев в действующих частях. Отсюда неизбежное развитие антисемитизма»³. Случайным такое положение не было: как установил Л. Хеймсон, тремя основными социальными источниками российской революционной интеллигенции стали провинциальное служилое дворянство, «поповичи» и нерусские (неправославные) национальные меньшинства⁴. К последней группе принадлежал сам «вождь Красной Армии» — Лев Троцкий.

¹ См.: Крушельницкий А.В. Читая Будницкого ...

² Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 81.

³ См.: Крушельницкий А.В. Читая Будницкого ...

⁴ См.: Горинов М.М. Предисловие // Е.А. Преображенский. Архивные документы и материалы. М., 2006. С. 5.

Коммунистический состав руководства ПШ и центрального военного аппарата, несмотря на критику работы советского военного руководства комиссией Дзержинского — Сталина, оставался молодым: по анкетам получается, что одному было меньше 20-ти, 59 человек (53,1 %) находились в возрасте от 20 до 29 лет, 47 (42,3 %) — от 30 до 39; только 4 (3,6 %) было старше 40.

Возраст коммунистов — работников военного ведомства — определял и их стаж в партии, а также опыт организационной работы. «Старых большевиков» среди указанных коммунистов почти не было: до 1905 года в РСДРП(б) вступили только 3 человека — 2,7 %; между первой и второй революциями (с 1905 по январь 1917 г.) к ним присоединились 11 человек — 9,9 %; в период Февральской революции (с февраля по 25 октября 1917 г.) — 16 человек, или 14,4 %. Таким образом, дореволюционный стаж в РСДРП(б) насчитывался менее, чем у трети (30 человек — 27 %). В первые месяцы Советской власти (октябрь—декабрь 1917 г.) в партию вступило 3 человека (2,7 %); в 1918, 1919, 1920 годах в РСДРП(б) — РКП(б), соответственно, 41 (37 %), 25 (22,5 %), 12 (10,8 %). Как видим, более трети стали большевиками в 1918 году, когда росла численность партии; в 1919 году процент снижается: не исключен как «вклад» комиссии Сталина и Дзержинского, так и то обстоятельство, что (по выражению С.А. Павлюченкова) в 1919 году партбилет вел прямо на виселицу Деникина...

22 человека (19,8 %) до вступления в партию большевиков состояли в других партиях. Из них: 7 меньшевиков (1 — А.Я. Левин — правда, пометил: «официально не состоял»); 3-е были членами партии социал-демократических интернационалистов и 1 примыкал к этой группе; эсерами в прошлом были 5 человек, причем 4 из них после раскола в партии стали левыми эсерами (двое после «левоэсеровского выступления» ушли в отмежевавшуюся от ПЛСР Партию народников-коммунистов, т.е. были наименее «стойкими»); 1 был эсером-максималистом; в Бунде состояли 2 человека, один из которых затем некоторое время состоял в Американской социалистической партии; были по одному представителю По-

алей Цион¹ и от Партии анархистов-коммунистов. Таким образом, 11 коммунистов принадлежали в прошлом к различным течениям меньшевизма, 6 — социалистам-революционерам (4 из них к левым эсерам — союзникам большевиков до июля 1918 г. — и «полулегальным» максималистам); 3 человека — еврейским социал-демократическим партиям, 1 к анархистам-коммунистам. Эти цифры не поддаются однозначной трактовке, но все же свидетельствуют о нежелании большевиков доверять контроль над армией представителям иных партий и «переваривании» Коммунистической партией работавших в центральном военном аппарате «попутчиков» (это, вероятно, объясняется тем, что своих кадров — как и объяснял на VIII Съезде партии Юренев — не хватало). Напомним, что большевики еще до июля 1918 года старались освободиться от контроля над армией левых эсеров. Такой важный политический институт, каковым была РККА, правящая партия ни с кем делить не желала. Но при этом, во-первых, до революции отнюдь не был «верным ленинцем» глава военного ведомства; во-вторых, коммунистов катастрофически не хватало для назначения на ответственные должности.

Профессиональная подготовка, мягко говоря, была не высокой: лица с высшим и неполным высшим образованием составляли по 7,2 % ответственных работников-коммунистов; 28,8 % имели среднее профессиональное образование; 10,8 % — среднее и 1,8 % — неполное среднее; почти половину — 44,1 % — составляли лица с начальным образованием, правда, в большинстве своем, прошедшие курс строевой подготовки. Всего один человек имел высшее военное образование: он закончил 2-летний — ускоренный — выпуск академии Генерального штаба РККА (даже лиц с неполным высшим военным образованием среди коммунистов центрального военного аппарата не было). Как такие люди могли обеспечить должный контроль над военными специалистами более-менее ясно, но как они могли *самостоятельно* руко-

¹ В годы Гражданской войны поалейционисты, подчеркивая свою оппозиционность к Советской власти, все-таки включились в борьбу с белогвардейцами. ЦК их партии даже объявил мобилизацию своих членов в ряды Красной Армии.

водить структурами центрального военного аппарата? Ответ прост — коммунистов, когда они занимали ответственные должности, консультировали военные специалисты. Так, всех Главных начальников снабжений (если последовательно — И.И. Межлаука, Л.З. Аккермана, Г.Д. Базилевича) консультировал военный инженер-технолог, генерал-майор К.Е. Горецкий. Даже «неуживчивый» (характеристика М.Н. Тухачевского) П.Е. Дыбенко, при решении вопроса о пенсии для К.Е. Горецкого указал, что работа последнего по организации снабжения РККА способствовала «правильной постановке довольствия войск, оказавших огромную пользу операциям РККА, а также сберегших большие народные средства и военное имущество в труднейший период строительства РСФСР»¹.

Из 27 (24,3 %) коммунистов были офицерами (8 — военного времени); 2 (1,8 %) — военными чиновниками (1 — пом. столоначальника ГАУ), 21 (18,9 %) — унтер-офицерами (среди которых 1 фельдшер); рядовыми и матросами были 23 человека (20,7 %).

При этом об участии в Первой мировой войне заявили 47 человек (42,3 %), из 47 — трое — зав. хозяйством на Северном фронте, военный художник на сверхсрочной службе и военный топограф; в Гражданской воевало 12 человек (10,8 %), но из них только 5 человек находились на строевых должностях, большинство занимало различные должности в политотделах; в Первой мировой и Гражданской — 18 человек (16,2 %).

Таким образом, несмотря на крайне низкий образовательный уровень, более чем половина ответственных работников — членов РКП(б) (63 человек — 56,75 %), обладала более-менее предметными представлениями об армии, при этом около четверти (29 человек — 26,1 %) коммунистов были военными специалистами — офицерами и военными чиновниками. Из 111 человек своеобразный «военный опыт» (в «войнах империалистической» и Гражданской) был у 77 человек (69,4 %) — 12,6 % которых не имели вовсе военного образования (в основном они и числились в политотделах)².

¹ См.: РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 8. Л. 2 и след.

² Там же. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 366. (Подсчет автора).

Из анализа ясно: коммунистический состав Красной Армии был достаточно молодой и потому подконтрольный высшему руководству РККА и — прежде всего — главе военного ведомства Л.Д. Троцкому. Данные о национальном составе (высокий в сравнении с фронтом процент молодых евреев) также дают определенные представления о кадровой политике высшего руководителя армейского аппарата. Неслучайно такие подборы и расстановки кадров просто удивляют, например, фигура непосредственного заместителя Троцкого — Э.М. Склянского, кооптированного по его ходатайству в Реввоенсовет и в возрасте 26 лет, занимавшегося подбором и расстановкой, по признанию самого Троцкого, «большого количества старых спецов».

Позднейшим высказываниям В.М. Молотова: «Троцкий всюду насаждал свои кадры, особенно в армии. Гамарник, начальник Политуправления. Склянский был у него первым замом. [...] Откудова он взялся — черт его знает! Откуда Троцкий его взял, я не слыхал никогда»¹. После Гражданской войны никто не вспоминал, с чего все началось. «Откудова» взялся Э.М. Склянский, известно: он стал членом коллегии Наркомвоена с первых дней ее организации — задолго до постановки Троцкого во главе военного ведомства. Другое дело, что на заседаниях коллегии Склянский... никогда не выступал — этот человек без особого веса (партстаж его вели — весьма сомнительно — с 1913 г.) просто ждал «хозяина»². Им и стал впоследствии Л.Д. Троцкий.

Положение с кадрами *в армии* стали менять лишь после окончания широкомасштабных боевых действий Гражданской войны в рамках реорганизации центрального военного аппарата, начавшейся в феврале 1921 года³. 28 марта Л.Д. Троцкий и новый начальник ПУР направили Реввоенсоветам фронтов и армий, военным округам, политотделам фронтов и политуправлениям военных округов циркуляр, направленный на проведение решений X Съезда партии и совещания его военных делегатов: «X Съезд партии, всесторон-

¹ Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 216.

² Крушельницкий А.В. Народный комиссариат по военным делам... С. 43.

³ Реформа в Красной Армии. Кн. 2. М., 2007. С. 322.

не обсудив военный вопрос, в качестве одной из важнейших мер поддержания и развития сплоченности и боеспособности армии предложил военному ведомству произвести широкое *обновление и освежение комиссарского состава в армии и политработников вообще*¹.

Примечательно, что в циркуляре нет ни слова о необходимости кадровых изменений в центральном военном аппарате Советской России. По официальным данным (1928 г.), к середине 1921 года «штаты центральных управлений достигли 11 тысяч человек, не считая приданных к ним для обслуживания 9 000 красноармейцев и рабочих»; к концу 1922 года штатный состав центральных управлений был сокращен до 5 209 человек². Естественно, изменился и «коллективный портрет» руководящих кадров центрального аппарата ведомства Льва Троцкого. Но это уже предмет самостоятельного исследования.

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 420. Л. 59—61.

² Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 321—322.

Раздел VII

ВОЕННАЯ КОНТРРАЗВЕДКА НА СТРАЖЕ КРАСНОЙ АРМИИ

Глава 1

Обеспечение безопасности «Мозга армии»: в борьбе со шпионажем в Полевом штабе РВС Республики

К 10 ноября 1918 года был сформирован Полевой штаб Реввоенсовета Республики. Естественно, штаб стал объектом разработки как иностранных разведок, так и пособников Белых в «Красном лагере». Еще 30 сентября квартирмейстер Оперативного управления Штаба Высшего военного совета предупредил военного комиссара Штаба РВСР Василия Шарманова: «Штаб Революционного военного совета Республики, как учреждение, сосредоточивающее в себе все нити обороны страны, безусловно, является центром внимания и подпольной работы врагов Республики. Охрана штаба в упомянутом отношении, пока он расположен в Москве, помимо Регистрационного отделения при самом штабе, находится в руках всех тех учреждений, которые ведут борьбу со шпионажем и другими злоупотреблениями, приносящими вред обороне страны, по г. Москве. С переездом же штаба в новый пункт, вся работа в этом отношении сосредоточится в руках лишь одного Регистрационного отделения»¹. Насколько укоренился шпионаж в Ставке?

28 ноября 1918 года заместитель председателя Петроградской губернской ЧК В.Н. Яковлева телеграфировала С.И.

¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 134. Л. 91—91 об.

Аралову (в копии — К.Х. Данишевскому): «Генштаба Трофимов Владимир Владимирович на основании непроверенных сведений подозревается в сношениях [с] иностранной контрразведкой. Арестован [на] квартире Ховена — вероятно, агента германской контрразведки. Если на основании этих данных нет препятствий [к] дальнейшей его службе — телеграфируйте». На телеграфной ленте К.Х. Данишевский наложил резолюцию: вышлите Трофимова в «Серпухов, [в] распоряжение Реввоенсовета Республики», т.е. в Полевой штаб. Также поставил свой автограф под резолюцией С.И. Аралов¹. Так с легкой руки «первого руководителя ГРУ» вышел на свободу и получил возможность вести работу по разведывательному обеспечению наступательных операций германский шпион В.В. Трофимов.

5 января 1919 года В.В. Трофимов, докладывая из Дербинской тюрьмы начальнику Полевого штаба Реввоенсовета Республики генералу Ф.В. Костяеву о незаконных (?) арестах военных специалистов, заявил: его арестовали 20 ноября 1918 года «на квартире некоего Ховена, куда зашел снимать помещение для своих вещей, ибо предстоял... отъезд в Серпухов к настоящему моему месту служения»². Здесь В.В. Трофимов фактически признался в том, что вошел в контрреволюционную организацию — Всероссийский национальный центр; упоминаемого им члена «центра» Г.Н. Ховена расстреляли по приговору внесудебной тройки ВЧК от 13 января 1920 года.

Докладные записки Трофимова и руководителя подпольной агентурной сети Б.П. Полякова руководству Полевого штаба уточняют существующие представления об «успехах» военной контрразведки в конце 1918 — начале 1919 года. Фактически Отдел военного контроля Регистрационного управления Полевого штаба, переданный в январе 1919 года в структуру ВЧК и переименованный в Особый отдел, так и не смог доказать виновность Бориса Полякова. 16 января 1919 года арестованные генштабисты М.М. Загю, С.М. Языков

¹ См.: *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 75.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 6. Л. 57 и след.; Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 156.

и Б.П. Поляков доложили из заключения Главкому И.И. Вацетису, начальнику Полевого штаба Ф.В. Костяеву, С.И. Аралову и председателю Реввоентрибунала К.Х. Данишевскому о переводе в Бутырскую камеру. Первые двое числились за Президиумом ВЧК, третий за Особым отделом ВЧК (дело находилось на контроле заместителя заведующего отделом А.В. Эйдука)¹. Командированный в распоряжение начальника ЦУПВОСО Языков 14 января просил члена коллегии ВЧК Я. Х. Петерса разрешить ему похоронить умершего 10 января брата — сотрудника управления военных сообщений МВО. Вопрос был решен². 18 января Загу и Языков составили обращение к Федору Костяеву и Семену Аралову: «Совершенно необходимо, не ограничиваясь данным нами словесным объяснением, предоставить нам возможность представить письменный доклад, основанный [на] приказах Реввоенсовета и других многих документальных данных второго отдал ЦУВС, настоящий состав которого, очевидно, мало знаком [с] настоящим положением вещей. [О] последующем прикажите уведомить». В ВЧК решили телеграмму направить только по второму адресу — Аралову³. Надо сказать, компания, осаждавшая Костяева рапортами, подобралась изрядная: так, например, генерал-майор Сергей Языков бежал из Советской России и принял участие в Белом движении на юге в составе ВСЮР, умер в эмиграции⁴.

31 января С.И. Аралов запросил о деле Б.П. Полякова. Получил ответ: дело генштабиста передано на рассмотрение Президиума ВЧК с заключением А.В. Эйдука «об освобождении без права занят[ь] ответственную должность». Вероятно, достаточных оснований для обвинения не было, но чекисты советовали, что называется, перестраховаться. Решение об оставлении на службе, но на второстепенных должностях будет распространено в годы Гражданской войны. Аралов 1

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 128.

² Там же. Л. 129.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 127.

⁴ URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=3306>

января принял телеграмму «к сведению»¹. Борец с Советской властью избежал расстрела.

Особый отдел ВЧК арестовывал отдельных сотрудников Полевого штаба и в дальнейшем. 19 октября 1919 года арестовали состоящего для поручений при начальнике Полевого штаба А.М. Зайончковского, 10 ноября — начальника довольствующего отделения хозяйственной части А.А. Галли и его помощника А.К. Островинского (последнего уже 18 ноября освободили и вернули на прежнее место службы)². Не исключено, что арестовали прикомандированного к Полевому штабу В.К. Петровского (в приказе по ПШ указано, что он направлен «в распоряжение ОО ВЧК»)³.

Арест бывшего генерала старой армии Андрея Медардовича Зайончковского примечателен особо: именно он сумел предупредить белых о высадке у них в тылу ударной группы⁴, а впоследствии стал важнейшим информатором сотрудников ОГПУ по делу «Весна» (бывших военных специалистов) 1929—1930 годов⁵. Таким образом, чекисты не только взяли изменника, выдавшего белым важный оперативный секрет, но и сумели, скорее всего, уже тогда заставить его работать на себя. Действительно, Особому отделу было чем гордиться.

5 августа в оперативном отделении Оперативного управления Полевого штаба не оказалось карты, вычерченной накануне. 15 августа дело о пропаже карты рассмотрело Распорядительное заседание Революционного военного трибунала Республики, которое постановило: «Судебного преследования по делу не возбуждать в виду неимения улик по обвинению кого-либо в краже карты, а наложить на начальника оперативного отделения дисциплинарное взыскание за допущенные беспорядки в отношении заказа и хранения секретных карт». Принимая во внимание, что пропажа карты произошла в первые дни переезда Полевого штаба в Моск-

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 121.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 261 об.

³ Там же. Л. 371 об.

⁴ См.: Ганин А.В. Саквояж генерала А.М. Зайончковского // ВИ. 2006.

№ 2. С. 141.

⁵ Тинченко Я.Ю. Указ. соч.

ву, «когда дела и карты оперативного отделения еще не были должным образом разобраны и уложены», начальник штаба Павел Лебедев счел возможным ограничить наказание «на этот раз» объявлением «выговора начальнику оперативного отделения Генерального штаба М.Н. Земцову за допущенное нарушение порядка в оперативном отделении»¹.

13 декабря 1920 года в «Сводке правил о штатных сотрудниках, прибывающих на службу, из командировки, из отпуска, отбывающих в командировку, отпуск, к новому месту службы», объявленной в приказе помощника начальника штаба Н.Г. Хвоцинского № 303 от 13 декабря 1920 года представляет особый интерес 5-й пункт — «*О сообщении в Особый отдел ВЧК о[бо] всех командированных*. На основании телефонограммы за № 7147/38180 Оперативного отдела Особого отдела ВЧК от 6 ноября с.г., в разъяснение телефонограммы № 37629 от 19 октября с.г. приказываю: всем начальникам управлений, частей, инспекций, отделов и отделений под личной ответственностью срочно сообщать в письменной форме в Оперативный отдел Особого отдела ВЧК о[бо] всех командированных по делам службы сотрудниках. После возвращения командированных на место службы приказываю: тем же лицам срочно сообщать об этом в письменной форме туда же. Разрешения на право выезда от Особого отдела ВЧК не требуется. Учреждения не ограничены в правах командирования ими лиц»².

Особый отдел должен был очень внимательно следить за штабом: в годы Гражданской войны многие офицеры загорелись бонапартистскими идеями. Подобные мысли приходили на ум как молодым военспецам, взлетевшим на гребне революции, так и генштабистам дореволюционных выпусков.

Фигура Тухачевского вызывает многочисленные споры в исторической науке, при этом наименее изученным в жизни первого Маршала Советского Союза остается период Гражданской войны (в 1919 г. — командующему 5-й армией, в 1921 г. — командующему войсками Западного фронта и Там-

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 328 об.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8.

бовской губернии, будущий начальник Штаба РККА). Известно, что у Тухачевского в этот период фактически не было сторонников. Документы Тухачевского о дореволюционном и «красном» командном составе, а также возможности создания к 1923 году «Красного Генерального штаба» уточняют представления о взлетевших на революционном гребне военных, об идеале «пролетарских» командных кадров, а также об офицерском корпусе, сложившемся в РСФСР к концу Гражданской войны¹.

Поручение В.И. Ленина 19 декабря 1919 года Тухачевскому доложить основы проведения в армии коммунистического командного состава, свидетельствует об осознании важности проблемы высшим руководством Коммунистической партии и создателем Советского государства. М.Н. Тухачевский был лично заинтересован в реализации своих предложений: позднее, в 1926—1927 годах его обвиняли «в попытке через Генеральный штаб захватить власть в армии и, может быть, в стране»². Иными словами, для осуществления военного переворота Тухачевскому были нужны сторонники, занимающие ключевые посты в армии. Кстати, 2 октября 1920 года приказом РВСР устанавливалось, что «для полного и целесообразного использования коммунистов, получивших военное образование, все генштабисты — члены Российской коммунистической партии, окончившие старую или Красную академию, слушатели академии и все состоящие на учете по Генеральному штабу, должны быть назначаемы на должности Генерального штаба и командные, но не военными комиссарами. Члены Коммунистической партии генштабисты, состоящие ныне военными комиссарами, должны быть переведены на должности Генерального штаба и командные»³.

По воспоминаниям будущего Маршала Советского Союза М.В. Захарова, «на завершающем этапе Гражданской войны перед Реввоенсоветом Республики наряду с общими проблемами строительства вооруженных сил в мирный период

¹ См.: Минаков С.Т. Военная элита 20—30-х годов XX века. М., 2006; Войтиков С.С. Красный Генеральный штаб // ВИА. 2009, № 11. С. 51—62.

² Минаков С.Т. За отворотом маршальской шинели. С. 194.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 60. Л. 5.

возник вопрос и об организации центральных органов военного управления. Разработка предложений по этому вопросу возлагалась на Полевой штаб и специально созданную комиссию, возглавляемую бывшим генералом П.С. Балухевым.

21 января 1920 года в представленном Реввоенсовету Республики докладе «Об организации вооруженных сил страны», подписанном главкомом С.С. Каменевым, начальником Полевого штаба П.П. Лебедевым и комиссаром штаба, членом РВСР Д.И. Курским, рекомендовалось за счет Полевого штаба РВСР и Всероссийского главного штаба создать Главное управление Генерального штаба или Большой генеральный штаб — высший оперативный орган вооруженных сил, который должен был заниматься разработкой планов войны и операций, боевой деятельностью вооруженных сил, передавать распоряжения главкома действующим армии и флоту, давать другим управлениям и ведомствам задания, вытекающие из оперативных соображений, а также собирать различные сведения, необходимые для ведения войны. Одновременно предусматривалось иметь Главный штаб в качестве высшего распорядительного органа вооруженных сил по строевой и административной части, ведающего формированием, устройством и обучением войск, а также обслуживающими тыловыми частями и учреждениями армии и флота.

Доложенные Центральному комитету партии и Советскому правительству предложения были вынесены на рассмотрение IX съезда РКП (б), состоявшегося в конце марта — начале апреля 1920 года. Однако эту важную работу пришлось вскоре отложить в связи с интервенцией белопольской армии на Украине и наступлением белогвардейских войск Врангеля. Лишь в конце 1920 года РВСР вернулся к вопросу об организации центрального военного управления».

Комиссия П.С. Балухева «предложила принять следующую схему организации высшего военного управления: сухопутные и морские силы страны объединяются в едином органе — Народном комиссариате Армии и Флота, верховная власть над всеми вооруженными силами принадлежит Всероссийскому центральному исполнительному комитету (ВЦИК); главное руководство всеми вооруженными силами передается Совету государственной обороны, а непосред-

ственное — Народному комиссару Армии и Флота. В составе Наркомата Армии и Флота рекомендовалось образовать Всероссийский генеральный штаб Армии и Флота...»

В середине декабря 1920 года на совещании партийных, советских и военных руководителей по вопросу о реорганизации центрального военного управления, по итогам доклада начальника Полевого штаба РВСР П.П. Лебедева «развернулись острые споры вокруг выдвинутого предложения создать два штаба — генеральный и главный. Большинство голосов было принято решение создать единый центральный орган в системе военного управления Красной Армии — Штаб РККА. Наименование «Генеральный штаб» ему не присваивать, как несвоевременное»¹.

Многие бывшие офицеры, занимавшие более-менее важные должности в Красной Армии, загорались идеей Большого Генерального штаба, которая таила угрозу большевистской власти. Расслабляться органам государственной безопасности явно не следовало.

Глава 2

«Накрыть главарей... и ликвидировать» Штаб Добровольческой армии Московского района: первый крупный успех Особого отдела ВЧК

В.В. Шелохаев — ответственный редактор сборника документов о Всероссийском национальном центре (ВНЦ) — написал обстоятельное предисловие к сборнику, в котором раскрыл историю создания и становления ВНЦ, основные направления его деятельности².

¹ *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. Цит. по: URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/zaharov_mv/01.html. «Созданный в 1921 г., Штаб РККА как орган, объединявший оперативные и административные функции, просуществовал до 1935 г.»

² Всероссийский национальный центр / сост., авт. предисл. Шелохаев В.В. М., 2001.

А.А. Зданович уточнил существующие представления о реальной картине деятельности групп ВНЦ «в Москве и Петрограде и, прежде всего, их руководителей Щепкина и Штейндингера» (поскольку именно они активно боролись против большевиков)¹.

Вместе с тем сборник «Красная книга ВЧК»² и документы, выявленные в Российском государственном военном архиве, позволяют осветить бесславные дела военной организации ВНЦ несколько более подробно.

Создание и становление Всероссийского национального центра

В 1918 году советская власть стояла на пороге краха. Медленно, но верно консолидировались антибольшевистские силы, в частности политические партии. Осуществление полномочий всероссийской власти, выражение российских интересов перед Антантой стало одной из причин создания коалиционной надпартийной структуры — Всероссийского национального центра (ВНЦ)³.

Инициатива создания ВНЦ принадлежала членам ЦК партии кадетов — Н.И. Астрову, В.А. Степанову и Н.Н. Щепкину. В руководящее ядро ВНЦ ими были приглашены видные общественные и политические деятели — Д.Н. Шипов, М.М. Федоров, П.Б. Струве, А.А. Червен-Водали. Судя по показаниям Н.Н. Щепкина, на первом этапе деятельности внутренняя организация ВНЦ выглядела следующим образом: председатель, бюро и пленум. С мая 1919 года обязанности главы ВНЦ стал исполнять Щепкин. До осени 1918 года главной опера-

¹ Зданович А.А. Еще раз о «Национальном центре» // ВИ. 2009. № 9. С. 94—99.

² Красная книга ВЧК / Науч. ред. А.С. Велидов. Т. 1—2. М., 1989.

³ Цветков В.Ж. Специфика формирования и деятельности надпартийных и межпартийных политических объединений и подпольных организаций Белого движения в 1917—1918 гг. URL: <http://www.dk1868.ru/statii/Tstvetkov7.htm>.

тивной базой центра была Москва, затем — Екатеринодар, где создали центральный отдел ВНЦ (председатель М.М. Федоров, заместитель председателя князь П.Д. Долгоруков). С перебазированием Особого совещания при главнокомандующем Добровольческой армией генерале А.И. Деникине в Ростов-на-Дону в августе 1919 года туда же перевели и центральный отдел ВНЦ. Помимо Москвы, Екатеринодара и Ростова-на-Дону, отделения ВНЦ функционировали в Петрограде, Киеве, Одессе, Яссах, Новороссийске, Таганроге, Харькове, Батуми, Тифлисе, Баку, Кисловодске, Симферополе, Мурманске, Архангельске, Уфе, Омске. Масштабы и результативность деятельности отделений ВНЦ были различны. Работа московского и петроградского отделений ВНЦ с осени 1918 года велась в подполье, их члены ежеминутно подвергались угрозе ареста и расстрела. В Екатеринодаре и Ростове-на-Дону деятельность ВНЦ носила открытый и планомерный характер. Деятельность отделений ВНЦ в других регионах остается неисследованной¹.

По оценке члена ВНЦ В.Н. Челищева, «центр не ограничивался посылкой офицеров в ряды Добровольческой армии и оказанием последним материальной поддержки, но хотел и политически оплодотворить ведомую борьбу, сформулировать цели борьбы и сконструировать общие положения, которыми должна руководствоваться борющаяся против большевиков власть, организовать себя и жизнь в освобожденных от большевиков местностях». Центр многими признавался в качестве основы будущего «национального правительства», которое должно было состояться не из приверженцев той или иной политической идеологии, не на партийной основе, а на основе защиты общих «национальных интересов». Центр создавался на основе персонального представительства. В отношении верховной власти, предвидя возможность режима единоличной диктатуры, Московский ВНЦ заявил о необходимости «передачи Верховной власти и военного руководства генералу [М.В.] Алексееву, как лицу, наи-

¹ Шелохаев В.В. Указ. соч.

более авторитетному во всех слоях населения». Московские представители Антанты также признали кандидатуру генерала «наиболее желательной». Предполагалось, что ВНЦ сначала «передаст Алексееву Верховное командование вооруженными силами, а затем, как это только будет технически возможно, облечет его при торжественной обстановке диктаторскими полномочиями». ВНЦ активно налаживал контакты с дипломатическими представительствами Антанты (до их отъезда из Москвы в Вологду), особенно с послом Франции Нулансом и консулом Гренаром. Нуланс оказывал реальную финансовую поддержку подполью¹.

Всероссийский национальный центр объединил представителей либерально-демократических и либерально-консервативных партий, а также представителей различных внепартийных общественных групп. Руководящие ядро московского ВНЦ первого состава разработало и приняло программу, включающую следующие пункты: «борьба с Германией, борьба с большевизмом, восстановление единой и неделимой России, верность союзникам, поддержка Добровольческой армии как основной русской силы для восстановления России, образование Всероссийского правительства в тесной связи с Добровольческой армией и творческая работа для создания новой России, России после февральского переворота, форму правления которой может установить сам русский народ через свободно избранное им народное собрание».

Для детального согласования программных и особенно тактических вопросов в апреле 1919 года избрали специальную контактную комиссию в составе Н.Н. Щепкина, О.П. Герасимова, С.П. Мельгунова, князя С.Е. Трубецкого, Д.М. Щепкина и С.М. Леонтьева. Заседания этой комиссии («шестерки», получившей с легкой руки чекиста Якова Агранова яркое название *Тактический центр* — ТЦ) проходили нелегально на квартирах С.П. Мельгунова, С.М. Леонтьева и А.Л. Толстой².

¹ *Цветков В.Ж.* Специфика формирования и деятельности надпартийных и межпартийных политических объединений...

² *Шелохаев В.В.* Указ. соч.

**Как «Иван Иванович» (член ВНЦ Николай Щепкин)
встречался с «Павлом Павловичем»
(английским резидентом Полем Дюксом)**

Исследователь А.А. Зданович установил связь «английской разведки с некоторыми членами» ВНЦ в Москве и Петрограде посредством резидента английской разведки Поля Дюкса. Приехавший летом 1919 года в Россию резидент, в числе прочего, поставил перед ВНЦ вопрос «об отношении русских общественных кругов, находящихся в Москве, к самостоятельности Финляндии» — ВНЦ, обсудив вопрос, высказался против автономии¹.

В августе Дюкс встретился посредством шпионки английской спецслужбы — Secret intelligence service в Петрограде эсерки Н.И. Перовской — с руководителем Московской организации ВНЦ Н.Н. Щепкиным². Об организации встречи член ВНЦ Сергей Леонтьев 13 февраля 1920 года дал следующие показания: из Петрограда к нему приехала Н.И. Перовская — «некая Мария Ивановна, которая должна была через меня познакомить некоего Павла Павловича (Поль Дюкс. — С.В.) с каким-либо видным московским городским общественным деятелем». В беседе с «Павлом Павловичем», который назвал себя человеком, «официально уполномоченным вести переговоры от имени Англии», Щепкин просил Леонтьева передать Перовской свое согласие на переговоры, оговорив: он хочет быть представлен Дюксом как «Иван Иванович»³.

По показаниям Н.Н. Виноградского, «Мария Ивановна (Н.И. Перовская. — С.В.) привела к Леонтьеву англичанина «Павла» (так окрестил английского шпиона Виноградский), главу английской контрразведки в России, жившего в Петрограде и приехавшего в Москву, чтобы завязать связь с местными политическими организациями. Поль Дюкс был агентом Черчилля и связан был непосредственно с Юденичем.

¹ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 341.

² Зданович А.А. Еще раз о «Национальном центре». С. 97.

³ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 346.

Свиданию его с Леонтьевым предшествовало совещание его с Трубецким, не является ли Поль Дюкс провокатором. Решили на встречу идти: если это провокация, то они уже провалились вслед за Перовской. В разговоре с Леонтьевым Поль Дюкс более всего интересовался отношением московских организаций к военной интервенции англичан и оккупации части России; ему было указано на желательность обеспечения безопасности его тыла по мере продвижения к Москве, с тем чтобы непосредственное занятие местностей и Москвы было произведено войсками Деникина¹.

Перовская и Дюкс зашли на службу к Леонтьеву. Дюкс задал вопросы «о том, какие в России существуют политические организации, об их взаимоотношениях, какие они группируют вокруг себя силы, каково отношение к этим организациям широких масс населения, насколько эти организации могут опираться на массы и пользоваться их сочувствием». Леонтьев ответил, что, по его сведениям, легально существующих организаций в Советской России нет». Дюкс (не понятно зачем) рассказал Леонтьеву о существовании организации в Петрограде, которая «находится в непосредственной связи с Англией». Леонтьев, на просьбу Дюкса охарактеризовать ту общественную среду в Советской России, которая ему известна, осветил «положение кооперации» (фактически — это экономический шпионаж), причем Дюкса «поразило, что частью русская кооперация работает в контакте с властью, являясь ее контрагентом по выполнению целого ряда государственных заготовок (продовольствие, семена, поставки на армию)». От ответа на вопрос шпиона о существовании аналогичных организаций в Москве Леонтьев уклонился, сославшись на то, что сам он не москвич, и выразил уверенность: «Его, Павла Павловича, гораздо лучше информирует о существовании в Москве политических организаций то лицо, с которым он увидится». Это лицо, как мы уже выяснили — Н.Н. Щепкин, или «Иван Иванович»².

¹ Там же. С. 339—340.

² Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 346—347.

Свидание с «Павла Павловича» с «Иваном Ивановичем» произошло, по свидетельству С.М. Леонтьева, «за 4 дня до ареста Щепкина», т.е. 25 августа 1919 года¹. По данным А.А. Здановича, переговоры Щепкина с Дюксом велись о «московских планах в случае переворота», причем резидент Антанты был «вполне удовлетворен состоявшейся беседой»². Подробности беседы удастся восстановить по обрывочным показаниям лиц, не имевших к переговорам никакого отношения. С.Е. Трубецкой показал на допросе: «Однажды Щепкин и Леонтьев рассказывали нам со Ступиным, что они через какую-то «мисс», прибывшую из Петрограда, познакомились с английским агентом «Павлом Павловичем» и что через эту «мисс» можно сноситься с Юденичем, каковую связь П.П. и прибыл установить»³; «Н.Н. Щепкин, рассказывая мне и другим членам НЦ о своем свидании с «Павлом Павловичем», говорил, что [тот] предлагал НЦ денежную субсидию от английского правительства (указанной... [чекистами] цифры — 500 тыс. руб. в месяц — он мне не называл или я ее забыл). Щепкин спрашивал меня, как и другие члены НЦ, как мы на это смотрим. Я высказался за принятие денег, но о формальных постановлениях по тому поводу ничего не знаю, /их, по-моему, и не было. Денег никаких мы не получили»⁴.

С.М. Леонтьев во время третьей своей встречи с Н.И. Перовской (на второй договаривались о встрече Поля Дюкса с Николаем Щепкиным) узнал, что «свидание Павла Павловича с Иваном Ивановичем состоялось». По словам Леонтьева, «так как я очень интересовался тем, чтобы высказанная мною характеристика положения кооперации стала достоянием заграничных общественных кругов, я просил Марию Ивановну сообщить мне об отъезде Павла Павловича за границу. Причем она настаивала на условном тексте телеграммы. Через неделю я получил телеграмму, адресованную в Плодовощ (место работы С.М. Леонтьева. — С.В.). В телеграмме было указано, что Павел Павлович уехал... Никаких писем

¹ Там же. С. 346.

² Зданович А.А. Еще раз о «Национальном центре». С. 97.

³ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 380.

⁴ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 382.

Марии Ивановне я не передавал и не пересылал, тем более для отправки за границу»¹. Здесь, вероятно, Сергей Леонтьев искажает факты: *после отъезда Поля Дюкса из России* (а не до, как показал на допросе Леонтьев) — свидетельствовал член ВНЦ Николай Виноградский, — Перовская «явилась опять в Москву, виделась с Леонтьевым, внушила ему еще меньше доверия, чем летом, и указала, что она является главой английской контрразведки, так как заместитель Поля Дюкса не приехал, имеет неограниченные полномочия от английского правительства, обладает денежными средствами. Говорила, что даст миллион рублей денег, денег не присылала, на чем все переговоры с ней были прерваны»².

Военная «организация»?

История «Штаба Добровольческой армии Московского района», или военной организации ВНЦ (далее ВО), как это ни парадоксально, рассмотрена лишь в крайне ограниченной по объему статье А.А. Здановича. Вместе с тем для выявления возможностей организации разведывательно-диверсионного обеспечения наступательных операций Белых она заслуживает более подробного анализа.

Был обнаружен протокол допроса первого главы ВО Владимира Ивановича Соколова (бывшего начальника 14-й пехотной дивизии) 16 марта 1919 года, проведенный председателем Особого отдела ВЧК М.С. Кедровым. Документ крайне любопытный: Соколов всячески уклонялся от какой-либо конкретики, а Кедров, не будучи специалистом, даже не задавал по ходу «беседы» уточняющих вопросов.

Цели военной организации ВНЦ на разных этапах ее существования ставились разные. В.И. Соколов показал на следствии в марте 1919 года, что первоначальной задачей ВО было «создание надежных офицерских кадров для будущей постоянной армии, необходимой для борьбы с захватническими

¹ Там же. С. 347.

² Там же. С. 340.

претензиями внешних врагов, каковыми по времени основания организации являлись немцы в лице германских и австро-венгерских армий»¹. Вероятно, это соответствовало действительности: будущий глава ВО Н.Н. Стогов весной 1918 года выступал активным сторонником строительства «подлинно народной армии», направленной против внешнего врага, которым в этот период была Германская империя.

Однако член ВНЦ Н.С. Найденов показал на следствии, что в июле или августе 1918 года Владимир Иванович предложил ему «вступить в организацию, которая поставила бы... целью охраны порядка в случае ухода власти Советской или переворота»². Очевидно, об этом осторожный генерал предпочел умолчать.

В.В. Ступин, вступивший в организацию в октябре или декабре 1918 года, дает весьма противоречивые показания. При этом на третьем допросе он представляет все именно так, как и В.И. Соколов: «при вступлении мне было объявлено, что организация не преследует самостоятельных боевых действий, а имеет задачей: 1) сплочение имеющегося в Москве офицерства как кадр лиц, могущих организовать охрану порядка. Из перечисленных заданий видно, что вся работа пока сводилась к набору личного состава»³. Цель ВО на данном этапе формулируется следующим образом: не делая «преждевременных изолированных выступлений», ждать удобного момента, когда можно будет согласовать их «с общим настроением населения и возможность в случае успеха в Москве возможно скорее соединиться с приближающимися к Москве частями Добровольческой армии — в зависимости от того, кто будет ближе к Москве»⁴.

Член ВО офицер А.Е. Флейшер, вступивший в организацию по приглашению В.И. Соколова осенью 1918 года на должность командира бригады, свидетельствовал: «Соколова я видел всего 2 раза. Никаких особых указаний не получал. Для связи с Соколовым мне служил сначала Найденов.

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 350.

² Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 471.

³ Там же. С. 180.

⁴ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 172.

Особых собраний и совещаний не было. Собирались иногда у меня следующие лица: Ступин, Тихомиров, Найденов, Талыпин, Филипьев Георгий Александрович (гусарский офицер), Зверев впоследствии (в конце июля); были лица, коих я не знал. Кто они — узнал я в камере. Миллер Иван Иванович (Н.Н. Щепкин. — С.В.), Алферов Дмитрий Яковлевич (я его, собственно, не видел)»¹.

Положение изменилось в марте 1919 года: Соколова арестовали, в связи с чем военный комиссар Полевого штаба и куратор военной контрразведки от РВС Республики Семен Аралов докладывал Льву Троцкому — «раскрыта большая белогвардейская организация в Москве и провинции, во главе которой стоял бывший генерал-лейтенант Соколов и штабс-капитан Устинов. Соколов был начальником штаба всех белогвардейских организаций. Оба сознались»².

На посту главы военной организации ВНЦ Соколова сменил бывший генерал Н.Н. Стогов, занимавший в это время пост ни больше, ни меньше начальника Всероссийского главного штаба. Реакция Николая Николаевича Стогова на революцию (даже не Октябрьскую, а Февральскую) описана в воспоминаниях меньшевика Виктора Шкловского, имевшего непродолжительное знакомство с генералом в штабе 16-го корпуса. По словам Шкловского, «растерянный» генерал «уже ничего не понимал. «Какие-то большевики, меньшевики, — жаловался он мне, — я же вас всех привык считать, простите меня, изменниками». ...Ему было очень тяжело. Корпус его целиком состоял из третьеочередных дивизий, из всяких 600-х и 700-х номеров, сведенных из нескольких полков при переформировании, когда полки переходили от 4-батальонного состава к 3-батальонному. Эти наспех составленные части без традиций, с враждующими между собою группами командного состава, конечно, были очень плохи. Генерал же Стогов любил «свои войска», и ему просто обидно было, что его солдаты так плохо дерутся. Влияния на солдат он не имел, хотя его знали и ценили»³.

¹ Там же. С. 383.

² РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 145. Л.72.

³ Шкловский В.В. Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 52.

Удивительно, что Троцкий и его окружение, прекрасно знавшее политическую «физиономию» генерала, никак не реагировали на, скажем, такие сообщения: 15 февраля 1919 года секретарь Склянского Иван Медянцев рапортовал своему шефу — «В настоящее время в моем ведении имеются шифры: 1) «военный» — напечатан в типографии Всероссийского главного штаба, разослан по центральным учреждениям военного ведомства, в штабы фронтов и армий, в действии с 20 января с[его] г[ода]; 2) составленный мною, известен мне и т. Шляпникову и 3) составленный мною, известен мне, моему помощнику т. Вельмеру и секретарю т. Троцкого. Довольно широкий круг лиц, знакомых с шифрами, составленными во Всероглавштабе, представляет слабую гарантию тайны, кроме того, неумелое пользование шифром ведет к быстрому нахождению ключа. Так, например, мною дешифрована для тов. Ленина телеграмма, зашифрованная ключом ВЧК, которого у меня не было, и дешифровано перехваченное радио, содержавшее разговор Киева с Одессой. Радио было зашифровано последовательно семью ключами и все же три из них были мною прочтены. В обоих случаях при шифровке не были соблюдены правила пользования шифрами. Вследствие этого, а также в целях наиболее полного сохранения тайны, мною и были составлены упомянутые шифры. Таким образом, исключительной важности депеши т. Ленина, посылаемые т. Троцкому, не доступны для прочтения их при передаче моим шифром. Но т. Ленин посылает весьма важные депеши товарищам, командированным на тот или другой фронт с полномочиями из центра. В этом случае мне приходится шифровать общим ключом, действующим в данный момент по военному ведомству (шифр меняется через 2—3 месяца). Такой порядок для депеш, имеющих кроме военного и политическое значение, дает минимальную уверенность в сохранении тайны и потому мало пригоден и совершенно не допустим для особо важных депеш...»¹. Таким образом, пере-

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 72. Л. 41—41 об. И.Ф. Медянцев добился введения в штат Секретариата при Управлении делами РВС Республики помощника по зашифрованной корреспонденции и составлению ключей особых шифров, которые курьерами доставлялись в Реввоенсоветы фронтов «това-

писка Ленина и Троцкого, а также часть телеграмм ВЧК были известны, по крайней мере, белогвардейскому подполью.

В.В. Ступин осторожно заявил на следствии, что Н.Н. Стогов в связи с наступлением Колчака решил разработать план на случай «активного наступления». Правда, последнее «считалось возможным лишь как вхождение в начатое другими (рабочими или другой организацией) восстание»¹. По словам С.П. Трубецкого, «практически Стогов предложил одну задачу: подыскать гражданских помощников военным начальникам участков, на которые должна быть разбита Москва. Щепкин обещал подумать и, может быть, найти одного-двух. Мы сказали, что никого найти не сможем»².

Н.Н. Стогова арестовали в конце апреля или начале мая 1919 года, и это поставило В.В. Ступина перед необходимостью «решать вопрос о судьбе организации»³. Положение осложнилось с арестом заместителя Стогова — начальника Оперативного управления Всероссийского главного штаба С.А. Кузнецова. В.В. Ступин «отказался от бывших громких названий: «корпуса», «дивизии»» и перешел к более простой схеме заговорщической организации.

Ступин приступил к разработке нового плана организации. Основной мыслью этого плана было «начать [вооруженное выступление] одновременно в двух, по возможности диаметрально расположенных, районах» — Лефортовском и Бутырском, так как в них были расположены броневики, которые ударные группы должны были захватить в первую очередь. Далее предполагалось поднять на восстание стоявшие вблизи воинские части и, «в зависимости от притока пополнений, образовать атакующие колонны, которые немедленно направить в атаку в направлении на центр Москвы (район Кремля)». Примерно такой же план был у Ганнибала Барки, когда в своем легендарном походе он рассчитывал на присоединение италиков. С одной оговоркой — у Ганнибала

рицам, с которыми необходима совершенно секретная связь». Помощником 16 февраля назначили т. Скабарда.

¹ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 181.

² Там же. С. 379.

³ Там же. С. 181.

были в распоряжении время, стратегический план и хорошо обученная, сильная армия. У Ступина не было ни того, ни другого. Как он собирался «поднимать» части — совершенно не понятно.

Намечались следующие пункты выступлений: «у Миллера — в районе Николаевского вокзала, если группа 35-го полка будет достаточно сильна, в Лефортове и в Новогирееве (Высшая стрелковая школа), из Новогиреева восставшие должны были идти к Москве для захвата Рогожско-Симоновского участка; у Талыпина пока получился лишь один пункт — гараж формирования, где стояли броневики; Филиппеву было передано, чтобы он изучал Александровский (Белорусский) вокзал, но пункт выступления еще не был указан», предстояло обдумать, как можно захватить артиллерию на Ходынке¹.

С.М. Леонтьев показал на допросе, что, по сведениям военной комиссии «Тактического центра», после ареста генерала С.А. Кузнецова «военная организация никем достаточно авторитетным не возглавлялась», причем утверждал, что ни в комиссии, ни в самом «Тактическом центре» до самого последнего времени их существования не было принято решение о своевременности военного выступления, не намечался даже и срок его...»².

Основопологающие принципы формирования ВО: «1) организация должна быть исключительно офицерская; 2) офицеры группируются по родам оружия, по сокращенным штатам строевых частей согласно изложенному ниже; 3) подбор в организации идет сверху вниз, т.е. от начальников к подчиненным, вследствие чего подчиненным должны быть известны только их ближайшие начальники и наоборот, высшим начальникам не известны члены организации, не подчиненные им непосредственно».

Мотивы вступления в организацию были самые разные. Член военной организации ВНЦ А.Е. Флейшер разбил их на 5 разрядов:

1. Убежденные противники Советской власти, в основном правых монархических партий и убеждений. Тактическая ус-

¹ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 185.

² Там же. С. 361.

тановка: «Долой большевиков», а затем «разберемся». Цель — «сильная, единая, неделимая Россия. Россия для русских и личное свое эти лица приносили идее (пример — Ступин).

2. Лица, связывающие со свержением большевистской власти «свои личные выгоды», т.е. «хотя бы отчасти возвращение к старому, а следовательно, возвращение своих имуществ, имений, домов, капиталов, чинов, званий, общественного положения и т.д.». Наиболее непримиримые враги Советской власти, «они старались действовать издали — вне линии огня, внося, и то скупое, свои капиталы, сочувствовали из-за угла несчастью погибших, но сами гибнуть и рискровать не желали...; они были очень осторожны, а если бывали открыты когда-либо, то только благодаря какой-либо случайности. Так, например, братья А.Н. и Н.Н. Сучковы — они были даже коммунистами»;

3. Обиженные и оскорбленные Советской властью лица, которые ждали возможности расплаты (немногочисленная прослойка). Большинство хотело отомстить, «не связывая личности с правительством»;

4. «Лица, страхующие себя на случай переворота или прихода кого-то, кто погонит Советы (шкурники). Они вступали в организацию, получали деньги, ничего не делали в организации (на всякий случай, саботируя и на советской службе) или для того, чтобы потом сказать: «И я был в организации, меня не надо вешать, а следует наградить»; таких было много, типичный пример я укажу — тов. Е.Я. Свищерский¹. Арестованный Н. Лейе охарактеризовал этот «тип» в своих показаниях более подробно: «Мое активное участие в организации объяснялось нервностью вследствие сведений и слухов о поголовном расстреле Деникиным командного состава Красной Армии, в особенности лиц, принимавших активное участие в работе в пользу Советской власти и Октябрьской революции, а я был караульный начальник в Государственном банке в октябре 1917 года в Москве. Причем мною были обезоружены 50 юнкеров, охранявших... банк... По приказу Берзина 9—10 ноября 1917 года занял караулы Кремля. Солдаты ста-

¹ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 397.

ли грабить винные склады, я с разрешения Берзина разбил все вино и вылил»¹.

5. «Лица (пролетарии, как вы и я [их] называли), кои при всех обстоятельствах и при всяком правительстве бились из-за куска хлеба, всегда нуждались в деньгах, рискующие головой, чтобы как-нибудь прокормить семью и себя до... более светлых дней. Эти лица (хотя идеи организации были далеки им) шли... из-за денег и часто и честно служа, т.е. исполняя свои обязательства по отношению к Советской власти по службе, состояли в контрреволюционных организациях»². Таким, например, был В. Жуков, униженно просящий пощады на допросе: участие было вызвано тяжелым материальным положением семьи, «а получаемые от организации деньги были лишь средством поддерживать жизнь, получаемый же заработок был совершенно недостаточен; политические убеждения не играли никакой роль. Своей добросовестной работой на советской службе в ГВИУ (Главном военно-инженерном управлении. — С.В.) и желвойсках подтверждаю, что я честно относился к долгу... Работал по организации войск вместе» с исполняющим должность наркома по военным делам Николаем Подвойским, «заслужил его благодарность за исполнение поручений серьезного характера, как-[то] самостоятельное образование губернского военного комиссариата г. Сызрани»³. Осенью 1918 года, когда создавалась контрреволюционная организация ГЛ. Соколова, имевшая целью составить «реальную силу для погромов, грабежей, быть защитой бывшим офицерам и обществу, при этом платили:

Должность	На советской службе (руб.)	В контрреволюционных организациях (руб.)	Всего (руб.)
Командир бригады артиллерии	700	800	1500
Помощник его	600	500	1100
Командир батареи	550	400	950
Офицер	450	300	750
Начальник связи	550	400	950

¹ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 431.

² Там же. С. 398.

³ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 439.

В то же время галопирующая инфляция «сожрала» выгоды от участия в организациях: к осени 1919 года жалование на советской службе увеличили в 5—7 раз «при казенном пайке», а в контрреволюционных организациях все осталось без изменений. Но вступить в организацию было легко, выйти из нее — «очень трудно», и все же «несмотря ни на что, многие члены... всеми силами старались выйти из нее, тем более что большинство было против активного выступления»¹.

Установить численность военной организации ВНЦ крайне трудно.

При Соколове, из данных, которыми якобы располагал В.В. Ступин, «видна была малочисленность группы (не более 60—70 человек), причем эта малочисленность имела тенденцию скорее еще уменьшаться, чем увеличиваться»². При этом «весь кадр 2-й дивизии» насчитывал «около 20 человек»³. Ступину очень сложно поверить, особенно принимая во внимание тот факт, что организация при Соколове строилась по типу «Нечаевской», т.е. пятерками (показания В.И. Соколова), а потому Ступин мог и не знать ее численности. Сам Соколов признался в марте 1919 года, что даже после призыва ряда офицеров на фронт «в Московской группе вряд ли осталось более 70-ти человек». Следовательно, до мобилизации офицеров было значительно больше.

По словам В.В. Ступина, в августе-сентябре 1919 года дважды «приказывалось тщательно перебрать состав ударных групп, чтобы освободиться от дутых цифр. Последнее в этом отношении предупреждение еще не вполне было проведено в жизнь» к моменту ликвидации ВНЦ чекистами. По предположению Ступина, «в обоих секторах было бы в каждом управлении ударников и сочувствующих примерно от 150 до 200 человек»⁴.

Предположение, что численность членов ВНЦ существенно превышала указанные Соколовым и Ступиным цифры, и вовсе не может быть проверена: «в погоне за средствами

¹ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 398.

² Там же. С. 181.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же. С. 184.

члены организации часто прибегали к некрасивым поступкам. Так, например, при требовании денег показывали состоявшими на учете 60—70 человек, а фактически их было человек 15—20» (показания А.Е. Флейшера)¹.

У Миллера изъяли таблицу с численностью войск². В любом случае, представляется достоверными сведения С.М. Лентьева: «численный состав организации» характеризовался как «очень незначительный»³.

Финансирование военной организации ВНЦ строилось следующим образом. В.И. Соколов показал на допросе, что доходы «черпались из местных источников путем сбора от сочувствующих целям кружка». Если добровольные взносы и имели место, то явно они были не единственным источником средств: вплоть до весны 1919 года деньги поступали от шведского посольства, за которым, вероятно, стояла, как в Первую мировую войну, германская разведка. Весной И.Н. Тихомиров заявил: «в деньгах будет задержка, так как шведский консул заболел (т.е. на... условном языке — арестован), и деньги вовремя выданы быть не могут, пока связь снова не наладится. Связь наладилась месяца через полтора, и деньги выдавались аккуратно вплоть до августа» 1919 года⁴, т.е. до конца военной организации ВНЦ.

Расходы велись по двум статьям: 1) выдача пособий (раз в 2 недели); 2) расходы на организационную работу (показания В.В. Ступина)⁵.

Если верить В.В. Ступину, прямой связи с Деникиным у него не было, вся связь велась через Н.Н. Щепкина, тем более что «при существующем способе связи такие приказания были бы нецелесообразны, ибо получались бы всегда несвоевременно»⁶. Причем вообще о том, что «военная организация состояла при определенном политическом центре, было из-

¹ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 398.

² Там же. С. 188.

³ Там же. С. 359.

⁴ Там же. С. 407.

⁵ Там же. С. 188.

⁶ Там же. С. 188.

вестно только ограниченному числу лиц высшего управления», равно как и о связи с Деникиным через Н.Н. Щепкина¹.

Сергей Леонтьев писал о попытке военной комиссии «Тактического центра» выяснить вопрос, «представляет ли существующая организация (Штаб Добровольческой армии Московского района. — С.В.) нечто самостоятельное, рассчитанное по своему замыслу на какое-нибудь действие по собственному почину или нет. Категорически было установлено, что организация имеет исключительно подсобное значение для русских военных сил, действующих извне.. Н.Н. Щепкин, докладывая изложенные сведения, определенно указал со ссылкой на авторитет генерала Стогова, что о каком-либо самостоятельном выступлении в Москве речи абсолютно быть не может. Организация могла бы сослужить службу только в том случае, если бы какая-нибудь регулярная армия, разбив Красную Армию, подошла бы к Москве и здесь под влиянием этого... началось бы какое-нибудь массовое движение среди населения, красноармейских частей, рабочих. Только при подобной общей конъюнктуре руководители организации и допускали возможность ее роли как небольшой, но организованной силы среди наступившего хаоса»².

Н. Сучков показал на следствии, что в середине августа 1919 года В.А. Миллер предупредил — 26 или 27 августа будет выступление Штаба Добровольческой армии Московского района. Сучков в ответ заявил, «что это — провокация, и через несколько дней Миллер приехал и сказал, что выступление отменено»³.

Шпионажем Штаб Добровольческой армии Московского района занимался весьма успешно: по свидетельству А.Е. Флейшера, «большинство сведений о продвижении войск, о положении на фронтах, сосредоточении резервов и т.п. организация получала из ЦУПВОСО; «о снабжении армии, числе снарядов, оружия, снаряжения, обмундирования» — из Центрального управления по снабжению армии, от бывшего генерала от артиллерии и организатора контрреволю-

¹ Там же. С. 192.

² Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 358—359.

³ Там же. С. 504.

ционного саботажа в Военном министерстве А.А. Маниковского, члена Военно-законодательного совещания при РВСР бывшего генерала Н.А. Бабикова¹. Члены военной организации ВНЦ занимали должности также в Оперативном и Организационном управлениях Всероссийского главного штаба, отделе по управлению всеми автоброневыми силами Главного военно-интендантского управления.

Диверсионную деятельность в тылу Красной Армии военной организации ВНЦ наладить не удалось, согласно показаниям одного из ее создателей (В.А. Миллера, сформировавшего, между прочим, 1-ю Московскую советскую школу полковой артиллерии и боевых технических приспособлений²). Штаб Добровольческой армии Московского района дал ему задание устроить взрыв на железной дороге Пенза — Рузаевка — Саратов — Сызрань, для чего Миллеру предложили найти «двух подходящих людей». Людей Миллер нашел... только на участие в диверсии они так и не решились: сказалось вроде бы недоверие к самой организации и ее руководству³. Надо полагать, что случай не был единичным. По выражению С.Е. Трубецкого, «все сетовали на недостаток информации и ждали чего-то»⁴. Дождались активизации действий ВЧК и ее Особого отдела.

Ликвидация

Деятельность ВНЦ достаточно быстро попала в поле зрения советских органов государственной безопасности — не исключено, это сказалось и то обстоятельство, что на территориях, подконтрольных белыми, ВНЦ существовал открыто.

Еще в феврале 1919 года арестовали руководителя военной организации ВНЦ В.И. Соколова. Владимир Иванович умудрился «запудрить мозги» председателю Особого отдела ВЧК М.С. Кедрову, который, «допросив» Соколова 16 марта,

¹ Там же. С. 403.

² Там же. С. 453.

³ Там же. С. 448.

⁴ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 378.

даже не задал ни одного уточняющего вопроса. Поражает воображение и режим содержания подследственных в Бутырке: Н.М. Мартынов вспоминал впоследствии: «Арестованный вторично 20 февраля [1919 г.], я сидел в общих камерах и на пасху во время крестного хода по тюрьме увидел Соколова и спросил его, за что он арестован и что ему инкриминируется, но он так боялся со мной говорить (чекисты явно не топились добыть необходимые сведения у арестованного, и В.И. Соколов этим пользовался. — С.В.), что я не мог ничего от него узнать. Но тут же я узнал от кого-то из старых заключенных, что в одиночке сидит [Н.А.] Огородников, и решил его повидать. Через некоторое время я пошел в библиотеку одиночки менять книги, и там мне вызвали Огородникова, который сказал, что произошла выдача организации и в одиночке сидят Левицкий, Селивачев, Стогов, Иванов и многие другие (т.е. попалась часть «генералитета»). Тогда я попросился у заведующего о переводе меня из общих камер в одиночку, что и было сделано. Во время общих прогулок Соколов мне сказал: после ареста ему представили список арестованных генералов и доказательства их принадлежности к военной организации ВНЦ — отпираться было бесполезно. У чекистов, правда, не было доказательств причастности к Штабу Добровольческой армии Московского района Н.А. Огородникова, сидевшего, впрочем, в «строгой» одиночной камере¹ — т.е. без права на переговоры с товарищами по заключению.

16 марта 1919 года Дзержинский поручил ответственному работнику Особого отдела ВЧК А.Х. Артузову вместе с заведующим Особым отделом при МЧК Т.П. Самсоновым и другим подготовить «материал о гуляющих на свободе кадетов, соприкосновенных с Нац[иональным] и Тактич[еским] центрами, бывших помещиках, черносотенцах и другой дряни для ликвидации». 16 марта Дзержинский поручил сотруднику ОО ВЛ. Герсону запросить Артузова, когда будут подготовлены материалы для доклада ему...²

¹ Там же. С. 414—415.

² Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 112.

Несмотря на указание Дзержинского, активные действия ВЧК по ликвидации военной организации ВНЦ пока не последовали. Либо Кедров и его подчиненные обнаружили чудеса непрофессионализма, либо, напротив, зная, кого поддерживает «внешняя контрреволюция», дальновидно решили: лучше иметь карманных врагов, чем неизвестных пособников белых. Так или иначе, решающую роль в ликвидации военной организации сыграл случай¹.

27 июля 1919 года начальник 1-го района советской милиции в селе Возрушеве, Слободского уезда, Вятской губернии, И.А. Бржеско, проверяя проезжающих через село, задержал неизвестного, назвавшегося Николаем Карасенко (проездных документов у гражданина не было). При обыске у гражданина обнаружили свыше 985 820 рублей 20- и 40-рублевыми керенками и два револьвера. Милиция отправила Карасенко в Слободскую уездную ЧК, где его в тот же день допросили. Карасенко показал, что вез деньги в Москву по поручению киевского купца Гершмана. Уездная ЧК 1 августа сдала деньги в местное казначейство; револьверы, естественно, конфисковала, а самого Карасенко отправила в Вятскую губернскую ЧК. 5 августа Карасенко на допросе в Вятке заявил, что он на самом деле Николай Павлович Крашенников, сын орловского помещика, дезертировавший с фронта 24 ноября 1917 года и уехавший на Дальний Восток в расчете на вступление в войска США. Эмигрировать в Америку Крашенникову не удалось, а после переворота в Сибири летом 1918 года его призвали в 1-й Бирский полк полковника Орлова. В мае 1919 года переведен в разведывательное отделение Ставки адмирала Колчака и в начале июля получил распоряжение отвезти миллион рублей в Москву и сдать их там лицу, которое встретит его на Николаевском вокзале, назовет сумму денег и часть, откуда он послан. После этого показания Вятская ГЧК, «признав, что дело Крашенникова имеет весьма важный характер, связанный с контрреволюционным заговором во всероссийском масштабе, и может быть

¹ В основе рассказа о ликвидации ВНЦ: Доклад Л.Б. Каменева Комитету обороны г. Москвы о военном заговоре // Известия ВЦИК Советов. 1919. 9 окт. № 225 (777); 12 окт. № 228 (780). Цит. по: Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 7—18.

выяснено лишь Всеросс[ийской] чрез[вычайной] ком[иссией]», 8 августа постановило дело и арестованного препроводить в ВЧК. Крашенников передал на волю 2 записки, которые не дошли до адресатов, но оказались в руках караула, а затем следователей ВЧК. Первая записка (20 августа): «Я, спутник Василия Васильевича, арестован и нахожусь здесь, прошу подательнице сего выдать 10 000; все благополучно». Вторая (28 августа): «Прошу В.В. М[ишина] или, если нет его, то кого-либо заготовить несколько документов для 35-ти — 40-летнего, 25-ти — 30-летнего и 22-х — 25-летнего и передать их по требованию предъявительнице сего, кто знает условный знак В.В.М. для меня прошу обязательно к 30 августа достать 1 гр[амм] цианистого калия или какого-либо другого сильно действующего яда, необходимого в интересах дела. Прошу также сообщить к 30 августа, арестован ли Н.Н. Щ[епкин] и другие, кого я знаю, можно их вызывать (?) или нет, также прошу сообщить общее положение. Н. Крашенников». 31 августа Крашенникову предъявили его записки на допросе. Отпираться смысла не было, и он показал: «Из Ставки Колчака с деньгами для московской организации я вышел 13 июня 1919 года. Границу в районе Кая, Пермской губ[ернии], я перешел 29 июля по маршруту Кай — Дидаево — Юго-Восток, лесами на реку Вятку — город Слободской — Москва... По заданию Ставки Колчака деньги... я должен был передать Н.Н. Щепкину по адресу — угол Трубного и Налимовского переулков, причем мне дали на всякий случай адрес Алферовых, содержателя и директора гимназии. Одновременно со мною до реки Вятки шел Василий Васильевич Мишин с другим миллионом для московской организации. Начиная с реки Вятки, я дальше ехал уже один. Василий Васильевич пошел другим путем. Встреча, как обязательная, с Василием Васильевичем после расхождения от реки Вятки, в дальнейшем не предполагалась. Я обязан был выполнить данное мне Ставкой задание, т.е. вручить Николаю Николаевичу Щепкину один миллион, получить от него то, что он передаст и возвратиться в Омск». Затем Крашенников признался, что от Колчака, в распоряжение ВНЦ, в Москву направлено 25 миллионов рублей, причем часть направлялась в Петроград через некоего «Вика», кото-

рый, по словам Крашенникова, связан с заграничной группой Бориса Викторовича Савинкова. Крашенников же показал, что Национальный центр является в Москве организацией центральной, признанной и широко субсидируемой как Колчаком, так и Антантой. Крашенников, дескать, слышал, что ВНЦ имеет также военную организацию, но якобы не знал подробностей. В действительности, Крашенников был также членом английской шпионской организации «ОК»¹ и потому точно «слышал» о военной организации.

Так как записки Н.П. Крашенникова адресовались Щепкину и супругам Алферовым, ВЧК в ночь на 29 августа арестовала указанных лиц. Документы, изъятые у Щепкина, подтвердили, что он возглавлял ВНЦ.

К моменту ареста Щепкина и обнаружения у него документов, характеризующих ВНЦ как разведывательно-подрывную организацию, ВЧК обладала и иной информацией о Центре. В начале июня 1919 года при переходе границы в Лужском направлении убили офицера Александра Никитенко. При обыске Никитенко у него в мундштуке папиросы обнаружили записку на имя генерала Родзянко и подписанную — «Вик». Записка содержала пароли, описание условных знаков, по которым войска Родзянки «при продвижении войск к Петрограду могли бы узнавать наших друзей» (т.е. друзей «Вика»).

Спустя некоторое время при попытке перейти финляндскую границу в районе Белоострова арестовали А.А. Самойлова и П.А. Борового-Федотова — начальника и агента Сестрорецкого разведпункта. При задержании Боровой выбросил пакетик, содержащий в себе зашифрованное письмо от 14 августа с обращением «Дорогие друзья», а также сводку сведений о дислокации частей армии и о наличии в ее базах огнестрельных припасов. Наконец, у арестованного в Петрограде кадета, владельца фирмы «Фос и Штейнингер», обнаружили письмо с обращением «дорогой Вик» и подписью «Никольский» от 30 июня. Выброшенное Боровым письмо от 14 августа представляло собой ответ на найденное у В. Штейнингера письмо Никольского от 30 июня.

¹ Зданович А.А. Еще раз о «Национальном центре». С. 98.

На квартире у Штейнингера организовали «мышеловку», в которую попались также генерал М.М. Махов и меньшевик В.В. Розанов. 26 июля на допросе в ВЧК В.И. Штейнингер признал, что псевдоним «Вик» принадлежит ему, что письмо «Никольского» (псевдоним Новицкого) получено им 12 июля и что ответом на это письмо является письмо от 14 июля, написанное на машинке в его квартире и переданное им Самойлову для передачи в Финляндию.

Штейнингера перевели в Москву, где он подал в Особый отдел ВЧК собственноручное заявление, в котором изложил историю и деятельность «Союза возрождения России», «ВНЦ» и «Союза освобождения России» в Петрограде. К чести Штейнингера следует заметить, что он не назвал имен своих помощников, за исключением тех, кого считал уже погибшими или пересекшими линию фронта. Однако сопоставление его показаний с показаниями Борового и Самойлова и других арестованных по этому делу позволило ОО ВЧК установить ряд псевдонимов, упомянутых в письмах «Никольского» и «Вика». Содержание писем дало понять ВЧК, что она имеет дело «с организацией, связанной с военными кругами, систематически (в продолжение нескольких месяцев) передававшей белым данные об РККА и считавшей себя агентурой генерала Юденича». Из писем следовало, что ВНЦ должен был помочь белым в случае начала осады Петрограда, намечавшейся ориентировочно на конец августа 1919 года. Штейнингер свидетельствовал: «Национальный центр ставил себе следующие задачи: тактические — свержение власти большевиков и признание неизбежности личной диктатуры в переходный период во всероссийском масштабе с последующим созывом Учредительного собрания. Личную диктатуру по идее признаем в духе Колчака. Экономическая платформа — восстановление частной собственности с уничтожением помещичьего землевладения за выкуп».

Таким образом, исследование группы Штейнингера, в целом законченное в первых числах августа, установило: 1) военно-шпионский и заговорщический характер Петроградской группы «НЦ»; 2) наличие подобной организации в Моск-

ве; 3) существование связанной с «НЦ» и работающей под его руководством и контролем военной организации.

Арест Крашенникова дал Особому отделу возможность продолжить расследование. Обыск у Н.Н. Щепкина проходил под непосредственным наблюдением Феликса Дзержинского. При обыске изъяли жестяную коробку, содержащую шифровки, шифр, рецепты проявления химических чернил и ряд небольших квадратиков фотографической пленки. Оставленная в квартире Щепкина засада арестовала в ближайшие дни зашедших к Щепкину Г.В. Шварца, А.А. Волкова, Н.М. Мартынова, жену генерала Н.Н. Стогова и др.

Записи, найденные у Щепкина в зашифрованном и незашифрованном виде, содержали: 1) записку с изложением плана действий Уральской армии от Саратова; 2) сводку сведений, заключающую в себе список номерных дивизий Красной Армии к 15 августа, сведения об артиллерии одной из армий, план действия одной из армейских групп с указанием состава группы, сообщение о местоположении и намеченных перемещениях в составе отдельных штабов; 3) сводное письмо от 26 августа с заголовком «Начальнику штаба любого отряда прифронтовой полосы. Прошу в самом срочном порядке протелеграфировать это донесение в штаб Верховного разведывательного отделения, полковника Хартулари». В.Д. Хартулари был начальником агентурной части разведывательного отдела штаба Добровольческой армии Деникина (подпольный псевдоним — «Волков»). С конца 1917 года Хартулари, как установил А.А. Зданович, «неоднократно и непосредственно принимал участие в попытках свергнуть власть большевиков путем заговорщических действий, с опорой на бывших офицеров и солдат царской армии». Внедренный в его организацию позднее агент Особого отдела Кавказского фронта писал о деятельности своего «шефа» в 1918 году: Хартулари, «как отличный подпольный работник, начавший эту деятельность с первых дней Октябрьской революции, сумел использовать и монархистов, и социалистов, и корниловский союз, и организацию Савинкова, и все это, пользуясь авторитетом и широкими знакомствами, направил против Со-

ветской власти»¹. Письмо содержало развединформацию об отдельных армиях РККА, с описанием предположительного оперативного плана действий Красной Армии и сообщение о силах деникинцев в Москве; 4) записку со сведениями о кавалерии одной из армий;

5) письмо от 22 августа, озаглавленное «От объединения Национального центра, Союза освобождения и Союза общественных деятелей», адресованное членам правительства Деникина, содержащее сведения о связях и финансировании ВНЦ, а также указание на лозунги, которые должны быть усвоены при продвижении Добровольческой армии к Москве. В той же коробке находились и негативы текстов ряда сообщений и писем политических деятелей кадетской партии из штаба армии Деникина (Н.И. Астрова, В. Степанова и др.).

Все сведения находились «в годном для перевозки через фронт конспиративном виде», а именно — написаны на узких полосках бумаги в 2 пальца шириной и 5 вершков длиной. Н.Н. Щепкин признал, что все эти документы переписаны лично им, к нему эти документы попадали в уже готовом виде. Такой порядок сложился еще при предшественнике Щепкина (т.е. еще в 1918 г.). На допросе 12 сентября Щепкин дал подробные показания: он вступил в ВНЦ, «когда его деловые обычаи уже сложились. Мне было поручено принимать депеши, приходившие от наших товарищей с юга, а когда мне приносили готовый текст депеш на юг, то приводить их в компактный для отправки вид. Если предстояли сношения с нашими товарищами по центру, то депеши составлялись совместно с кем-либо из членов Нац[ионального] центра, депеши же для Добровольческой армии доставлялись готовыми. В этих депешах я позволял себе исключать места, заключающие сведения или неверные, или с политической точки зрения излишние... Лиц этих (тех, что приносили депеши для Добр[овольческой] армии — *примечание Л.Б. Каменева*) со слов своего предшественника, считаю агентами Добр[овольческой] армии».

¹ Цит. по: *Зданович А.А.* Еще раз о «Национальном центре». С. 98—99.

Что касается негативов, то арестованный 30 августа в «мышеловке» на квартире у Щепкина юнкер Николаевско-го артиллерийского училища Георгий Вячеславович Шварц, служивший в Корниловском полку, показал на допросе, что в Екатеринодаре ему поручили проехать по подложным документам в Москву, чтобы передать Н.Н. Щепкину комок тонкой бумаги. Щепкин при Шварце развернул полученный от него комок бумаги (скатанный в трубочку), в бумаге находились предъявленные ему на допросе фотографии.

У арестованного в «мышеловке» 1 сентября А.А. Волкова изъяли отрывок сообщений, присланных ВНЦ в виде фотографических пленок в перепечатанном на машинке виде, но с оставшимися нерасшифрованными местами. Волков признался, что взялся за расшифровку оставшихся мест письма по просьбе Владимира Александровича Астрова.

29 августа в «мышеловку» попался бывший офицер царской Ставки Павел Маркович Мартынов, в последнее время занимавший должность инспектора московского окружного управления всеобщего военного обучения. Мартынов уже был не понаслышке знаком с ВЧК: 1 сентября он показал — «Находясь в Бутырской тюрьме в 1918 году, я познакомился с Александром Огородниковым, который мне сказал, что он состоит членом Национального центра, как объединения интеллигентных сил России, стоящих за созыв Учредительного собрания, выкупное наделение крестьян землей и диктатуру военного авторитета... Когда его освобождали, он приглашал меня заходить к нему, когда меня освободят. Меня освободили 8 декабря 1918 года, я зашел к нему и он предложил мне примкнуть к их организации и поручил ежемесячное жалование в 1 200 рублей... После Рождества он сказал, что желает ввести меня в военную организацию центра, и через несколько дней дал адрес Соколова Владимира Ивановича, к которому я и пошел познакомиться. Соколов мне сказал, что организация желает получить от меня сведения военно-административного характера о красных частях и о положении на фронтах. И так как ходить к нему небезопасно, то, чтобы сведения я давал ген[ералу] Левицкому Борису, с которым я и познакомился». Арестованный вторично 20

февраля 1919 года Мартынов в тюрьме узнал, что «произошла выдача организации и в одиночке сидят Левицкий, Стогов, Иванов и многие другие», а за помощью, в случае освобождения, следует обратиться к Н.Н. Щепкину. 25 июля освобожденный, наконец, Мартынов, не имея ни гроша в кармане, был вынужден обратиться к Щепкину. Тот снабдил его деньгами и предложил отвезти в разведывательное отделение штаба Деникина сообщение. Как известно, долг платежом красен — Мартынов согласился. 23 августа он получил у Щепкина два маленьких сверточка, завернутых в цинковую бумагу, и ключ к шифру, с которого снял для себя копию, изъятую чекистами при аресте, и, заклеив сверточки в бумагу, передал их на следующий день Макарову», рекомендованному генералом Левицким Мартынову как курьер. 27 августа Мартынов доложил Щепкину, что поручение исполнено.

Информация, полученная ВЧК в результате арестов, распадается на две линии: первая — приоткрывала завесу над шпионской организацией ВНЦ, систематически собиравшей военные сведения и пересылавшей их штабу Деникина; вторая — указывала на деятельность центра, направленного на организацию восстания в Москве.

По первой линии (шпионской) ВЧК начала поиск информаторов Щепкина в рядах Красной Армии и ряде гражданских учреждений. Удалось установить, что полученные сведения редактировали сначала генерал В.И. Соколов, а затем полковник В.В. Ступин.

По второй линии (заговор) ВЧК добилась информации от главы московской группы НЦ: на допросах 3, 5, 10 и 12 сентября — в общей сложности на 33 страницах убористого почерка. Крайне скупой на имена, конкретные факты, даты и цифры Н.Н. Щепкин описал историю ВНЦ, по выражению Л.Б. Каменева, «широко и обстоятельно... стилем политического деятеля, выполняющего свой долг перед своим классом». Единственное, что упорно отрицал Щепкин на допросах — причастность работе ВНЦ подготовке восстания в Москве. На беду главы московской организации в его собственноручных депешах чекисты нашли места о вооруженном восстании. Кроме того, чекисты добыли доказательства того, что Щепкин вы-

плачивал жалование начальникам «ударных групп» НЦ, а также редактировал вместе с В.В. Ступиным тексты приказов и воззваний, подлежащих опубликованию в момент восстания.

К началу октября чекисты установили, что в августе в распоряжении ВНЦ «имелась уже некоторая военная сила, при помощи которой и предполагалось «справиться со стихией», «наладить сношения по радио» и ждать прихода от Деникина «первосортной живой силы».

...Глава военной организации Ступин, а с ним вместе и все наиболее активные лица этой организации были арестованы 19 сентября. При этом обнаружены были подлинники... воззваний. Полученные при этом данные раскрыли всю военную работу заговорщиков в Москве».

Момент для ликвидации ВНЦ чекисты выбрали исключительно удачный: продвижение Деникина к Москве активизировало деятельность центра, требовавшего «чрезвычайно срочных» указаний, денег для закупки оружия и патронов, «излишек первосортной живой силы, который мог бы составить отряд особого назначения».

Ленина ввел в курс дела заместитель начальника отделения информации Особого отдела И.М. Данишевский, доставивший по поручению Дзержинского материалы только что ликвидированного ВНЦ¹.

24 сентября 1919 года на заседании Общегородской конференции Московской организации РКП(б) выступил с речью об успешной ликвидации чекистами Всероссийского национального центра председатель ВЧК и ее Особого отдела, а также член Комитета обороны г. Москвы Феликс Дзержинский: «Работа ВЧК за последнее время была очень удачна. Еще при раскрытии шпионского заговора мы получили нити о существовании еще более крупного заговора в Москве. Затем в результате усиленной работы нам удалось не только накрыть главарей, но и ликвидировать всю организацию, возглавляемую знаменитым «Национальным центром». Председатель «Нац[ионального] ц[ентра] [Н.Н. «Щепкин]» был захвачен, когда принимал донесение от посла Деники-

¹ Владимир Ильич Ленин. Т. 8. М., 1977. С. 77.

на. Захвачены очень ценные документы, которые будут опубликованы. Затем мы напали на след военной организации, [со]стоящей в связи с Нац[иональным] центром, но имевшей свой самостоятельный штаб. Этот военный заговор удалось тоже вовремя ликвидировать. В этих заговорах участвовали как кадеты, так и черносотенцы и правые с.-р. Общее политическое направление давали кадеты. Арестовано около 700 человек. Цель их была захватить Москву и дезорганизовать наш Центр. На своих последних заседаниях они готовят окончательное свое выступление. Даже назначен час: 6 часов вечера. Они надеялись захватить Москву хотя бы на несколько часов, завладеть радио и телеграфом, оповестить все фронты о падении Советов и вызвать, таким образом, панику и разложение в армии. Для осуществления этого плана они скапливали здесь своих офицеров; в их руках были три наших военных школы: одна в Вишняках, Высшая стрелковая школа в Кунцеве, окружная артиллерийская школа [в Волоколамске]. Они предполагали начать выступление в Вишняках, в Волоколамске и Кунцеве и отвлечь туда силы, а затем уже поднять восстание в самом городе. У них был разработан подробнейший план действий: Москва была разбита на секторы по Садовому кольцу; за Садовым кольцом на улицах построить баррикады, укрепиться на линии Садового кольца и повести оттуда в некоторых местах (пунктах) наступление к Центру. Я прочту сейчас объяснительную записку к плану, которая показывает, как точен и детализирован был их план действий (*читает*). К сожалению, должен признать, что мы таких планов составлять не умеем. Они были настолько уверены в победе, что заготовили уже целый ряд воззваний и приказов. Эти документы очень интересны: они выявляют характер «Нац[ионального] центра» и штаба Добровольческой армии Московского района. Национальным центром руководили кадеты, в штабе же большинство были черносотенцы. Это отразилось на их воззваниях. (*читает воззвание «Н[ационального] ц[ентра]»*). Чтобы привести свой план в исполнение, им надо было иметь оружие. Они сосредоточивали его незаконным образом в школах, которые были под их влиянием, а также закупили его в наших складах и образова-

вали свои склады. Силы их, по подсчетам, равнялись 600 человек (в варианте газеты «Правда» указана цифра в 800 человек) кадровых [военных] и, кроме того, они рассчитывали на некоторые части, в которые им удалось поставить своих людей для подготовки почвы. Благодаря большим связям в штабах им удавалось посылать своих людей всюду, где это было необходимо. Для этой цели они использовали и наших товарищей, пользуясь их легковерием и привычкой устраивать своих знакомых. Чтобы помешать нам применить против них красный террор, они рассчитывали завладеть т. Лениным и т. Троцким и держать их в качестве заложников. Печально то, что среди арестованных был один коммунист, который потом оказался черносотенцем, член Союза русского народа. Московской организации надо на это обратить внимание. Много в нашей организации расхлябанности и недопустимой доверчивости: в окружной артиллерийской школе не было ни одного коммуниста. Мы тайно послали туда своего человека для слежки, и он рассказывает, что там белогвардейские планы обсуждались совершенно открыто — и это не только в одной этой школе. В Школе маскировки некоторые части гарнизона тоже не наши.

Что же мы делаем? Какие меры мы принимаем? До сих пор почти ничего. При нашей расхлябанности и беспечности тщательно разработанный план белогвардейцев мог нам причинить непоправимый вред. Прав Троцкий, говоря, что можно споткнуться в мелочах. Этот урок должен нас заставить быть более беспощадными. Изменником мы должны клеймить всякого разгильдяя. Каждый член партии должен бороться с дезертирством и нашей распущенностью.

Недавно была произведена проверка имеющегося в частях оружия. Оказалось, что многие учреждения не вели записей имеющегося оружия. Было найдено огромное число винтовок, патронов, револьверов, о которых ничего не знали. Ясно, что при такой постановке дела белогвардейцам было нетрудно доставать оружие. К[омите]том обороны приняты и проводятся в жизнь ряд мер для охраны города. (оглашает постановления К[омите]та обороны). Успешность нашей

борьбы с заговорщиками зависит от поддержки, которую каждый член партии окажет в проведении этих мер»¹.

В тот же день Дзержинский заменил своего заместителя по ВЧК Якова Петерса в Комитете обороны г. Москвы² — это свидетельство повышенной боязни военного переворота в столице.

Несмотря на то, что успехи чекистов руководство большевистской партии и государства поспешило приукрасить (так, выступление Дзержинского, напечатанное в газете «Правда» число арестованных «возросло» с 600 до 800), советская пресса все же достаточно объективно описала события, связанные с ликвидацией ВНЦ. Из выступления главы ВЧК, раскрытый Всероссийский национальный центр был крайне опасной для большевистской власти организацией. Его ликвидация стала первым крупным успехом ВЧК и ее Особого отдела.

Подробности ликвидации изложил в «Докладе Комитету обороны г. Москвы о военном заговоре» председатель комитета Лев Каменев. Доклад, по соглашению Комитета обороны г. Москвы с ВЧК, отпечатала газета «Известия ВЦИК».

После ликвидации «Тактического центра» оставшиеся на свободе руководители белогвардейского подполья решили свернуть работу в Северной и Центральной России и перенести свою деятельность на юг, ближе к армиям Деникина³. Это была первая серьезная победа отечественной военной контрразведки.

Что касается полковника В.Д. Хартулари, то он получил в 1920 году новое задание — Штаб Русской армии распорядился подготовить вооруженное выступление казаков на Дону и в Кубани, поддержанное десантом из Крыма. Для организации восстаний из казачьих офицеров, оставшихся в тылу Красной Армии для подпольной работы, создали «Всероссийскую внутреннюю и зарубежную сеть разведывательного отдела Главкома на юге России господина Деникина». Харту-

¹ См.: *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 222—225.

² Сб. Ф.Э. Дзержинский. С. 142.

³ *Кирмель Н.С.* Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне 1918—1922 гг. М., 2008. С. 200.

лари поручалось общее руководство организацией. Задание было провалено: еще в апреле 1920 года Ленина проинформировали — сгруппировавшиеся на Дону белогвардейцы летом готовят ряд восстаний. Советским контрразведчикам председатель Совнаркома поручил подавлять контрреволюционные организации «в зародыше». Агентура Особого отдела Кавказского фронта проникла в Штаб Русской армии, раскрыла организацию и планы врангелевской разведки; арестовала полковника Хартулари; чекисты вскрыли агентурные сети противника на Кубани, в Ростове и Новочеркасске. Расчеты штаба Врангеля на помощь со стороны казачества не оправдались, что послужило одной из причин срыва десантной операции П.Н. Врангеля, целью которой был захват Кубани и Северного Кавказа, а также развертывание большевистского восстания на юге России¹.

¹Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне 1918—1922 гг. М., 2008. С. 248—249.

Раздел VIII

СТРОГОСТЬ РОССИЙСКИХ ЗАКОНОВ И КРАСНАЯ АРМИЯ

Глава 1

«Кого они освободили, теперь известно... одному Аллаху»: подробности столичной регистрации офицеров

Летом 1918 года для предотвращения бегства военных специалистов в ряды белых большевики приступили к регистрации офицеров. Вначале офицерам предлагали зарегистрироваться под угрозой увольнения из рядов армии без права на восстановления. Так, 11 июня 1918 года Высший военный совет постановил:

«1. Предложить в течение определенного (по возможности, короткого срока), всем служившим в Генеральном штабе лицам, не имеющим в настоящий момент должностей, зарегистрироваться в Оперативном отделе (в делопроизводстве по службе Генерального штаба) Всероссийского главного штаба.

2. Все незарегистрировавшиеся будут считаться нежелающими продолжать далее службу и потому уволенными навсегда от службы в Генеральном штабе.

3. Из числа зарегистрировавшихся предлагать вакансии по мере их открытия; отказавшиеся от 2-х предложений считаются отказавшимися от дальнейшей службе в Генеральном штабе.

4. По заполнении вакансии всеми зарегистрированными лицами Генштаба перейти к замещению дальнейших свобод-

ных вакансий «перечисленными», с переводом их в Генеральный штаб. Троцкий, Склянский, Антонов¹».

В июле 1918 года после признания V Всероссийским съездом Советов строительства регулярной армии полностью большевистским, регистрация бывших офицеров стала проводиться в принудительном порядке, хотя на это ушло свыше полугода. Как известно, «строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения...» — в Москве регистрация примерно 10 тысяч офицеров происходила в здании Алексеевского военного училища...

Приводим доклад о порядке регистрации бывших офицеров:

В Московский комитет Российской коммунистической партии большевиков от фрак[ции] коммунистов 1-х Москов[ских] совет[ских] инструк[торских] [курсов] Красной Армии

ДОКЛАД

о бывшей [регистрации] с 7 по 15 августа 1918 года регистрации быв[ших] офицеров в быв[шем] Алексеевском военном училище²

6 августа 1-е Московские военно-инструкторские курсы были вызваны для охраны подлежащих задержанию при регистрации офицеров, причем этот вызов был настолько замаскирован от всех решительно и конспиративно обставлен, так что из всего предшествующего регистрации мы ожидали серьезных последствий, серьезного отношения к делу, серьезной организации всей регистрации офицеров и, основываясь на вышеизложенном, мы серьезно отнеслись к подго-

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 302.

На следующий день Н.М. Потапов наметил окончательный срок регистрации 15 июня 1918 г. Распоряжение Управляющего делами Наркомвоен начальнику ВГШ от 12 июня 1918 г.). Соответствующая телеграмма в Бюро печати при СНК была направлена 1-м генерал-квартирмейстером Генштаба С.А. Кузнецовым 14 июня (Там же. Л. 304). В итоге крайней датой регистрации чинов Генштаба признали 1 августа 1918 г. (Там же. Л. 318).

² Судя по штампу входящей регистрации, доклад был получен в МК РКП(б) 1 октября 1918 г.

товке охраны. На деле же оказалось совершенно другое: не только не было серьезной работы со стороны регистрирующих, но было иногда прямо преступное отношение к делу. Не было никакой подготовки и организации к регистрации, работники по регистрации являлись к 12 часам и уходили в 7-м [часу], т.е. принимали строго во внимание, что они обязаны работать только 7 часов, забывая, что существует трудовой порядок среди советских работников, и не обращали внимание на то, что, по их вине, караулу и коменданту с помощниками приходилось работать за них, не спавши по несколько ночей подряд; кроме того, работа шла без определенного плана: так, многие из регистрирующих не знали, как производить регистрацию и приходили к коменданту училища за регистрационными карточками.

Было полное отсутствие плана, инструкции распределения и освобождения офицеров, освобождался тот, у кого была на плечах голова. Освобождающие не разбирались с тем, что был ли освобождаемый ими контрреволюционер или просто «безработный» офицер. Освобождали в первую очередь по каким-то протекциям или добивались освобождение офицера через женщин (граф[иня] Толстая), отчего при отношении тов. Аросева к женщинам очен[ь] легко можно было освободиться. Не было поставлено хотя сколько-нибудь порядочного питания как караула, так и арестованных офицеров. (Далее и до конца абзаца слева поставлена жирная скобка и указано: «Особо [отличился] Лефортовский район»). Совдеп Лефортово-Благушенского района, взяв на себя продовольствование караула и задержанных офицеров, не приготовил посуды, ведер для воды, кружек и т.п. и кормил караул горьким супом с воблой, приготовленного (так в тексте, правильно: «приготовленным») так, что первые два [дня] караул не мог при всем желании кушать этот суп; не было организовано врачебной помощи, не был приготовлен госпиталь для больных и, когда ночью приходилось отправлять больных в Генеральный госпиталь, то по 2 часа приходилось искать санитаря, т.к. ночного дежурства при госпитале не было организовано, хотя было известно всем, что каждую минуту могут доставить больного и в то же время не было для перевозки больных никаких ре-

шительно перевозочных средств, кроме всего этого никто не установил контроля за врачами, так что врачи освобождали офицеров из училища бесконтрольно и, кого они освободили, теперь известно только одному Аллаху.

Освобождать офицеров имели право: тт. Аросев, Муралов, Щерычев, Прозоров, Веселовский и Малышев (руководство Московского окружного военного комиссариата. — *С.В.*), причем некоторые из вышеупомянутых товарищей [оказались] не на высоте своего положения: так, тов. Аросев оказался довольно далеко не таким трудоспособным, каким обыкновенно привыкли его считать; был гораздо предупредительнее с родственниками бывших офицеров, чем с часовыми; на объяснение с этими дамами находил время часами и в то же время не имел времени и желания предъявить свой мандат часовому (курсанту) у входа, из-за чего часовой, основываясь на уставе и приказе не пропускать никого без пропуска, не пускал тов. Аросева, на что тов. Аросев вместо предъявления своего мандата горячился и грозил часовому арестом. Тов. Аросев слепо доверял своему секретарю — графине Толстой, которая, переговариваясь на иностранных языках с бывшими офицерами, после через т. Аросева освобождала по личной просьбе без всяких документов, несмотря на их контрреволюционность — так, например, она пыталась освободить состоящего в списках Всероссийской чрезвычайной комиссии и уже арестованного князя Ширинского-Шихматова и других состоящих на учете ВЧК.

Надо обратить внимание на то, сколько освобождал офицеров т. Муралов (Московский окрвоенком. — *С.В.*). Освобождено за его подписью было несколько сот [человек], в том числе освобождены были лица, коих искала ВЧК, что указывает на то, что тов. Муралов окружен контрреволюционерами, кроме того, пропусками в училище за подписью т. Муралова были [снабжены] положительно все в училище; видимо, кому было не лень, тот шел в окружной комиссариат и получал за подписью Муралова пропуск на свидание с офицерами или за справками в училище, и получалось такое положение, что публику от парадных дверей до ворот приходилось разгонять выстрелами в воздух; кроме того, не безынтересно

указать, что секретарь Муралова Егоров явился в 3 часа ночи в пьяном виде к училищу и стал придирается и оскорблять часового, за что был арестован и привлечен к уборке помещений и уборных. Кроме того, т. Мураловым было разрешено появление при училище какой-то контрреволюционной (Политического «Красного Креста») организации, по нашему мнению, подпольной, и были выданы этому кресту тов. Мураловым пропуска в училище для выдачи офицерам передач и этим же «крестом» был организован сбор по всему городу на улучшение пищи господам бывшим офицерам в то время, как передавали сотрудники ВЧК, попутно пускались провокационные слухи о том, что караул (курсанты) сотнями расстреливает офицеров в училище, за что была арестована, по просьбе членов ВЧК, одна сестра этого «креста» и члены «Пол[итического] кр[асного] кр[еста]», пользуясь тем, что имели пропуска от т. Муралова, передавали письма как из училища, так и в училище арестованным.

Вмешивался в порядок освобождения также и тов. Бурдуков, хотя это его не касалось совершенно. Он же давал пропуска на свидания с офицерами, хотя это должен был делать лишь комендант училища. В результате все[й] [этой] неорганизованности все лезли к коменданту здания и его помощникам. У стола коменданта всегда была масса людей, приходивших решительно за всем и уходивших ни с чем, испортив лишь себе и другим нервы. В конце регистрации получилось еще более нелепое положение: когда освободили всех решительно офицеров, оставив из 10-ти тысяч лишь 17 человек. И за всю неорганизованность должны были отвечать, как это и было всегда, не те, кто устраивал эту регистрацию, не организовав ничего, а низы, а в данном случае — курсанты, на которых льется сейчас всевозможная ни на чем не основанная клевета, даже среди бывших офицеров, служащих в советских учреждениях, и лишь за то, что курсанты, зная службу, поступали по всем правилам устава в несении караульной службы при арестованных. Основываясь на вышеизложенном, общее собрание партийной ячейки РКП при 1-х Московских военно-инструкторских курсах Красной Армии полагает, что Московский комитет РКП примет меры к расследованию беспо-

рядков, царивших при регистрации офицеров и происходящих по вине товарищей, поставленных во главе этого дела, и по расследовании привлечению виновных к законной ответственности. При рассмотрении данного дела просим пригласить членов комитета партийной ячейки при курсах для более детального доклада.

Председатель *Шерин*
Секретарь *Романов*

Резолюция: «Копию Аросеву и Муралову с предлож[ением] представить объяснения».

ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 86. Л. 10 с об.—11.

Подлинник — машинописный текст с автографами.

Трое из названных в документе лиц нуждаются в отдельном представлении. Александр Яковлевич Аросев, по воспоминаниям В.М. Молотова, «страшно ненавидел Троцкого, даже чересчур. У него такие образцы возникали специальные, как это у художников бывает»¹.

Николай Иванович Муралов (1877—1937) — из низов партийной элиты, член партии с 1903 года — находился на работе в Подольске, Москве, Туле. В ноябре 1917 года устанавливал Советскую власть в Москве — член Московского ВРК и Революционного штаба. В распоряжении Муралова было около 80 человек, с которыми он метался по городу, не зная, что предпринять. Съездив после победы на поклон к Ленину, Муралов получил должность военного комиссара Московского окружного комиссариата по военным делам, заселился на Пречистенку и принялся налаживать свой аппарат, в котором только один Оперативный отдел к концу мая 1918 года представлял собой махину из нескольких тысяч служащих, приходивших питаться и получать жалование. В дальнейшем находился на руководящей военно-политической работе — член РВС: 3-й армии (февраль—август 1919-го), Восточного фронта (август—сентябрь 1919), 12-й армии (сентябрь 1919—июль 1920-го).

¹ Чуев Ф. Указ. соч. С. 86.

Александр Александрович Бурдуков (1880-?) — из крестьян, прапорщик запаса, член РСДРП(б) с 1905 года. Уроженец Серпуховского уезда Московской губернии, где проживал «все время, за выбытием на фронт, в Москву и за границу». *Образование:* Серпуховская гимназия, физико-математический курс Московского ун-та без сдачи государственных экзаменов. В эмиграции в 1909—1911 годах, в Женеве. Занятия до 1917-го — частная преподавательская деятельность, военная служба. На работе по найму — на железной дороге. В революционном движении — секретарь-организатор (с 1903 г.); под гласным надзором полиции в Серпухове (1903—1904 гг.), сослан в Вологду, бежал за границу (1909—1911 гг.). Член РСДРП(б) с 1905 года — принят парторганизацией г. Серпухов. На партийной работе — в Хамовническом районе, [Вологодской] химической школе. В старой армии отбывал воинскую повинность под надзором полиции (1912—1913 гг.); по мобилизации служил в полку в Серпухове (1914—1916 гг.). Участник Первой мировой войны, прапорщик — сражался на Румынском фронте (1917 г.). Во время Февральской революции — один из организаторов и член от РСФСР(б) в Серпуховском совете; председатель 134-го полка Румынского фронта (4-й и 6-й армии), член комитета 6-го корпуса; член комитета, затем секретарь партийной организации 6-й армии. В советском военном ведомстве начальник штаба и помощник командующего Московского ВО; комиссар штаба МВО; командующий войсками МВО и одновременно член Комитета обороны г. Москвы (председатель — Л.Б. Каменев, члены Бурдуков и Ф.Э. Дзержинский) (апрель 1919—декабрь 1920 г.)¹.

Освобождения от регистрации по протекциям или «через женщин» были также чрезвычайно распространены: в Оперативном отделе Наркомвоена многих дам нетяжелого поведения нанял большевик Сергей Владимирович Чикколини², привлекавшийся осенью 1918 года к суду Революцион-

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 366. Л. 149-150 об. Анкета уч.-распред.отдела ЦК РКП(б); РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 281. Л. 4 об. Автобиография; Л. 13 об. Письмо П.Н. Мостовскому с просьбой о рекомендации во ВОСБ от 12 января 1930 г.).

² РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9А об.

ного военного ж.д. трибунала за издевательство над ответственными партийными работниками.

Если подобные безобразия позволяли себе руководящие военные работники в столице, можно только догадываться, как обстояло дело на местах.

Глава 2

«Алешка! Помоги уберечь советское имущество!»: подрывная деятельность наркома по военным делам Украины Николая Подвойского

30 января 1919 года уже известный нам Николай Ильич Подвойский узнал из прессы о своем назначении наркомом по военным делам Украины и, уточнив информацию у Ленина и Свердлова, 10 февраля отбыл к новому месту службы. Подготовился основательно: взял с собой 200 человек для аппарата Наркомата по военным делам Украины. В принципе такой порядок был принят в Советской России при укомплектовании вновь образовывавшихся местных военкоматов, только вот в национальной республике инициативу нового наркома восприняли негативно — в том числе и в правительстве Украины¹.

На новом месте Подвойский занялся реализацией старых идей — принялся активно создавать вместо армии громоздкий аппарат. По более чем мягкому выражению М.А. Молодцыгина, «одной из важнейших задач наркомвоен Украины считал создание развернутого центрального военного аппарата на местах. В этом были даже превзойдены масштабы РСФСР — скажем, в губернских военкоматах дополнительно вводились отделения службы связи и должности помощника губвоенрука (для налаживания контакта с крестьянскими массами). На территории УСССР к 1 июня 1919 года действовали Харьковский окрвоенкомат (с 7 февраля), Киевский (с

¹ *Молодцыгин М.А.* Николай Ильич Подвойский // Реввоенсовет Республики. 6 сентября 1918 г. — 28 августа 1923 г. М., 1991. С. 269.

10 марта) и Одесский (с 9 апреля); 10 губернских, 88 уездных, 1530 волостных военных комиссариатов. Этот огромный аппарат должен был организовать, прежде всего, мобилизационную работу». Но и с этой работой созданный подвойский аппарат справился плохо: по собственному признанию Николая Ильича, мешали антисоветская агитация, деятельность бандформирований, неналаженность снабжения и неподготовленность населения¹. С другими задачами нарком справлялся столь же успешно: так, например, обстояло дело со сведением разнообразных партизанских отрядов и повстанческих частей в регулярной армии².

Даже Игнатий Дзевялтовский, считавший Подвойского своим «духовным отцом», рапортовал Центральному комитету РКП(б): «1. Отрицательные стороны военного строительства на Украине: а) полная оторванность центральных органов военведомства от таковых России; б) неопределенность и неясность поставленных задач, и часто нежелание взять на себя больше, чем возможно выполнить при создавшихся здесь условиях. 2. Причины: а) отсутствие твердости политики ЦК в Украинском вопросе; б) тенденции в виде Наркомвоен[а] выполнить больше, чем на то позволяют силы; в) отсутствие связи с местными органами; г) постоянные волнения; д) присутствие фронта, вносящее двоевластие и партизанский дух, которым прониклись многие работники и учреждения»³.

Несмотря на жалобу в ЦК, это отлуп Николая Подвойского, сделанный его подчиненным.

За невыполнение заданий Центрального комитета РКП(б) и Совета рабочей и крестьянской обороны Николай Подвойский и Владимир Антонов-Овсеенко регулярно получали нагоняи из центра и лично от Ленина, но это не помогало. (Более всего Николай Ильич отличился, прислав 10 июня Ленину возражения против «чудовищно вредного для революции», по его мнению, постановления ВЦИКа РСФСР «Об объедине-

¹ Молодцыгин М.А. Николай Ильич Подвойский. С. 289—290.

² Молодцыгин М.А. Николай Ильич Подвойский. С. 290. Здесь сказались и непонимание задачи рядом руководящих украинских работников, и прежде всего А.С. Бубновым и К.Е. Ворошиловым.

³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 7.

нии военных сил советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии», инициированного, кстати, правительством УССР¹).

Вопиющая некомпетентность Подвойского и его гигантского аппарата вносили дезорганизацию не только в военное строительство, но и в организацию гражданского управления Украиной. Так, Алексей Рыков получил в мае 1919 года настоящие филиппики (Филиппиками называли в древности речи, произнесенные в IV веке Демосфеном против македонского царя Филиппа II) Георгия Ломова о деятельности Подвойского:

«Алешка, милый!

В Одессе безумие и ужас. Шли сюда немедленно Иногородный отдел [ВЧК]. Сообщу тебе для характеристики «события дня» за 6 апреля:

1. По приказу командующего 3-й армией тов. Худякова комендантом опечатаны все склады Центросоюза за то, что они вывезли в Россию 10 тысяч пар ботинок, по преимуществу дамских. Конечно, все было продано по предписанию Ружера.

2. Подвойский отдал приказ, по смыслу которого т. Худяков *обязан* разрешать и запрещать вывоз всех товаров с таможни и из Одессы. Он, боясь ответственности, *все запрещает*.

3. Сегодня приказом коменданта арестован (это факт) Лебедев (зав. Центросоюза).

4). Наш поезд с маслами (машинное и солярка) задержан Реввоенсоветом. Что-то кошмарное!

Богатейшую таможню на 2/3 расхитили из-за военных властей и глупейших и возмутительных приказов Подвойского.

У нас в Совнархозе здесь еще хорошие тов[арищи]. Очень хорош председатель тов. Савельев. Но организуют они по «своему». Так ухитрились создать *один* отдел — «производственный», которым заведует прекрасный товарищ Розенштейн; тут и металл, и химия, лес, консервы и электротехника и он один ведает всем. Сегодня я был у него. Это какая-то абсолютная централизация и бюрократизация.

¹ См.: *Молодцыгин М.А.* Николай Ильич Подвойский. С. 292 и след.

Но самое главное — добровольцы оставили Одессе деньги свои и печатный станок. В результате здесь форменный денежный бардак.

В то время как Донецкий бассейн голодает в денежном отношении. Здесь не признаются ни тарифы, ни аргументы: надо удовлетворять рабочего. Разврат ужасающий! За время после освобождения Одессы, промышленность последней получила не менее 50 миллионов рублей. Армия получает и отсюда и оттуда, и все же денег у солдат нет.

Я в полном согласии с Рузером, Савельевым и местным исполкомом уверен, что 9/10 всех здешних безобразий виновато пылкое воображение тов. Подвойского и его неукротимый творческий порыв в области организации народного хозяйства. Надо или его убрать, или совершенно обезвредить. Но обезвредить его (заставить заниматься только военным делом) практически невозможно — его надо убрать. Только тогда можно будет бороться с военными, которые требуют *официально* дамское белье, туфельки, панталоны и особенно дамские ажурные чулочки. Документы об этом не могу послать, ибо устраиваю скандал здесь Раковскому. Но документы есть.

Пробуду тут до субботы. Сегодня собирал все ведомства по вопросу о товарообмене. На государственный товарообмен, конечно, надежды нет. Контрабанда возможна.

Сегодня прибыло около 10 тысяч пудов соли, около тысячи пудов муки, несколько тысяч пудов рыбы и пр. (ВМ апельсины, но голодаю).

Завтра совещание с командующим, военными, Рузером и Исполкомом. Если военные не согласятся исполнить мои требования, я устраиваю трам-тарарам с арестами. В результате меня самого могут забрать — тогда выручай!

На чем бы я, безусловно, настаивал: на посылке авторитетных лиц от Совета обороны во все крупнейшие порты Черного моря — иначе все раскрадут военспецы и иже с ними. Алешка! Помоги уберечь Советское имущество! Крадут, крадут и крадут. Ужас сплошной. Я стал цепной собакой и уже не говорю, а лаю. Целую всех друзей. Твой Жорж. 6/V.[19]19 г.»¹.

¹ РГАСПИ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 30. Л. 116 и след.

Прочитав слезницу друга, Рыков поставил вопрос перед Лениным: Неугомонного пора убирать! Ленин созрел давно. 21 мая он телеграфировал Троцкому, как раз находившемуся в Киеве: «По сообщению из Украины, многие безобразия производятся там деятельностью Подвойского; Рузер, Ломов и другие утверждают, что 9/10 всех безобразий происходит от его распоряжений... Если сообщения эти хоть сколько-нибудь соответствуют действительности, в чем я почти не сомневаюсь, то настаивайте со всей энергией на немедленном удалении Подвойского и его сотрудников». 3 июля ЦК РКП(б) вообще приняло решение о ликвидации Наркомата по военным делам Украины. Проведение постановления в жизнь Троцкий возложил на Дзевялтовского, не дав ему прямого указания «о дальнейшем военном строительстве на Украине».

9 июня Дзевялтовский обратился в ЦК с конкретными предложениями, которые, по его мнению, следовало провести немедленно:

«1. Более энергично провести расформирование фронтowego аппарата..., определив срок реформирования.

2. Сохранить военный центр Украины в виде Наркомвоен[а], подчиненного Всероглавштабу наравне с Российскими округами, объединяющего работу округов и имеющего функции по снабжению всех пределов и по тому плану, который будет указан ЦУСом.

3. Реорганизация штаба Наркомвоен[а] в целях разгрузки его от различных учреждений (об этом телеграфировал З/VI и это проводится в жизнь).

[4.] Немедленное назначение [нового] наркомвоен[а] (что является тем более необходимым в виду отъезда Подвойского по заданиям тов. Троцкого на фронт).

5. Потребовать от нового наркомвоен[а] твердого подчинения ему округов и губвоенкомов Украины. Предписать всем другим учреждениям перестать вмешиваться в дела округов помимо Наркомвоен[а].

6. Предписать Всероглавштабу обратить особое внимание на работу Наркомвоен[а] Украины и быть постоянно в курсе ее.

7. Предписать Высшей военно-законодательной инспекции немедленно проинспектировать губернские военкоматы Украины (необходимо согласовать эту работу с Наркомвоен[ом] Украины).

8. Приступить самым серьезным образом к выкачиванию винтовок от населения, для чего создать особую комиссию с чрезвычайными полномочиями наподобие российской Цецомдезертир (Центральной комиссии по борьбе с дезертирством).

9. Определить окончательно задание по формированию дивизий, не увлекаясь особенно количеством дивизий, вследствие невозможности во многих местах провести мобилизацию или по политическим соображениям, или в виду полного отсутствия продовольствия.

10. Обязать Наркомвоен Украины приступить немедленно к организации запасных частей, причем Всероглавштаб должен определить число их и приблизительно распределение между округами.

11. Произвести учет имущества.

12. Централизовать все снабжения Украины в руках отдела ЦУСа на Украине; подтянуть укрвоензаги Чрезвычайкомснабарм (отделы военных заготовок Чрезвычайной комиссии по снабжению армии. — С.В.), потребовать от них отчета о[б] их деятельности, так как до сих пор процент выполняемых заказов часто равен 2—3-м; произвести ревизию Наркомпрода Украины. Усилить его опытными работниками, так как катастрофическое положение продовольствия не дает возможности наладить правильную работу военведомства».

В конце послания Игнатий Людвигович сделал реверанс в сторону Подвойского: «Мнение мое и прибывших со мной военспецов, что расформировать совершенно Наркомвоен [Украины] нельзя. Не следует от одной крайности переходить [к] другой. Если в работе виде Наркомвоен[а] есть целый ряд недочетов, что нельзя пройти мимо и всей той продолжительной работы, которая здесь была произведена и..., если чувствовалась оторванность от центра, то в этом [в] значительной мере виноват и сам центр».

Реформу украинского Наркомата по военным делам Дзевялтовский, также из дипломатических соображений, предложил провести при активном участии Подвойского и отказался заниматься этим лично, ссылаясь на собственную некомпетентность¹. Вероятно, Подвойский оценил такт Дзевялтовского и не затаил в душе обиду².

Но, так или иначе, 8 июля Подвойского вывели из состава РВС Республики, а 26 июля (после обсуждения на заседании Политбюро телеграммы Троцкого) освободили от должности наркома по военным делам Украины с временной заменой на заместителя Подвойского Дзевялтовского. 6 августа Сталин, мнение которого запросило Политбюро, передал в центр: присутствие на Украине Подвойского — «ущерб для дела», его следует отозвать в Москву; роль Наркомата по военным делам УССР свести к роли окружного военного комиссариата; для успокоения тыла применить «репрессивные, жестокие меры»³.

Так, Алексей Рыков, опираясь на Центральный комитет РКП(б), помог «уберечь Советское имущество» от военных специалистов «и иже с ними».

Глава 3

«Центр тяжести работы перенести в экономическую область»: у истоков советской коррупции⁴

История советской военной цензуры и пограничной охраны неожиданно переплелась в первой половине 1918 года, когда они оказались в ведении Управления военного контроля (УВК, т.е. военной контрразведки) в Петрограде. Управление военного контроля получило свое наименование прика-

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. Л. 7 об и след.

² РГАСПИ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 180. Л. 2.

³ См.: *Молодцыгин М.А.* Николай Ильич Подвойский. С. 292—296.

⁴ В соавторстве с Павлом Владимировичем Батулиным. ОАО «Первый канал».

зом Наркомвоена от 21.03.1918 № 224 путем переименования военного почтово-телеграфного контроля и закрепления за этим учреждением пограничной охраны¹. Эту последнюю функцию данное учреждение взяло на себя ранее в результате деятельности Главного комиссара военной цензуры и военного контроля И.С. Плотникова, назначенного на эту должность приказом Наркомвоена от 08.01.1918 № 11 для определения дальнейшей судьбы этого учреждения (в связи с протестами прежнего руководства и волнениями делегатов почтово-телеграфного контроля, сокращаемого на 90 %)², при участии Наркомпочтеля³. И.С. Плотников стал первым разоблаченным коррупционером Советской России, чье громкое дело вскрыло наличие подпольных миллионеров в самом сердце петроградского партийного нобилитета и в очередной раз доказало, что капитал — понятие интернациональное и к нему явно неприменима ситуация «брат на брата», т.е. ситуация Гражданской войны.

Публикуемый ниже документ раскрывает личность и неожиданные родственные связи старого члена российской социал-демократии. А поскольку такие связи партийцев рассматриваются пока только для дореволюционного периода⁴, надеемся, что данная глава послужит толчком для развития этой темы и на послеоктябрьском материале.

В ходе обследования Плотников решил: учреждение стоит сохранить, «если центр тяжести работы перенести в эконо-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 71.

² РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 699. Л. 28—29, РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Л. 6—7. Д. 92. Л. 6, 8, 9.

³ РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 722. Л. 50 «Тов. Прошиан (нарком почт и телеграфов, член ЦК ПЛСР П.П. Прошьян — П.Б., С.В.) предложил мне узнать, что представляет собою это учреждение, имеет ли смысл вообще его сохранить». (Позднейший доклад о работе Э.М. Склянскому).

⁴ См.: *Батюшин Н.С. У истоков русской контрразведки: Сб. документов и материалов / Вступ. ст. И.И. Васильева, А.А. Здановича; подбор док. и илл. В.К. Былинина. — М.: Кучково поле, 2007; Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2002 (особенно Ч. 4 — о спонсировании революционного движения нефте-, марганце-, чае- и пр. промышленниками, участии в революционном движении членов правлений разных акционерных обществ на ранних этапах биографии и т.д. — с. 457—575).*

мическую область», а именно — подчинить ему Белоостровский пропускной пункт для быстрого принятия мер по выявленным в корреспонденции сведениям «о предполагавшемся провозе через границу денег, ценностей, контрабанды». В ходе переговоров с начальником пункта А.С. Савицким 18 февраля Плотников спроектировал «Штат Выборгского участка охраны русско-финляндской границы» (на 1 649 человек)¹ и направил его на утверждение в Наркомвоен, в результате чего и вышел приказ наркомата № 224. Планы УВК по организации погранохраны вызвали протест на частном совещании представителей Наркомфина 20 марта, в результате чего 30 марта для ограждения ведомственных интересов Наркомфина созданы при нем Главное управление пограничной охраны (ГУПО) и Совет пограничной охраны². Ведомства все же смогли прийти к компромиссу: 22 апреля Департамент государственного казначейства утвердил временные штаты управления Петроградского округа пограничной охраны, Петроградского, Финляндского, Беломорского, Олонецкого и Чудского районов пограничной охраны (5 094 человек, — что было объявлено и в приказе по УВК 23 апреля № 30), чуть ранее приказом по УВК № 29 укомплектовали управление Петроградского пограничного округа во главе с начальником А.А. Загорским, 30 апреля начальником Выборгского участка границы назначили упомянутого Савицкого³, а 15 мая ГУПО издало приказ с указанием о назначении по согласованию с УВК начальников районов (они уже выехали на места) и о комиссии по укомплектованию пограничной охраны⁴.

Плотников признал в докладе Э.М. Склянскому: между УВК и погранохраной «не может быть связи организационной, и в настоящий момент до реорганизации на новых началах старого пограничного корпуса и, считаясь с тем, что

¹ РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 127. Л. 8 и далее.

² РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 722. Л. 54—55. О ГУПО см.: *Чугунов А.И.* В.И. Ленин и создание Советской пограничной охраны // ВИЖ. 1974. № 4. С. 80 и др.

³ РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 743. Л. 45—67, 77 (подсчет Павла Батулина).

⁴ Пограничные войска СССР 1918—1928. М., 1973. С.73; Часовые советских границ: Краткий очерк истории пограничных Войск СССР. М., 1983. С. 31; *Чугунов А.И.* Борьба на границе (1917—1928). М., 1989. С. 18.

военный контроль фактически устанавливает пограничную охрану, было бы, естественно, поручить ему свою работу продолжать до утверждения Советом народных комиссаров рассмотренного Высшим военным советом проекта». По-видимому, эта перемена мнения вызвана тем, что Плотников не получил по вопросу об оставлении пограничной охраны в УВК поддержки в своем ведомстве¹. (В итоге 28 мая 1918 года по декрету Совнаркома, как известно, пограничную охрану передали в ведение Наркомфина, затем 29 июня — Наркомата торговли и промышленности).

Такова формальная сторона строительства погранохраны под руководством комиссара военной цензуры. Но для понимания неформальной стороны, отраженной в прилагаемом документе, следует привести краткие биографии некоторых упомянутых в нем лиц, а также — пояснения к отдельным описанным там эпизодам.

Главный обвиняемый на процессе, бывший Главный комиссар Исаак Соломонович Плотников, родился 11 февраля 1888 году в Одессе². Хотя в некоторых документах указывается, что он «сын купца»³, сведений о родителях по печатным городским справочникам выяснить не удалось. Старший брат М.С. Плотников — гораздо более известная личность, чем обвиняемый. Этот Моисей Шлиомович Плотник родился также в Одессе 13 октября 1874 года, в 1893 году закончил 2-ю Одесскую мужскую гимназию, отделение математических наук физмата одесского Новороссийского университета (1897 г.), ме-

¹ См.: Пограничные войска СССР, 1918—1928. М., 1973. С. 68—70, 71—73).

Упомянутый Плотниковым доклад для Высшего военного совета пока не обнаружен, но записка М.Д. Бонч-Бруевича с первоначальным проектом декрета о погранохране хронологически (15.04.1918) могла быть его следствием. Военный руководитель Совета стоял за вынесение всех вспомогательных войск за пределы военведа — видимо, в связи с планами создания сильной РККА из 60 кадровых дивизий по 27 тыс. чел. без выхода за рамки Брестского мира (см.: *Молодцыгин М.А.* Красная армия. С. 118).

² Наука и научные работники СССР: Справочник / сост. под наблюдением С.Ф. Ольденбурга. Ч. 5. Научные работники Ленинграда. Л., 1934. С. 285.

³ РГВА. Учетная карта командно-административного состава И.С. Плотникова первой половины 1920-х гг. О третьем брате, Л.С. Маркмане, также нет сведений (был ли он старшим, младшим, сводным, двоюродным и т.д.).

ханическое отделение Петербургского технологического института (1901 г.)¹. Далее поступил на частный завод Лесснера, изготовлявший тогда минное вооружение. Работал приблизительно до 1906 года инженером, а затем в 1906—1907 годах был назначен сперва помощником директора, а затем директором»². Сначала он «...казался даже революционно настроенным, жил скромно, занимал двухкомнатную квартиру в Лештуковом переулке. Поднимаясь по служебной лестнице, молодой инженер быстро менялся. Женитьба на дочери председателя правления ускорила его карьеру»³. В этот же период жизни М.С. Плотников перешел в христианство — видимо, в связи с женитьбой, для социального продвижения⁴. Деятельность его как директора можно назвать блестящей. Плотников сократил издержки производства, причем не считаясь с забастовочной борьбой (сократил фонд заработной платы, а в 1913 году во время 102-дневной забастовки и вообще объявил локаут). Наконец, в 1909—1912 годах предприимчивый Михаил Сергеевич провел полную реконструкцию «Нового Лесснера», в результате чего тот превзошел «Старый Лесснер» (заводоуправление у них было общим). Источником дохода предприятия были полученные Плотниковым при-

¹ Пятидесятилетие Одесской 2-й гимназии: Ист. записка... / сост. В.А.Добротворский — Одесса, 1898. С.236; Список студентов и посторонних слушателей имп. Новороссийского университета в весеннем полугодии 1895/96 учебного года по физ.-мат. фак.-ту. Отд. мат. наук. Одесса, 1896 — С.14; Список лиц, окончивших полный курс в С.-Петербургском Практическом Технологическом институте... с 1837 по 1903 г. / сост. И.Ф.Федоров — Б.м., б.г. — С. 112.

² Сообщил о себе М.С.Плотников 1 июня 1917 г. в показаниях Верховной морской следственной комиссии по злоупотреблениям высших чинов Морского ведомства, см.: Подводное кораблестроение России. 1900 — 1917: Сб. док. — Л.: Судостроение, 1965. С. 330—331.

³ Пруссян Л.Ф. Столпнер Б.Е. Эстафета поколений: история Ленинградского завода им. Карла Маркса. Л.: Лениздат, 1975. С.37. В издании использованы неопубликованные материалы истории завода, подготавливаемой в 30-е гг. редколлекцией с участием поэта Серебряного века М.Шкапской. Указанный адрес — недалеко от Технологического института, видимо, еще студенческий.

⁴ Сообщение о предстоящей панихиде по М.С.Плотникову, его жене Елизавете Павловне и др. родственникам (Русские новости (Париж) — № 39 — 08.02.1946). Данных о крестных (возможно, влиятельных) пока не найдено.

бильные заказы на минное вооружение и артиллерийское оборудование для флота (во время Первой мировой войны в 1916 году на заводе работало уже 8 тыс. человек), с 1909 года общество стало платить все возрастающие дивиденды своим акционерам¹.

Дальнейшая дореволюционного биография Плотникова стала историей поразительного успеха. В 1911—1912 годах он выступил инициатором создания акционерного общества «Ноблесснер» для постройки подводных лодок для Балтийского флота (партнер, ЭЛ. Нобель, на своем механическом заводе производил двигатели Дизеля, имел патент и право продажи лицензий на них²), с поддержкой также Петербургского учетного и ссудного банка. В связи с возобновлением программ морских вооружений Морское министерство проводило конкурс на подводную лодку для Балтийского флота, причем лучшие шансы имели подводные лодки конструкции И.Г. Бубнова (сходные лодки уже наметили и для Черного моря). Воспользовавшись конфликтом Бубнова с начальником казенного Балтийского завода и увольнением, Плотников через его брата Г.Г. Бубнова, также инженера-технолога, передал конструктору идею о создании частного завода по исполнению заказа на подводные лодки, а затем свел И.Г. Бубнова с ЭЛ. Нобелем. Лодка Бубнова победила на конкурсе, АО «Ноблесснер», куда перешел работать И.Г. Бубнов, построило новый завод в Ревеле, приступило к производству подлодок, но запаздывало по срокам, и в условиях начавшейся Первой мировой войны часть заказа была передана казенным заводам; однако, несмотря на это, АО получило большой заказ на сборку американских подлодок системы Голланда.

«...Организатором он оказался неважным, ...сила его была в другом, — характеризовал Плотникова И.Г. Бубнов, — я прямо поражался, как близко стоит он к жизни министерства. По целому ряду интересующих его вопросов он знал решительно все, что делается и говорится в министерстве, он знал мнения десятков лиц по этим вопросам и, точно расце-

¹ Прусьян Л.Ф. Столпнер Б.Е. Указ. соч. — С.38—52.

² Дьяконова И.А. Э.Нобель и дизелестроение в России // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX — начале XX вв. Л., 1987. С. 81—90.

нивая влияние каждого из них, по-видимому, умел предсказывать результат». «Он сумел распространить такое влияние в морском ведомстве и так действовать в отношении других заводов, что я думаю, не ошибусь, если скажу, что раздача ведомством разных заказов фирмам производилась если не с его согласия, то с его ведома», — жаловался позднее представитель Путиловского и Невского заводов при морском министерстве генерал-майор в отставке Г.Ф. Шлезингер. По словам бывшего директора Путиловского общества и предшественника Плотникова на посту директора-распорядителя Общества «Г.А. Лесснер» Л.А. Бишлягера, «Плотников был у [морского министра И.К.] Григоровича настолько своим человеком, что влиял даже на все высшие назначения в этом министерстве»¹. В более крупном предприятии, в связи не с малой, а уже с большой судостроительной программой морского ведомства, в Русском акционерном обществе артиллерийских заводов (РАОАЗ), М.С. Плотников стал одним из четырех директоров, отвечая за оборудование². Русском акционерном обществе артиллерийских заводов, которое согласно контракту с правительством от 7 сентября 1913 года строило завод по производству морских орудий в Царицыне (в том числе, калибром крупнее, чем могли производить казенные заводы, т.е. 14 и 16), было представителем английской фирмы Виккерс, которая должна была поставлять такие орудия до завершения строительства, и было связующим звеном между двумя российскими банковскими синдикатами — Петербургским международным (т.е., применительно к судостроению — «Руссуд-Наваль» и другие предприятия, получившие

¹ Подводное кораблестроение в России... — С. 320-321, 326, 331, 333; *Трусов Г.М.* Подводные лодки в русском и советском флоте. Л., 1963. С. 221—225; *Шаццлло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906 — 1914) — М., 1968. С. 300—301. У этих авторов чрезмерно развита версия о взяточничестве в Морведе, включая министра «Вор Воровича», но новейшие работы этого не подтверждают, см.: *Поликарпов В.В.* Царизм и пушечные короли Антанты: опыт сотрудничества // его же. От Цусимы к Февралю: Царизм и военная промышленность в начале XX века — М., 2008 — С. 370-371.

² Другие три: Г.А. Блох — финансовые вопросы, П.И. Балинский — вопросы строительства, Н.Д. Лесенко — поставка металлоконструкций.

ранее в 1911 году казенные заказы и реконструкцию верфей в г. Николаев) и Петербургским учетным и ссудным банками (соответственно — «Г.А.Лесснер», «Л. Нобель», «Ноблесснер»), что отражалось в смешанном составе правления. Хотя из-за начавшейся войны РАОАЗ, как и «Ноблесснер», постоянно срывало сроки постройки, оно получило заказ на артиллерийские орудия уже от военного ведомства. Заказ стал исполняться после передачи части оборудования группе соромовско-коломенских заводов, в результате в начале 1916 года встал вопрос о выкупе Царицынского завода в казну¹.

В дополнение к способностям налаживать связи М.С. Плотников с помощью своих партнеров из Петербургского учетного и ссудного банка сделался и ловким финансовым дельцом: в 1913 году лидеры «кулисы» (биржевиком, не принадлежавших к «паркету», т.е. Фондовому отделу Петербургской биржи, и занимавшихся торговлей ценными бумагами в обход его правил) назвали общество «Ноблесснер» среди других АО, акции которых были выведены на рынок банками с большой выгодой для учредителей, так как вскоре упали ниже номинала² (т.е. им удалось профинансироваться, обыграв спекулянтов).

Богатство и статус не заставили себя ждать: уже к 1913 году М.С. Плотников, проживая на Сампсониевской наб., 3 (неподалеку от заводов Лесснера) стал владельцем дома по адресу Эртелев пер., 7 (неподалеку от зданий Государственной канцелярии и газеты «Новое время»), а к 1915 году (проживая: Лицейская, 5) он стал также владельцем домов на углу Большого Сампсониевского проспекта и Выборгской ул., 25/1 (неподалеку от домов, принадлежавших Нобелям — № 29 и 31), так-

¹ Вопрос перешел к Временному, а затем и к Советскому правительствам — оба они планировали эвакуацию Обуховского завода в Царицын на площади завода РАОАЗ. Булатов В.В. Иностраный предпринимательский капитал в военной промышленности России: «Группа Виккерс» и Рус. акц. об-во Артиллерийских заводов (1912—1918): дис. канд. экон. Наук. Волгоград, 2000. С.49, 50, 73, 211 и далее; Поликарпов В.В. Указ.соч. Сокращение «РАОАЗ» принято лишь ныне. На его базе — завод «Баррикады».

² Петербург: История банков / Б.В.Ананьич, С.Г.Беляев, З.В. Дмитриева, С.К.Лебедев, П.В.Лизунов, В.В.Морозан — СПб(б): Третье тысячелетие, 2001. С. 264

же — Большого Сампсониевского проспекта и Нюстадской ул. 6/3а и на Надеждинской ул., 47. Если в 1913 году он числился в справочнике только директором акционерного общества «Г.А. Лесснер», то в 1915 году он уже директор также и общества «Ноблесснер», РАОАЗ, Акционерного общества торпедных заводов «Русский Уайтхед», Механического завода «Феникс», председателем правления электромеханического завода «Вольта» (Ревель), член совета Российско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник», а к 1917 году — еще и председателем правления Русско-американского торгово-промышленного общества и директором правления Петроградского учетного и ссудного банка¹, председателем правления АО «Саломас» (по изготовлению растительных жиров), также — член правления и акционер общества Пермских механических заводов (филиал заводов «Лесснер»), Южно-Сибирского общества горных и металлических заводов, АО «Сормово», Брагорского лесопромышленного общества, Южнорусского общества канатной промышленности; одну только свою недвижимость в Петербурге он оценивал в 6 млн рублей, и дом с землей в Ялте — в 500 тыс. рублей².

Влияние Плотникова в Морском министерстве, возможно преувеличенное недоброжелателями, скорее всего, было следствием именно его связей в финансовом мире: он консультировал моряков по вопросам биржевой игры («...большая часть морских чинов разговаривала со мной по поводу биржи и дел отдельных предприятий»). Товарищ морского министра М.В. Бубнов (однофамилец братьев Бубновых) подтвердил, что «выиграл около 50 000 рублей» на приобрете-

¹ Весь Петербург: Адресная и справочная книга на 1913 г. — СП(6), 1912 — С. 498 (Ч.III) и стлб.428 (Ч.IV), Весь Петроград... на 1915... — С. 516 (Отд.3) и стлб. 63, 110, 212, 271, 355—356, 439 (отд. 4). Весь Петроград... на 1917.. — С. 540. На 1916 и на 1917 г. домашний адрес его был Морская, 48 — возможно, упомянутая в документе квартира с замурованной комнатой в 1918 г. была именно по этому адресу.

² Российские предприниматели в начале XX в. По материалам Торгово-промышленного и финансового союза в Париже — М., 2004 — С. 152-157. (Данные анкеты). Наличие в списке АО «Саломас» и др. непрофильных говорит о превращении Плотникова в крупного самостоятельного бизнесмена, а не просто управленца с акциями-бонусами.

нии 600 акций общества «Ноблесснер»¹. Заслуживает внимания и другой возможный источник его влияния — биржевая игра военного министра В.А. Сухомлинова, однако он требует дальнейшей проверки². На наличие у Плотникова и его партнеров-финансистов связей в Военном министерстве именно в период Сухомлинова указывает тот факт, что он участвовал в заседаниях только майского Особого совещания по обороне государства (ОСОГ — вместе с Н.Д. Лесенко, Э.Л. Нобелем и Я.И. Утиным)³. Но его «морские связи», видимо, преобладали. Так или иначе, период до Февраля 1917 года можно оценить как пик карьеры М.С. Плотникова — «за свою энергичную и полезную деятельность, по ходатайству морского ведомства [он] удостоен чина статского советника»⁴.

¹ Подводное кораблестроение... — С. 332—333, 335.

² По свидетельству А.С. Лукомского, председатель правления Учетного и ссудного банка Я.И.Утин обеспечил Военному министру необыкновенно удачную биржевую игру, но сам В.А. Сухомлинов на процессе назвал своим финансовым консультантом И.Н. Урбанского, члена правления ряда железнодорожных обществ (*Поликарпов В.В.* Указ. соч. С. 366). Однако в связи с М.С. Плотниковым контактов Военного министра с Петербургским Учетным и ссудным банком не стоит исключать: Одесскую 2-ю гимназию в 1895 г., вскоре после окончания ее М.С.Плотниковым, окончил некий С. Бутович, а в Новороссийском университете в одно время с Плотниковым, но на другом факультете, юридическом, учился сам Влад. Ник. Бутович, сын помещика из Переяславского уезда Полтавской губ., бывший студент киевского университета Св.Владимира, выпускник 1-й Киевской гимназии. (Пятидесятилетие Одесской 2-ой гимназии... С. 237; Список студентов и посторонних слушателей императорского Новороссийского университета... по юридическому факультету. Одесса, 1896. С.30). Это делает теоретически возможным знакомство М.С. Плотникова с Е.В. Гошкевич-Бутович еще до ее брака с В.А. Сухомлиновым, или, по меньшей мере, знакомство с ее будущим мужем до брака с ней. А Е.В. Сухомлинова была склонна поддерживать отношения, по крайней мере, с родственниками первого мужа, в лице Н.И.Червинской. (Тарсаидзе А. Четыре мифа о Первой мировой — М.: Кучково поле, Гиперборей, 2007. С. 345). Распространялось ли это на прежних знакомых? Мог ли быть Плотников посредником между группой Петербургского учетного и ссудного банка и Военным министром, если это знакомство имело место?

³ Журналы Особого совещания по обороне государства. Указатели и материалы. 1915 — 1918 — Вып. 1. М., 1982. С. 54, 57, 75, 174, 175.

⁴ Торгово-промышленный мир России. Иллюстр. ежегодн. 1916: Год войны: литературно-экономический, финансовый, торгово-промышленный и статистич. обзор / под ред. Е.В.Михальского — Пг., [1916] — С. 21 (разд. паг.: Часть IV, отд. 2).

Приведенные данные частично объясняют, почему комиссар И.С. Плотников всячески отрицал связь со своим старшим братом: тот был даже не деятелем буржуазного общественного толка, а связан с одной из самых реакционных частей аппарата самодержавия (с Морским министерством), и к тому же боролся с забастовочным движением. Не исключено¹, что И.С. Плотников тоже учился во 2-й Одесской гимназии, поскольку была распространена практика учебы младших братьев в тех же заведениях, что и старших. В одно время с ним мог учиться и даже быть одноклассником один из будущих (в 1917—1918 гг.) руководителей партии левых эсеров Я.М. Фишман, окончивший эту же гимназию в 1905 году. Возможный однокашник был активным деятелем партии социалистов-революционеров в Одессе, наряду с П.П. Прошьяном, который в 1902—1905 годах учился там же на юридическом факультете Новороссийского университета². По сравнению со временем обучения старшего брата изменилась не только общественная обстановка, но и обстановка в гимназии: если в 1883 году из 292 учащихся 193 были еврейского вероисповедания (или 100 — дети почетных граждан и купцов 1-й гильдии и 121 — мещан и 2-й гильдии), то в дальнейшем росла прослойка детей дворян и чиновников (соответственно — православных), которая получила преобладание в начале 90-х годов XIX века³. Можно предположить, что более разнородный состав гимназистов, чреватый конфликта-

¹ Печатные списки выпускников одесских гимназий за 1900-е гг. не сохранились.

² Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в.в. Энциклопедия — М., 1996 — С. 490, 657. В Одессе и уезде организации эсеров были средними по численности, но влиятельными. См.: *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. — М.: РОССПЭН, 1997. С. 34, 37, 453, 489.

³ Видимо, гимназия стала больше похожа на Ришельевскую, прежде единственную элитарную, когда население города, а значит и численность привилегированных слоев, были меньшими. В начале 1880-х гг. был проект превращения 2-й и 3-й гимназий в «еврейские», а в остальных ввести процентную норму, но в итоге это не было проведено. *Иванов А.Е.* Еврейское студенчество в Российской империи. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования — М.: Новый хронограф, 2007. С. 49.

ми, вместе с изменением общественной атмосферы способствовали распространению революционных идей (поэтому И.С.Плотников мог действительно считать себя вовлеченным в революционное движение с 1901 года, с гимназических времен).¹ Неизвестно, чем он занимался во время революции 1905—1907 годов, подоспевшей ко времени окончания им гимназии, однако в Новороссийском университете занятий из-за революционного движения не было почти в течение всего 1905 года и весеннего семестра 1906 года, и далее занятия кратковременно прерывались забастовками, в частности — в связи с убийством черносотенцами студента Адлера 23 января 1907 году. При новом ректоре С.В. Левашове начались чистки профессорско-преподавательского состава от неблагонамеренных элементов (в октябре 1905 года университет был базой борьбы с погромщиками — с ведома администрации и при участии представителей профессуры), число студентов также стало уменьшаться (с 3 071 в 1908 г. до 2 058 на 1 января 1914 г.). Студенческое движение было характерно для этого университета и в период обучения старшего брата (в 1893 г. тайная лига студентов даже послала требования в университетскую инспекцию, в 1896—1897 гг. проводились нелегальные выборы старост и совета студентов, сопровождавшиеся сходками), но в то время общественная атмосфера еще не мешала учебному процессу². В связи с отсутствием нормальной учебы и последующим разгулом черносотенцев, а также с падением революционности среди еврейского студенчества, ростом политической индифферентности и на-

¹ В литературе революционное движение в одесских средних учебных заведениях не освещено, т.к., видимо, там преобладало влияние небольшевистских партий (скажем, эсеров и анархистов, близких друг к другу в Одессе). Ср., например: *Титлинов Б.В.* Молодежь и революция — Л.: ГИЗ, 1925 и Новомирский. Анархическое движение в Одессе // Михаилу Бакунину, 1876—1926: Очерки истории анархического движения в России / Сб.ст. под ред. А.Борового — М.: Голос труда, 1926 — С 246—276; *Липоткин Л.* Мое первое знакомство с анархизмом (воспоминания) // Пробуждение — Детройт, 1937 — № 80—81: март-апрель — С.29—33 (училище Б.Л.Сегалья).

² Одесский университет за 75 лет (1865—1940) / Н.А.Савчук, К.П.Добролюбский — Одесса, 1940. С.42, 63—67.

ционализма¹, в 1908 году И.С. Плотников отправился за границу, где в 1914 году закончил университет в Париже, а в 1917 году — Институт прикладной химии в Женеве. В какой мере эта эмиграция была политической, а не учебной, сказать трудно — равно как и о характере связи его с родственниками (зависел ли он материально от старшего брата? Не было ли его химическое образование шагом к карьере его в предприятиях брата? и т.д.). Примечательно, что в Париже в это время активно работал ряд будущих видных партийных и военных деятелей Октябрьской революции: член Кирилл Шутко в Париже (1910 г.) — представитель Областного бюро центральной промышленной области для установления связи с ЦК РСДРП(б); один из первых советских военных руководителей Владимир Антонов-Овсеенко (в эмиграции в Париже в июле 1910—мае 1917 г.) стал одним из организаторов группы содействия «Нашему слову» и клубу интернационалистов (лето 1914—май 1915 г.); известным меньшевиком-интернационалистом (май 1915—июль 1917 г.), вернувшимся в мае 1917 года в лоно большевизма.

Переплетение пути революционера с родственником-предпринимателем, даже в карьере, было делом достаточно распространенным. Достаточно привести примеры из того же окружения Э.Л. Нобеля, с которым связан и М.С.Плотников: «К.В. Хагелину в 1911 году пришлось вызволять из тюрьмы своего племянника Владимира Фрибеля»... «Если не А.Г. Лесснер, то, видимо, кто-то из его родственников фигурирует в протоколах VI съезда РСДРП(б) в качестве одного из кредиторов большевистского ЦК в 1917 году»².

Но у И.С. Плотникова могла быть и другая причина отрицать связь с братом. Одним из занятий финансистов после Октября 1917 года был «перевод некоторыми акционерными обществами своих денег из России за границу в нача-

¹ По данным самопереписи, в 1911—1912 гг. из 131 чел., ответивших на вопрос анкеты, 113 не принадлежало ни к одной партии, а 12 были буржуазными или пролетарскими сионистами. Эти данные дают представление и о более раннем периоде из-за большой доли студентов 1905—1908 гг. поступления. — *Иванов А.Е. Указ. соч. С.419*

² *Островский А.В. Указ. соч. С. 519.*

ле 1918 года путем создания дочерних фирм и передачи им крупных капиталов в качестве уставных фондов»¹. Старший его брат, М.С. Плотников действительно эмигрировал в Данию в начале 1918 года через Гельсингфорс, и стал директором акционерного общества Russodania и страхового общества «Россия» (российский директор этого крупнейшего страхового дела — банкир Б.А. Каменка — также прибыл в Данию из Гельсингфорса в 1918 году, правда, несколько позже)². Но до того, как М.С. Плотников оказался в Дании, Русское общество соединенных механических заводов (бывшее «Г.А. Лесснер») получило денежные средства от Особого совещания по обороне государства, после Октября 1917 года превращенного в орган по демобилизации промышленности. Причем как при прежнем руководстве ОСОГ — 18 ноября 1917 года, накануне установления контроля большевиков над этим учреждением, им дан 90-процентный аванс без обеспечения на оплату заказанных еще в 1916 году мин Уайтхеда, ударных приборов и стаканов, и 4» снарядов, что должны быть изготовлены к 1 июля 1918 года, — так и при новом (ОСОГ возглавил фактический посредник между Наркомвоеном и учреждениями военного ведомства генерал Н.М. Потапов³). Суммы большие: 12 декабря постановлено приобрести за наличный расчет 30 тыс. готовых дистанционных гранат, 21 декабря постановлено на ликвидацию военных заказов заводу Лесснера выдать две ссуды в 2 млн 992 тыс. рублей из кредитов Морведа и 2 млн 48 тыс. рублей из военного фонда, а 13 января 1918 года — еще одну, 3 млн 450 тыс. рублей на оплату увольняемым рабочим⁴. Поскольку неизвестно, по какой причине

¹ См.: *Серегина Д.М.* Российская торгово-промышленная эмиграция во Франции в 1920—1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 28.

² Судя по номерам эмиграционного свидетельства на 1918 г. — 230 у Плотникова и 1 750 у Каменки. Страховое общество «Россия», как и второе крупное страховое общество, переведенное в Данию, «Саламандра» просуществовали до 1960-х гг., когда влились в более крупные. См.: Bertelsen H. *Russiske flygninge i Danmark, 1917—1924* — Stockholm: Attika, 1992 — P. 22, 24.

³ См. о его роли: *Городецкий Е.Н.* О записках Н. М. Потапова // ВИЖ. 1968. №1. С. 58—61.

⁴ Журналы Особого совещания по обороне государства. 8 ноября 1917—16 марта 1918 г. М. 1980. С. 40, 76, 83, 132 и др.

заводы Лесснера стали нуждаться в этих средствах¹, можно предположить, что М.С. Плотников готовил средства для перевода за границу за счет этого возглавляемого им общества (тем более, что о наличии до того времени филиала общества «Россия» именно в Копенгагене ничего не известно): аванс от прежнего руководства ОСОГ мог быть прямо присвоен вместе с другими средствами предприятия, а последующие даны уже для покрытия дефицита.. Советская история завода прямо обвиняла М.С.Плотникова в том, что он бежал за границу, «прихватив с собой немало ценных бумаг общества», и что к концу ноября в кассе «Нового Лесснера» оставалось всего 100 тыс. рублей². Знал ли И.С. Плотников о каких-либо финансовых делах своего брата-эмигранта (таковые могли быть сомнительными с точки зрения новой власти, даже если только что предположенная нами схема получения средств и не верна)? Не прикрылся ли он приговором по сравнительно малозначительным обвинениям в коррупции, тогда как был вовлечен в какие-то более серьезные махинации, по сути уже контрреволюционные?

Возвратимся к Управлению военного контроля, его финансам — раз обвинения И.С. Плотникова частью касались махинаций с конфискованными ценностями. Управление не получало финансирования, достаточного для развития, что было причиной постепенного свертывания штатов: на содержание учреждений военного контроля в феврале—марте было отпущено 3 млн рублей, 1 июля 1918 года осталось всего 621 тыс. 376 рублей 03 копейки, а с 1 июля по 1 октября 1918 года требовалось 1 млн 703 тыс. 775 рублей, соответст-

¹ Кроме понятной последней ссуды, на оплату увольняемым (таковы были требования Наркомтруда): после Октября число занятых постоянно сокращалось в связи с прекращением заказов, дойдя за неполные два года к сентябрю 1919 г. до 105 служащих и всего 246 рабочих на обоих заводах. — Пимченков С.Я. История завода «Старый Лесснер» — «Двигатель» — СПб(б): Деан+, Адиа, 1996. С. 41.

² Прусьян Л.Ф., Столпнер Б.Е. Указ. соч. — С. 85, 88.

При том что правление Общества соединенных механических заводов продолжало работать на Английской набережной, хотя мало на что влияя, а сами заводы формально национализировали только в июле 1919 г. (до того они считались конфискованными).

венно проект штатов от 22 июня предполагал 951 человек в Петрограде, от 30 июля — 622, а поздний недатированный — всего по 100 контролеров при почтамте и телеграфе¹. Поэтому УВК (как руководство, так и сами служащие) изыскивало дополнительные источники финансирования и другие способы улучшения своего положения, вроде самофинансирования конфискованными денежными средствами (например, приказом начальника УВК № 20 от 10 апреля оприходовано крупное изъятие на пропускном пункте — свыше 12 тыс. рублей и 4 тыс. финских марок) и т.д. — вплоть до устройства в пользу союза служащих в контроле благотворительного концерта, давшего свыше 4 200 рублей. В этих условиях вовсе не удивительным было создание согласно п. 10 приказа по УВК № 17 от 3 апреля «ликвидационной комиссии» под председательством жены Исаака Плотникова С.И. Коган-Плотниковой (в составе комиссара по досмотру багажа на Финляндском вокзале и начальника отдела военного контроля по досмотру посылок) для продажи конфискованных вещей служащим в УВК (вырученные деньги предполагалось передавать в фонд помощи русским военнопленным — видимо, чтобы выглядело как своего рода двойная благотворительность)². Поэтому обвинение Плотниковых в неправомерной распродаже конфискованных вещей можно отнести к наименее тяжким — это скорее было неуместное и вызывающее для 1919 года продолжение или возобновление практики, сложившейся на раннем этапе истории УВК. Таким действиям, скорее всего, сотрудниками, за редким исключением, не придавалось особого значения на общем фоне низкой дисциплины почтальон-контролеров, не зависящей от политического режима. Скажем, приказом по Петроградскому военному почтово-телеграфному контрольному бюро от 22 февраля 1918 года строго запрещался «розыгрыш разных лотерейных билетов и других вещей в служебное время» (не говоря об упоминаемом в приказах постороннем чтении, шуме в помещениях, плохой явке на службу и т.д.)³. А ранее, еще до Ок-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 19. Л. 5—17, 20—22, 24—32, 41, 44—52.

² РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 743. Л. 17-21, 26, 74

³ РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 723. Л. 30,

тября, циркуляр начальника почтово-телеграфного контроля на Главпочтамте от 24 октября 1917 года отмечал случаи, «когда военные контролеры советовались по телефону со своими родственниками и знакомыми, как им поступить с тем или иным почтовым отправлением, причем тут же в подробностях сообщалось содержание письма»¹. Так что и привлечение посторонних лиц для разрешения каких-то вопросов, возможно, никогда не вызывало особых замечаний у служащих военного контроля...

Противозаконная деятельность семейства Плотниковых описана в публикуемом документе:

Постановление Петроградского городского революционного трибунала по делу бывшего Главного комиссара Военного контроля И.С. Плотникова (Маркмана)

24 июня 1919 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

24 июня 1919 года Петроградский городской революционный трибунал, рассмотрев в распорядительном заседании препровожденное Петроградскою губернской чрезвычайною комиссией по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией дело об И.С. Плотникове, С.И. Коган-Плотниковой, В.Л. Борщевском и В.И. Данилове, нашел следующее:

1. Обвиняемый И.С. Плотников

Исаак Соломонович Плотников, бывший Главный комиссар Военного контроля, обвиняется в злоупотреблении властью, которое выразилось в постоянных и массовых незаконных продажах с расценкой по собственному усмотрению конфискованных вещей из кладовых вверенного ему учреждения.

При этом продавались не только предметы первой необходимости, но и предметы роскоши (шелковая материя, шелковые чулки, горностаевые меха, часы и пр.). Продажа производилась не только служащим Военного контроля, но даже

¹ РГВИА. Ф. 13838. Оп. 1. Д. 20. Л. 127

и частным лицам, причем одно из этих лиц — брат самого Плотникова (Л.С. Маркман), крупный петроградский коммерсант и капиталист; другое лицо — экономка второго его брата (М.С. Плотникова), акционера-миллионера, скрывшегося во время Октябрьской революции за границу в Данию, эта экономка (Е.Р. Дуглас) проживала на одной квартире с И.С. Плотниковым, в конце минувшего года также уехала за границу, причем на вокзал провожала ее жена И.С. Плотникова. Незаконная продажа конфискованных вещей является безусловным преступлением со стороны Главного комиссара Плотникова, так как, по показаниям его ближайшего помощника В.Л. Борщевского, у них была ими же самим[и] утвержденная инструкция, требующая сдачи конфискованных вещей в соответствующие учреждения, а именно: продовольствия — в Комиссариат продовольствия, обуви — в Бюро по распределению обуви, металлов — в Бюро по распределению металлов и т.п.

2. Усугубляющим вину Плотникова обстоятельством является то, что не только с его ведома, но даже по его личному распоряжению и при его личном участии совместно с женой и другими ответственными служащими были произведены крупные выдачи и крупные изъятия конфискованных вещей из кладовых вверенного ему учреждения, накануне передачи этих кладовых в ведение нового заведующего. Сделано это было в неприсутственный день, в который никаких выдач до того времени не производилось и новый заведующий был поставлен об этом в известность, так как он на свой вопрос, будут ли именно в этот неприсутственный день открыты кладовые, он получил отрицательный ответ. По показанию свидетелей, изъятие конфискованных вещей производилось исключительно потому, что на другой день все кладовые должны были перейти к новому заведующему, и тогда нельзя было бы незаконно воспользоваться достоянием Советской Республики. Самому Главному комиссару один из служащих даже задал вопрос, не являются ли его действия преступными, но он ответил на этот вопрос молчанием, сам же предложил этому служащему принять участие в отобрании конфискованных вещей для себя и для других и тем принял на себя всю тяжесть ответственности за совершаемое преступление.

3. Еще более тяжким преступлением Главного комиссара Исаака Соломоновича Плотникова является следующий его поступок. Весной минувшего года он обратился официально запиской к начальнику района пограничной стражи с предложением устроить наряд для дачи своего скрывшегося брата акционера-миллионера Михаила Сергеевича Плотникова в Сестрорецке — в целях охраны ее от разгрома красноармейцев. При этом он просил дать охрану с пограничного поста «Дюны». Начальник охраны сначала отказался это сделать, так как у него в распоряжении на ближайшем посту было не более 15-ти человек и отрывать их от охраны границы было опасно, так как постоянно ходили тревожные слухи о готовящемся наступлении белых. Однако в конце концов он вынужден был изменить свое решение от отказе, так как его убедили, что необходимо сделать одолжение для Главного комиссара Военного контроля, который намеревался в ближайшие дни переехать на жительство на указанную дачу своего брата. И действительно, на дачу эту в течение 2-х недель послался караул из пограничников, конных, и притом ночью, т.е. тогда, когда требовалась особая бдительность на границе. По поводу этого обвинения И.С. Плотников дал крайне сбивчивые, противоречивые показания, не заслуживающие вследствие этого доверия. На первом допросе он заявил, «что роль охранителя имущества буржуазной квартиры с буржуазной обстановкой я никогда бы на себя не принял, считая это бесчестным и преступным». На втором допросе он признался, что «на даче в Сестрорецке я был два раза в минувшем году: летом ездил на дачу, чтобы посмотреть море, погулять», добавив, что «с этим посещением и ограничилось мое отношение к даче брата, никакой связи у меня с ней не было, так как у меня и мысли не было поселиться на этой даче». На третьем допросе, избалованный в заведомой ложности своих показаний, он вынужден был исправить свое показание и признаться в том, что «я имел намерение поселиться на даче брата весной прошлого года». На вопрос, почему же он не сказал об этом на предыдущем допросе, он дал неудовлетворительный ответ: «Это прошло у меня мимоулетно и я не придавал этому значения». На этом же допросе он признался, что вы-

зывал для охраны дачи караул. Цель присылки караула, по его словам — охранить дачу для штаба подрайона. Практических мер для размещения штаба он, однако, не предпринимал, так как «был занят многосложной организационной работой, так что о том, что дача нужна для штаба, я, по всей вероятности, не говорил».

Таким образом, с несомненностью доказано, что Главный комиссар Военного контроля, злоупотребив своею властью, позволил себе в тревожное для Советской власти время снять с пограничной полосы пограничников и поставить их для охраны имущества своего брата (акционера-миллионера) от разгрома, будто бы, красноармейцами, призванными защищать Советскую Россию.

4. Также тяжким преступлением Исаака Соломоновича Плотникова по должности Главного комиссара Военного контроля является то, что он, злоупотребляя своею властью, допускал иногда досмотр багажа некоторых привилегированных пассажиров не в общем установленном порядке и месте, а просто на дому — на квартире владельцев этого багажа. Особенно преступным это является потому, что такие исключения делались для родственников и свойственников самого Главного комиссара. Так, досмотр багажа производился в упрощенном порядке на квартире вышеупомянутого брата И.С. Плотникова (Л.С. Маркман), причем сначала одними служащими были произведен досмотр и наложены ярлыки о досмотре, а затем уже после их ухода другим служащим была наложена печать, которую позабыли захватить первые служащие. При таком досмотре, конечно, не может быть никаких гарантий в том, что в багаже вообще не было ценностей или вообще чего-либо противозаконного. Особенно показателен досмотр багажа и ценного пакета некоего Гриншпуна, свойственника И.С. Плотникова, проживавшего вместе с ним на одной квартире: кроме корзин был опечатан пакет с деньгами, в котором было 30 000 рублей. Этот Гриншпун уехал, будто бы в командировку по делам Военного контроля с разведочными целями на южную границу, а на самом деле, по показаниям В.Л. Борщевского, «обманул наше доверие и перешел на сторону белых».

5. Сопоставляя все вышеизложенное, следует признать Исаака Соломоновича Плотникова виновным также и в том, что он, проживая в квартире своего скрывавшегося брата миллионера, знал о замурованной комнате в этой квартире с разным имуществом брата и не заявил об этом подлежащим властям, укрывая тем самым имущество этого капиталиста от учета и распределения среди трудового населения. Правда, И.С. Плотников не признал себя виновным в этом, заявив, что он совершенно не знал о замурованной комнате. Однако на заданный вопрос о том, как бы он поступил, если бы знал об этом, он ответил: «Я об этом не донес бы, но немедленно выбрался бы из квартиры». Это показание не заслуживает доверия, так как в отношении другой квартиры своего брата, даже целого особняка в Сестрорецке, И.С. Плотников поступил как раз наоборот: не только не донес о богатой даче с богатой обстановкой, но даже потребовал караул для охраны ее в целях сохранения ее в неприкосновенности для собственного проживания.

б) Наконец, следует отметить, что И.С. Плотников — как старый коммунист, работавший в партии с 1901 года, и член Исполкома — должен был с особенной осторожностью относиться ко всем своим действиям.

II. Обвиняемая С.И. КОГАН-ПЛОТНИКОВА

1. София Иосифовна КОГАН-ПЛОТНИКОВА, коммунистка, ответственная служащая Военного контроля, заменявшая во время отсутствия своего мужа — Главного комиссара И.С. Плотникова, виновна в соучастии в незаконной продаже конфискованных вещей из кладовых Военного контроля. В частности, в тот неприсутственный день, когда так поспешно выбирались из кладовых конфискованные вещи из опасения, что новый заведывающий не допустит на другой день таких незаконных выдач, она отобрала часть вещей для себя и, кроме того, при ней же отбирались и относились в кабинет ее мужа, также и в его присутствии, различные другие вещи.

2. С.И. Коган-Плотникова виновна в укрывательстве имущества упомянутого брата своего мужа М.С. Плотникова. Нет сомнения, что она знала об установлении на даче в Сестро-

реке караула, так как относительно этой дачи она и дала сбивчивые показания. На первом же допросе она заявила, что «на даче была только с мужем и дочерью и больше с нами там никто не был». Однако на втором допросе она вынуждена была признаться, что «исправляю свои показания относительно поездок на дачу в Сестрорецк». Оказывается, она ездила на эту дачу еще с управляющим самого скрывшегося за границу М.С. Плотникова. На вопрос, почему же она не сообщила об этом на первом допросе, она дала также весьма наивный ответ: «просто-забыла об этом случае». В то же время она вспомнила или, вернее, вынуждена была вспомнить, что «в эту поездку мы взяли с дачи граммофон с пластинками, пьянолу и детский велосипед».

3. С.И. Плотникова виновна также в укрывательстве имущества того же миллионера Плотникова в замурованной комнате, так как, хотя эта комната и была замурована и до ее приезда в ту квартиру, но комната уже после ее приезда была замурована для проветривания, оставаясь открытой в течение круглых суток, и затем снова была замурована; не зная об этом проживающие там не могли, ибо об этом знали прислуга [и] все дворники, даже проживавшие в других квартирах.

4. С.И. Плотникова виновна в соучастии в незаконном досмотре имущества родственников своего мужа — не в общем порядке, а на частной квартире. По показаниям свидетелей, такой досмотр производился по распоряжению или самого Главного комиссара, или его жены.

5. С.И. Плотникова наиболее всего виновна в том, что она, заведомо зная о какой-то таинственной встрече своего мужа И.С. Плотникова с братом его — акционером-миллионером, по возвращении мужа из Парижа в Петроград, где-то в Финляндии, пыталась уверить следствие, будто такой встречи братьев не было, так как последний раз они встречались еще до войны. Это показание она не только подписала, но даже подтвердила особой собственноручной, так сказат[ь], клятвой коммуниста: «Добавляю, что вышеизложенное показание я заверяю своим честным словом коммуниста».

И вот, когда ей было заявлено, что ее клятва преступна и она тем самым вычеркивает себя из рядов Коммунистической

партии, она стала также заведомо ложно отговариваться тем, что она поняла вопрос так, будто он касался встречи мужа ее с братом в самом Петрограде. Однако вопрос был поставлен ей ясно и определенно: «когда была последняя встреча», т.е. вопрос касался времени, а не места встречи, и она дала на него вполне определенный ответ: «кажется, до войны».

Изобличенная в ложности своих показаний И.С. Плотникова поставлена была в безвыходное положение, так как ей приходилось или раскрыть все обстоятельства той таинственной и, быть может, преступной встречи, или же ничего не говорить об этой встрече. Она предпочла второе: путь самозащиты от неизбежных обвинений — столь недостойной и позорной для коммуниста — путь сокрытия истины от следственной власти. На заданный ей вопрос, не было ли у ее мужа встреч с братом по возвращении его из Парижа вне Петрограда, она ответила, также заверяя это показание честным словом коммуниста: «во-первых, на этот вопрос я отказываюсь ответить и, во-вторых, о причинах отказа ничего не могу сказать».

Это недостойное и позорное для коммуниста показание явилось вполне продуманным, так как Плотникова через две недели еще раз подтвердила это показание, несмотря на предупреждение о возможности ее ареста. Она заявила: «Я по-прежнему отвечаю категорическим отказом дать по этому вопросу какие-либо показания» и «О причинах отказа я также ничего не могу сказать».

III. Обвиняемый В.Л. БОРЩЕВСКИЙ

1. Викентий Львович Борщевский, коммунист, также ближайший помощник Главного комиссара Военного контроля С.И. Плотникова, виновен в незаконных продажах конфискованных вещей, о чем подробно говорится выше.

2. В.Л. Борщевский виновен и в том, что он принял участие в том преступном отобрании и изъятии конфискованных вещей, которое происходило накануне передачи кладовых Военного контроля в ведение нового заведывающего — о чем также подробно сказано выше. Сам Борщевский принял

собственноручное участие в изъятии конфискованных вещей и переноске их в кабинет Главного комиссара Плотникова.

3. При этом на записках о выдаче конфискованных вещей для самого ВЛ. Борщевского имеются разрешительные надписи самого же Борщевского, как это ни странно, с весьма характерной отметкой: «Разрешаю».

IV. Обвиняемый В.И. ДАНИЛОВ

1. Владимир Иванов[ич] Данилов, также ответственный служащий Военного контроля, ведавший учетом и отчетностью по приему и распределению конфискованных вещей — виновен в том же, в чем и предыдущий обвиняемый ВЛ. Борщевский, за исключением разрешительных надписей на записках о выдаче этих вещей.

2. Значение В.И. Данилова, сравнительно с двумя его ближайшими начальниками — Плотниковым и Борщевским — было невелико: он был простым исполнителем их воли.

На основании изложенного Революционный трибунал ПОСТАНОВЛЯЕТ: предать И.С. ПЛОТНИКОВА, С.И. КОГАН-ПЛОТНИКОВУ, Л. БОРЩЕВСКОГО И В.И. ДАНИЛОВА суду по обвинению в вышеописанных преступных деяниях.

Председатель Революционного трибунала А. СЕРГЕЕВ

Члены: БОРОЗДИН, И. АЛЕКСАНДРОВ

Верно: за секретаря (подпись).

*С подлинным верно: и.д. казначея Петроградск[ого]
окружн[ого] военно-ценз[урного] отделения [К. Булатов]*¹

Приговор по делу Плотникова вынесли удивительно мягкий, что, по-видимому, свидетельствует о коррупции в военном руководстве Петрограда. 30 июня 1919 года И.С. Плотников, «принимая во внимание его революционную деятельность и 4 месяца предварительного заключения», приговорен Петербургским революционным трибуналом к отстранению «от ответственной советской работы на один год». Такой же

¹ РГВА. Ф. 44. Оп. 6. Д. 78. Л. 18—20 об. Заверенная машинописная копия с заверенной копии.

приговор вынесен ближайшему помощнику Исаака Плотникова В.Л. Борщевскому. Супругу бывшего Главного комиссара Военного контроля коммунистку Софию Коган-Плотникову отстранили «от ответственной советской работы на 6 месяцев». Дело ответственного сотрудника УВК В.И. Данилова, ведавшего учетом и отчетностью по приему и распределению конфискованных вещей, выделили из производства в виду ареста Данилова и его нахождения в Москве — «до выяснения причин ареста и возможности явки в суд»¹.

Дальнейшая судьба была более благосклонна к старшему брату — Моисею Плотникову. До конца 1920—начала 1921 года он находился преимущественно в Копенгагене в связи с руководством двумя вышеуказанными фирмами, а далее участвовал в попытке создания русского Merchant and Discount Bank в Лондоне (совместно с Московским купеческим банком). Но попытка оказалась неудачной, и по данным П.А. Бурышкина — из-за политических разногласий руководства: группа бывшего премьер-министра Г.Е. Львова считала возможным банковское обслуживание большевиков, а М.С. Плотников и члены правления от Купеческого банка отказывались по общим политическим соображениям². Тогда же М.С. Плотников обосновался с семьей в Париже, где стал одним из организаторов и деятелей Русского торгово-промышленного и финансового союза³. В 1930 году М.С. Плотников с семьей переехал в Варшаву — новым его предприятием были какие-то две бумажные фабрики (возможно также — в связи с семьей дочери Натальи, в замужестве Scwarecztajn — в датской транскрипции, но явно с польской). Умер М.С. Плотников в 1940 году в оккупированной Варшаве, там же в 1942 году умерла его жена, погибли в апреле 1945 года в Обергенсбурге (Бавария) Георгий Михайлович, Наталья Васильевна, Леля и Миша Плотниковы. Выжившая дочь хлопо-

¹ Правда. 1919. 2 июля. № 145.

² Грибенчикова О.А. Российское предпринимательство в эмиграции (1918—1929 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С.72—73.

³ Шацлло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции. 1917—начало 1920-х гг. М.: Наука, 2008. С. 252—254.

тала в июле 1946 года о наследстве в Дании, далее собиралась отбыть на постоянное жительство в Италию¹. Младший брат, Исаак Плотников, можно сказать, «бежал от приговора» в Красную Армию (согласно учетной карте числился там с 15 июня 1919 г. — т.е. в острый момент мятежа фортов Красная горка и Серая лошадь, подавлением которых руководил Иосиф Сталин). После Гражданской войны (с 1922 г.) И.С. Плотников — преподаватель Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева (основное место работы), Военно-хозяйственной и Военно-медицинской академий; в середине 1920-х — лектор Коммунистического университета им. Г.Е. Зиновьева, сотрудник экономического отделения НИИ при нем, преподаватель политэкономии в ЛГУ, член правления Географо-экономического исследовательского института при его географическом факультете, преподаватель диамата в ЛГПИ и социально-политических наук в Военно-медицинской академии, заведующий экономической секцией научного общества марксистов². Согласно учетной карточке командно-административного состава Красной Армии середины 1920-х годов — беспартийный. Автор ряда работ по политэкономии и истории экономических учений (наиболее значительная — монография о меркантилизме). Бригадный комиссар, старший руководитель кафедры политэкономии Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева, приговорен 19 декабря 1936 года к ВМН (партийность не указана)...³

¹ Bertelsen H. Op. cit. — P.25; Русские новости (Париж). № 39 — 08.02.1946

² Наука и научные работники СССР... — Часть II: Научные учреждения Ленинграда. — Л., 1926. С. 65, 153, 155, 185, 208, 224, 267.

³ Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937 — 1938. М., 1998. С. 419.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ленин, прекрасно зная историю буржуазных революций, страшно боялся военной диктатуры. Сразу после прихода к власти он провел через II Всероссийский съезд Советов, легитимный только для большевиков, назначения в новое правительство таким образом, что все министерства (теперь — народные комиссариаты) возглавлялись одним человеком (наркомом), и лишь во главе единственного ведомства, — коллективное руководство, в котором признанный абсурд, поставил комитет в составе трех человек. Членами этого комитета он назначил людей самых завистливых, политически несамостоятельных и недалеких. С одной целью — максимально ослабить военную верхушку. Генеральская оппозиция в этот период гнездилась в Могилеве (Ставка Верховного главнокомандующего) и Военмине (Петроград). Крыленко героически подавил очаг контрреволюции в Ставке, а пришедший к власти в военном ведомстве заместитель наркома Подвойский даже не смог понять, куда ему ехать: Военное министерство располагалось в Петрограде более по 15 адресам. Результатом стало недовольство членов Совнаркома высшим военным руководством, и персонально Подвойским, уже в ноябре 1917 года. Наиболее активным в критике оказался Лев Троцкий, который уже тогда рвался в военное ведомство, хотя он впоследствии бессовестно врал в своих «воспоминаниях»: встать во главе Наркомвоена его-де уговорили Ленин и Свердлов.

В феврале 1918 года были налицо результаты, достигнутые руководством Наркомвоена и ее лидера Подвойского: реальной армии нет, сколько-нибудь реальной вооруженной силы — тоже нет. Зато на стол основателя и лидера партии большевиков регулярно ложились «докладные записки» высших военных руководителей с жалобами друг на друга. Вероятно, Ленин, если бы мог, собрал бы их всех в СНК, опоздал, приоткрыл дверь и кинул «лимонку». (Но с кем тогда бы остался? С Александром Васильевичем Колчаком? С Антоном Ивановичем Деникиным?) Но тогда следовало заодно перебить половину Совнаркома: фантастический прожект Подвойского по реорганизации аппарата военного управления в составную часть ВСНХ, предвосхитивший идею Совета труда и обороны, как это ни парадоксально, находился в русле общей политики Совнаркома, ряд членов которого после прихода к власти начали от великого ума реализовывать на практике теоретические выкладки Ленина из его работы «Государство и революция». К счастью для Ильича, его коллеги по Совнаркому быстро учились у старых спецов, особенно в результате знакомства с финансовой документацией: как доказала политическая практика, чутье у них было отменное.

В феврале—марте 1918 года в связи с угрозой оккупации Советской России германскими войсками высшее большевистское руководство — В.И. Ленин, Я.М. Свердлов, Л.Д. Троцкий — пересмотрело собственные представления о военной политике и окончательно приняло «новый курс» (выражение М.А. Молодцыгина) — курс на строительство массовой регулярной Красной Армии.

В условиях, когда в феврале к созданию собственных вооруженных формирований приступили левые эсеры, руководство Наркомвоена должно было строить свою — «пробольшевистски настроенную» Красную Армию. Дальнейшее бездействие высшего военного руководства, и прежде всего и.д. наркома Н.И. Подвойского, стало нетерпимо. Однако мнения высших большевистских лидеров о том, кто должен возглавить формирование новой вооруженной силы, разделились. Первый удачный (по замыслу) шаг в этом направлении сделал Я.М. Свердлов, разработавший план создания перво-

го в советской истории военно-политического и оперативно-стратегического центра — Комитета революционной обороны *страны*. Однако планы Свердлова не были реализованы в полном объеме: созданный в итоге Комитет революционной обороны *Петрограда* не отвечал задачам, поставленным перед ним председателем Президиума ВЦИК.

3 марта из кадровых военных был создан (по инициативе В.И. Ленина) Высший военный совет, во главе которого была поставлена коллегия из военного специалиста и политических комиссаров правящих партий — большевиков и левых эсеров. Высший военный совет вобрал в себя черты и партийного центра, и профессионального органа из кадровых военных. Совет фактически встал над коллегией Наркомвоенна для проведения курса на строительство массовой регулярной Красной Армии. Большинство членов коллегии приняло решение в интересах дела продолжать исполнение своих обязанностей; лидеры коллегии Н.В. Крыленко и Н.И. Подвойский демонстративно подали в отставку и получили ее. Высший военный совет в историографии ошибочно трактовался как оперативно-стратегический орган, на деле же это был непосредственный предшественник Реввоенсовета Республики, отличающийся от РВСР только компетенцией (последняя не выходила за рамки военного ведомства) и соотношением партийных организаторов и военных специалистов. Как ни противился председатель Совнаркома приходу в военное ведомство Троцкого, Ленин все же был вынужден пустить козла в огород: назначил Льва Давидовича наркомом и председателем Высшего военного совета. Но при этом Ленин продолжил гнуть свою линию: обставил одного из «лучших пролетарских вождей» своими сторонниками в Высшем военном совете, поставив перед ними одну-единственную цель — следить за Давидовичем. В параллель Троцкому и его Наркомвоену Ленин образовал Революционный военный совет Восточного фронта, вторым Главкомом назначил Вацетиса — по двум причинам: во-первых, бывший полковник выручил его во время левозероковского выступления в июле, во-вторых, в Николаевской академии Генштаба был по успеваемости троичником, латыш, и потому без связей в старом генералитете. К тому же наивный в политике. Словом, подходил полностью.

Обстановка весны 1918 года была удручающей: мало того что после заключения «позорного» мира в Бресте фактически началась интервенция бывших союзников, не унились и немцы: нарушали демаркационную линию и даже, на всякий случай, готовили переворот под прикрытием Королевской Шведской миссии. Если бы не своевременные донесения остатков петроградской контрразведки, сработавшей преимущественно силами филеров, большевистскому руководству города, а последнего — военному руководителю Высшего военного совета, разведывательно-подрывная деятельность Германии в случае возобновления наступления могло бы иметь катастрофические последствия.

Известно, что в большевистском руководстве были сторонники создания массовой регулярной армии (меньшинство), полупартизанской армии и вооруженных сил «на началах всеобщей социалистической милиции и всеобщего вооружения рабочих и крестьян». Как выясняется из стенограмм заседаний II съезда Партии левых эсеров (апрель 1918 г.), примерно так же раскалывалось левозэсеровское руководство, расписанное в литературе тупыми сторонниками «революционной войны». Более того, становятся понятны протесты левых эсеров против Брестского мира — если выплатим контрибуцию Германии, мы не найдем денег на социализацию земли. Эти «революционные романтики» оказались... прекрасными экономистами. Параллельно пробольшевистской Красной Армии в феврале 1918 года левые эсеры стали создавать собственные вооруженные формирования. В мае Центральный комитет ПЛСР окончательно признал необходимость создания массовой регулярной Красной Армии. Вот тут-то левых эсеров и закопали, ловко выведя из Высшего военного совета единственного представителя левозэсеровского руководства — Прошьяна. Однако в составе подконтрольной теперь Высшему военному совету коллегии Наркомвоена осталась «белая ворона» — бывший председатель бюро Военно-революционного комитета Лазимир. Во время июльских событий он был арестован членом коллегии НКВД Эйдуком. Для решения судьбы Лазимира специально собралась коллегия Наркомвоена. Установила его невиновность, оставила

в составе высшего военного руководства: вплоть до расформирования в 1930-х годах Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев и Всесоюзного общества старых большевиков нормы революционной этики не позволяли разделаться с одним из временных «попутчиков во власти» без достаточных на то оснований. Тем более что Лазимир имел авторитет в среде большевистских комиссаров Центрального управления по снабжению армии и вызывал раздражение у бывшего главы контрреволюции в Военном министерстве генерала Маниковского, что позволяло Троцкому играть по отношению к руководству довольствующего аппарата РККА роль третьей стороны.

30 августа 1918 года был ранен Ленин, и Троцкий при поддержке Свердлова создал Революционный военный совет Республики — ширму для прикрытия тяги этих двух большевистских лидеров к высшей власти в партии. Основу первоначального руководства РВСР составили члены Реввоенсовета Восточного фронта. Даже в сентябрьском составе в новой высшей военной коллегии сложились две группировки. Для того чтобы у Троцкого не осталось никаких шансов, Ленин постоянно укреплял его Реввоенсовет авторитетными партийными работниками, которые в силу стажа в его партии в лучшем случае имели председателя Совета в виду. Так, Ленин постоянно использовал в качестве Геракла — на чистке «конюшен» военного ведомства — Сталина.

Под руководством Высшего военного совета и Реввоенсовета Республики в 1918 году проводилось воссоздание центрального военного аппарата. В основу его строительства Лев Троцкий положил идею максимальной централизации военного управления. Период с марта по октябрь 1918 года представляется наиболее существенным: именно на протяжении этих 6—7 месяцев система советских центральных военных органов эволюционировала от слабоорганизованного и малодеспособного конгломерата разнообразных учреждений в достаточно стройную систему военно-управленческих органов. В 1919—1920 годах проводились лишь незначительные реорганизации «хозяйства» Эфраима Склянского.

Троцкий привлек к работе в своем поместье старые кадры, не желая «менять коней на переправе» — борьба с кастовостью потерпела полное фиаско. Первоначально большевистское руководство страны позволяло военспецам «радеть родным человечкам», пристроенных родственничками в центральный аппарат управления РККА, но по итогам VIII Съезда РКП(б) в марте 1919 года положение заставили изменить. С исполнением решений съезда, впрочем, не торопились: в полном объеме заменили на должностях технического персонала полковников и капитанов женщинами (их же родственницами?) лишь в октябре. Основной принцип подбора и расстановки кадров в военном ведомстве — во главе остаются начальники из старых, опытных военспецов в возрасте лет сорока, а комиссарами к ним назначаются молодые, не имевшие опыта военно-организационной работы революционеры (лет двадцати-тридцати), в значительном проценте из нацменьшинств, составлявших костяк революционного движения.

Военная контрразведка далеко не сразу оказалась на высоте положения, в результате чего многие контрреволюционеры арестовывались, а затем отпускались за недоказанностью преступлений. Положение изменилось лишь к середине 1919 года, что наиболее иллюстрирует ликвидация Штаба Добровольческой армии Московского района, ставшая первым крупным успехом Особого отдела ВЧК.

Большевики добились много, но искоренить пороки российского общества были не в силах. Коррупция процветала даже в высших партийных эшелонах, и притом «заслуженные партийцы» отделялись легким испугом, что наглядно продемонстрировало читателям советской прессы дело Плотникова-Маркмана в 1919 году. На «братской» Украине дела обстояли примерно так же.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
ПРОЛОГ. «Безусый юноша, с горящими революционным огнем и вдохновением глазами»: первые шаги второго вождя революции	22
РАЗДЕЛ I. БЕССЛАВНЫЙ «ТРИУМВИРАТ» НАРКОМОВ	
Глава 1. «Долой не понимающую дела коллегия военных комиссаров»: конфликты в руководстве Наркомата по военным делам РСФСР в первые месяцы «диктатуры пролетариата»	32
Глава 2. Революционеры строят «армию»: Всероссийская коллегия по организации и формированию РККА	60
Глава 3. «Самая коренная реорганизация»: развитие взглядов высшего руководства Советской России на военное строительство в ноябре 1917 — феврале 1918 года	70
Глава 4. «Все военные учреждения... в полном подчинении Комитету революционной обороны страны»: кому доверить Красную Армию	83
РАЗДЕЛ II. ТЕНЕВАЯ СТОРОНА БРЕСТА	
Глава 1. «Дело военнопленных», или Германский шпионаж «под флагом Шведского Красного Креста»	113
Глава 2. «Обжуливание жуликов», или Ответный удар	121
РАЗДЕЛ III. ПОДАВЛЕНИЕ ЛЕВОЭСЕРОВСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ	
Глава 1. Ликвидировать левоэсеровскую «опасность»: как большевики отстранили временных попутчиков во власти от руководства Красной Армией?	134
Глава 2. Петроградская ЧК, обыск распоряжением Троцкого: о судьбе главы Военно-революционного комитета Павла Лазимира	150

РАЗДЕЛ IV. ВЫСШИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОЛЛЕГИИ

- Глава 1. «Состав Высвоенсовета подбирался из поддобоострастных, бездарных людей»: высшее военное руководство на пути к Реввоенсовету Республики 161
- Глава 2. «Власть, которую можно назвать беспредельной»: РВСР и его председатель 185
- Глава 3. «Уйти куда угодно, хоть к черту...»: как Ленин укреплял епархию Троцкого Сталиным 207
- Глава 4. «Прощупать красноармейским штыком» готовность «Польшы к Советской власти»: военное ведомство под руководством Политбюро ЦК РКП(б) 224

РАЗДЕЛ V. ПЛАТФОРМА ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ В 1918 ГОДУ

- Глава 1. «Вместо реквизиционного мандата броневой автомобиль»: Петроградский десант, или эвакуация Наркомвоена в Москву 238
- Глава 2. «Строго централизованный аппарат»: Наркомвоен после эвакуации в Москву 265
- Глава 3. Развитие функций центральных военных органов 295
- Глава 4. Вотчина Эфраима Склянского в конце 1918 — начале 1921 года 308

РАЗДЕЛ VI. КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ЛЬВА ТРОЦКОГО

- Глава 1. «Все служащие ходят... совершенно сломленными от голода»: специфика привлечения профессионалов в верхушку Красной Армии 330
- Глава 2. «Та же свинья, только в новом мешке»: укомплектование аппарата Высшего военного совета и Наркомвоена профессиональными кадрами в марте—октябре 1918 года . . . 339
- Глава 3. «Коней на переправе не меняют»: коллективный портрет руководства Красной Армии в 1919 — 1921 годах 370

РАЗДЕЛ VII. ВОЕННАЯ КОНТРРАЗВЕДКА НА СТРАЖЕ КРАСНОЙ АРМИИ

- Глава 1. Обеспечение безопасности «Мозга армии»: в борьбе со шпионажем в Полевом штабе РВС Республики 392
- Глава 2. «Накрыть главарей... и ликвидировать» штаб Добровольческой армии Московского района: первый крупный успех Особого отдела ВЧК 399

РАЗДЕЛ VIII. СТРОГОСТЬ РОССИЙСКИХ ЗАКОНОВ И КРАСНАЯ АРМИЯ	
Глава 1. «Кого они освободили, теперь известно... одному Аллаху»: подробности столичной регистрации офицеров . . .	432
Глава 2. «Алешка! Помоги уберечь советское имущество!»: подрывная деятельность наркома по военным делам Украины Николая Подвойского	439
Глава 3. «Центр тяжести работы перенести в экономическую область»: у истоков советской коррупции (в соавторстве с П.В. Батулиным)	445
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	471

Массово-политическое издание

АНАТОМИЯ АРМИИ

Войтиков Сергей Сергеевич

ВЫСШИЕ КАДРЫ КРАСНОЙ АРМИИ

1917—1921 гг.

Редактор *А. Евграфьев*
Художественный редактор *Г. Федотов*
Верстка *А. Кувшинников*
Корректор *Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Издат»
Оптовая торговля
ТД «Алгоритм»: 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-izdat@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-85, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Подписано в печать 15.09.2010.
Формат 84×108 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.

Тираж 4000 экз. Заказ 7359
Отпечатано в ООО «Северо-Западный печатный двор»
188300 г. Гатчина ул. Железнодорожная 45, л. Б

ISBN 978-5-699-45444-0

9 785699 454440 >

АНАТОМИЯ АРМИИ

Что собой представлял «триумвират наркомов», якобы выбранных II Всероссийским съездом Советов? Как велась тайная война с Германией после подписания Брестского мира? Действительно ли левые эсеры были полусумасшедшими «революционными романтиками», стоявшими на позициях «священной войны» без регулярной армии? Как Красная Армия стала мощнейшим политическим институтом? Каков коллективный портрет «кадров Троцкого»? Как военная контрразведка стояла на страже Красной Армии? Что представляла собой оборотная сторона советского военного строительства?..

На эти и многие другие острые вопросы отвечает в своей книге историк Сергей Войтиков. Автор анализирует тот период Гражданской войны, когда управление Красной Армией проходило путь становления – от создания Комитета по делам военным и морским и до масштабной реорганизации центрального аппарата управления РККА, начавшейся в феврале 1921 года.

Основана книга на многих неизвестных документах, в большинстве ранее не привлекавшихся к исследованию. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-699-45444-0

9 785699 454440 >